БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

В МАТЕРИАЛАХ И ДОКУМЕНТАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. КАРПОВА и М. МАРТЫНОВА

ТОМ
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1926

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

В МАТЕРИАЛАХ И ДОКУМЕНТАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. КАРПОВА и М. МАРТЫНОВА

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1926

Гиз. № 10886.
Ленинградский Гублит № 5519.
20.000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

«История классовой борьбы в документах и материалах» рассчитана на широкие круги учащейся молодежи от Вузов и Комвузов до советских трудовых школ и совпартшкол повышенного типа включительно. Потребность иметь подобного рода пособие сделалась в последнее время особенно насущной. Проведение лабораторных занятий невозможно без изучения источника. Исторический источник непосредственно вводит учащихся в наше прошлое и заставляет их самостоятельно думать и разбираться в исторических вопросах.

В подборе материалов по истории экономического развития и классовой борьбы мы не являемся первыми.

Но живая и постоянная работа в Вузах и Комвузах заставила нас остро почувствовать недостатки имеющихся у нас разного рода хрестоматий по русской истории, мало приспособленных к современной школе.

При составлении данного сборника мы не стремились дать материал для систематического ознакомления со всем ходом русского исторического процесса. Мы останавливаемся исключительно на главных, «узловых», моментах экономического развития и классовой борьбы России. Для более же детального изучения того или другого исторического вопроса наше пособие может быть вехами, по которым можно итти дальше к источникам.

Точно также мы не стремились к тому, чтобы возможно полно осветить каждую затронутую нами тему. Наша задача заключалась в том, чтобы дать наиболее характерный и красочный для данного вопроса материал. С этой целью мы пересмотрели наиболее важные памятники по русской истории; летописи, собрания государственных договоров и грамот, акты исторические, полное собрание законов, статистические сборники, письма, мемуары и другие источники, и выбрали из них все, что может служить для более наглядного представления об основных этапах экономического развития классовой борьбы в России.

Для того, чтобы облегчить читателю возможность пользоваться нашим пособием, мы расположили весь материал

по детально разработанному плану. Каждая, более или менее самостоятельная, группа источников нами выделена в отдельную часть. Кроме того, с той же целью, каждый наиболее сложный источник нами снабжен примечаниями, а документы XVI—XVII, века кроме того, печатаются с переводом наиболее трудных для современного читателя слов.

В первый том входят материалы по эпохе торгового капитализма с гражданской войной («Смутным Временем») и разиновщиной, а также по эпохе нового феодализма («крепостничества») с пугачевщиной и декабристами.

В подборе текстов и в составлении примечаний для первого тома принимали участие: по эпохе торгового капитализма— проф. А. Е. Пресняков и М. Н. Мартынов; по новому феодализму — Н. Ф. Лавров и М. Н. Мартынов; по пугачевщине — М. Н. Мартынов; по декабристам — А. А. Шилов.

Диаграммы и картограммы для обоих томов подготовлены к печати М. Н. Мартыновым.

Редакция приносит искреннюю благодарность С. И. Пионтковскому за просмотр этой работы и за весьма ценные указания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПОХА ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА I.

ФЕОДАЛИЗМ В МОСКОВСКОЙ РУСИ.

1. Из договорных грамот великих и удельных князей Московской Руси XIV — XV столетий.

(«Собрание госуд. грамот и договоров», ч. I. М. 1813.)

«Быти нам за один до живота, а брата своего старейшего имети нам и чтити во отцево место, а брату нашему нас имети в братстве без обиды во всем; а кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг; а кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг; а тобе, господине князь великий, без нас не доканчивати [1] ни с кем, а братье твоей молодшей без тебя не доканчивати ни с кем».

«А кого из нас бог отведет, печаловати [2] княгинею его и детьми, как при животе, так и по животе, а не обидети тебе, не имати ничего от княгини и от детей, чем нас благословил отец наш по розделу».

«А вольным слугам воля, кто в кормленьи бывал и в доводе [3] при нашем отце и при нас».

«А где мне будет всести [4] на конь, всести вам со мною, а где мне будет самому не всести, а будет мне вас послати, всести вам на конь без ослушанья».

«А боярам и слугам вольным воля: кто поедет от нас к тобе, к великому князю или от тебя к нам, нелюбья нам не держати».

(Договор сыновей Ивана Калиты, Семена с братьями, «у отня гроба» в 1341 г.)

---

[1] Доканчивати — заключать договор.

[2] Печаловати — опекать.

[3] Быть в кормленьи и доводе — занимать судебно-административные должности.

[4] Всести на конь — выступить в поход.

«А тобе брату моему молодшему... держати тебе подо мною княженье мое великое честно и грозно, и добра тебе мне хотети во всем, а мне, князю великому, тебя, брата своего, держати в братстве, без обиды во всем».

«Тебе знать свою отчину, а мне знать свою отчину... А тебе, брату моему молодшему, в моем уделе сел тебе не купити, ни твоим боярам, ни закладнев [1] тебе, ни оброчников не держати; также и мне в твоем уделе сел не купити, ни моим боярам, ни закладнев мне, ни оброчников не держати».

«А в твой мне удел данщиков своих, ни приставов не всылати; такоже и тобе в мой удел данщиков своих, ни приставов не всылати, ни во все мое великое княженье».

«А которые слуги потягли к дворскому [2], а черные [3] люди к сотникам, тех нам в службу не принимать, но блюсти их с одиного, так же и численых людей. А боярам и слугам вольным воля... А который боярин поедет и с кормленья от тобе ли ко мне, от меня ли к тобе, а службы не отслужив, тому дати кормленье [4] по исправе, а любо служба отслужити ему.

А коли ми будеть где отпущати своих воевод из великого княженья, и кто будеть... твоих бояр и слуг, тобе послати своих воевод с моими воеводами вместе без ослушанья; а кто ся ослушаеть, того ми казнити, а тобе брату моему, со мною. А кого коли оставити у тобе бояр, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадце [5]; кому будеть слично [6] ея остати, тому остатися; кому ехати, тому ехати. А тобе брату моему молодшему мне служити без ослушанья по згадце, како будеть мне слично и тобе брату моему молодшему; а мне тобе кормити по твоей службе. А коли ти будеть всести со мною на конь, а кто будеть твоих бояр и слуг, где кто ни живеть, тем быти под твоим стягом. На семь из всемь целовали есмы межи собе крест по любви в правду, безо всякое хитрости».

(Договор в. к. Дмитрия Донского с двоюродным братом, серпуховским князем Владимиром Андреевичем в 1362 г.)

«Имети тебе меня себе братом старейшим..., а князя Володимера, брата моего, братом; а добра тебе нам хотети во всем везде без хитрости... А где мне будет, брате, поити на рать, или брату моему князю Володимеру Андреевичу, всести тебе с нами самому на конь без хитрости; а пошлем воевод, и тобе и своих воевод послати.

---

[1] Закладни и оброчники — лично зависимые люди.
[2] Потягли к дворскому — в ведении дворецкого.
[3] Черные люди — обложенные данью (тяглые).
[4] По исправе — по рассчету, по расследованию, сколько причитается за отслуженное время.
[5] По згадце — по взаимному соглашанию.
[6] Слично — прилично, т.-е. — по уважительной причине.

«А жити нам, брате, по сей грамоте: с татары оже будет нам мир, по думе; а будет нам дати выход, по думе же; а будет не дати, по думе же, а пойдут на нас татарове или на тебя, битися нам и тебе с одиного всем противу их, или мы пойдем на них, и тобе с нами с одиного пойти на них... А пойдут на нас Литва, или на Смоленского на князя на великого или на кого на нашу братью на князей, нам ся их боронити, а тобе с нами, всем с одиного, или пойдут на тобя, и нам такоже по тобе помогати, а боронитися всем с одиного.

А что еси буда с нами в целованьи, или сложа целованье, а кого будешь Бояр наших и слуг и людей Московьських и Княженья Великого, или что еси пограбил, или что у людей поимано, ты или твои Бояре или людей пограбили и павозки, Бояр ти и людей и слуг попущати: а что грабежь, или что с людей поимано, и из лодей и ис павозков товар поиман, то ти все отдати и твоим Бояром по исправе; а не будеть исправы, и они возмут по целованью, а отдати ти все по Семене дни за неделю.

А гостем и торговцем Новагорода Великого и Торжку и с пригородей дати ти путь чист без рубежа сквозе Тererв и Терервским волости; а мытов ти новых и посилии не замышляти, а мыта ти имати и пошлины по старине у Новгородцев и у Новоторъжцев. А буда с Новым городом в миру, за холопа, за поручника, за робу, за татя, за разбойника, за должника не стояти с обе половины.

«А кто бояр и слуг отъехал от нас к тобе или от тобе к нам, а села их в нашей вотчине, в великом княженьи, или в твоей вотчине, во Твери, в ты села нам и тебе не вступатися... А кто служит нам или тобе, а живет в нашей вотчине, в великом княженьи, или в твоей вотчине, во Твери, и на тех нам взяти дань, как и на своих, по целованью, без хитрости; а на полных холопах не взяти, на которых ключники целуют; а судом и данью потянути по земле и по воде».[1]

(Договор великого князя Московского Дмитрия Донского с Тверским великим князем Михаилом Александровичем в 1368 г.)

«А что есмь занял у гостей и у суконьников шестьсот рублев, да заплатил есмь в твой долг в Ординской[2] Резеп-Хозе, да Абипу в кабалы[3], и на кабалах есмь то серебро подписал: и тобе с мене тот долг ту шесть сот рублей сняти, а с теми гостьми ведатися тобе опрочь мене самому; а мне тобе тех сказати, у кого есмь то серебро заимывал».

(Договор (I) в. к. Василия Темного с братом Юрием).

---

[1] Потянуть по земле и по воде — по месту постоянного жительства и имения.

[2] Долг Ордынский — крупные займы князей в Орде на «татарские протори».

[3] Кабала — заемная запись (слово арабское).

«А Орду знати [1] мне князю великому, а тобе Орды не знати никак же.

«А кто имет жити наших бояр и слуг в твоей вотчине, и тебе их блюсти, как и своих; а кто имет жити твоих бояр и слуг в нашей вотчине и в великом княженьи, и нам их блюсти, как и своих; а боярам и слугам межи нас вольным воля; а городная осада: где кто живет, тому тут и сидеть, опрочь путных [2] бояр.

«А князей тебе моих служилых с отчинами собе в службу не принимати; а которые князи имуть тобе служити, и им в вотчину в свою не вступатися, вотчины лишены».

(Договор (II) в. к. Василия Темного с братом Юрием в 1433 г.)

2. Из великокняжеских духовных грамот.

(«Собрание госуд. грамот и договоров», ч. I. М. 1813.)

«А чем мя благословил отец мой, князь великий: Коломна с волостьми и с селами и с бортью, Можиеск с волостьми и с селами и с бортью... а в городе на Москве жеребий мой тамги, а села... то все дал есмь своей княгине...; а кто моих бояр имет служити у моей княгини, а волости имуть ведати, дают княгине моей прибытка половину».

«А лихих бы есте людий не слушали, то иметь вас сваживаши [3], слушали бы есте отца нашего Владыки Олексея, такоже старых Бояр, хто хотел Отци нашему добра и нам».

(Духовная в. к. Семена Ивановича 1353 г.)

«А кто будет моих казначеев или тивунов или посельских [4] или кто будет моих дьяков, что от меня будет ведали прибыток ли который или у тех кто будет женился, те люди не надобны моим детям, ни моей княгине, дал есмь им волю; также кто будет моих людей купленых, грамотных [5], полных [6], дал есмь им свободу, куда им любо, и детям моим, ни моей княгине не надобны».

(Духовная в. к. Ивана Ивановича; ум. 1358 г.)

«А се благословляю сына своего князя Василья своею отчиною Великим Княженьем... [7].

---

[1] Орду знати — вести сношения с Ордой.

[2] Путные бояре — заведующие «путями» (отделами) дворцового хозяйства.

[3] Сваживать — ссорить.

[4] Посельский — управитель дворцового села.

[5] Грамотные — крепкие по крепостным грамотам.

[6] Полные — холопы (по существу купленые, грамотные, полные люди — один и тот же разряд).

[7] В этой духовной великое княжение впервые подвергнуто завещательному распоряжению великого князя наравне с московской вотчиной.

«А коли детям моим взяти дань на своей отчине, чем есмь их благословил, и сын мой князь Василей возмет с своего удела с Коломны и со всех Коломенских волостей 342 рубля... А князь Юрий возмет с Звенигорода и со всех Звенигородских волостей 272 руб. А князь Андрей возмет с Можайска и со всех волостей Можайских 167 рублев, а с отъездных [1] мест 68 рублев... А князь Петр возмет с своего удела 111 рублев... а будет боле или меньше, ино по тому розочту [2]. А переменит бог орду дети мои не имут давати выхода в орду, и которой сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть».

(Духовная Дмитрия Донского 1388—89 г.)

«А кому буду давал своим князем и боярам и детям боярским свои села в жалованье или хотя и в куплю [3] кому дал, ино те мои села моим детям, во чьем уделе будет, ино тому и есть».

(Духовная Василия Темного 1462 г.)

«Даю ряд своим сыном, сыну своему Василью и меньшим своим детям, Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею. Приказываю детей своих меньших, Юрья с братьею, сыну своему Василью, а их брату старейшему, а вы, дети мои..., держите моего сына Василья, а своего брата старейшего, в мое место своего отца и слушайте его во всем; а ты, сын мой Василей, держи свою братью молодшую, Юрья с братьею, во чти (чести) без обиды... А которой мой сын не учнет сына моего Василья слушати во всем или учнет под ним подыскивати великих княжеств или под его детьми, или учнет от него отступати, или учнет ссылатися с кем ни буди тайно или явно на его лихо или учнут кого на него поднимати или с кем учнут на него одиначитися, ино не буди на нем милости божией... и в сий век и в будущий».

(Духовная Ивана Васильевича 1504 г.)

---

[1] Отъездные места — владения вне общей их границы «уезда» удельного.

[2] Сумма «выхода» татарского (т.-е. суммы дани, уплачиваемой хану, слово «выход» перевод татарского «чекым») исчислена примерно в 1000 р. (960 с уделов, 10 р. с двух мелких владений, и 30 р., в грамоте не указанных, вероятно, с великокняжеского центра — Владимира).

[3] Дача земли не только «в жалованье», но и «в куплю» (т.-е. за деньги) из великокняжеского земельного фонда, не устраняла, как и дача «в вотчину», верховной собственности князя над всей землей княжества (в этом — территориальная основа всего феодального строя).

3. Из жалованных грамот XIV—XVI в. в.

(«Акты Археографической Комиссии», т. I; «Акты историч.», т. I; «Памятник и истории крест.», изд. Клочкова, М. 1910 г.)

«Кто сядет на земле святого Юрия, дал есмь им волю, ненадобе им потягнути к городу ни в которую дань, ни в подводы, ни в кормы, ни в стан [1], ни в которой протор [2]».

(Грамота Ивана Калиты Новгородскому Юрьеву монастырю.)

«Ненадобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга [3], ни осмничее [4], ни иные которые пошлины к городу, ни к волостем».

(Грамота Тверскому Отрочу монастырю тверских князей, 1360-х годов.)

«Где, в котором городе Сергеева вотчина будет, ино ненадобе дань впрок, ни явки [5], ни торговая пошлина, ни посоха [6], никоторая пошлина, во всех городах... всяких податей не имати, ни торговых пошлин с их купчин».

(Грамота Дмитрия Донского Троице-Сергееву монастырю, XIV века.)

«Се яз князь... пожаловал есми игумена с братьею — деревнею и с лесом и с пожнями, куды топор ходил, куды коса ходила, с пошлою землею, что к ней исстари тянуло; и кто в ней имет жити крестьян и тем крестьянам ненадобе им моя дань, ни тамга, ни новоженная куница [7], ни корм данной, ни таможной корм, ни волостелин корм, ни доводничь корм, ни иные мои никоторые пошлины... а что купят или что продадут и они таможником моим не являют».

(Грамота Ярославского князя Толгскому монастырю, около 1400 года.)

«Пожаловал есми игумена с братьею, или по нем иный игумен будет: что их села и деревни в моей отчине... дают мне с тех сел и деревень оброком в мою казну на всякой год, на рожество христово, по три рубли... а опроче того оброку ненадобе им моя дань никоторая, ни писчая белка [8], ни ям,

---

[1] Стан — повинность постоя и прокорма для княжих посланцев: заменяется, как и другие натуральные повинности, постепенно денежным сбором.

[2] Протор — расход, трата; тут — платеж.

[3] Тамга — пошлина с продажи товаров.

[4] Осмничее — пошлина с торговли.

[5] Явка — пошлина с «явки» продаваемого или купленного товара.

[6] Посоха — сбор, собираемый путем раскладки по «сохам», т.е. по размеру землевладения.

[7] Новоженная куница — пошлина с брачного договора.

[8] Писчая белка — пошлина на вознаграждение княжих писцов и дьяков за выдачу выписей и иных документов.

ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни восмничее, ни кости [1], ни иная никоторая пошлина, опричь того дела, коли учнут город рубити [2], и им делати же; ни двора моего не ставити; ни коня моего не кормити, ни закос им не надобе, ни к дворскому, ни к сотскому ненадобе им тянути ни во что».

(Грамота Углицкого князя Троице-Сергееву монастырю XV века.)

«Се яз князь велики... пожаловал есмь Марью Васильеву жену Копнина за ее сына Федора, что их пустоши [3] в Переяславском уезде... а лежали, де, пусты за десять лет и лесом поросли, и оже будет так, и яз, князь великий, их пожаловал: кого перезовут к себе людей на те пустоши тутошних старожильцев, которые преж того туто живали, или кого к себе перевёзут людей из иных княжений, ино тем людям инокняженцам ненадобе моя великого князя никоторая дань на десять лет, а старожильцам на пять лёт... а отсидят те люди свои урочные лета и они потянут в мою дань по силе».

(Грамота Василия Темного 1449 г.)

«А тутошних людей становых игумен в монастырь непримает; а кого к себе игумен призовет людей из иного княженья, а не из моее отчины, и тем людем пришлым ненадобе моя дань на десять лет... ни иная никоторая пошлина; а уживут десять лет и они потянут с старожильцы по силе».

(Грамота Нижегородского князя Благовещенскому монастырю 1410-х годов.)

«И наместницы наши и волостели ат не въездят и не судят тех людей и не всылают к ним ни почто; и данницы наши и ямщицы и писцы и пошлинники, кто ни буди, ат не въездят ни всылают к монастырским людям ни по что... А что ся учинит, или разбой, или душегубство или татьба, который суд ино будет межи монастырских людей, судит их и дворян [4] дает монастырский тивун [5] один, а нашими судьям ненадобе ничто; а смешаются судом монастырские люди с воло-

---

[1] Кости или костки — пошлина, точнее не определимая, но всегда упоминаемая в ряду торговых пошлин.

[2] Город рубити — повинность «городового дела» — постройки деревянных укреплений.

[3] Пустоши — заброшенные участки жилой и культурной земли.

[4] Дворяне — дворовые слуги, исполнявшие низшие административные обязанности, например, приставов.

[5] Тивун (тиун) — слуга, исполнявший административные обязанности (с германского).

стными людьми судит их монастырский тивун с посельским вместе с нашими судьями, а прибыток им на полы».

(Грамота тверских князей Отрочу монастырю 1360-х годов.)

«А в разбое и в татьбе их бояре мои не судят: будет им дело, ино их велит кому игумен судите; а продажи [1] им не чинити, а судовых пошлин не имати».

(Грамота Дмитрия Донского Троице-Сергееву монастырю.)

«А волостели мои... и их тиуны доводчиков своих не всылают к Ивану и ко всем его людем ни по что, ни кормов не емлют, ни судят их ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным, а праветчики поборов не берут у них, ни въезжают ни по что; а ведает своих людей всех сам Иван или кому прикажет; а случится суд смесной и волостели мои судят и их тиуны, а Иван с ними же судит или кому прикажет, а присудом ся делят наполы; а кому будет чего искать на Иване или на его прикащике, ино их сужу яз — сам князь великий или боярин мой введеный».[2]

(Грамота Василия Темного Ивану Петелину, 1450 г.)

4. Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на соляные варницы (1432—1443 г. г.).

(«Акты Археограф. Комиссии», т. I; «Акты историч.», т. I; «Памятн. истории крестьян».)

Святыя деля Троици, по отца своего грамоте великого князя Василья Дмитреевича, се яз князь велики Василей Васильевич пожаловал есмь Сергеева монастыря игумена Зиновия с братию, или кто будет по нем иныи игумен: что их 4 варници оу Переяславьскые Соли и волостели мои оусольскые и их тивуни и их доводщики с тех варниць пошлин никоторых не емлют, ни поборов не берут, ни явлено с водоливов. Да что их двор тутож оу Соли да деревня их на Хупане горе да починок, и кто оу них имет жити людеи в том дворе и в деревне и тем людем манастырьским ненадобе им ни мыт, ни тамга, ни восминичее, ни весчее, ни двора моего ставити, ни коня кормити, ни закос им ненадобе, ни портъное, ни подводы, ни к дворьскому, ни к сотнику ненадобе им тянути никоторыми пошлинами и наместници мои переяславьские и волостели оусольскые и их тивуни дворян своих не всылають к тем людем

[1] Продажа — взыскание штрафа или пени.

[2] Боярин введеный — ближний боярин при дворе великого князя, исполнявший ответственные поручения.

манастырским к хупанЬским и к оусольскым ни по что, ни судят их, опроче душегубьства; ни доводщики оу них побора не беруть; а пятеньщик мои к ним не въездит, ни конев оу них не пятнит, а держит игумен свое пятно оу своих людеи оу манастырьских или кому прикажет. А ведает и судит свои люди игумен сам или кому прикажет, а смешается суд манастырьским людем с городскыми людми или с волостными и наместници мои переяславьские и волостели оусольские и их тивуни судят, а игумен с ними или кому прикажет; а будет прав или виноват манастырьскыи человек и он игумен и в правде и в вине, а наместници мои и волостели не вступаються в манастырьского человека ни в праваго ни в виноватаго, а игумен или кому прикажет не въступается в их человека в переяславьского, а в оусольского, ни в правого, ни в виноватого.

5. Жалованная новгородская грамота Соловецкому монастырю. (Февраль 1459—5 ноября 1470.)

(«Акты Археограф. Комиссии», т. 1; «Акты историч.», т. I)

Господину преосвященному архиепископу Великого Новагорода и Пьскова владыке Іоне, господину посаднику Великого Новагорода степенному Ивану Лукиничу и старым посадникам, господину тысячкому Великого Новагорода степенному Труфану Юрьевичю и старым тысяцким, и боярам, и житьим людем, и купцем, и черным людем, и всему господину государю Великому Новугороду, всим пяти Концем, на веце, на Ярославле дворе—се биша челом игумен Ивоня и все старцы святого спаса и святого Николы с Соловчев с моря окианя, а ркуци так: обитель, господо, святого спаса и святаго Николы, наша пустынка, от миру удалела сто веръст от людей; чтобы есте, господо, жаловали обитель святаго спаса и святаго Николы и нас убогых тыми островы Соловкы, и островом Анзери и островом Нуксами и островом Заяцьим и малыми островкы. И по благословению господина преосвященного архиепископа Великого Новагорода и Пьскова владыки Іоны, господин посадник Великого Новагорода степенный Иван Лукиничь и старыи посадникы, и господин тысяцкей Великого Новагорода степенный Труфан Юрьевичь и старыи тысяцкеи, и бояре, житьии люди, и купци, и черныи люди, и весь господин государь Великий Новгород вся пять Концев, на веце, на Ярославле дворе, пожаловаша игумена Ивоню и всих старцев обитель святаго спаса и святаго Николы тыми островы Соловкы, и Анзери островом, и Нуксами островом, и Заяцьим островом и малыми островкы, в тых островах землею, и ловищами, и тонями,

и пожнями, и лешими озеры, [1] земля им делати, и пожне косити, и лешеи озера ловити, и тоне ловити добровольно; а боярам Новгородчкым, ни Корельским детем, ни иному никому же, в тыи островы не вступатися в страдомую [2] землю, ни в пожне, ни в тоне, ни в ловища, ни черенов [3] не наряжати, ни лесов не полесовать [4] никому же, черезь сюю жаловалную Великого Новагорода грамоту. А кто приедет на тыи островы на ловлю или на добыток, на сало или на кожю [5], ино всим тым давати в дом святаго спаса и святаго Николы изо всего десятина. А тыми островы, землею и водою, ловищами и тонями и пожнями, володети игумену и всим старцемь обители святаго спаса и святаго Николы, по сей жаловалной Великого Новагорода грамоте, и в веки; а боронити игумена и всих старчев всим Великим Новым городом. А кто иметь наступатися на тыи островы, чрез сию жаловалную Великого Новагорода грамоту, а той дасть Великому Новугороду сто рублев в стену. А к сей грамоте приложил господин преосвященный архиепископ Великого Новагорода и Пьскова владыка Іона свою печять. Посадник степенный Иван Лукиничь и тысяцкий степенный Труфан Юрьевич приложиша свои печати. Повелением всего господина государя Великого Новагорода изо всих пяти Концев приложиша печати.

6. Грамоты на кормления.

(«Акты», изд. Юшковым в «Чтениях Общ. Ист. и Древностей России», 1898 г., кн. 2, №№ 17, 21 и 22.)

«Се яз, князь великий Иван Васильевичь, пожаловал есми Василья Семеновича Карамышева в Боровске слободкою Ефимьевскою Ярцова да слободкою Касимовскою в путь, как было за Дмитрием за Лыковым. А вы, бояре и слуги и все люди того пути [6], чтите его и слушайте, а ходит по старой пошлине, как было преж сего. А кто возведет пристава моего, великого князя, и будут оба истца того пути, и пристав мой тех обоих истцов ставит перед Василием Семеновичем или перед его тивуном. А не учнет пристав мой ставить тех истцов перед Васильем, и он езду [7] лишен. А кто тех истцов не учнет перед

[1] Лешие озера — рыболовные озера в лесных дачах.
[2] Страдомая земля — пахотная земля.
[3] Черен (црен) — солеваренный чан.
[4] Полесовать леса — эксплуатировать лесные промыслы.
[5] Т.-е. на тюлений промысел.
[6] Путь — ведомство дворцового хозяйства; пожаловать в путь — в пользование доходами; тут в путь жалуются слободы из дворцового пути.
[7] Езд — прогоны, причитавшиеся приставу с тяжущихся.

Василием Семеновичем или перед его тивуном искати или отвечати, и яз, князь велики, того велел обвинити и грамоту есмь на него правую [1] велел дати».

«Се яз, князь велики Иван Васильевичь, пожаловал есми Ивана Андреева сына Племянникова Орловым на Устюге и Шольгою и Лвосткою и Ивановым погостом... в кормление с пятном. [2] И вы, все люди того городка, чтите его и слушайте, а он вас ведает и судит и ходит у вас о всем по тому как было преж сего».

Обычно пожалование кормления на год; продление срока вызывало на кормленой грамоте надпись такого рода:

«Князь великий Василей Иванович всея России пожаловал по сей грамоте Федора Григорьева сына Свиньина, перепустил ему Глазуново в Галиче на другой год от Велика дни [3] лета 7035 го (1527) году до Велика дни лета 7036-го (1528) году. А подписал великого князя дьяк Афонасий Курицын».

7. Из уставных грамот наместничьего управления XIV—XV вв.

(«Наместничьи, губ. и земск. уставные грамоты Московск. госуд.» под ред. А. М. Яковлева, М. 1909.)

«Кто наших наместников у них ни будет, и они ходят по сей нашей грамоте: взъезжего корму горожане и становые люди наместникам нашим — на взъезд что кто принесет, то им взяти; на Рождество Христово наместникам нашим дадут корм со всех сох [4] — с княжих и с монастырских и с черных и с грамотников [5] и со всех без отменки — с сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлебов десять денег, за бочку овса десять денег, за воз сена два алтына; а на Петров день [6] дадут корм наместникам нашим со всех же сох, с сохи за барана восемь денег, за десятеро хлебов десять денег. А тиунам корм Рождественский и Петровский вполы наместнича корму; а доводчикам побор со всех же сох, с сохи на Рожество Христово за ковригу деньга, за часть мяса — деньга, за зобню [7] овса —

[1] Правая — грамота выдается выигравшему судебное дело.

[2] Пятно — пошлина с клейма, налагавшегося на лошадей при обязательной регистрации каждой продажи.

[3] Велик день — первый день Пасхи; тут — в 1527 г. — 21 апреля, а в 1528 г. — 12 апреля.

[4] Соха — тут новгородская земельная мера = 3 обжам, а обжа, примерно, 12 четей (6 десятин); и деньги тут — новгородские, — местной, не московской денежной системы; их соотношение: 100 новг. денег = 216 московск.

[5] Грамотники — держатели льготных жалованных грамот.

[6] Петров день — 29 июня.

[7] Зобня — обычная мера сыпучих тел.

две деньги, а на Петров день... за ковригу деньга, за сыр деньга. А наместникам нашим у них держать, в городе и в станах два тиуна да десять доводчиков – в станах восемь доводчиков, а два в городе... а наместники тиунов и доводчиков до году не переменяют. А кормы наместничьи и тиуновы и доводчиковы поборы берут в станах сотские да платят наместникам и тиунам и доводчикам в городе... А пошлин наместникам... в городе (перечень таможенных, судебных и других пошлин). А наместникам нашим и тиунам без сотских и без добрых людей не судити суд».

(Белозерская грамота 1488 г.)

«Въезжего корму на въезд, кто что принесет..., а на три праздники на Рождество Христово, на Велик день, на Петров день... корм со всех сох..., с десяти сох корм, а в сохе по три обжи: на наместнику... с десяти сох полоть мяса, десятеро хлебов, коробья овса, воз сена, а на Велик день полоть мяса, десятеро хлебов, а на Петров день баран, десятеро хлебов; а нелюб корм наместнику, ино за полоть мяса восемь денег, за барана шесть денег, за хлеб по деньге, а за коробью овса шесть денег, а за воз сена восемь денег; а тиуну корм на те же три праздники вполы наместнича корму, а доводчику побор с трех сох — на Р. Х. коврига да часть мяса, зобня овса, а на Велик день коврига, часть мяса, а на Петров день коврига да сыр; а нелюб доводчику побор, ино за ковригу деньга, за часть мяса деньга, за сыр деньга, за зобню овса две деньги; а деньги за то все имать... Новгородские».

(Онежская уставная грамота 1536 г.)

«Се яз, князь великий... пожаловал есми на Устюги — старости крестьян и кто у них наш волостель на тех волостках будет, и он у них ходит по сей нашей грамоте... Да въезжего корму урочного [1] на тех волостках волостелю нет, кто что принесет, то ему взяти. А корм волостелю дают по новому письму Ондрея Карамышева с товарищи (на три праздника) — и всего волостелю и его тиуну и доводчику корму и праветчикова побору в год на три праздники со 119 деревень — 1 485 бел [2], а деньгами 15 рублев без пяти алтын и без деньги. А сбирают тот корм со всех волосток старосты и крестьяне сами промежь себя да отдают волостелю и его тиуну и доводчику и праветчику на стану».

(Грамота Устьянским волостям, что на Ваге, 1539 г.)

«Били мне челом пермичи..., что у них наша грамота сгорела лета 7061 (1553) году, апреля в 30 день, в церкви Вар-

[1] Урочный — уставленный, определенный.
[2] Весь сбор указан в меховых единицах — белках, белах, с переводом на деньги.

лама чудотворца на посаде, и ныне, де, в Перми наши наместники и тиуны и доводчики без нашие жалованные грамоты без уставной... судят их без целовальников, и доводчики, де, их ездят по погостам... а ездные на них емлют разные... по головам, [1] да славляного [2] по гривне, а дальних, де, их из сотских людей верст за 50 и за 60 дают на поруки, и сроки, де, им чинят стать в город пред тиуны на завтре, а которой, де, из тех людей не станет в городе на тот срок пред тиуном, и они, де, их тем винят;... им продажи от наместников и от их людей, от тиунов и от доводчиков живут великие, не по грамоте, и они, де, в том от наших наместников и от их людей... охудали и опустели, и впредь им прожити без нашие грамоты уставные не можно; и мне бы пермичь пожаловать грамотой жалованной уставной, снимка с старой грамоты...»

«Да Пермяки же били челом мне, царю, и великому князю, о том, которой наш наместник в Перми у них будет на нашем жалованье, и они посылают к волоку Тюменскому и в Вогуличи и в Сылву своих людей с пермскими со всяким товаром торговати, а в кою, де, пору наместничие люде в тех местах торгуют... и наместничьи люди пермичам торговати не велят дотоле, доколе они сторгуются своим товаром, и пермичам, де, им в том убытки великие; да и в рыбную ловлю у пермичь наместники вступаются в их ловлю».

8. Постановление 1556 года о замене наместников-кормленщиков выборными людьми.

(«Полное собрание русск. летоп.», т. XIII, в. I, стр. 267.)

«Лета 7064-го (1556) повеле государь во градех и в волостях расчинити старосты и сотцкые и пятидесятцкые и десятцкые, и с страшным и грозным запрещением заповедь положити, чтоб им рассужать промеж себя разбои и татьбы и всякие дела... и кого промеж себя такого лиха найдут, таковых велел казнем предавати; а на грады и на волости положити оброки по их промыслам и по землям, и те оброки сбирать к царским казнам своим дьяком; бояр же и вельмож и всех войнов устроил кормлением — праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по дородству, а городовых—в четвертый год, а иных—в третий год денежным жалованьем».

---

[1] По головам — произвольно, глядя по человеку.
[2] Славляное — почетный подарок.

ГЛАВА II.

БОРЬБА ТОРГОВО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ МОСКВЫ С УДЕЛЬНЫМИ КНЯЖЕСТВАМИ.

1. Борьба Москвы с Рязанью (1301—1305 гг.).

(«Полн. собр. русск. летоп.», т. X, стр. 176.)

Того же лета князь Данило Александрович Московьский приходил ратью на Рязань, и бишася у града у Переславля, и князь великы Данило Александрович Московский одоле, и много бояр и людей избил, а князя их Константиня Романовича Рязанского некоею хитростию ял, крамолою их же бояр Рязанских, и приведе его с собою на Москву, и дръжа его у себя в пятьи, но в брежении и в чести всяцей, хотяше бо ея с ним укрепити крестным целованием и отпустити его в его отчину на великое княжение Рязанское.

Того же лета, в Филипово говение, князь велики Юрьи Даниловичь повеле у себя на Москве великого князя Рязанского Константиня Романовича убити, егоже поимал хитростию некоею на бою отець его, князь велики Данило Александровичь, внук Ярославль.

2. Борьба Москвы с Тверью (1319 г.).

(«Полн. собр. русск. летоп.», т. VII, стр. 188—190.)

Се блаженный, приснопамятный, боголюбивый князь Михайло Ярославовичь, внук великого князя Ярослава Всеволодича, скончавшуся ему нужною смертию в орде за християны; роди бо ся воистину от блаженныа и преподобныя матери великиа княгини Оксении, его же святая та и премудрая мати воспита во страсе Господни и научи святым книгам и всякой премудрости. Княжащу ему в отчине своей во Твери, престависая князь великий Андрей, и благослови его на свой стол на великое княжение сего христолюбивого князя Михаила, ему же по ста-

рейшинству дошел бяше степени княжения великого; и поиде в орду ко цареви, якоже и преже его князи бывшии имаху обычай тамо взимати великое княжение. В то же время сыновець его князь великий Юрьи Даниловичь поиде в орду же; егда же ему бывшу в Володимари, блаженный же, приснопамятный митрополит Киевьский и всея Руси Максимь со многою молбою браняшет ити в орду, глаголя: «аз имагося тебе с великою княгинею Оксиньею, материю великого князя Михаила, чего восхощешь изо отчины вашея, то ти дасть». Он же обещася, рек: «хотя, отче, иду в орду, но не хощу великого княжениа».

И бывшу ему в орде, не хотя роду человечю добра всепагублый враг диавол, вложи во сердце князем Татарским свадиша братью, ркуще великому князю Юрью Даниловичю: «оже ты даси выход болши князя Михаила Тверьского, а мы тебе княжение великое дадим»; и тако превратишя сердце его, и нача искати великого княжениа. И обычай бо поганых и до сих мест вмещуще вражду межи братьи князей русскых, и себе большая дары взимаху. И бывшие пре [1] велице межи ими, и бысть тяготя велика в Русской земли за наше согрешениа... По милостию пресвятыа Богородица и всех святых, прииде благоверный князь Михайло в Русь, и посажен бысть на столе великого княжениа в Володимери блаженным, приснопамятным митрополитом Киевским и всея Руси Максимом. Княжившу же ему 8 лет на великом княжении, а в орде седе иный царь, именем Озбян, войде в богомрьскую веру Срачиньскую [2] и оттоле наипаче не пощадети пача роду християнскому. Якоже бо о таковых рекоша дети царские, иже плени в Вавилон, сице глаголаху: предасть ны в руце царю нечистивому, и законопреступному, и лукавнейшу паче всея земля; егда бо Господь град Иерусалимь казня, предасть в руце царю Титу Римскому; и папы егда Өоце Царьград предаст в руце его, такожe не Өоку любя, но Царьград казня за людская прегрешениа; еже и се бысть за наше согрешениа.

Но мы бывшее возглаголемь. И оттоле нача быти вражда промежу князей сих; аще и творясте мир межи себе, но враг нашь всепагубный диавол пакы рать воздвигаше. И пакы бывшим великым княземь в орде, и бывши пре велице межи ими, и оставише великого князя Юрья Даниловича у себе в орде, а князя Михаила отпустиша на Русь; минувшу же единому лету, и пакы беззаконии Измаильтяне [3] не сыти суще мздоимства, его же желаху, вземше много сребра, и даша великое княжение великому князю Юрью Даниловичю, и отпустиша с нимь на Русь единого от

---

[1] Пря — спор, ссора.

[2] Срацинская вера — сарацинская, арабская вера, т.-е. мусульманство.

[3] Измаильтянами называли на Руси всех магометан, так как, по рассказу Библии, арабы произошли от Измаила, сына Авраама и Агари.

князей своих, беззаконного и проклятого Кавгадыя. Блаженный же великий князь Михайло срете его с полки своими, и посла к великому князю Юрью Даниловичу, рек так: «брате! аже дал царь тебе великое княжение, то и аз отступаюся тебе, княжи на великом княжении, но в мою опришнину [1] не въступайся; и распусти вся воя своя, и поиде во свою отчину с домочадци своими. И пакы диавол не престааше желая кровопролития, еже и сотворися за грехы нашя. Прииде бо великий князь Юрьи ратью ко Твери, совокупив всю землю Низовьскую, и с кровопивцем Кавгадыем и множество татар, и Бехермей и Мордвы, и нача городы жечи и многе села; и бысть туча велика имающи мужи и мучащи различными муками и смерти предаяху, а жены их оскврънища поганни, и пожгоша всю власть Тверьскую и до Вологды, и поидоша на другую сторону Влъгы, и на той стороне тоже хотяху творити.

3. Из Жития Сергия Радонежского о московском засильи при Иване Калите. [2]

(«Полн. собр. русск. летоп.», т. XI, стр. 128.)

«Егда бысть великая рать татарская, глаголемая Федорчукова-Туралыкова, [3] егда же по сем за год един, и наста насилование много, сиречь княжение великое Московское досталося князю великому Ивану Даниловичу, купно же достася и княжение Ростовское к Москве. Увы! увы! тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая, и потягну [4] к Москве, егда изыде повеление великого князя Ивана Даниловича, и послан бысть от Москвы на Ростов, аки некий воевода, един от вельмож, именем Василей, прозвищем Кочева, и с ним Мина, [5] и егда внидоста во град Ростов, тогда возложиста [6] велику нужу на град, да и на вся живущая в нем, и гонение много умножися. И не мало их от Ростовець москвичем име-

---

[1] Опришнина — опричнина, особое личное владение.

[2] Житие Сергия Радонежского написано его учеником Епифанием; как историческое повествование оно вошло в состав некоторых летописей; см. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 128.

[3] Федорчукова-Туралыкова рать — памятное русским людям нахождение на Русь татарского отряда под начальством «темников» (тысячников) Федорчука и Туралыка — в 1327 г., за год до того, как Иван Калита получил (в 1328 г.) от хана ярлык на великое княжение; этих татар привел из Орды сам Калита на сокрушение сил своего соперника Тверского великого князя.

[4] Потягну — потянуло (подчинилось).

[5] Кочева и Мина — боярин московский и при нем, вероятно, дьяк великого князя.

[6] Внидоста, «возложиста»—старинные формы двойственного числа.

ния своя с нужею отдаваху, а сами, противу того, раны на телеси своем со укоризною взимающе и тщима рукама [1] отхожаху, иже последняго бедства образ, яко не токмо имения обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша и язвы жалостно на себе носиша и претерпеша. И что подобает глаголати? толико дерзновение над Ростовом содеяша, яко и самого того епарха градского, [2] старейшего боярина ростовского, именем Аверкия, стремглав обесиша, [3] и возложиша на ня руци своя, и оставиша поругана, точию [4] жива. И бысть страх велик на всех слышащих и видящих сия, не токмо во граде Ростове, но и во всех пределах его, и в волостях, и в селах».

4. Духовная грамота Ивана Калиты (1328 года).

(«Полн. собр. госуд. грамот и договоров», ч. II.)

«Во имя отца и сына и святого духа. Се яз, грешный худый раб божий Иван пишу душевную грамоту, идя в Орду, никем не нужен, целым своим умом, в своем здравьи. Аже бог что розгадает о моем животе, даю ряд [5] сынам своим и княгине своей. Приказываю сынам своим отчину свою Москву. А се есмь им роздел учинил. Се дал есмь сыну своему большему Семену: Можаеск со всеми волостьми, Коломну со всими коломенскими волостьми, Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северьсце в Похрянском уезде, село Костянтиновское, село Орининьское, село Островьское, село Копотеньское, село Микульское, село Малаховьское, село Напрудское у города. А при своем животе дал есмь сыну своему Семену: 4 цепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты с женчуги, блюдце золото с женчугом, с каменьем; а к тому еще дал есмь ему 2 чума [6] золота болшая; и из судов из серебреных дал есмь ему 3 блюда серебрена.

А се даю сыну своему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходол, Великую свободу, [7] Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окашьева свободка, Скирминовьское, Тростна,

---

[1] Тщима рукама — с пустыми руками (двойственное число).

[2] Епарх градской — книжник греческим словом епарх (начальник) называет тысяцкого (градоначальника).

[3] Стремглав обесиша — повесили вниз головой.

[4] Точию — только.

[5] Ряд — всякое распоряжение, устанавливающее определенный порядок или норму, правило; отсюда ряд — и завещание и договор, и устав, и т. п.

[6] Чум — ковш.

[7] Свобода — слобода, поселение, организованное на особых, льготных для его населения началах.

Негуча; а се села: село Роховьское, село Каменичьское, село Рузьское, село Белжиньское, село Максимовское, село Андреевское, село Вяземьское, село Домонтовьское, село в Замошьской свободе, село Семциньское. А из золота дал есмь сыну моему Ивану: 4 цепи золоты, пояс больший с женчугом, с каменьем, пояс золот с капторгами, [1] пояс сердоничен [2] золотом окован, 2 овкача [3] золота, 2 чашки круглые золоты, блюдо серебреное езднииьское, [4] 2 блюдцы меньшии.

А се дал есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Северску, Нарунижьское, Серпохов, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Перемышль, Ростовець, Тухачев; и се села: село Талежьское, село Серпоховьское, село Колбасиньское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговьское, село Труфоновское, село Ясиновское, село Коломниньское, село Ногатиньское. А из золота дал есмь сыну своему Андрею: 4 цепи золоты, пояс золот фрязьский [5] с женчугом, с каменьем, пояс золот с крюком на червчате шелку, поясь золот царевьский, [6] 2 чары золоты, 2 чумка золота меньшая; и из блюд: блюдо серебрено, а два малая.

А се даю княгине своей с меншими детьми: Сурожик, Мушкину гору, Радонежьское, Бели, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроньевская, Вохна, Дейково Раменье, Данилищова свободка, Машев, Сельна, Гуслица Раменье, что было за княгинею [7]; а села: село Михайловьское, село Луциньское, село у озера, село Радонежьское, село Дейгуниньское, село Тыловское, Ротожь, село Протасьевское, село Аристовьское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яузе, 2 села Коломенскии. А из городских волостей [8] даю княгини своей осмничее. А тамгою и иными волостьми городьскими поделятся сынове мои, також и мыты: которые в котором уезде, то тому. А оброком медовым городьским, Василцева веданья, поделятся сынове мои. А что моих бортников [9] и оброчников [10] купленых, которые в которой росписи, то того.

А по моим грехом ци имут искати татарове которых волостей, а отоимуться, — вам, сынам моим и княгине моей поделити вы ся опять тыми волостьми на то место. А числе-

---

[1] Капторга (восточное: хапторга) — металлическое украшение пояса.

[2] Сердоничный — украшенный камнями сердолика.

[3] Овкач — ковшик небольшого размера.

[4] Ездниньское — дорожное (?).

[5] Фряжским — называли все западное, особенно — итальянское.

[6] Царевский — ордынский, татарский.

[7] За первою женой Ивана III, умершей в марте 1332 г., Еленой.

[8] Волость — тут доход с городских сборов.

[9] Бортники — пчеловоды.

[10] Оброчники — холопы, посаженные на сельское хозяйство из оброка.

ные [1] люди — а тех ведают сынове мои собча, а блюдут вси с одиного. А что мои люди купленые в великом свертце, а тыми ся поделят сынове мои. А что золото княгини моей Оленино, а то есмь дал дочери своей Фетинье: 14 обручи и ожерелье, матери ее монисто [2] новое, что есмь сковал, а чело и гривну, то есмь дал при собе. А что есмь придобыл золота, что ми дал бог, и коробочку золотую, и то есмь дал княгине своей с меншими детьми. А из порт из моих сыну моему Семену кожух черленый женчужьный, шапка золотая. А Ивану сыну моему кожух желтая обирь [3] с женчугом, коць [4] великий с бармами. [5] Андрею сыну моему бугай [6] соболий с наплечки с великим женчуги, с каменьем, скорлатное [7] портище сажено, с бармами. А что есмь нынеча нарядил 2 кожуха с аламы [8] с женчугом, а то есть дал меншим детям своим, Марьи же Федосьи ожерельем. А что моих поясов серебряных, а то раздадят по попьям. А что мои 100 рублей у Ески, а то раздадят по церквам. А что ся остало из моих судов из серебреных, а тым поделятся сынове мои и княгиня моя.

А что ся останет моих порт, а то раздадят по всем попьям и на Москве. А блюдо великое серебреное о 4 кольца, а то есмь дал св. Богородице Владимирской.

А приказываю тобе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детьми, по бозе ты им будешь печальник. А что есмь дал сыну своему Семену стадце, а другое Ивану, — а иными стады моими поделятся сынове мои и княгиня моя.

А на се послухи: отец мой душевный Ефрем, отец мой душевный Федосий, отец мой душевный поп Давид.

А грамоту писал дьяк князя великого Кострома. А кто сю грамоту порушит, судит тому бог».

5. О Московском взятии от царя Тахтамыша (1382 г.).

(«Полн. собр. русск. летоп.», т. XXIV, стр. 149—154.)

Исходящу второму лету царства Тахтамышова, и посла татар своих в Болгары, еже есть град на Волзе, и повеле торговцы русские избити и гости грабити, а суды их с товаром

[1] Численные — внесенные в татарское «число» (по переписям) плательщики дани.
[2] Монисто — ожерелье из украшений на цепи или шнурке.
[3] Обирь или объярь — шелковая ткань (восточная).
[4] Коць или кочь — епанча, плащ, покрывало.
[5] Бармы — украшенное оплечие парадной одежды.
[6] Бугай — верхнее платье на меху.
[7] Скорлатный — из скорлата, дорогой красной материи.
[8] Алам — нагрудное украшение, пристегнутое к платью.

отъимати и попроводити к себе на перевоз, а сам с яростию, събрав вои многии, ползе к Волзе с всею силою своею, и превезеся на сю стороньу Волги с всею силою своею и поиде изгоном на великого князя Дмитреа Ианoвича и на всю землю Русскую и идяше безвестно, внезапу, с умением и тако всем злохитрием не дадящи перед собою вести, да не услышан боудеть на Русской земли приход его. Слышав же то князь Дмитрей Констянтинович Суждалский, посла два сына своя к царю Тахтамышу: князя Василиа, князя Семена. Они же пришедше, не обретоша его, бе бо вборзе идый на Русь: они же гнаша въслед его неколико дни и переяша дорогу его на Серначе и поидоша за ним с тщанием дорогою его, състигоша его близ Рязаньских предел. А князь Олег Рязаньский срете царя Тахтамыша, докеле же [1] не вниде в землю Рязанскую, и би челом ему и бысть помощник ему на хрестьане и обведе царя около отчины своея, земли Рязаньские, и указа ему все броды на реце Оце...

...Бывшу же промежи ими [2] неодиначству и неимоверьству, и то познав и разумев великий князь Дмитрей Иоаннович, и бысть в недоумении и в размышлении, и поиде в град свой Ярославль, такоже и на Кострому. А Кипреан митрополит виде в граде Москве мятежь велик и бяху людие смущении, яко овцы, не имуща пастыря, возмятоша бо ся гражане, овии хотяху сести в граде и затворитися, а друзии бежати помышляху. И бывши распри промежи ими велице, овии с рухлядню в град вмещающеся, а друзии из города бежаху, ограблени суще, и пакы сотвориша вечие, позвониша во все колоколы и сташа суймом народ, мятежников же и крамолников, иже хотяху изыти из града, не токмо не пущаху их, но и грабляху, ни самого митрополита не постыдешяся, ни бояр великих не устрашишяся, но на всех огрозишяся и сташа на всех воротех градных и свръху каменисм шибаху, а доле на земли страху с оружии обнаженными и не пущаху никого же выйти из града; едва оумолени быша, позде некогда выпустиша их из града и то ограбивше. Граду же единаче мятущеся, аки морю в велице бури, ни откуду же утешение обретши, но паче болших зол ожидающе, потом же приеха к ним в город некоторы князь Литовский, именем Остей, внук Олгердов, и той окрепи народы и мятеж градный оустави и затворися с ними в граде и седе с множеством народа, сущаго в осаде.

Царь же Тахтамыш, перешед Оку, преже всех взя град Серпохов и огнем пожже, оттуда же прийде к Москве граду, напрасно [3] устремився и наполнився духа ратного, волости и села воюющи и жгущи, а народы хрестьван секуще и убивающе

---

[1] Докеле же — пока еще.
[2] Ими — русскими князьями.
[3] Напрасно — внезапно.

всяческы, а иные в полон емлюще. И прииде ратию к городу к Москве с всею силою татарскою месяца августа в 23 день, в понедельник...

...И в том часе [1] татарове начаше сещи напрасно, а князь их Остей преж того убьен бысть под градом. Иссекоша всех без милости: архимандритов, игуменов и всех священников, такоже бояр и всех людей. И ту бяше видети святыа иконы повержены на земли лежаща и кресты честныа ногами топчемы и обоиманы и ободраны. А татарове таки поидоша в град, секуще, а ини по лестницам на город взидоша, никому же възбраняющу им. И бысть в граде сеча зла, а воне града такоже сеча велика. Колико же сечаху, яко рукы и плещи их измолкоша и сила их изнеможе, саблям же их остриа притупишяся. Людие же хрестьанстии, сущии в граде, бегающе по улицам семо и овамо, скоро рищуще толпами, вопиюще вельми, глаголюще, бьюще в перси своа, не имуще, где избавитися от поганых или где от смерти избыти или от остриа меча убежати или камо укрытися от ищущих изяти души их, оскуде бо князь и воеводы их и все воинство потребися и оружия их до конца изчезоша. И мнози от них в церквах каменных затворяхуся, но и тамо не избыша; разбивающе безбожники силою двери и мечи изсекаху сущих в них; возведе вопль велик и крик страшен бываше, изводяще бо вся отвсюду хрестьане и одирающе до последнее наготы и тако мечю предаяху, церкви же разграбиша, олтаря же и места святая оскверниша, кресты же честныа и святыя иконы честныа обрашя, украшеныа златом и сребром и жемчюгом и камением многоценным, и съсуды церковныя священныа златыа и сребряныа многоценыа поимаша, просто же рещи, многое множество бесчисленное не токмо града того, но и всех властей его и иных град снесеное тоу, твердости ради града того, все безвестно створиша. Такоже и многое множество казны великого князя вскоре разнесоша, еще же и бояр старейших казны многы и долговременством збираеми и в благоденьстве исполнены, то все взяша на расхыщение. Такоже и сущих в граде сурожан [2] и суконикoв и купцев и всех людей храмы наполнены суть богатства и всякого товару, то все расхитиша и церкви же и монастыри разориша и много убийственных створиша, в освященных же олтарях кровь многу прольаша, места святая оскверниша, священникы оружии избиша, в них же бе Семион, архимандрит Спаскый, и другий архимандрит, Яков, и игумени и попове и дьякони и черньци и черници от уна и до стара, мужеск пол и женеск, все изсечены быша, а иниии в виде истопоша, друзии же огнем изгореша, множайши же в полон

---

[1] На другой день.

[2] Сурожане—купцы, торговавшие с Сурожем (ныне Судак, в Крыму), через который шел на Русь ввоз товаров из итальянских торговых городов (преимущественно — мануфактуры, названной поэтому сурожским или суровским товаром).

поведени быша, в работу поганскую и в страну Татарскую. Бе же в то время в граде на Москве плачь и рыдание и вопль мног и слезы и крик неутешимый и стонание многое и печаль горкаа и скорбь неутешимаа, беда нестерпимаа, нужа не ужаснаа и горесть смертнаа, страх и ужасть и трепет...

Отошедшим же татаром, и потом, не по мнозех днех, благоверный великий князь Дмитрей Иоанович и брат его князь Володимер Андреевич, кийждо с своими бояры, приехаста в свою отчину на Москву и видеша град взят и огнем пожжен, а святые церкви разорены, а трупиа мертвых изсеченых людей лежаща многая множества. О сем сжалися велми великий князь и слезы пролиа многы. И кто бо не всплачется таковыа погибели славнаго града сего, или кто не възрыдает о селице народе людей, или кто не жалуеть селика множества хрестьанска, напрасно и нужно скончашася, или кто не потужить и не посетуеть сицеваго зря пленени?

И повелеша мрътвых телеса хоронити, и даваста от осмидесять мертвецев по рублю хоронящим мертвые, итого всего выиде от погребенна мертвых 300 рублей. Не по мнозех же пакы днех и князь велики Дмитрей Иванович посла рать свою на князя Олега Рязанского, князь же Олег сам убеже, а землю его ратник до останна пусту учиниша, пуще бысть ему и татарские рати.

6. Борьба Москвы с Боровским князем (1462 г.).

(Полн. собр. русск. летоп., т. XXIII, Ермолинская летоп., стр. 157.)

Тое же весны, в великое говенно, на Ѳедоровой недели, прииде весть князю великому, что княжы Васильевы Ярославича [1] дети болярьские и иные дворяне, хитростью коего хотеша огосударя князя выняти с Углеча не поиманна, и обличися мысль их, и повеле князь велики имать их, Володку Давидова, Парфена Бренна, Луку Посивьева и иных многих, казнити, бити и мучити, и поими волочити по всему граду и всем торгом, а последи повеле им главы отсещи. Множество же народа, видяще сиа, от боляр и от купцов великих, и от священников и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении, и жалостно зрение, яко всех убо очеса бяху слез исполнени, яко николиже таковая ни слышаша, ниже видеша в Русских князех бываемо, понеже бо и недостоино бяше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати во святыи великии пост.

---

[1] Серпуховский удельный князь Василий Ярославович обвинен в «неисправлении» к великому князю и в 1456 г. заточен в Угличе, где и умер, недождавшись освобождения, в 1483 г.

ГЛАВА III.

БОРЬБА ТОРГОВО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ МОСКВЫ С ВЕЛИКИМ НОВГОРОДОМ.

1. Из уставной грамоты Новгородского князя Всеволода Мстиславича об управлении торговыми делами в Новгороде при церкви св. Ивана на Опоках (около 1135 года).

(Доп. к Акт. Ист., т. III, № 3, и в «Хрестоматии по истории русского права», Владимирского-Буданова.)

«И се яз князь в. Всеволод поставил есми святому Ивану [1] три старосты от житьих [2] людей и от черных тысяцкого, а от купцов два старосты управливати им всякие дела Иванские и торговые и гостиные и суд торговый. А Мирославу посаднику в то не вступаться и иным посадникам в Иваньское ни во что же, ни боярам Новгородским. А кто хочет в купечество вложиться в Иваньское, даст купцам пошлым [3] вкладу 50 гривен серебра, [4] и тысяцкому сукно Ипское. [5] Ино купцам положить в святый Иван полтретьядцать (25) гривен серебра. А не вложится кто в купечество, не даст 50 гривен серебра, ино то не пошлый купец; а пошлым купцам ити им отчиною [6] и вкладом. А весити им в притворе святого Ивана, где дано, ту его [7] и держати; а весити старостам Иванским, двум купцам пошлым,

---

[1] Церковь св. Ивана на Опоках — центр организации «Иваньского купечества», разновидности средневековых «гильдий» Западной Европы.

[2] Житьи люди — высший слой новгородского торгового класса.

[3] Пошлые купцы — полноправные члены торговой организации.

[4] Денежная система этого времени двойная: идет счет на серебро, и на куны с их долями (векшами, мордками), что является остатком тех времен, когда меха служили суррогатом денег; по вероятному расчету гривна серебра=7½ гривен кун (старая гривна кун=38 золотн. серебра).

[5] Ипское сукно — Нидерландское, из города Иперна во Фландрии (ныне Бельгия).

[6] Отчиною — указание на наследственность «пошлого» купечества.

[7] Его — вес, нормированный проверенными весовыми единицами.

добрым людям; а не пошлым купцам старощенья не держать, ни весу им не весити Иванского. А у гостя им имать: у Низовского от двух берковцев вощаных полгривны серебра да гривенку перцу, [1] у полоцкого и смоленского по две гривны кун [2] от берковца вощаного, у новгородца шесть мордок [3] от берковца вощаного. А куны им класти святого великого Ивана в дом, что вывесят, по правому слову. А новгородцу не весити ни на которого гостя... А взять князю великому из весу вощяного полтретьядцать (25) гривен серебра через год... А городу ни владыце, ни боярам весу не отъимати у святого великого Ивана».

2. Договор князя Александра Ярославича (Невского) и новгородцев с немцами в 1257—59 гг.

(«Русско-Ливонские акты», собранные В. Напьерским (СПБ. 1886), № 16.)

«Се яз князь Олександр и сын мой Дмитрий с посадником с Михаилом и с тысяцким Жирославом и со всеми новгородцы докончахом мир с послом немецким Шивордом и с любецким [4] послом Тидриком и с готцким [5] послом Оастеном и со всем Латинским языком. [6] Что ся учинило тяжи межи Новгородцы и межи Немцы и Готы и со всем Латинским языком, то все отложихом, а мир докончахом на сей правде: новгородцам гостити на готцкий берег [7] без пакости, а немцам и готам гостити в Новгород бес пакости и всему Латиньскому языку, на старый мир. Пуд отложихом, а скалви [8] поставихом по своей воли и по любви...

...И немцам и готам и всему латинскому языку платити по две куны от капи [9] и от всякого весчего товара, что кладут на скалви, и продавше и купивше. А старый мир до Котлинга. [10] А новгородцам в становище на Готском береге бес пакости старый мир. А зимний гость оже не поимет нашего посла ни новгородских купцов из Новагорода или с Готского берега, а что ся учинит ис Котлинга до Новагорода или из

---

[1] Гривенка перцу — мешочек перца, определенного веса, служил единицей расплаты, заменяя разменную монету.

[2] Гривна кун — см. пр. 4 на стр. 28.

[3] Мордка — см. пр. 4 на стр. 28.

[4] Любецкий — из города Любека, главы Ганзейского союза.

[5] Готский — с о-ва Готланда (гл. гор. Визби).

[6] Латинский язык — вообще все народы католического запада.

[7] Готский берег — о-в Готланд.

[8] Скальви — чашки весов; новгородцы отказываются от своей нормировки веса по «пудам», а принимают какую-то иную систему взвешивания, установленную по соглашению с немцами.

[9] Капь — единица веса = 8 немецких фунтов.

[10] Котлинг — о-в Котлин, в устьях Невы, предел подвластной Новгороду территории.

Новагорода до Котлинга немецкому гостю, оже бес посла поидут, то Новугороду тяжа не надобе, в старый мир. Оже кто гостит в Корелу или немцы или готяне, а что ся учинит, а то Новугороду тяжа не надобе. А которых трих дворец выпросили ваша братья послы, а тех ся отступили по своей воли. А се старая наша грамота, [1] на чем целовали отцы ваши и наши крест. А где ся тяжа родит, ту ю кончати. А иное грамоты у нас нетуть, ни потаили есмы, не ведаем, на том крест целуем».

3. Борьба Москвы с Новгородом за Копорье (1281 г.).

(«Полн. собр. русск. летоп.», т. VII, стр. 175—176.)

Князь же Дмитрий поиде к Новугороду к Великому и с двором своим, и иде мимо Новгород, хотя к Копорию, Новгородци же изыдоша всем плъком противу его на озеро великое Илмерь. Великий же князь Дмитрий Александровичь которыии отступися, а Новгородци великому князю путь показаша, [2] изоимаша ту две дщери его и бояр его, и с женями и с детми, и проведоша в Новгород в заклад, [3] и глаголаху князю Дмитрию: «донелиже [4] выидуть из Копории мужи твои, тогда сих пустим»; и разыдошася разно, месяце генваря 1. И того же дни князь Домант изгони Ладогу, и из Копории поимя всю казну великого князя Дмитриа Александровича. Новгородци же поидоша из Копорью, а по князя Андрея Александривича послаша; а наместници княжь Дмитриевы выехаша из города Копорьи; Новгородци же город разорушиша и гору раскопаша. Тое же зимы прииде в Новгород Андрей Александрович и седе на столе.

4. Из договоров Новгорода с великими князьями. [5]

(Договоры Новгорода с князьями изданы в Собрании государственных грамот и договоров, т. I, и в сборнике: «Памятники истории Великого Новгорода», изд. под ред. С. В. Бахрушина.)

«Держать ти Новгород по пошлине, како держал отец твой; грамот ти, княже, не посужати [6]; а мужа ти без вины

---

[1] На том же пергаменном листке выписана и эта «старая грамота»: договор отца Александра Невского, Ярослава Всеволодовича, 1197—1199 годов, которой устанавливались порядки суда между немцами и новгородцами; текст ее издан там же, под № 1.

[2] «Путь показаша» — обычное выражение для изгнания князя из Новгорода; представители веча говорили ему: «кланяемся тебе, княже, а тебе от нас путь чист».

[3] В заклад — заложники.

[4] Донели же — до тех пор, когда.

[5] Из договоров с в. к. Михаилом Ярославичем начала XIV века.

[6] Посужать грамоты — пересматривать решеные дела.

волости [1] не лишати; а бес посадника ти, княже, волостей не роздавати, ни грамот даяти; а волостей ти, княже, новгородских своими мужами не держати, но держати мужами новгородскими; а дар от тех волостей имати;... а закладников [2] ти, княже, не принимати, ни твоей княгине, ни твоим боярам, ни сел ти держати по Новгородской волости, ни твоей княгине, ни боярам твоим, ни твоим дворянам, ни свобод [3] ставити по Новгородской волости; а из суждальской ти земли Новагорода не рядити, [4] ни волостей ти не роздавати»;

«А свиньи ти бити за 6 верст от города,... а на Озвадо [5] ти, княже, ездити летом звери гонити, а в Русу не ехати; ехати ти в Русу на третюю зиму, а в Ладогу, княже, ехати на третьее лето, а осетернику твоему ездити в Ладогу по отца твоего грамоте;

«А от Новгородца и от Новоторжца у мыта [6] имати от воза по 2 векши, и от хизьна корабля».

«На том ти на всем крест целовати по любви, без всякого извета, в правду, при наших послах».

(Договор с в. к. Ярославом Ярославичем 1263 года.)

«А бес посадника ти, княже, суда не судити...; а на Низу, [7] княже, Новгородцы не судити, ни даний ти раздавати...; а в немецком дворе [8] тобе торговати нашею братьею, а двора ти не затворяти, а приставов ти не приставливати...; а гостю нашему гостити по суждальсцкой земли без рубежа». [9]

(Договор с Ярославом Ярославичем 1270 г.)

«На сем, господине, Новгород весь крест целует, княженье твое честно держати по пошлине, без обиды, а тобе, господине, такоже Новгород держати по пошлине, без обиды. Что свобод Дмитриевых и Андреевых [10] и что селец тянуло к тым свободам, того всего тобе съступитися, то все к Новугороду без кун, [11] а что, княже, сел твоих и владычьних и княгининых и бояр твоих, и слуг твоих на Новгородской земле, которое село зашло без кун, то без кун пойдет к Новугороду; а кто купил, взяти ему куны, колико будет дал, по исправе, а земля к Новугороду.

---

[1] Волость — должность по управлению волостью и самая территория.
[2] Закладники — лично зависимые люди.
[3] Свободы — слободы зависимых людей.
[4] Рядить — управлять.
[5] Озвадо — урочище близ Старой Руссы.
[6] Мыт — застава и пошлина с провоза товаров.
[7] Низ, Низовская земля — Владимиро-Суздальская земля (от Новгорода вниз по Волге).
[8] Немецкий двор в Новгороде — двор жилья и товарных складов приезжих купцов Ганзейского союза немецких торговых городов.
[9] Рубеж — граница.
[10] Дмитрий и Андрей (Александровичи, сыновья Невского).
[11] Куны — деньги.

«А рубеж ти, княже, межю Суждальскою землею и Новгородскою дати ти старый, како было при деде твоем и при отец твоем Ярославе...; а что, княже, мыт по Суждальской земле и в твоей волости, от воза имати по 2 векши [1] и от лодьи и от хмельна короба и от льняна»...

...«А что сел, княже, на Новгородской земли твоих или княгининых или бояр твоих, тех сел тобе съступитися, а куны имати у истцев своих, у кого будет кто купил, а земля святой Софии [2] к Новугороду».

«А твоим судьям по волости самосуда не замышляти на людях по Новгородской волости...; а холопа и половника не судити твоим судьям без господаря, [3] судити князю в Новегороде, тако пошло, и купчины в силу не судити в волости». (Договор с Михаилом Ярославовичем начала XIV века.)

5. Борьба Москвы и Новгорода за Торжок.

(Новгородская I летопись.)

6848 — 1340 г. В то же лето прииде князь Семен из Орды и насла на Торжек дани брати, [4] и почаша сильно деяти, Новоторжцы же прислаша с поклоном в Новгород, и послаша (новгородцы) Матфея Варфоломеевича и Терентея Даниловича с братом, и Варфоломея, посаднича сына Остафьина, и Федора Аврамова с полки, и шедше изгониша Торжек без вести, изымаша наместников князя... и борцы..., [5] и жены их и дети исковаша, и седеша месяц в Торжку, город утвердивше. А ко князю послаша преже того... из Новгорода с жалобою, а еще ему рекуще: «еще у нас не седе на княжении, а уже бояре твои деют сильно». И посылахуть в Новгород из Торжку, чтобы Новгородцы всели на коня в Торжок, и не восхотеша чернь; посем же видевше Новоторжцы, оже не идет из Новагорода рать, всташа чернь на бояр и тако рекуще: «почто есте Новгородцев призвали и они князя изымали? нам в том погыбнути». И скрутившися в броня, нашедше силою на дворы, выимаша у воевод наместники княжи и борцы и жены их, и Новгородцев выпровадиша из града. И бояре Новоторжскии прибегоша в Новгород только душею, кто ушел, а домы их разграбиша и хоромы их развозиша, а Семена Внучка убиша на вече; потом и села их пуста положиша... Тоя же зимы прииде князь Семен с полкы в Торжек, со всею землею Низовьскою;

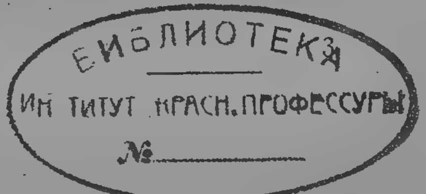
[1] Векша (белка) — мелкая денежная единица; по старому счету в «куне» — 12 «векошь».

[2] «Земля св. Софии» — государственная новгородская земля.

[3] Господарь, или государь — хозяин холопов, их господин.

[4] Усиленное требование дани с Новгорода и его волостей — постоянное следствие поездок вел. князя в Орду: на уплату «запросов царевых».

[5] «Борцы» — сборщики дани.

Новгородцы же почаша копити волость всю в город, а к князю послаша владыку Василия и Аврама тысяцкого с иными бояры, и докончиша мир по старым грамотам на всей воли Новгородской, и крест целоваша, а князю даша дар из волости 1000 рублев на Новоторжцех... и присла князь наместника в город».

6. Из Новгородских внутренних усобиц.

(Новгородская I летопись, под 6867 — 1357 годом.)

«Той же весны, богу попустившу грех ради наших, а диаволу действующу, поспешением и по совету лихих людей, бысть мятеж силен в Новегороде: отъяша посадничество у Андреяна Захарьинича, не весь град, токмо Славеньский конец,[1] и даша посадничество Селивестру Лентеевичу, и сотворися поторжь[2] не мала на Ярославле дворе,[3] и сеча бысть. Понеже Славляне в доспесе подсели бяху и разгониша Заречан,[4] а они без доспеха были, и бояр многих били и полупили, а Ивана, сына Борисова, до смерти убили. И доспеша тогда обе стороны противу себе, Софийская сторона хотя мстити бесчестие братии своей, а Славенская от живота и от голов. И стояша три дни межи себе; уже бо Славляне и мост переметали. И прииде владыка Моисей из монастыря, и Олексей поима с собою и архимандрита и игумены, и благослови их, рек им: «дети! не доспейте себе брани, а поганым похвалы, а святым церквам и месту сему пустоты, не съступайтеся на бой». И прияша слово его и разыдошася; и взяша села Селивестровы на щит, а иных сел Славеньских много взяша, а и невиноватых людей тогда бе много погибло, и даша посадничество Микитe Моисеевичу, и тако смиришася».

«Бысть жалоба на Патрикия князя[5] к Новугороду от городчан,[6] и выеха князь в Новгород и подня посулом Славеньский

[1] Новгород делился в XIV веке на 5 концов: два на правой Торговой стороне от Волхова — Славенский (южный) и Плотницкий (северный) и три на левой, Софийской — Гончарный или Людин (южный), Неревский (северный) и Загородский (юго-западный), отделенный от Волхова Гончарным. Каждый конец был организованной общиной со своими кончанскими вечами и кончанскими старостами и выступал обычно, как особая политическая группа в политическом быту Новгорода. Славенский конец (жители его Славляне) — наиболее аристократическая, боярская часть Новгорода обычно в антогонизме с левобережными, демократическими концами: Плотницкий — центр богатого купечества и «житьих людей» колеблется между ними.

[2] Поторжь — беспорядочная схватка, свалка.

[3] Ярославль двор — на Торговой стороне, обычное место вечевых собраний.

[4] Заречане — жители «Заречья» — Софийской стороны.

[5] Литовский князь Патрикий Наримунтович получил от Новгорода в «кормление» пригороды, которые были даны еще его отцу, по договору с в. к. Литовским Гедимином.

[6] Городчане — жители пригородов.

конец и смути Новгород. И стояху Славляне по князе и созвониша вече на Ярославли дворе по две недели, а здесе, на сей стороне, три конци другое вече ставиша по две же недели, у святой Софеи. И тысяцкий Есиф ходи на сию сторону в вече и Плотничане, добрые люди. И бысть на Черкисове недели в четверток;[1] удариша Славеньский конец на тысяцкого на Есифов двор с веча с Ярославля двора; и плотничане тысяцкого Есифа не выдаша и биша грабежников и полупиша. И бысть на мясопустной недели вторник, февраля 9, доспеша три конци — Неревьский, Загородский, Людин — на Славеньский конец, и стояша у святой Софьи на вечи, всякий в оружии, аки на рать, от обеда и до вечерни и Плотницкий конец, сослався послы с треми конци, на Славлян хотеша ити. А заутра, в среду, не потянуша Плотничане на Славляне с треми конци, и три концы списаша три грамоты в одина слова обетыни. И Славляне собе доспев стояша с князем на вечи на Ярославли дворе; во вторник же на мясопустной недели и в четверток Славляне от своей стороны мост великий переметаша[2] промежа двема городнями. И по усобной той рати поидоша вся пять концов в одиначество, отъяша тыи городы у князя, а даша ему Русу и Ладогу и Наровьский берег; и грамоту списаша с князем и запечаташа на вечи на Ярославли дворе.

(Новгородская IV летопись; П.С.Р.Л., т. IV, 872—1384 г.)

7. Новгородские ушкуйники.

(Новгородская IV летопись; П.С.Р.Л., т. IV, стр. 71—72)

6883—1375 г. Коли князь Дмитрий[3] был под Тверью, а в то время пришедше Новгородци Великого Новгорода, ушкуйници,[4] 70 ушкуев, и старейшина бяше у них Прокоп, а другой Смолнянин, и пришедше взяша град Кострому. Взятье же их таково: прежде выидоша рекою Костромою на Волгу, и сташа ополчившеся на брань; граждане же изидоша из града противу, собращася на бой, а воевода бяше у них, тоже и наместник,— Плещеев. Новгородцы же видевше граждан Костромы много, боле 5000, а самих мало, с полторы тысячи, и разделишася Новгородцы на 2 части: одину половину отпустиша в тай в лес, они же обоидоша около по можжеельнику и ударишася на Костромич в тыл, а другая половина в лице удари. Воевода же видев бывшее и убояся, нача бежати, ни сам на них ударил, ни рати своей повелел, но выдав рать свою и покинув град

[1] 3 февраля.
[2] Разобрали мост на Волхове.
[3] Дмитрий Иванович Донской.
[4] Ушкуй — большая лодья, речное судно; ушкуйники — Новгородская вольница, не раз громившая торговые города Поволожья.

свой, подав плещи, побеже к Костроме. Костромичи же, видевше то, и не бившеся и побегоша, и мнози ту побьени быша и падоша, а друзии по лесом разбегошася, а иных живых поимали и повязали. Новгородци же видевше оставлен град и небрегом, и несть ему заборона ниоткуду же, и взяша град, и пограбиша его до конца, и стоявше в граде неделю целу, и всякого сокровища изыскавше понесоша, и всякий товар изобретша и поймаша. Не все же товарное с собою попроводиша, но елико драгое и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее в Волгу металша и глубине предаша, а иное огнем пожгоша, и множество народа крестьянского полониша, мужей и жен и девиц с собою попровадиша, и отидоша от Костромы. И шедше на низ по Волзе, пограбиша Новгород Нижний, и много всякого полона взяша и град зажгоша. И поидоша на низ и повернуша в Каму, и тамо помедлиша неколько время, и потом внидоша Камою в Волгу. И дошедше на низ по Волзе града Болгар, и тамо полон весь крестьянский попродаша бесерменом,[1] или Костромской или Нижнего Новагорода, жены и девицы. И сами поидоша в насадех по Волзе на низ к Сараю,[2] части крестьянские грабяще, и бесермены бьюще. И доидоша на усть Волгы близ моря града некого Хазьторокана, и тамо изби их лестью хазитороканьский князь, именем Салчий. И тако вси без милости побьени быша, и не един от них остася, а имение их все взяша бесерменове. И такова бысть кончина Прокопу и дружине его.

8. Борьба за Север между Москвой и Новгородом.

(«Полн. собр. русск. летоп.», т. VIII, стр. 70—71.)

(1397 года). Тоя же весны двиняне далися великому князю Василию Дмитреевичи, и князь великий развръже мир с Новогородцы. Новогородцы же послаша к великому князю владыку Иоана и посадника Богдана и Кирила; князь же велики не послуша их, и отпусти их без миру.

(1398 года). Того же лета ходиша Новгородци за Волок ратию, воевода посадник Тимофей Юриевич, Юрий Дмитриеевич, Василей Синець, а вой с ними 3 000, и повоеваша Белозерские волости, а з города взяша окуп 60 рублев, и Кубенские волости и Галичвские, то все пограбиша, и Устюг повоевав пожгоша; а под Орлецам стояще месяць, биючи пороки, заволочане же убиша с города Левожку, и взяша Новогородцы Орлець и раскопаша. А на Двинянск окуп взяша 2 000 рублев да 3 000 коней, а у наместника великого князя взяша присуд[3] и пошлины,

[1] Бесермены — мусульмане, восточные купцы.
[2] Сарай — столица Золотой Орды в низовьях Волги.
[3] Присуд — судебная пошлина.

а самого пустиша в Русь, а у гостей у Низовскых взяша окупа 300 рублев; а воеводу Двиньского Ивана Микитина приведше в Новъгород кинуша с мосту, а брат его Анфал убежа с пути из Устюг, а Герасима и Родиона постригоша в чернвци. Челобитие Новгородець. Того же лета ездиша на Москву к Великому князю Василью Дмитреевичю Новгородцкие послы посадник Иосиф Захарьич и тысячски Оианна Костянтинович, с челобитием от Новагорода и с многыми дары, и князь велики их пожаловал мир взя, и дасть им князем великым, в свое место, брата своего меншого князя Андрея, а Пьсковичем князя Ивана Всеволодовича Тверского.

9. Поход Димитрия Донского на Новгород в 1385 г.

(Новгородская вторая летопись.)

6894 — 1385 г. Той же зимы в Филипов пост, перед Рожеством Христовым, князь великий Дмитрий Иванович собра воя многи со всими князи рускими и с братом своим Володимером Андреевичем, а с ними были рати (29-ти земель. [1] Поиде ратью к Новугороду, и волости Новгородские воююще и жгуще, держа гнев на Новгород про волжан и про княжчины. И Новгородци послаша противу князя послы... с челобитьем о миру, и они приехаша без миру... А на Понедельи [2] Никольский монастырь княжи пожгли и по иным местам и много волости воеваша, а у купцов у Новгородских много товара отъимаша, а людей, мужь и жен и детей множество в полон поведоша, а иных побиша, а иные с студена измроша беспортьем, занеже ратныи их пограбиша, а иной полон отпустили на миру. А Новоторжские большие бояре вси в Новгород вбегли, и из иных волостей сильно много наехаша, а тогда крестьянам не бяше пути, но гололед без снега. И Новгородские послы, ехав в Понеделье и докончали мир на всей старине с великим князем, по владычню благословению, а по новгородскому поклону; а за винные люди, за волжаны, кто в путь ходил, и за ким княжчины залегли, Новгородцы вземшее с полатей у святей Софии 3000 рублев, и послаша князю в Ямна, [3] ... а 5000 рублев Новгородцы повелеша князю великому взяти на Заволочанах, занеже заволочные были же на Волге, и пристава послаша, за Волок сей же зимы... брати то серебро. И князь великий воротися из Ямна к Москве, мир взем с Новымгородом, а наместники присла и черноборцев в Новгород. [4]

---

[1] В том числе и ополчения недавних Новгородских волостей, как Бежецкая и Новоторжская.

[2] Понеделье — верстах в 30 от Новгорода.

[3] Ямы (Ямны) — погост под Новгородом.

[4] Черноборцы — сборщики «черного бора» — общей дани со всей земли Новгородской.

10. Из летописного рассказа о падении Новгородского народоправства.[1]

(Софийская вторая летопись; П. С. Р. Л., т. VI, стр. 205—219.)

6985—1477 год. Тое же зимы, марта, архиепископ новугородский Феофил и весь Великий Новгород прислали к великому князю Ивану Васильевичу и сыну его Ивану[2] послов своих, Назара Подвойского и Захарию дьяка вечного, бити челом и называти себе их государи, а наперед того, как и земля их стала, того не бывало, никоторого великого князя государем не называли, но господином.

Тое же весны, апреля 24, в четверг, князь велики посла в Новгород послы свои, Федора Давыдовича и Ивана Борисовича, а с ними дьяка Василия Долматова, к владыце и ко всему Новугороду покрепити того, какого хотят государства их отчина их Великий Новгород: и они того заперлися рекуще: с тем есмя не посылывали, и назвали то ложью. Мая 31, еще послам великого князя в Новогороде (сущим), и бысть мятеж в Новугородцах, сотвориша вече, и пришед на Василья Микифорова, взяша и приведоша его на вече и вскричаша: «переветниче, был ты у великого князя, а целовал есм ему крест на нас»,... они же без милости убиша его, а по обговору Захария Овина, а потом и того Овина убиша и брата его Кузьму у владыки на дворе; и от того часа... ины иная глаголаша и к королю паки восхотеша. Князь же велики слышав от своих послов да и от тамошних посадник, которые приятны ему, а разбегоша же ся вси,... и возверже оттоле на Новгород гнев свой... В лето 6986 (1478) октября 9... поиде князь велики с Москвы к Новугороду за их преступление казнити их войною[3]...

Декабря 5 прииде из Новгорода владыка Феофил да и посадники и житьи... к великому князю..., и бил челом владыка и все, иже с ним..., чтобы государь смиловался, и в том ся повинили, с чем посылали Назара да Захара да перед послы великого князя того заперлися. И князь велики велел отвечати им: а коли уже ты, владыка, и вся наша отчина Великий Нов-

---

[1] Обстоятельный летописный рассказ о падении Великого Новгорода в 1478 г. — явно официального московского происхождения. Составлен по записям великокняжеских дьяков о походе Ивана III на Новгород и его переговорах с новгородцами.

[2] Еще в начале 1470-х годов Иван III объявил «великим князем» и соправителем своим сына своего Ивана Молодого, утверждая таким способом, заимствованным из Византии, за ним наследие престола (Иван «молодой» умер раньше отца, в 1490 г.).

[3] Далее идет описание похода, тесной блокады Великого Новгорода и начала переговоров о примирении.

город перед нами перед великими князми виновати сказалися есте, а тех речей, что к нам посылали есте, и вы заперлися, и ныне сами на ся свидетельствуете, а вспрашиваете, какову нашему государству быти на нашей отчине на Новегороде: ино мы, великие князи, хотим государьства своего, как есмя на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новегороде [1]...

Декабря 7 прииде к великому князю владыка из Новагорода с теми же прежереченными посадники и с житьими, да с ними пять человек черных от пяти концев..., бил челом владыка и посадники и житьи и черные о том, как и преже, чтобы государь смиловался, да ослободил бы государь с бояры своими поговорити... Первая речь Якова Короба с челобитьем, чтобы государь, князь велики, пожаловал, велел своему наместнику судити с посадником. А Фефилат посадник бил челом, чтобы государь, князь велики, пожаловал, на всякой год дань имал со всех волостей Новугородских с сохи по полугривне новугородских. А Лука посадник бил челом, чтобы государь пожаловал, пригороды Новугородские держал своими наместники а суд бы по старине был. Яков Федоров посадник бил челом, чтобы пожаловал князь велики, вывода не учинил из Новугородской земли, да и о вотчинах, боярских землях, чтобы государь не вступался, да и позвы [2] бы пожаловал московские в Новгород не были. Да все били челом о том, чтобы в Низовскую землю к берегу службы нам, Новугородцем, не было, а которые рубежи сошлися здесе с Новугородскими землями и, по своих государей повелению, мы, отчина их, рады того боронити. И бояре шед великому князю те речи сказали, и князь велики выслал к ним тех же бояр с ответом:... «яз, князь великий, то вам сказал, что хотим государства на своей отчине Великом Новегороде такова, как наше государство в Низовской земле, на Москве, — и вы нынеча сами указываете мне, а чините урок [3] нашему государству быти, ино то, которое мое государство?» И владыка и посадники и житьи били челом, а молвят боярам: «то мы своим государям, великим князем, урока не чиним их государству, но пожаловали бы наши государи свою отчину, великие князи, явили то своей отчине, Великому Новугороду, как их государству быти в их отчине, занеже, господине, отчина их, Великий Нов-

---

[1] В ходе переговоров, новгородские послы пытались отстоять основы новгородской «старины»; Иван III добивается полного их подчинения своей воле и московским порядкам; послы по нескольку раз возвращаются в Новгород на совещания, а, тем временем, великий князь все теснее сжимает кольцо блокады, сдвигая свои войска кругом Новгорода.

[2] Позвы — вызовы на суд (в Москву).

[3] «Чините урок» — ставите условия.

город, Низовские пошлины [1] не знают, как государи наши, великие князи, государство свое держат в Низовской земле». И бояре шед сказали то великому князю, и князь великий их же послал с ответом:,.. «ино наше государство, великих князей, таково: вечю колоколу во отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати; ино на чем великом князем быти в своей отчине: волостем быти, челом бити, как у нас в Низовской земле, а которые земли наши, великих князей, за вами, а то бы было наше; [2] а что есте били челом мне, великому князю, чтобы вывода из Новугородской земли не было, да у бояр у Новугородских в отчины, в их земли, поле, великим князем, не вступатися, а мы тем свою отчину жалуем, вывода бы не паслися, [3] а в вотчины их не вступаемся, а суду быти в нашей отчине, в Новугороде по старине, как в земле суд стоит» [4]... Декабря 14 владыка пришел к великому князю с посадники и с прежеписанными, начаша бити челом, чтобы государь смиловался над своею отчиною, да с бояры бы велел говорити, и князь велики выслал бояр с ними говорити, и они учали бити челом, а вечей колокол отложили и посадника отложили, чтобы государь с сердца сложил и нелюбия отдал, и вывода бы не учинил и во отчины бы их, в земли и в воды, не вступался и в животы их, да пожаловал бы и позвы московские отложил из Новгородские земли, да службы бы пожаловал, в Низовскую землю не наряжал. И князь великий их тем всем пожаловал [5]...

Генваря 15, в четверг, послал князь велики в Новгород бояр своих... привести весь Великий Новгород к целованию, на той грамоте, на чем великим князем добили челом Новугородцы,... ее же написал диак владычень, а владыка подписал своею рукою и печать свою приложил и от пяти концов по печати. [6]

---

[1] Пошлина — обычный, установленный порядок.

[2] По прежним договорам с Новгородом великий князь лишен был права иметь волости и села на Новгородской территории; требование предоставить ему значительную часть митрополичьих и монастырских земель Иван Васильевич пояснял тем, что «быша бо те волости первее великих князей, ино они их освоиша», и необходимостью для его «государства» такой землевладельческой опоры.

[3] «Паслися» — опасались.

[4] Выслушав этот ответ, новгородские послы снова вернулись в Новгород на окончательное совещание.

[5] Новгородцы тщетно добивались того, чтобы великий князь закрепил свои обещания крестоцелованием своим или хотябы бояр своих, или наместника, которого пошлет в Новгород, и грамотой, устанавливающей нормы нового порядка.

[6] Эта «целовальная грамота» писана со «списка», какой владыка получил от великокняжеских дьяков.

11. Конфискация Новгородских земель при Иване III.

(П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 195, 215, 218, 259.)

1478 год (при покорении Великого Новгорода Иван III потребовал «чтоб наша отчина, Великий Новгород дали нам волости и села, понеже нам, великим князем, государство свое держати на своей отчине, Великом Новегороде без того нельзя»):— «Генваря 7 прииде к великому князю владыка и с посадники и с житьими, и списки принесли владычних волостей половину, также и монастырских. И князь велики пожаловал, у владыки половину волостей не взял, а взял 10 волостей: Порог Ладожский и земля Порожская по обе стороны Волхова да в Нагорьи Мелегежский погост да Клъбалской погост, а сох[1] в них 40 и пол — 4 (43$^{1}/_{2}$), да в Дреглях погост да Кременитцкий погост, в дву тех 50 сох, да на Мсте Белая — пол — 40 (39$^{1}/_{2}$) в ней сох, да Удомля 50 сох, да Кирва, да Охона 50 сох и пол—3 (52$^{1}/_{2}$), да Пирос, а в ней 80 куниц и две; да Новоторжские земли все взял владычни и монастырские и боярские и чьи ни буди на Торжку; да прежеписанных монастырей по половине волостей: у Юрьева монастыря в половине, что взял князь великий; 700 и 20 обеж, у Орлажа монастыря 333, у Благовещенского — 253, у Никольского Неревского конца 251, у Онтонова монастыря 50 сох, а у Михайловскаго монастыря 100 обжей без трех; а которые села были за князем за Василием за Шуйским и те князь великий за себя же взял 6 сел, а сох в них 80 без дву».

1484 год. «Поимал князь велики больших новгородских и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве под городом; а иных бояр, которые коромолу[2] держали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городам».

1488 — 89 г. «Посла князь велики и привели из Новагорода боле семи тысячь житиих людей на Москву, занеже хотели убити Якова Захарьича, наместника Новгородского». — «Тое же зимы князь велики Иван Васильевичь приведе из Новагорода из Великого многих бояр и житиих людей и гостей, всех голов больше тысячи и жаловал их, на Москве давал поместья и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переяславли, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме

---

[1] Новгородская соха = 3 обжам; обжа, примерно, = 12 четям, т.-е. около 6 десятин.

[2] Коромола—крамола, измена.

и по иным городам. А в Новогород Велики на их поместья послал московских много лучших людей, гостей и детей боярских, и из иных городов, из Московские отчины, многих детей боярских и гостей, и жаловал их в Новегороде Великом».

1490 г. «Вятчан больших людей всех и с женами и с детьми изведоша..., и князь велики вятчан земских людей в Боровске да в Кременце посади, да и земли им подавал, а торговых людей вятчан в Дмитрове посади».

ГЛАВА IV.

ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ В XV—XVI В. И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ КРЕПОСТНОГО ТРУДА.

1. С. Герберштейн[1] о русской торговле и промышленности.

(«Чтения Общ. Ист. и Др. Росс.», 1884 г.)

«Всякий, кто привезет в Москву какие бы то ни было товары, должен немедленно объявить их и обозначить у сборщиков пошлин или таможенных начальников. Те в назначенный час осматривают товары и оценивают; после оценки никто не смеет ни продавать их, ни купить, если они не будут прежде показаны государю. Если государь пожелает что-нибудь купить, то купцу тем временем не дозволяется ни показывать товары, ни предлагать их кому-нибудь. Отсюда купцы задерживаются иногда слишком долго.

Точно так же не всякому купцу, кроме литовцев, поляков или подчиненных их власти, открыт свободный доступ в Московию. Именно шведам, ливонцам и немцам из приморских городов позволено заниматься торговлей и торговать только в Новгороде, а туркам и татарам в городе, по имени Холопий[2] город, куда во время ярмарки собираются различные люди из самых отдаленных мест.

Большую часть товаров составляют серебряные слитки, сукна, шелк, шелковые и золотые ткани, жемчуг, драгоценные камни и золотые нитки... Из товаров в Германию отсюда вывозятся меха и воск, в Литву и Турцию — кожа, меха и длинные белые зубы животных, называемых у них моржами

---

[1] Сигизмунд Герберштейн, австрийский государственный деятель, был в России в 1516 — 18 годах и в 1526 году. Он написал «Записки о московских делах», изданные в Вене в 1549 г., из которых и взяты цитаты; русский перевод А. Малеина, П., 1908 г.

[2] На реке Мологе; теперь село Борисоглебское, Ярославской губ.

и живущих в Северном море; из них обыкновенно турки искусно приготовляют рукоятки кинжалов, а наши земляки считают эти зубы за рыбьи и так их и называют. В Татарию вывозятся седла, уздечки, одежды, кожа; оружие и железо вывозятся только украдкой...

Если при договоре скажешь что-нибудь или не подумавши обещаешь, они хорошо помнят это и заставляют исполнить; если же сами, в свою очередь, что-нибудь обещают, то вовсе не исполняют того. Так же, как только они начинают клясться и божиться, то знай, что тут сказывается хитрость, ибо они клянутся с намерением провести и обмануть...

Недалеко от Кремля есть обширный и окруженный стенами дом, называемый двором господ купцов; в нем живут купцы и хранят свои товары. Там перец, шафран, шелковые материи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, нежели в Германии. Это должно приписать обмену товаров. Ибо, когда москвиты наложат весьма большую цену на меха, которые в другом случае идут по дешевой цене, тогда и иностранцы, в свою очередь, по их примеру, ставят против них свои товары, также купленные дешево, и пускают их дороже; от этого происходит, что, сделав равный с обеих сторон обмен вещей, они могут продавать вещи, преимущественно полученные за меха, посредственной ценою и без прибыли.

В мехах большое различие. Чернота, длина и густота волос на соболе служат признаком его зрелости. Купцы также набивают цену, если соболи пойманы в надлежащую пору. Это наблюдается также и с другими мехами. По сю сторону Устюга и Двинской области соболей находят весьма редко, около же Печеры их множество, и при том превосходнейших.

Куньи меха привозятся из различных стран, — из северной области — хорошие, из Швейцарии — лучше, из Швеции — самые лучшие. Там же (в северной области) их большое количество. Я слышал, что в Московии некогда водились собольи меха, из коих иные продавались за тридцать, другие за двадцать червонцев. Но я не мог увидать ни одного такого меха.

Горностаевы меха привозятся также из различных мест, вывороченные наизнанку; но ими обманывают многих покупателей. У них есть какие-то знаки около головы и хвоста, по которым можно узнать, в надлежащую ли пору они пойманы. Тотчас, как горностай пойман, с него сдирают кожу, выворачивают ее, чтобы она не сделалась хуже от того, что вытрется мех. Если горностай пойман несвоевременно, и оттого мех лишается хорошего и натурального цвета, тогда они вырывают из головы или хвоста те волосы, по которым можно было бы узнать, что он пойман не в пору, и таким образом обманывают покупателей. Каждый мех продается по три или четыре деньги; те меха, которые побольше, лишены той белизны, которая бывает так чиста в маленьких...

Лисьи меха, преимущественно черные, из которых по большей части делают шапки, бывают очень дороги, ибо десяток иногда продается по 15 червонцев. Беличьи шкурки также привозятся из различных стран; те, которые побольше из области Сибири, а самые лучшие — из Швуаи, — недалеко от Казани. Привозятся также из Перми, Вятки, Устюга и Вологды, связками по 10 шкурок вместе; в каждой связке две самых лучших, которые называются личными, три — несколько похуже — красны, четыре - покрасны, последняя, называемая молошною, — хуже всех. Каждая из этих связок продается по одной или по две деньги. Из них лучшие и отборные купцы вывозят в Германию и другие страны с большой для себя выгодой.

Рысьи меха дешевы, а волчьи продаются дорого, с тех пор, как в Германии и Московии они вошли в цену. Кроме того хребтовые волчьи меха стоят в гораздо меньшей цене, чем у нас.

Бобровые меха у них в большей цене и почти все делают опушку платья из бобра, потому что у него черный и притом натуральный цвет.

Шкуры домашних кошек употребляются женщинами. Есть одно животное, которое на их языке называется песцом; его мех употребляется в дороге и в путешествиях, потому что он согревает тело больше других.

В казну вносится денежный сбор или пошлина со всех товаров, которые ввозятся или вывозятся. Со всякой вещи, ценою в один рубль, платится семь денег, кроме воска, с которого берется пошлина не только по цене, но и с весу. С каждой меры веса, которая на их языке называется пудом, платится четыре деньги.

Отдача денег на проценты во всеобщем употреблении; хотя они говорят, что это большой грех, однако, почти никто не отказывается от процентов. Проценты почти невыносимы, именно с пяти рублей всегда берут один, т.-е. 20 со ста. Церкви, как было сказано, поступают снисходительнее, получая (как они говорят) десять за сто...

Город Калуга на реке Оке отстоит на тридцать шесть миль от Москвы и на четырнадцать от Серпухова. Там выделываются искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева, имеющие отношение к домашнему хозяйству. Отсюда они вывозятся повсюду — в Москву, Литву и другие окрестные страны...

2. Англичанин Ченслер[1] о русской торговле XVI века.

«Россия страна богатая землей и населением, в изобилии имеющем находящиеся там произведения. Между жителями очень много рыбаков, ловящих семгу и треску; у них также много масла — ворвани, наибольшее количество которого добывается около р. Двины; добывается оно также и в других местах, но не в таком количестве. Жители также много промышляют вываркой соленой воды. В северных частях этой страны есть место, где ловят пушных зверей — соболей, куниц, серых медведей, лисиц белых, черных и красных, выдру, горностаев, белок и оленей; там же добываются клыки от рыбы, называемой морж.[2] Охотники за этими зверями живут у г. Пустозерска; на оленях они привозят свою добычу в Лампожню для продажи, а оттуда ее везут в Холмогоры, где в Николин день бывает большая ярмарка. К западу от Холмогор находится город Новгород, около которого растет прекрасный лен, конопля; много также воску и меду. Голландские купцы имеют в Новгороде свой складочный дом. Очень много в Новгороде и кожи, равно как и в городе Пскове, в окрестностях которого тоже великое изобилие льна, конопли, воску и меду. Новгород отстоит от Холмогор на 120 миль. Находится еще здесь г. Вологда, его предметы торговли: сало, воск и лен, но не в таком большом количестве, как в Новгороде. От Вологды до Холмогор течет река Двина, впадающая затем в море. Холмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву со всеми окрестными областями солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля 200 миль. Последний,—очень большой город. Здесь находятся кожи, сало, хлеб в очень большом количестве; есть и воск, но его не так много, как в других местах. От Ярославля до Москвы 200 миль. Между ними область усеяна деревушками, замечательно переполненными народом. Земля эта изобилует хлебом, который жители возят в громадном количестве в Москву. Утром можно встретить 700 и 800 саней, везущих хлеб, а некоторые рыбу. Попадаются везущие хлеб в Москву, а также и оттуда: это живущие, по крайней мере, за 1 000 миль, весь их обоз на санях, они живут в северных частях княжеских владений, где холод не позволяет хлебу расти — такой там жестокий холод; они привозят сюда рыбу, меха, шкуры; в этих местах и скота немного».

---

[1] Ричард Ченслер проложил в 1553 году впервые путь по Северному морю для англо-русской торговли; вторично приехал в 1555 г., когда организована английская торговая компания для торговли с Россией, получившая от царя Ивана Грозного льготную грамоту на беспошлинный торг. Описание его путешествия издано в коллекции Гахлюита; русский перевод — в «Известиях англичан о России во второй половине XVI в.», в «Чтениях Общ. Ист. и Древн. России», 1884, кн. 4.

[2] Моржевые клыки шли под названием «рыбий зуб».

3. Из духовной грамоты (в копии) великого князя Иоанна Васильевича (1504 года).

(«Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под редакцией С. В. Бахрушина, стр. 40».)

А что есми подавал детем своим селца у Москвы 3 дворы 3 городцкими на посадех: и дети мои в тех дворех торгов не дръжат, ни жытом не велят торговати, ни лавок не стявят, ни гостей с товаром иноземцев, и из Московские земли и из своих уделов в своих дворех не велят ставити; а ставятся гости с товаром иноземци, и из Московские земли и из их уделов на гостиных дворех, как было при мне; а дети мои у моего сына у Василья в те дворы в гостиные и в те пошлины не въступаются. А кто учнет в детей моих селцех и в дворех в городных торговати съестным товаром: и сын мой Василей тех торгов не велит сводити, а пошлину полавочную с них берет сына моего Васильев приказщик, как было при мне.

4. Таможенная Белозерская грамота 1497 года.

(«Ак. Археогр. Э.», т. I, № 134.)

Лета 7005 (1497) мая 21, от царя Константина и Оленина дни, на год... до лета 7006-го до 21 дни мая откупили Белозерскую тамгу да пятно коневое Тит Окишев да Есип Тимофеев да Семен Бобр. А откупа им дати 100 рублев и 20 рублев: а имати у них те деньги Часовнику подъячему по срокам; шестьдесят рублев взяти у них на великое заговейно на мясное [1], а шестьдесят рублев взяти у них на царя Константина и Еленин день. Кто привезет белозерец и окологородец и изо всех волостей белозерских товар свой и таможникам у них имати со всякого товару с рубля по полуденге, да у них же имать с саней, что привезут свою рухлядь, по полуденге, за церковную пошлину что емлют в Москве. А которой белозерец городской человек купит себе на лавку мед или икру или рыбу, и им имати у них с рубля по полуденге порядного.[2] А купит себе на лавку белозерец городской человек мех, соли или рогозину соли или пошев [3] соли, или бочку рыбы, или кадь рыбы или бочку сельдей, и им со всего с того с одного имати у них по полуденьге. А кто мясо привезет на санях... имати со стяга [4] по полуденьге, а кто коровы пригонит, и им имати

---

[1] 25 января.

[2] Порядное — сбор с торговых рядов.

[3] Пошев — лубяной короб.

[4] Стяг мяса — мясная туша. Далее «к стягу мяса» приравниваются 10 полотей (пластов) мяса, 20 гусей, 30 поросят, 30 уток, 10 баранов, 30 сыров, 20 зайцев.

с коровы по полуденге же... А привезет кто — лен, лук, часнок, орехи, яблоки, мак, золу, деготь, и им имати с воза и саней по деньге.[1] А с служилого человека, который поедет без товару, а с того пошлины не имати, а кто служилой человек поедет, а имет каким товаром торговати, ино с того имати тамгу и все пошлины по тому же, как с торгового человека. А кто купит человека в полницу,[2] и ему давати наместнику ставленного[3] с головы по алтыну, то и с приставом, и диаку имати, который грамоты полные пишет, с головы по алтыну, а таможником имати с головы по алтыну ж. А кто купит лошадь в рубль или меньше рубля, и им имати у того от пятна с лошади по деньге, и кто продает... и им у того имати с лошади по деньге. А всем торговцам, белозерцам городским людям и окологородным и изо всех волостей белозерских, и изо всее Московские земли и из Тверские земли и из Новогородские земли Великого Новагорода, являти товар свой таможником не складывая с воза и из судна; и не явя таможником сложит товар свой... и он то протамжил: ино товар его ему назад, а будет того товару на два рубля или сколько ни буди боле двух рублев, ино с него протамги два рубля, рубль наместнику, а рубль таможникам, а кто протамжит своего товару на рубль,... с него протаможья 30 алтын без гривны, четыре гривны наместнику, и четыре гривны таможникам; а кто протамжит своего товару боле рубля, а меньше двух рублев, или меньше рубля... с него протаможье имати... по тому ж по росчету, как емлют... с рубля. А кто продаст лошадь или купит кто, и не явя таможником, не пятня, ино с него заповеди пропятенья два рубля, рубль наместнику, и рубль пятенщикам. А белозерец городской человек на Белеозере в городе купит товар или продаст, ино с него тамги не имати. А продаст или купит судно, городской человек белозерец или окологородец и изо всех волостей белозерских и им у них имати тамгу, как у них и с иного товару емлют, с рубля по полуденьге. А с Москвитина... и из всее Московские земли и из Тверские земли и из Новогородские земли со всех с тех имати тамгу по старине — с рубля по алтыну, да у всех же у тех имати с саней по полуденьге... А придет кто с товаром на судне (из других областей) и сколько у него будет людей на судне, и им у них имати со всех с тех с головы по деньге. А кто приедет (из других областей и из белозерских монастырей) всем им всяким товаром и житом торговати в городе на Белеозере, а за озеро всем им торговати не ездити, и по волостям им и по монастырям не торговати, ни житом, ни всяким товаром, опроче одной белозерской волости

---

[1] И с вывоза этих же товаров, закупленных на ярмарке, по тому же расчету.

[2] В полницу — в полное холопство.

[3] Ставленое — пошлина с явки для регистрации, на которую купивший обязан «ставить» нового холопа.

Углы: а на Угле быти торгу по старине, а тамгу имати у них по тому ж, как емлют на Белеозере в городе. А кого изымают кто поедет за озеро или кто учнет торговати по волостям и по монастырям белозерским, и они с купца возмут два рубля — рубль наместникам, и рубль таможникам, и с продавца возмут два рубля — рубль наместникам, и рубль таможникам; а что у них будет товару — у купца и у продавца, — и тот товар емлют у них таможники на великого князя, а их дают на поруки наместники и таможники да ставят перед великим князем. А городским людям белозерцам и посажаном[1] за озеро ездить по старине торговати. А имати им тамгу и церковную пошлину и пятно с великого князя сельчан и с великие княгине сельчан и с митрополичьих и с княжих и с владычных и с монастырских и с боярских и с грамотников и со всех без оминки, чей бы кто ни был.

5. Уставная грамота Митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 года 21 октября.

(«Памятники истор. крестьян. XIV—XIX вв.», стр. 10».)

Се яз Киприан, Митрополит всеа Руси, дал есмь сю грамоту монастырю своему Святому Констянтину и игумену. Что мы били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема, так ркучи: наряжает нам, господине, дело не по пошлине; чего, господине, при первых игуменех не бывало; пошлины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали. И игумен Митрополиту так рек: яз, господине, на Москве игумен Царко, тот игуменил у Святаго Констянтина перед мене, того, господине, и въспроси. И Митрополит послал Окинфа к Царку к игумену, занеже тогды Царко не издаривел, и велел въспросити: какова пошлина в Святом Констянтине и как людем монастырским дело делати? И Царко игумен так отвечал Окинфу: при моем игуменстве так было в Святом Констянтине: большим людем из монастырьских сел церковь наряжати, монастырь и двор — тымити, хоромы ставить, игуменов жеребей весь рольи орать възгоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и въ двор въвезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати; а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, из семя рожь молотить; а лен даст игумен в села и они прядут, сежи и дели неводные наряжают; а дают из сел

[1] Посажане — жители посадов, посадские люди.

все люди на праздник яловицу (но одинакова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, треми бараны, и яз их пожаловал за яловицу, зенеже ми была ненядобе яловица, а по пошлине по старой всегды ходит яловица на праздник); а в которое село приедет игумен в братишну и сыпци дают по зобие овса коне̇м игуменовым.

6. Акты о крестьянском переходе в XV веке.

(«Памятн. истории крест.», XIV — XIX вв.)

«А архимандриту тяглых людей... не принимати, такоже из отчины князя великого из Москвы людей не принимати».

(Жалов. грамота Ивана Калиты Новгородскому Юрьеву монастырю XIV в.)

«И кого к себе (архимандрит) на те пустоши перезовет людей и тутошних старожильцев, и тем людям на три годы ненадобе никоторая моя дань..., а кого к себе перезовет людей из иных княжений, а не из моея отчины из великого княжения, и тем людям пришлым на десять лет ненадобе никоторая моя дань..., а что мне сказывал архимандрит..., что перенял моих сирот...,[1] и они пошли из моее отчины и он их у себя осадил..., и дает с них мою дань по силам».

(Грамота в. к. Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю 1423 г.)

«А игумену есми и всей братьи от Юрьева дни до Юрьева дни из своих деревень серебреников [2] пускать на велел, и велел если им серебреников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни; а которые будут вышли в монастырском серебре [3]... и они бы дело доделывали [4] на то серебро, а в серебре бы ввели поруку, а осень придет и они бы и серебро заплатили».

(Грамота белозерского князя о крестьянах Ферапонтова монастыря, середины XV в.)

«А отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит, а после Юрьева дни отказа от серебряники нет, а коли серебро заплатит, тогды ему и отказ».

(Грамота того же князя о крестьянах Кирилова Белозерского монастыря.)

---

[1] Сироты — крестьяне владельческих вотчин, выделенные этим уничижительным именем из общего состава сельского населения и не пользующиеся правом перехода.

[2] Серебреники — должники по ссуде денег (серебра).

[3] Вышли в серебре — ушли не расплатившись по ссуде.

[4] Отбывали бы работу за рост (см. выше — издельное серебро).

«Игумена с братьею пожаловал: которого их крестьянина из того села и из деревень кто к себе откажет, а их старожильца, и яз, князь великий, тех крестьян... не велел выпущати ни к кому».

(Грамота Василия Темного Троицкому Сергиеву монастырю конца 1450-х — начала 1460-х годов.)

«И которые люди от них вышли из их сел в мои села, великого князя, или в села моей великой княгини и в боярские села сего лета, не хотя ехати на мою службу, великого князя, к берегу,[1] и яз, князь великий, пожаловал игумена... с братьею, велел есмь те люди вывести опять назад; и которые люде живут в их селах нынеча, и яз, князь великий, тех людей ни велел пущати прочь».

(Грамота того же в. князя тому же монастырю.)

7. Из духовной грамоты великой княгини Софьи 1453 года.

(Собр. гос. грам. и дог., т. I, № 83.)

А даю те свои села к тем божиим церквям со всем с своим, как было за мною за великою княгинею, и с хлебом со всем и с животиною, да с половиною издельного серебра, что на людех; а половину издельного серебра велела есмь христианом серебреником отдавати, оприсно и страдников, страдники пойдут на слободу.

8. Жалованные грамоты Вологодского князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю, о неотказе из-за монастыря серебрянников прежде и после Юрьева дня 1462—1471 гг.

(«Памятники истор. крест. XIV — XIX вв.», стр. 12.)

Се яз князь Андрей Васильевичь пожаловал есми старцов Кироловьских: что у них деревни в моей отчине, на Вологде, в Маслине, и они у них деи из тех деревень людей их отказывают, серебряников Юрьевьских, до году, и аз тех старцов пожаловал: мои князи и бояре, и дети, и боярьские, и поселские мои, у тех старцов, из тех деревень из монастырьских, серебряников Юрьевских после Юрьева дни не отказывают, по сей моей грамоте; а хто откажет до Юрьева дни, или после Юрьева дни, ино тот отказ не в отказ.

[1] Речь идет о повинности «даточных людей» ополчении для службы на берегах Оки в сторожевом войске против татарских набегов.

9. Из духовной грамоты князя Юрия Васильевича (1472 года.)

(«С. Г. Г. и Д.», т. I, № 96, и «Духовн. и догов. грам. князей великих и удельных». Под ред. Бахрушина, стр. 70—71.)

А к живоначальной Троици в Сергиев манастырь даю свое село Кучку, да деревенку с хлебом, что в земле, опрочь стоячего хлеба, да и с животиною; а что в том селе и в деревенке серебра на людех, ино того серебра половина великой Троице, а другая половина тем християном, на коих то серебро. А к Спасу в Суздаль даю свое село Федорино городище с хлебом, что в земле, опрочь стоячего хлеба, да и с животиною; а что в том селе серебра на людех, ино того серебра половина великому Спасу, а другая половина тем християном, на коих то серебро. А на Симоново к Пречистой даю свое село Велико и с деревнями и с хлебом, что в земле, опрочь стоячего хлеба, да и с животиною; а что в том селе серебра на людех, ино того серебра половина Пречистой, а другая половина тем християном, на коих то серебро.

10. „Приписной список" к духовной грамоте верейского князя Михаила Андреевича о ликвидации его долгов и иных имущественных отношений.

(«С. Г. Г. и Д.», т. I, № 122.)

«Сесь список приписной велел князь Михайло Андреевичь написать — память своему государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси. Долгу на мне: дати ми в Кирилов монастырь игумену с братьею полтораста рублев; да дати ми Ивану Сафарину пятьдесят рублев без дву гривен; да опрочь того занял Микитка на мою соль в Кирилове ж монастыре у игумена шестьдесят рублев; да тот же Микитка занял у Пафнотьевского старца у Венедикта два рубля на мою ж соль; да тот же Микитка занял в Мартемьянове монастыре два рубля на мою ж соль, — и государь бы мой, князь велики, тот долг с мене снял. А что мое жито на Белеозере в житницах и в селах и что куплено у меня соли, то все моему государю, великому князю. А что мои деньги в моих селах в ростех [1] и в пашни [2] и на кои ни будит и государь бы мой, князь великий, после моего живота тех денег не велел взяти. А что мои люди, кого буду

[1] Деньги в ростех — то же, что ниже ростовое серебро.
[2] Деньги в пашне — то же, что ниже издельное серебро.

чем пожаловал — жалованьем и деревнями, и государь бы мой, князь великий, после моего живота моего жалованья не порушил, чтоб мои люди после моего живота не заплакали, а меня бы государь мой, князь великий, во всем том не положил, занеже тобе, государю моему великому князю приказана душа помянути и долг заплатити. А сесь список велел есми подписати духовнику своему Ивану печатнику, и печать свою приложил».

Перед смертью в 1486 году, верейский удельный князь удостоверил в духовной грамоте (там же, № 121), писаной под редакцией великокняжеских дьяков, передачу в. к. Ивану III всех своих владений и приписал: «и приказываю душу свою помянути и долг заплатити и все расправити по своем животе своему господину и государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси: о всем положил есми на бозе, да на нем, на своем господине на великом князе. А где ми что долгу дати ино тому список за моею печатью и за подписью дьяка моего». К духовной и приложены восемь грамоток, указывающих те имущественные и земельные пожалования, а также долговые обязательства, которые поручались заботе душеприказчика — великого князя, на которого переходили эти заботы вместе с владениями удельного князя.

В княжеских духовных обычны указания на задолженность, подлежащую ликвидации: «а приказываю свою душу осподарыне матери своей, великой княгине, да господину своему, великому князю, душу свою помянути и долг свой заплатити» и т. п.; обычны и указания на задолженность князю крестьян по ссудам: «а что в том селе серебра на людях, ино того серебра половина монастырю, а другая половина тем крестьянам, на коих то серебро», оговаривает князь, завещая монастырю «на помин души» вотчину или: «а что в моих селах на крестьянах мое серебро изделное[1] и ростовое[2] и мое жито на них заемное[3] и оброчное[4]; и которые мои села и деревни за моими детьми боярскими с моим серебром, — и яз то свое серебро и жито все отдал крестьянам».

В грамотах Волоцких князей (нач. XVI в. — там же, №№ 132 и 151) перечень заложенных ими драгоценностей и взятых в долг разных товаров.

11. Судебники о крестьянском выходе.

(Судебники полностью в «Актах Исторических» (СПБ., 1841), т. I, №№ 105 и 153, и в «Хрестоматии по истории русского права» Владимирского-Буданова.)

Судебник 1497 года, ст. 57: О крестьянском отказе. А крестьянам отказыватися из волости (в волость), из села в село — один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего[5] и неделя после Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платят: в полях за двор рубль, а в лесах полтина. А которой крестья-

[1] Изделное серебро — денежная ссуда с обязательством отработки процентов.
[2] Ростовое — тоже с уплатой процентов (росту) деньгами.
[3] Жито заемное — ссуда зерном.
[4] Жито оброчное — тут недоимки по натуральному оброку.
[5] 26 ноября.

нин поживет за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочьи он полдвора платит, а три годы поживет и пойдет прочь, и платит три четверти двора, а четыре годы поживет, и он весь двор платит.

Судебник 1550 года, ст. 88: А крестьянам отказыватися из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьева дни осеннем. А дворы пожилые платят: в полях за двор рубль да два алтына, а в лесах, где десять верст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына. А который крестьянин живет за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два годы поживет, и он платит полдвора, а три годы поживет и он платит три четверти двора, а четыре годы поживет и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот. А за повоз имати с двора по два алтына. А опричь того на нем пошлин нет. А останется у которого крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоячего, даст баран, два алтына.[1] А по кои места была рожь его в земли, и он подать цареву и великого князя платит со ржи, а боярского ему дела, за кем жил, не делати. А попу пожилого нет и ходити ему вон бессрочно воля. А которой крестьянин продастся кому в полную в холопы, и он выйдет бессрочно же и пожилого с него нет.

12. Указ 1597 года об урочных годах для сыска беглых крестьян.

(«Акты Истор.», т. I, № 221, II.)

«Лета 7106 ноября в 24 день царь и великий князь Федор Иванович всея Руси указал и бояре приговорили: Которые крестьяне из-за бояр и из-за дворян и из-за приказных людей и из-за детей боярских и из-за всяких людей, из поместий и из вотчины, и из патриарховых и из митрополичьих и из владычних и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106 году за пять лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещикам, из-за кого они выбежали... давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил. А которые крестьяне выбежали... лет за шесть и за семь и за десять и больше, а те помещики и вотчиники из-за кого они выбежали... не бивали челом, ... на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и на вотчиников, за кем они выбежав живут, суду не давати и назад их, где кто жил, не вывозити».

[1] Барана или деньгами два алтына.

13. Указ Бориса Годунова о крестьянском выходе.

(«Акты Арх. Эксп.», II, № 20.)

«В нынешнем во 110 (7110—1601) году[1] ноября в 28 день великий государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси и сын его великий государь царевич князь Федор Борисович всея Руси пожаловали, во всем своем государстве от налога и от продаж велели крестьянам давать выход. А отказывати и возити крестьян дворянам (идет перечень всех разрядов мелких служилых землевладельцев) про меж себя; а срок крестьянам отказывати и возити Юрьев день осеннего да после Юрьева дни две недели, а пожилого крестьянам платити за двор по рублю по два алтына. А в дворцовые села и в черные волости, и за патриарха... и за владыки и за монастыри, и за бояр и за окольничих и за дворян больших и за приказных людей... и за голов стрелецких и из за них в нынешнем во 110 году крестьян возити не велети. А в Московском уезде всем людям промеж себя да из иных городов в Московский уезд по тому же крестьян не отказывати и не возити. А которым людям промеж себя в нынешнем во 110 году крестьян возити, и тем, по государеву... указу, возити меж себя одному человеку из за одного же человека крестьянина одного или двух, а трех или четырех одному из за одного никому не возити».

В следующем 1602 году возобновлено такое же разрешение «вывоза» и с теми же ограничениями еще на год («А. А. Э.», т. II, №№ 23 и 24.)

14. Память окольничему Морозову о выходе крестьянском 1601 года 28 ноября.

(«Пам. ист. крест. XIV—XIX вв.», стр. 43—44.)

Лета 7110 ноября в 28 день, по Государеву Цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, память околничему Василью Петровичу Морозову. В нынешнем во 110 году, великий Государь Царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и сын его великий государь царевич князь Федор Борисович всеа Русии пожаловали, во всем своем государстве от налога от продаж велели крестьяном давати выход. А отказывати и возити крестьян дворяном, которые служат из выбору, и жилцом, которые у Государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии и которые у государя царевича у князя Федора Борисовича всеа Русии, и детем боярским городовым,

[1] В ноябре, к сроку Юрьева дня.

и городовым приказщиком всех же городов, и иноземцом всяким, и Болшого Дворца дворовым людем всех чинов, ключником, стряпчим, ситником, подключником, конюшенного приказу приказщиком и конюхом стремянным и стряпчим, ловчего пути охотником и конным псарем, соколничья пути кречетинком и соколинком и ястребинком, трубником и сурначеем и государыни царицы и великие княгини Марьи Григорьевны всеа Русии детем боярским, и всех приказов подъячим, и Стрелецкого приказу сотником стрелецким и головам казачьим, и Посольского приказу переводчиком и толмачем, и патриаршим и митрополичьим и архиепископьим и епископьим приказным людем, детем боярским, промеж себя.

А срок крестьяном отказывати и возити Юрьев день осеннего, да после Юрьева дни две недели. А пожилого крестьяном платити за двор по рублю по двя алтына. А в дворцовые села и в черныя волости, и за патриарха, и за митрополиты, и за архиепископы, и за владыки, и за монастыри, и за бояр, и за околничих, и за дворян болших, и за приказных людей, и за дьяков, и за столников, и за стряпчих, и за голов стрелецких, и из за них, в нынешнем во 110 году, крестьян возити не велети.

А в Московском уезде всем людем промеж себя, да из иных городов в Московской уезд потому ж крестьян не отказывати и не возити. А которым людем промеж себя, в нынешнем во 110 году, крестьян возити, и те, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, возити меж себя одному человеку из-за одного же человека, крестьянина одного или дву, а трех или четырех одному из-за одного никому не возити.

ГЛАВА V.

ОПРИЧНИНА, КАК ДИКТАТУРА ТОРГОВОГО КАПИТАЛА.

1. Из писаний Ивашки Пересветова.

(«Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1908 г., кн. 1.)

«Ехал есми, государь изо Угор[1] на Волоскую[2] землю и был есми тоть месяц у Петра, у воеводы у волоского, в Сочаве. И он про тебя, про великого царя благоверного и про твое царство государево говорит на всяк день... Да того не хвалит, что крест целуют, да изменяют — то есть великая ересь, что за веру христианскую не стоят и государю верою не служат. Да и того не хвалит, что (царь) особную войну на свое царство напущает: дает города и волости держати вельможам, и вельможи от слез и от крови роду христианского богатеют нечистым собранием, и как съедут с кормлений с городов и с волостей — и в обидах присужают поля[3] и в том обе стороны много греха сотворяют, крест целуют на виновате обои — истцы и ответчики: один приложив ищет к своей обиде, а другой всее обиды запрется, и в том обои в грехах погибают... Так говорит волоский воевода про первого царя турецкого Махмет-салтана: неверный царь богоугодное учинил, великую мудрость и правду в свое царство ввел — по всему царству своему разослал верные свои судьи, пооброчивши их из казны своим жалованьем, чем им можно прожити, с году на год, а суд дал палатный во все царство судити, без противня, а присуд велел имать на себя в казну, чтоб не искушалися и в грех не впали и бога не разгневили. А какова вельможу пожалует за его верную службу каким городом или волостью, и он пошлет к судьям своим и велит ему по доходному списку из казны выдать вдруг...

---

[1] Венгрия.
[2] Валахия (Румыния).
[3] Судебный поединок.

«Так говорил волоский воевода про русское царство, что вельможи русского царя сами богатеют и ленивеют, и царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру християнскую не стоят и люто против недруга смертного игрою не играют, тем богу лгут и государю.

...Богатый о войне не мыслит, мыслит о упокои: хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет. Так говорит волосский воевода: война держати, как сокола чередити — и всегда ему сердце веселити и ни в чем ему кручины не допустити. И вся так говорит волосский воевода: таковому сильному государю годится со всего царства своего доходы к себе в казну имати и из казны своея воинникам сердца веселити, ино казне его конца не будет и царство его не оскудеет. Который воинник мож будет против недруга государева играти смертною игрою... ино таким воинникам имена возвышати... и жалования из казны своей государевой прибавливати; и иным воинником сердца возвращати и к себе их припущати близко и во всем им верити, и жалобы их послушати во всем и любити их, яко отцу детей своих, и быти до них щедру:... что царю щедрость к воинником, то есть и мудрость его. А про тебя, про государя, про великого царя благоверного, волосский воевода говорит: таковому государю годится держати двадцать тысячь юнаков храбрых с огненною стрельбою, гораздо учиненою,... изоброчивши их из казны своим жалованьем государским годовым;... ино же ему двадцать тысяч лучше будут ста тысяч, а украйны его все будут богаты и не оскужены от недругов.»

(Из «первой челобитной» Пересветова. — Сочинения Ивана Пересветова изданы Ржигой в «Чтениях Общ. Ист. и Др. Росс.», 1908 г. кн. I; писаны в конце 1540-х годов; «Пересветов» — повидимому, псевдоним, а сочинения его наиболее выдающееся явление «дворянской публицистики» середины XVI века.)

2. Из безыменного проекта реформ середины XVI века.

(«Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1881 г., кн. 2.)

«Во всех языцех кроме руссийского языка, не вемы правоверствующа царя. Аще же убо верою прав есть, достоит ему не леностно снискати рассмотряя уже о благополучению всем сущим под ним, не едиными вельможами, еже о управлении, пещися, но и до последних; вельможи бо суть потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующиеся. В начале же всего потребни суть ратаеве,[1] от их бо

[1] Ратаи — земледельцы.

трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна... Сии же всегда в волнениях скорбных пребывающе, еже не единого ярма тяготу всегда носяще:... ратаеве же беспрестани различные работные ига подъемлют — овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямские собрания, овогда же ина. Елицы иже от даропитательных сих ради царских собраний к ним собрания бывают, и сии убо подле царского уставления и себе с них иногда много собирают; еще же сих ради посланий, яждения ради конем в ямские расточения много сребра расходящеся. Многа же и ина ратаем обида от сего, еже царское землемерительным писарие, яздяху с южием [1] делом мерным отделяюще царевым войнам землю и меру земли врознь всяку четверть [2] полагающе и сим много медлящие, изъядаху многа брашна у ратаев. И многа убо царства прочтохом и сего обычая не видехом. Видехом же се:.. во всех языцех койждо человек своему цареви или властителем воздает урок от приплод своея земли, идеже бо ражается злато и сребро, ту и воздают злато и сребро, а идеже плодятся множество великих скот, ту и воздают скотом, а идеже плодятся зверие, ту и воздают зверие. Зде же, в рустей земли, ни злато, ни сребро не рожается, ни велиции скоти, но, благоволением божиим, всего дражайши рожаются жита на прокормление человеком. Достоит убо и дань у ратаев царем и вельможом вам имати от жит, притяжания их пятую часть, якоже Иосиф в Египте учреди,... кроме же сего ничего же. Злата же и сребра ратаеве недоумеюще откуда притяжати,... ратаеви же мучими сребра ради, еже в царску взимается власть и дается в раздаяние вельможам и войнам на богатство, а не нужды ради. Нужды бо ради кийждо от вельмож свои ратаи имут, и сами довольны будут, пятую часть у коегождо ратая приемлюще и цареви от сего служаще; их же ратаем ничто же иного кому никому недостоит подаяти, ни ямского собрания своих ради вельмож или войнов. Ямская же правления вся подробно достаит, устрояти от града по росписанию и до другого града; сим, елицы и во градех купующим, продающии и прикупы богатеющим, достоит сим сей ярем между всех градов носити, понежа суть стяжатели многа прибытка; кроме же сего ничего же, никиих улишений да не сподобятся; но во вся грады безо всяких воздаяний, сиречь пошлин, купующе и продающе... Се убо всякого мятежа в земных умалится, писарем умаление, сборы престанут, мзды неправедные отлучатся.

«Недостоит бо никому же боярам и воеводам и войнам, свои ратаи имуще, со инех же сребро имати... Аще же убо кому ждо на потребу будет сребро, имат кийждо излишняя жита даста своя и се безпошлинно продая градским жителям и елицы

---

[1] Южем — ужом, землемерным шнуром.
[2] Четверть или четь — полдесятины.

и хлеб купуют, и сим на потребу свою сребро притяжет. Како убо у ратаев сребро хотети и того ради их, яко видим, муками томити? Сии бо сребра не созидают, но хлеб назидают, сего ради у них хлеб достоит приимати, по Иосифа прекрасного уставу, пятую часть; тако же и сена и дров пятую часть достоит приимати»...

«Подобно есть ему всем войнам повелети не жити в селах и в весях, но жити во градах, яко да уставленное свое повелят привозити к себе ратаям и приемлют хлеб и сено и дрова у ратаев своих, сами же жительствуют во градах».

«Проект» издан в книге Жмакина «Митр. Даниил и его сочинения», М. 1881, приложение XXII («Чтения Общ. Ист. и Др. Росс.», 1881 г., кн. 2), а связанное с ним руководство к землемерию в книге Милюкова: «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства» (СПБ., 1892).

3. Выступление Ивана Грозного на путь классовой дворянской политики.

(«П. С. Р. Л.», т. XXII, стр. 528 — 529.)

«7057 (1549) года, февраля 27 царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси в своих царских палатах перед отцом своим Макарием митрополитом и перед всем освященным собором говорил боярам своим..., что до его царского возрасту от них и от их людей детям боярским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопах и в иных обидных делах, и они бы вперед так не чинили, детям бы боярским и крестьянам от них и от их людей силы и продажи и обиды во всяких делах не было никоторые, а кто впредь... учинит..., и тем от меня, царя и великого князя, быть в опале и казни...

«Того же месяца февраля в 28 день царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси со отцом своим Макарием митрополитом и с бояры уложили, что, во всех городах Московской земли наместникам детей боярских не судить ни в чем, опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным, да и грамоты свои жаловальные послал во все городы детям боярским».

4. Опричнина Ивана Грозного.

(«Полн. собр. русск. лет.», т. XIII, стр. 391 — 395.)

Постановление царя Ивана в 1564 году: «Что ему своих изменников, которые измены ему делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опалу свою класти, а иных казнити и животы их и статки[1] имати; а учинити ему на

[1] Животы и статки — все имущество.

своем государстве себе опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особной, а бояр и окольничих и дворецкого и казначеев и диаков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и стольников и стряпчих и жильцов учините себе особно,... и всяких дворовых людей на всякий обиход, да и стрельцов приговорил учинить себе особно. А на свой обиход... городы и волости... государь изимал кормленым окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государев обиход, — жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государской обиход — и иные городы и волости имати. А учините государю у себя в опришнине князей и дворян и детей боярских и городовых 1 000 голов, и поместья им подавал в тех городах содново, которые городы поимал в опришнину, вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в иных городах, понеже опришнину повеле учинити себе особно».

Указ об учреждении опричнины дошел до нас только в летописном пересказе, в форме ответа царя Ивана на челобитье, чтобы он не покидал государства, при отъезде его в Александровскую Слободу.

5. Флетчер о борьбе Ивана Грозного с боярской аристократией.

(Флетчер,[1] «О русск. государстве».)

«Самые знатные по роду, власти и доходам называются удельными князьями, т.-е. князьями выделенными или привилегированными. Они-то имели некогда в своих областях особую расправу и неограниченную власть, подобно дворянам или чинам немецким...

...Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич, отец нынешнего царя,[2] человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, желая более усилить свое самодержавие, начал постепенно лишать их прежнего

---

[1] Англичанин Флетчер пробыл в Москве с конца 1588 до лета 1589 года послом от королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу, по делам английской торговой компании, и в 1591 г. издал в Лондоне книгу «О русском государстве»; русский перевод М. А. Оболенского был издан в 1848 году, но подвергся цензурному запрещению; переиздан в 1906 году Сувориным и в 1911 г. в одном из выпусков (120 — 121) «Всеобщей Библиотеки»; тут приведена выдержка из главы IX.

[2] Федора Ивановича.

величия и прежней власти, пока, наконец, сделал их не только своими вассалами, но даже холопами, т.-е. настоящими рабами или крепостными. В самом деле, они сами не иначе себя называют как в государственных бумагах, так и в частных просьбах, подаваемых ими царю, так что теперь они, относительно своей власти, своих владений, жизни и всего прочего, зависят от воли царя наравне с другими подданными.

Средства и меры, употребленные для этого царем, как против князей удельных, так и против других бояр (сколько я мог заметить, судя по рассказам о его действиях) были следующие или тому подобные: во-первых, он посеял между ними личное соперничество за первенство в чинах и званиях и с этою целью подстрекал дворян, менее знатных по роду, стать выше или наравне с теми, которые происходили из более знатных. Злобу их и взаимные распри он обращал в свою пользу, принимая клеветы и доносы касательно казней и заговоров, будто бы умышляемых против него и против государства.

Ослабив, таким образом, самых сильных и истребив одних с помощью других, он, наконец, начал действовать открыто и остальных принудил уступить ему права свои.

Во-вторых, разделил он своих подданных на две части или партии, разъединив их совершенно между собою. Одни из них были названы им опричными, или отборными людьми. Сюда принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, которых царь взял себе на часть, чтобы защищать и охранять их, как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими или общими. Земские были самый низкий и простой класс людей с теми из бояр, которых царь думал истребить, как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается до опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, богатством, вооружением и прочим далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что если кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников, которых он причислял к своей партии, то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобою царю. И те и другие по порядку были вносимы и записываемы в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников».

Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч., и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном, как оно здесь называется, владение коими зависит от произвола царя и которые находятся в весьма дальнем расстоянии и в других краях государства, и этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни популярностью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах».

6. Челобитная „князя“ Ивана Московского „великому князю“ Симеону Бекбулатовичу 30 октября 1575 г.

(С. М. Соловьев. «История России», кн. II, стр. 180.)

«Великому князю Семиону Бекбулатовичу всея Русии сю челобитную подал князь Иван Васильевич Московский, а в челобитной пишет: государю великому князю Семиону Бекбулатовичу всеа Руссии Иванец Васильев с своими детишками с Иванцом да с Федорцом челом бьют: чтоб еси, государь, милость показал, ослободил людишек перебрать бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси пожаловал ослободил принять; а с твоими государевыми приказными людьми ослободил о людишках памятьми ссылатися; а ослободил бы пожаловал изо всяких людей выбирать и приимать, и которые нам не надобны, и нам бы тех пожаловал еси, государь, ослободил прочь отсылати. И как, государь, переберем людишка, и мы к тебе, ко государю, имена их списки принесем, и от того времени без твоего государева ведома ни одного человека не возмем. А которых людишок примем, и ты б, государь, милость показал — вотчиннишок у них отнимать не велел, как преж сего велось у удельных князей, а ис поместишок их им хлебишко и денежка и всякое их рухлядишко пожаловал велел отдати и людишок их не ограбя велел выпустити; а которые от нас поедут и учнут тебе, государю, бити челом, и ты б, государь, пожаловал, милость показал: по их челобитью к себе, к государю, тех наших людишок, которые учнут от нас отходити, пожаловал не принимал.[1] Да покажи, государь, милость, укажи свой государской указ, как нам своих мелких людишок держати: по наших ли дьячишков запискам и по жалованьишку нашему, или велишь на них полные[2] имати, как, государь, указ свой учинишь. Во всем тебе, государю, челом бьем, — государь, смилуйся, пожалуй!»

В такой шутовской форме — указ Ивана Грозного о новом пересмотре личного состава опричников и упорядочении их регистрации.

---

[1] Иван Грозный выдерживает тон удельного князя — в духе договоров между великими и удельными князьями былых времен.

[2] В эту пору правительство Грозного требовало признания всех, уклонявшихся от государственной службы в частную — холопами, с соответствующей их регистрацией в холопьем приказе и выдачей на них «полных» грамот. Ирония «челобитной» в том, что будто и «опричники» подходят под определение таких частных «послужильцев».

ГЛАВА VI.

ИДЕОЛОГИЯ ВЛАСТИ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ.

1. Сигизмунд Герберштейн о власти Московского государя.

(Герберштейн, «Записки о московских делах», Вена, 1549 г.)

«Властью, которую он[1] применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. И он докончил также то, что начал его отец,[2] а именно отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления. Во всяком случае, даже родным своим братьям он не поручает крепостей, не доверяя и им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при его дворе или итти на войну или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет. Исключение составляют иные сыновья бояр, т.-е. знатных лиц с более скромным достатком,[3] таких лиц, придавленных свею бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалованье, но неодинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых, получают жалованье через два года в третий; те же, кому каждый год дается по 12 золотых, принуждены быть без всякой задержки готовыми к исполнению всякой службы на свой счет и даже с несколькими лошадьми. Знатнейшим, которые правят посольство или несут иные более важные обязанности, назначаются, сообразно с достоинством и трудами каждого, — или наместничества, или деревни, или поместья. Однако, от каждого в отдельности из этого они платят государю определенную подать. Им отдают только штрафы, которые вымогаются у бедняков, случайно в чем-нибудь провинившихся, и некоторые другие доходы. Но подобные владения он отдает им по большей части в пользова-

---

[1] Василий III.
[2] Иван III.
[3] Так Герберштейн определяет «детей боярских».

ние только на полтора года; если же он содержит кого в особой милости или расположении, то прибавляет несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается и целых шесть лет под ряд придется служить даром...

«Он применяет свою власть к духовным и так же как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех. Из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они открыто заявляют, что воля государя есть воля божья и что ни сделает государь, он делает по воле божией. Поэтому также они именуют его ключником и постельничьим божиим. Наконец — веруют, что он — свершитель божественной воли. Поэтому и сам государь, когда к нему обращаются с просьбами за какого-нибудь пленного или по другому важному делу, обычно отвечает: «Если бог повелит, то освободим». Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-нибудь деле неверном и сомнительном, то, в общем, обычно получает ответ: «про то ведает бог да великий государь». Неизвестно, народ ли по своей загрубелости требует себе в государи тирана, или от тираности государя самый народ становится таким бесчувственным и жестоким».

2. Формулы монархической идеологии русского средневековья.

«Невозможно — христианам иметь церковь, но не иметь царя: ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга».

(Из грамоты Константинопольского патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу — «Р. Историч. Библ.», т. VI прил., № 40.)

«Солнцу убо свое дело есть, еже светити сущих на земли; царю же свое есть, еже пещись о всех сущих, иже под ним... Царь убо естеством подобен есть всем человекам, властию же подобен есть вышнему богу».

(Иосиф Волоцкий, в книге «Просветитель», слово 16-е.)

«Внемли же, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино царствие: два убо Рима [1] падоша, а третей [2] стоит, а четвертому не быти, и уже твое христианское царство иным, по великому Богослову, не останется».

(Из послания старца Филофея к великому князю Василию III. Писания Филофея изданы Малининым в книге: Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Киев, 1901.)

[1] Рим первый в Италии, второй «Новый Рим» — Константинополь.
[2] Третий Рим — Москва.

«Российское самодержавство изначала сами владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи... Или убо сие светло—попу и прегордым лукавым рабам [1] владети, царю же токмо председанием и царствия честью почтенну быти, властью же ничем же лучше быти раба? а се ли тма, яко царю содержати повеленная? Како же и самодержец наречется, аще не сам строит?.. — Земля правится божиим милосердием и пречистые богородицы милостию и всех святых молитвами и родителей наших благословением—и последи [2] нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги... [3]. А жаловать есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны ж есмя».

(Из первого послания Ивана Грозного к А. М. Курбскому.)

---

[1] Грозный разумеет Сильвестра и его кружок, так называемую «избранную раду».
[2] Последи — наконец.
[3] Ипаты и стратиги — греческие названия правителей и воевод.

ГЛАВА VII.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КОНЦЕ XVI И НАЧАЛЕ XVII ВВ. („СМУТНОЕ ВРЕМЯ“).

1. Из „Нового Летописца“ о событиях 1601—1607 гг.

(«Полное собрание русских летописей», т. XIV, стр. 55, 58, 61—62, 71—72.)

76. О меженине и на люди о мору з гладу. Наводящу ж богу грех ради наших, приводящу нас к покаянию, мы ж его наказания ни во что ж вменихом, за то же наведя на нас бог глад велий: быша дожди велии во все лето, хлебу же ростящу; и как уже хлебу наливающуся, а не зрелу стоящу, зелен аки трава, на праздник же Успения Пречистыя Богородицы бысть мраз велий и поби весь хлеб, рожь и овес. И того году людие еще питахуся с нужею старым хлебом и новым, а рожью тою сеяху чаяху, что возрастет; а на весну сеяху овсом, того же чаяху. Тот же хлеб, рожь и овес, ничто не взошло: все погибе в земле. Бысть же в земле глад велий, яко и купити не добыть. Такая же бысть беда, что отцы детей своих метаху, а мужие жен своих метаху же, и мроша людие, яко и в прогневание божие так не мроша, в поветрие моровое. Бысть же глад три годы. Царь же Борис, видя такое прогневание божие, повеле мертвых людей погребати в убогих домах и учреди к тому людей, кому те трупы збирати.

77. О каменном деле в меженину для пропитания. Видя ж царь Борис такое божие прогневание, и повеле делати каменное дело многое, чтобы людем питатися, и зделаша каменные палаты большие на възрбе, где были царя Ивана хоромы.

84. О разбойницех и о посылке на разбойников. Паки же древле враг наш диавол, не хотя роду християнского видети в добре, вложил в человецы лукавъство, еже есть лихоимъствовать, и введе многих людей в пагубу. Бысть в то же время, умножишась разбойство в земле Рустей не токмо что по пустым местом проезду не бысть, ино и под Москвою

быша разбои велицы. Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, посылаше многижда на них. Они ж разбойники, аки звери, зубы своими скрежетаху на человека, тако противляхуся с посланными, и ничево им не можаху сотворити. Они же воры и досталь православных християн посецаху и грабяху. У них же воровских людей старейшина в разбойниках именем Хлопа. Царь же Борис, слышав, яко ничто им не зделати, прискорбен бысть зело и призва к себе бояр и возвести им и думаше с ними, како бы тех разбойников переимати. Боляре же придумаша на них послати со многою ратью воевод. Царь же Борис посла на них околничево своево Ивана Федоровича Басманова, а с ним многую рать. Они же поидоша и сойдоша их близ Москвы. Разбойницы ж с ними биющеся, не щадя голов своих, и воеводу Ивана Федоровича убиша до смерти. Ратные ж, видя такую от них на собою погибель, что убиша у них разбойники воеводу, и начаша с ними битися, не жалеющи живота своего, и едва возмогоша их окаянных осилить, многих их побиша: живи бо в руки не давахуся, а иных многих и живых поимаша. И тово же вора их старейшину Хлопка едва возмогоша жива взяти, что изнемог от многих ран, а иные уйдоша на Украйну и тамо их всех воров поимаша и всех повелеша перевешать. Воеводу ж Ивана Басманова повеле царь Борис погрести честно у Троицы в Сергиеве монастыре.

86 . . . . . . Король Полский, и вся рада начаша тому окаянному Гришке помогать: рать поволиша ему наимовать; а он, окаянный Гришка, им даде на том обещание, что с ними быти в одной еретической Латынской вере.

87. О посылке з Дону в Литву от казаков к Гришке Отрепьеву. И уведаша же про нево такие ж воры собаки Донския казаки и послаше к нему з Дону атамана Корелу, с ним же посл͡аша к нему казаков и дары многия и биша ему челом, чтобы он не замешкал, шол в Московское государство, а оне ему все ради. Те же окаянныя Поляки и досталь видаше от Московскаго государства приезд и ему наипаче начаше помогати. Тем же казаком от царя Бориса было гонение велие: не пущал их ни на который город; куда они не прiидут, и их везде имаше и по темницам сажаху. И оне же поидоша к нему, иное и неволею, не имеющи себе пристанища нигде.

90. О приходе Ростригине и о сдаче городов и о поимании воевод. Той же окаянный Гришка, собрався с Литовскими людми и с Черкасы, прииде на Украйну под град Чернигов и начат к Чернигову приступати. Воевода ж бысть тут князь Иван Патев и начать с ними битися, не ведая тово, что в ратных людех измены, и приидоша ж вси ратные люди и ево поимаше и сами здалися к Растриге и крест ему целовали. Також и в Путивле окаянной князь Василий Рубец Масалской

да дьяк Богдан Сутупов здумаше также, околничево Михаила Салтыкова поимаше, а к нему послаша с повинною. Той же Гришка нача тово князь Василья жаловать: тако ж никому таково времени не было, что ему. Потом же иные грады, Рылеск, також воевод поимаху и, связав, приведоша к нему. Потом же Украиные городы: Царев город, Белгород, Аскол, Валуйка, Куреск и Комаритцкая волость везде воевод, переимающе, вязаху и к нему посылаху. И собрався с изменниками государевыми и с Литовскими людьми, поиде под Новгородок Северской: чаяше в них такие ж измены. Воеводы ж в те поры в Новегороде сидяху боярин князь Никита Романович Трубецкой да Петр Федорович Басманов; сидяху в осаде и бияхуся с ним мужественно, ни на которую прелесть ево Растригину не прельстишася.

129. О побое и о разорении служивым людем от холопей своих и от крестьян. Егда же мы не исправихомся перед Богом, мы непотребни быхом, зависти и гордости не лишихомся, за то ж наша согрешения наведе на нас Бог, яко же убо пострадахом и убьении быхом ни от неверных, но от своих раб и крестьян поругаеми и убиваеми. Бысть в лето 7115 году, собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху Украинские и посацкие люди и стрельцы и казаки и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам. Бояр же своих домы разоряху и животы грабеху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху. В них же бысть старейшим князь Андреев человек Андреевича Телятевского Ивашка Болотников, собрався со многими людми и прииде под Кромы; и воеводы ж от Кром отоидоша. Слышаху ж под Елцом бояре, что под Кромами смутилось, отоидоша от Ельца прочь и поидоша все к Москве. Ратные ж люди, отъехав к Москве, разъехалися по своим домам, царь же Василий на Москве бысть не с великими людми.

130. О приходе под Москву Болотникову и о побое под Троицким Московским людем. Град же Рязань с пригороды и Тула и Кашира и иные городы Украинные царю Василию измениша и послаху в Путивль с повинными. Они же в Путимле быша и никово в Путимле не видяху и назад же вспять приезжаху и никако на истинный путь не обращахуся. И собрашася вси и поставиша себе старейшину Совлоценина сына боярсково Истому Пашкова и совокупишася с тем Ивашком Болотниковым за одно и поидоша под Москву. Град же Коломну взяша взятьем и разориша его и пришед сташа от Москвы за пятьдесят верст. Царь же Василей против их посла всех бояр своих и служивых людей, которые были на Москве, и посадцких людей, и приидоша в Коломенской уезд, разогнаша многих дворян и столников поимаша. Их же поимаху, отсылаху всех в Путивль. Бояре же приидоша под Москву и сташа в селе Коломенском.

2. Грамота Бориса Годунова о войне с самозванцем.

(С. Г. Г. и Д., т. II, № 78.)

«7112 (1604 г.), юния в 12 день, царь и великий князь Борис Федорович всея Русии, с отцем своим святейшим Иовом, патриархом всея Русии, и с сыном своим, благородным царевичем князем Феодором, со всем освященным собором — с митрополиты и архиепископы и владыки и архимандриты и игумены, и со всем своим царским синклитом, [1] видя божеское на нас, за грехи наши, праведное прещение, яко вестный всем и знаемый вор, [2] чернец, бывший сын боярский, по реклу Отрепьев, бежав в Ляхи, назвался царевичем Димитрием, который, как всем ведомо, по приключению скончался во граде Угличе и погребен тамо; а сей злохищный львичище сольсти короля Ляхского и Литовского, и учини заговор с некоими паны; давными русской земле и православной нашей христианской вере лиходеи, пришел в наши Украиные грады с войски великими, хотя похитити царство Московское и православную христианскую веру истребити, и ввести проклятую Латинскую понежскую веру, его же повелехом всюду в церквах святых и по торжищам клясти. Войска же наши вельми оскудеша: овии прельщени тем вором к нему предалися; многие казаки, забыв к нам крестное целование, нам изменили; иные от долгого стояния изнурились и испроторились, [3] в домы разошлись; — и тако вояли нашим зело умалившимся, многие же люди, имея великие поместья и вотчины, а службы не служат, ни сами, ни их дети, ни холопи, и живут в домах, не пекущеся о гибели царства и о святой церкви. Первее бо не толе слуги святителей и монастырей, но сами старцы, священницы и диаконы в нашествие нечестивых множицею на войну исхождаху, крепце вооружахуся, храбро борющеся за святую православную веру и за вся христианы, не щадя кровь свою проливаху. Мы же сего не восхотехом, да не опустеют храмы божии бес пения и не престанет их к богу теплая молитва за вся борющиеся и страждущие в воинстве, а судихом и повелехом, да вси патриарши, митрополичи, архиепископли и епископли и монастырней слуги, колико их есть годных, вскоре собрався со всяким поспешением со оружием и запасы идут в Калугу. К боярам нашим и воеводам князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи, а останутся токмо престарелые и немощные, — под тяжким нашим гневом и казнью».

---

[1] Синклит — греческое название совета, думы.
[2] Вор — преступник вообще, особенно — государственный.
[3] Испроторились — поистратились.

3. Окружная грамота Самозванца о войне с Годуновым.

(А. А. Э., т. II, № 26.)

«От царевича и великого князя Дмитрея Ивановича всея Русии (в койждо град именно) воеводам и диакам и всяким служилым людям и всем гостям и торговым и черным людям. Божиим произволением, его крепкою десницею покровенного нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотящего нас злой смерти предати, и бог милосердый злоказненного его помысла не восхоте исполнити и меня, господаря вашего прироженного, бог невидимою рукою укрыл и много лет в судьбах своих хранил; и яз, царевич и великий князь Дмитрей Иванович, ныне пришел в мужество, с божиею помощью иду на престол прародителей наших, на московское государьство, на все государьства Российского царствия. И вы б, наше прирожение, попомнили... крестное целование, на чем есте крест целовали отцу нашему... и нам чадам его, что хотети добра во всем: и вы бы ныне нашего изменника Бориса Годунова отложитеся к нам, и впредь уже нам, государю своему прироженному, служите и прямите и добра хотите, как отцу нашему, блаженные памяти царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, и яз вас начну жаловати, по своему царскому милосердному обычаю и наипаче выше чести держати, и все православное христианство в тишине и в покои и во благоденьственно житии учити учинити хотим».

4. Боярский приговор о беглых крестьянах — 1606 г. февраля 1.

(«Пам. ист. крест. XIV — XIX в.в.», стр. 46 — 47.)

Лета 7114 февраля в 1 день, по государству цареву и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Руссии слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дети боярские, и владычних и монастырских вотчин, бьют челом государю о суде в беглых крестьянах, до 110 году, до голодных годов за год, из посады и в государевы в дворцовые села и в черные волости, и за помещиков и за вотчинников, во крестьяне и в холопи, и тех приговорили сыскивая отдавати старым помещиком.

А которые крестьяне бежали во 110 и в 111 году, в голодные годы, с животы, а прожити было им мочно, а пришли за иных помещиков или за вотчинников жити во крестьяне и в холопи, и тех сыскивая отдавати старым помещиком и вотчинником. А которые бегали с животы в далные места из-за Московских городов из Украйны, а с Украйн в Московские

городы, или из города в город, верст за двести и за триста и болши, а пошли от старых своих помещиков с животы и ростеряв животы пришли к иным помещиком в бедности, и про то сыскати около тех поместей, откуда тот крестьянин пошел: да будет в сыску околние люди скажут, что он был не беден и сбежал от своего помещика или от вотчинника с животы, а прокормиться было ему мочно, а ныне за нем во крестьянех или у кого служит по кабале, и того по сыску отдати старому помещику или вотчиннику, из-за кого он сбежал, каков есть; а про которого крестьянина скажут, что он, в те голодные лета, от помещика или от вотчинника сбрел от бедности, что было ему прокормиться не мочно, и тому крестьянину жити за тем, кто его голодные лета прокормил, а исцу отказати; не умел он крестьянина своего кормити в те голодные лета, а ныне его не пытай.

А которые крестьяне, в голодные лета, во 110 и во 111 году и во 112 году, пришли в холопи к своим или к сторонним помещикам и вотчинником, и кабалы служилые из себя подавали, а старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивати из холопства по крестьянству, и того сыскивати накрепко: будет сшел от бедности и животов у него не было ничего, и тем исцам отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормитись не в мочь, и от бедности, не хотя голодною смертью умереть, бил челом в холопи, а тот его принял, в голодные годы прокормил и себя истощил проча себе, и ныне того крестьянина с холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокормил, а не от самые бы нужи в холопи он не пошел.

5. Крестоцеловальная запись царя Василия Шуйского.

(А. А. Э., т. II, № 44.)

«Божией милостию мы великий государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Русии, щедротами и человеколюбием славимого бога и за молением всего освященного росийского собора и по челобитью и прошенью всего православного христианства, учинимся есмя на отчине прародителей наших, на росийском государстве царем и великим князем, — его же дарова бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от римского кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского на сем Росийском государстве быша прародители мои, и по сем на Суздальской удел разделишась, — не отнятием и не от неволи, но по родству, яко же обыкли большая братья на большая места седати,

И ныне мы, великий государь, будучи на престоле Росийского царствия, хотим того, чтоб православное христианство было нашим царьским доброопасным правительством в тишине и в покое и благоденстве. И поволил есми яз, царь и великий князь, Василий Иванович всеа Русии, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати, и вотчин и дворов и животов у братьи их и у жен и у детей не отъимати, будет которые с ними в мысли не были; также у гостей и у торговых и у черных людей, хотя которой по суду и по сыску доидет и до смертные вины, и после их у жен и у детей дворов и лавок и животов не отъимати, будет с ними они в той вине невинны. Да и доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтоб в том православное христианство безвинно не гибли; а кто на кого солжет, и, сыскав, того казнити, смотря по вине его: что был взвел не подельно, тем сам осудися. На том на всем что в сей записи писано, и яз, царь и великий князь Василий Иванович всея Русии, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалуя, судити истинным праведным судом и без вины ни на кого опалы своей не класти, и недругом никому никого в неправде не подавати и ото всякого насильства оберегати».

6. Указ Василия Шуйского „о добровольных холопах“ и „служилых кабалах“.

(Из Указной книги «Приказы холопьего суда», в «Хрестоматии по истории русского права Владимирского-Буданова.»)

Лета 7115 (1607) марта в 7 день государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Русии указал о добровольных холопах:[1] которые холопи у бояр и у дворян и у дьяков и у приказных людей и у детей боярских, и у иноземцев, и у всяких служилых людей послужат в холопах добровольно полгода или год или больше, а не в холопстве родились и не старинные их люди, а кабал на себя же они государем своим дати не похотели, и на тех добровольных холопей в Приказе Холопья Суда учнут государи их бити челом о кабалах,[2] и тех добровольных холопей государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Русии велел роспрашивати: сколько он

[1] «Добровольные холопы» — слуги из вольных людей, добровольно живущие в господском доме.

[2] В 1597 г. состоялся указ об обязательном закреплении добровольных холопов за их хозяевами выдачей на них служилых кабал, т.-е. на пожизненную службу, с мотивировкой: «потому что тот человек того добровольного холопа кормил, обувал и одевал».

у тех государей своих добровольно служит? да будет которые добровольные холопи в роспросе скажут, что служат полгода или год или больше, а кабал дати не хотят, и тех добровольных холопей в неволю давати не велел, а велел им тем людем в кабалах отказывати: не держи холопа без кабалы ни одного дня, а держал безкабально и кормил, и то у себя сам потерял.[1]

7. Восстание Ивана Болотникова.

Из грамоты патриарха Гермогена от 30 ноября 1606 г.

(А. А. Э., т. II, № 57.)

«А стоят же воры под Москвою в Коломенском и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопам побивати своих бояр, и жен их и вотчины и поместья им сулят, а шпыням и безымянникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их, воров, к себе и хотят им давати боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество».

Из «Нового Летописца».

(П. С. Р. Л., т. XIV, стр. 71.)

«О побое и о разорении служивым людям от холопей своих и от крестьян. Егда же мы не исправихомся перед богом, мы непотребни быхом, зависти и гордости не лишихомся, за то же наше согрешение наведе на нас бог, яко же убо пострадахом и убьени быхом не от неверных, но от своих раб и крестьян поругаеми и убиваемы. Бысть в лето 7115 (1606) году, собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху украинские посадские люди и стрельцы и казаки, и начаша по градом воевод имати и сажати по темницам. Бояр же своих домы разоряху и животы грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху. В них же бысть старейшим князь Андреев человек Андреевича Телятевского Ивашка Болотников».

Эти два свидетельства из враждебного восстанию лагеря единственные дошедшие до нас данные для суждения о характере движения.

---

[1] Цель указа — утвердить требование: не держи холопа без кабалы ни одного дня; от таких холопов, которых законодательство стремится превратить из «добровольных» в «кабальных», оно отличает «вольных людей», которые поступают в частную службу «на урочные лета», т.-е. на определенный срок. В мае 1609 года новый указ признал «кабальными» тех из «добровольных холопов», которые прослужили у своих «государей» безкабально не менее пяти лет, а в сентябре 1609 г. восстановлен полугодовой срок для их принудительного закабаления.

8. Указ Василия Шуйского от 9 марта 1607 г. о сыске беглых крестьян.

(В. Н. Татищев, «Судебник».)

«Лета 7115 (1607) марта в 9 день государь царь и великий князь Василий Иванович всея Русии с отцем своим святейшим Гермогеном патриархом, со всем освященным собором и со своим царским синклитом, [1] слушав доклада Поместной избы [2] от бояр и дьяков, что переходом крестьян причинилися великие кромолы, ябеды и насилия немощным от сильных, [3] чего, де, при царе Іоанне Васильевиче не было, потому что крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал, [4] и у кого колико тогда крестьян было, книги учинил, [5] и после того началися многие вражды, кромолы и тяжи. Царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие, те книги оставил, и переход крестьянам дал, да не совсем, [6] что судьи не знали, како из тому суды вершити, и ныне великие в том учинились распри и насилия и многим раззорения, и убивства смертные и многие разбои и по путем грабления содеяшася и содеваются. Сего ради приговорили есьмя и уложили...: Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101 (7101—1593) году положены, и тем быти за теми, за кем писаны... А которые после сего уложенья крестьяне или холопи или раба побежит от своего государя и придет к иному, и государю искати своего холопа и рабу и крестьянина в пятнадцати летах от побега, а за пятнадцать лет не искать. А в городах воеводам и дьякам и всяким приказным людям наведыватись во всем их уезде чрез старост и сотених и священников, нет ли где пришлых людей вновь, и где ему скажут, оных брати и спрашивати накрепко, чей он, откуда, когда бежал

---

[1] Синклит — боярская дума.

[2] Поместная изба — поместный приказ, ведавший дела по служилому землевладению.

[3] В борьбе за рабочие крестьянские руки мелкие служилые землевладельцы много терпели от «сильных людей» — крупных землевладельцев, светских и духовных, которые и сманивали от них крестьян и вывозили их к себе «сильно и без отказу».

[4] Разумеются, повидимому, распоряжения о «заповедных летах», сроках, на которые в конце XVI в. запрещался крестьянский выход и вывоз, временно, но на неопределенный срок: «до государева указу»; этот текст дал повод мнению, что в правление Бориса Годунова был издан общий указ о прикреплении крестьян.

[5] О таких книгах иных сведений нет; «переписные книги» составлены впервые в 1646—1648 годах.

[6] Разумеются указы Годунова о «выходных годах» 1601 и 1602.

и где сколько жил, и не подговорил ли его кто? И буде скажет, кто подговорил и доведет [1] на него, и того подговорщика казнити торговою казнию, [2] и взять с него поруку, что ему того беглого отвезти к его государю, да с него же в казну взяти пени 10 рублев, а с приемщиков со всякого, кто его принимал и в селе более 7 дней держал, доправиши в казну по 10 рублев за двор и за одинокого мужика, а за бабу и за девку по 3 рубли за прием...

А который наместник или судья или дьяк или иной приказный человек о пришлых в его уезде проведывать и сыскивать и допрашивать не будет, а за прием деньги брать не станет, а доведут на него в том, и с него же деньги доправити вдвое, и от дела отбросити, и впредь ему ни у какова государева дела не быти».

Указ этот опубликован В. Н. Татищевым в изданном им Судебнике — с позднего списка, а вернее — пересказа, так как редакция и язык этого текста вызывают большие сомнения.

9. Из „Иного сказания".

О новоявльшемся развратнице Тишине, его же имя нарицашеся дикой вор тушинской.

(«Русск. Ист. Биб.», т. XIII, СПБ., 1891, стр. 116 — 118.)

В лето 7116 (1608) паки ин зверь подобен тема же явися, или, рекши, и лютейшей сих воста, на готовое бо селение диаволи мечты прииде сам отец лжи сатана. Еще бо тогда не вси Рустии грады к Московскому государству обратишася, от него же отпадоша крамолодеющими мятежники, и се паки в той же прежереченней стране Черниговстей явился ин злобесный кроволакательный пес или человекоядный зверь, иже лукавое око отверзе и злое рыкание испусти, и вся простожительныя люди устраши, а змиеобразныя лукавыя и злыя сих к своему кроволитному нраву усвояя привратити. К нему же и паки множество приидоша Полских людей и Литовских, понеже и сий нарицая себе царевичем князем Дмитрием Углецким. Аще и суд божий вскоре постиже злобного сего пса, но убо конечно увидеша Литовские людие неустроение в Руси, и междоусобное смятение, и брань, и сего ради вси устремишася на Рускую землю. И бысть от них злое и тяжкое всем християном озлобление, понеже и предатели царства и царя с ними уже сложишася, и крамолу велию во вся грады Руския устрояху, и на царствующий град Москву зело належаху, и все страны Руския земли немилостивно пленяху. И толико множество Пол-

[1] Доведет — докажет.
[2] Торговая казнь — битье кнутом на торговой площади.

ских людей и мятежников и клятвопреступников Руских собрашася, яко и земли покрыватися щиты и воздуху блещатися копии, брани же и крови разливатися всюду. Овии убо грады Москве тогда придержахуся и Василия царя славляху, яко же Великий Новгород и Псков, Смоленеск и Казань; овии же Литве и мятежником Руским поработашася; и таково, грех ради наших, от начала в земли Рустей смятение не бывало, еже тогда бысть. И таковыми смятении злые они мятежницы сердце Василья царя, аки лядиною многомутныя волны, восколебаша, и отвсюду утесняему вмале не погрузитися хотя; аще бо и желая отсюду помощи и отнюду, но ниоткуду же обретал. Царь бо, не имый сокровища многа и другов храбрых, подобен есть орлу бесперу и неимущу клева и ногтей; вся бо мерский ростригa ходящему сребру царския истощи, и теснотою скудости ратные люди стесняющеся вси.

10. Условия договора 9 (14) февраля 1610 года об избрании королевича Владислава на Московское царство.

(«Акты Зап. России», т. IV, № 180 и прилож. к «Записке гетм. Жолкевского».)

Первые статьи обеспечивают венчание Владислава на царство московским патриархом; неприкосновенность московской церковной старины и церковных имуществ. Ст. 5, — что бояр и окольничих и всяких думных и ближних и приказных людей государь будет иметь в чести и в милости своей государской, чего кто достоин и как было по прежнему, и обычаи все прежние будет сохранять, а жалованье, денежные оброки и поместья и вотчины, кто что имел перед тем, то и впредь иметь будет, а государь по милости и щедрости своей и сверх того по заслугам каждого прибавлять и жаловать будет. Ст. 6 — обещает выдачу служилым людям, дворянам и детям боярским денежного жалованья ежегодно, по прежнему обычаю, но если что прибавлено (в смутные годы) кому помимо законной власти и не по достоинству или у кого убавлено без вины, о том государь, по совету с боярами думными и по их приговору поступать будет, как надлежит; и льготы также, где опустошены вотчины и поместья, будет жаловать поговоря с боярами; а дворянам и детям боярским, которые государево жалованье берут с городов, государь повелит давать жалованье по службе, как прежде бывало при прежних государях. Ст. 8. Суды судить и отправлять по обычаю и Судебнику, а будет похотят в чем пополнить для укрепленья судов в правду, и то вольно будет боярам и всей земле, а государь исправление Судебника дозволит во всем, что до справедливости потребно. Ст. 11. Если кто в чем провинится какого бы ни был чину и кару заслужит в государевых и в земских делах, того государь

карает по его вине и преступлению, осудив его сперва по правде с боярами и с думными людьми; а члены семьи, если в том преступлении не помогали и не знали о нем, казнены не будут, а остаются при своих вотчинах, поместьях и имуществе; а не доведя преступленья и не осудив судом со всеми боярами, никого не карать, чести не лишать, в тюрьму не посылать, поместий и вотчин не отнимать. А великих чинов людей без вины не понижать, а меньших чинов — повышать по заслугам. Вотчин тоже и именья ни у кого не отнимать, а если кто без потомства сойдет с сего света, ино на ближнюю родню переходить имеют. А все то государь, его милость, делать будет с совету и приговору бояр думных, а без совета и приговора бояр думных государь, его милость, пожалует, ничего не будет делать. В Литву тоже и в Польшу никого поневоле государь, его милость, пожалует, выводить не будет. А для науки вольно каждому из народа московского людям ездить в другие государства христианские, опричь бусурманских поганских, а государь, его милость, у них за то вотчин и имения отнимать не будет. Ст. 14 — определяет сохранение сборов и доходов государевых в прежнем размере, как было при прежних государях, а сверх прежнего обычая не велит государь, его милость, ничего вновь прибавлять, а с раззоренных войной городов велит брать по описанью и дозору, которые определят степень раззоренья. А если понадобится прибавить сверх прежних налогов на не раззоренные города, о том государь пожалует, с боярами и с думными людьми говорить будет. Ст. 15. Купцам польским и литовским в Московском государстве, а русским московским в Польше и в Литве торги имеют быть вольные, и не только в своих государствах во всех всякими товарами торговать, но и в чужие земли через Польшу и Литву купцам русским для торгов ездить, пожалует, позволит его королевская милость, а также с тех на Москве и во всех городах Московского государства, также и в Польше и в Литве укажет король, его милость, брать по стародавнему обычаю, как бирано было перед тем, ничего больше над тем не прибавляючи, а ни поминков насильно не вымогаючи. Ст. 16. Крестьянам в Литву из Руси и из Литвы в Русь, и на Руси всяких чинов людям русским промеж себя выходу не велит король, его милость, давать. Ст. 17. Холопов боярских пожалует его королевская милость держать при давних обычаях, чтобы боярам и государям своим служили по прежнему, а воли им государь пожалует, давать не будет. Ст. 18. На Волге, на Дону, на Яике и на Тереке казаки надобны ли или не надобны, о том пожалует государь, его милость, поговорит с боярами и с думными людьми.

Эта первая редакция договора в ответной грамоте короля Сигизмунда на «статьи» русского посольства, выражающие стремления московского дворянства (изданы в «Сборн Русск. Ист. Общ.», т. 142), дошла до нас на западно-русском языке (поэтому

существенные ее статьи даются здесь в пересказе или переводе). В редакции договора, принятой московскими боярами 17/28 августа 1610 года, выброшены пункты о повышении меньших чинов по заслугам, о свободном выезде для науки за границу, о свободном проезде через Польшу и Литву для торговли в чужие земли; за то усилены требования сохранения и восстановления прежде бывших московских порядков, боярских прав и привилегий, выход в Литву и Польшу запрещен не только «пашенным», но и «торговым» крестьянам, т.-е. посадским людям, а также внесено, особо неприемлемое для короля Сигизмунда, требование «про городы, Московскому государству належачие», что города эти, захваченные польско-литовскими войсками, «со всеми, как были до нынешнее смуты, к Московскому государству очистити» (речь шла о Смоленской и Северной областях»); это последняя редакция договора издана в «Сборн. Госуд. Грамот и Договоров», т. II, № 199.

11. Из „Новой повести".

(«Русск. Ист. Библ.», т. XIII, СПБ., 1891, стр. 211—213.)

Сами вси видите, какое гонение на православную веру и какое утеснение всем православным християном от тех губителей наших и врагов: всегда многим смертное посечение, а иным зелное ранение, а иным грабление, и женам безчестие и насилование. И купльствуют не по цене, отнимают силно, и паки не ценою ценят, и сребро платят, но с мечем над главою стоят над всяким православным християнином, куплю деяющего, и смертию претят. Нашь же брат, православный християнин, видя свое осиротение и беззаступление и их, врагов, великое одоление, не смеет ин и уст своих отверсти, бояся смерти, туне живота своего сступается и толко слезами обливается. И уже еще нечего им, врагом, замыслити и всех нас, православных християн, теснити и ругатися над ними и величатися и смеятися, якоже мы сами видим: замыслили и умыслили во всем великом и силном нашем государстве, в ресноту аки в великом и неудержанном мори, которая страна и стена имеет двои врата в ряд по себе, — и одни врата затворити и замки закрепити, а другия буттося отворити, да и те вполы. И множественного християньского народа не теснопроходными и ускими враты проходити, но и широкими не одними и многими толка так было исходити, понеже божиею было благодатию безчисленно християньска народа расплодилося и умножилося; ныне так за грехи всех нас умалилося, высечено и выгнано в плен от тех же врагов и губителей проклятыя их земли и веры; а аще и умалилося, аще и мало зритца, а еще много соберется, — и всегда в тех теснити, нелепо рещи, аки мышей давити, и шуму и виску и крику быти для того уского и нужного проеждения и прохождения. И им, самем врагом, вооруженным всяким смертным оружием обапол тех утесненных врат пешим и на конех готовым стояти, и противу самех вый наших и сердец то свое оружие в руках своих держати, и всем нам живую и явную смерть казати.

То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не троекровные, богатством и честию кипящая. Сим пресветлым и преливным государьством преславни быша велицые царие, величашася благороднии князи; и во всем, дерзновенно рещи, толикого учреждения бысть преисполнено, и светом и славою превзыде, яко невеста на прекрасный брак жениху уготована.

«Новая повесть о преславном Российском царстве» — подметное письмо (прокламация) с призывом к восстанию против поляков, представленных в ней главными виновниками московской разрухи, появилась в Москве в конце 1610 или в начале 1611 года.

12. „Плач о пленении и разорении Московского государства".

(«Русск. Ист. Биб.», т. XIII, СПБ., 1891, стр. 116—118.)

Откуду начнем плакати, увы, толикого падения преславные ясносияющие превеликие России? которым началом воздвигнем пучину слез рыдания нашего и стенания? О, коликих бед и горестей сподобилося видети око наше! Молим послушающих со вниманием: О, христоименитии людие, сынове света, чада церковники, порождении банею бытия! разверзите чювственные и умные слухи ваша и вкупе разпространим арган словесный, вострубим в трубу плачевную, возопием к живущему в неприступнем свете, к царю царьствующих и господь господьствующих, к херовимскому владыце, с жалостию сердец наших, в перси биюще и глаголюще: О, увы, горе! како падеся толикий пирг [1] благочестия, како разорися богонасажденный виноград, его же ветвие многолиственною славою до облак вознесошася, и грозд зрелый всем в сладость неисчерпаемое вино подавая? Кто от правоверных не восплачет, или кто рыдания не исполнится, видев пагубу и конечное падение толикого многонародного государьства, християнскою верою святого греческого от бога данного закона исполненного и, яко солнце на тверди небесней, сияющего и светом илектру [2] подобящася? и многими леты основан, вскоре прият разорение и всеядным огне погоре! Весь благоприятный о Христе народ весть [3] высоту и славу великия России, како возвысися и колик страх бысть бесерменом и германом, и прочим языком. Преславна вещь зрящим бысть утворенна кафолическая [4] соборная церковь и в ней живописанные святые иконы, к сему же и столпи благочестия, и по успении реки чюдес православным изливающе. Колики быша царские

---

[1] Пирг (греч. пюргос) — крепость.

[2] Илектр (греч. электрон — янтарь).

[3] Весть — знает.

[4] Кафолической, т. е. вселенской, автор «Плача» называет московскую соборную церковь (Успенский собор), оплакивая падение Москвы — «третьего Рима».

многоценные полаты, внутрь златом украшени и шары добро-цветущими устроены! Колико сокровищь чюдных, царских диадим, и пресветлых царских багряниц и порфир, и камения предрагого, и всякого бисера многоценного бысть преисполнено! Какови быша доми благородных двоекровные наказание, то ли вам не писание? Ох, ох! увы, увы! горе, горе! люте, люте! и где идем и камо бежим? . . . .

. . . .

Сами видите, кто той есть, не еси человек и неведомо кто: ни от царских родов, ни от болярских чинов, ни от иных избранных ратных голов; сказывают, — от смердовских рабов. [1]

13. Приговор подмосковного ополчения 30 июня 1611 года.

(Н. Карамзин, «Истор. Госуд. Росииийск.», т. XII, пр. 93.)

«Выбрали всею землею бояр и воевод князя Дм. Тим. Трубецкого да Ив. Март. Заруцкого да думного дворянина и воеводу Прок. Петр. Ляпунова на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти и расправу всякую меж всяких людей чинити вправду, а ратным и земским всяким людям их, бояр, во всяких земских и в ратных делах слушать всем.

«А поместьям за бояры быть боярским, а взяти им себе поместья и вотчины... примеряяся к прежним большим боярам, как было при прежних российских прироженых государях. А которые дворцовые села и черные волости и монастырские села и боярские и окольничьих и думных дворян поместья и вотчины розняли бояре по себе без земского приговору, и дворянам и детям боярским роздали они же, бояре, вновь, в додачу к статьям их окладам или сверх их окладов, и те новые поместья у тех у всех отняти и отписати — дворцовые села и черные волости во дворец, а поместные и вотчинные земли отписав роздати беспоместным и разоренным детям боярским... и в дачах и в денежном жалованьи учинить их равно...

«А которые воеводы ныне по городам и здеся в полках имали себе поместья модовольетвом, без боярского и всей земли совету,... или которые взяли, бив челом ложно о сте четвертях, а владеют пятью сты, и иные тысячами, и в тех лишних землях и в доходах тех помещиков счесть, а по счету с тех лишних земель доходы и владенье на них доправити, а тот лишек, что за ними было, поместной и вотчинной земли роздать в роздачу беспоместным же и малопоместным и разоренным, что кому доведется, а дворцовые села и черные волости отписать во дворец...

[1] Таков отзыв «Плача» о первом самозванце.

«А которые атаманы и казаки служат старо, а ныне похотят верстаться поместными и денежными окладами и служить с городы, за их службы поместными и денежными окладами поверстать, смотря по их отечеству и по службе. А которые атаманы и казаки верстаться не похотят, и тем атаманам и казакам и стрельцам давати хлебный корм с дворца, а деньги с Большого Приходу и из Четвертей во всех пользах равно; а с приставства из городов и из дворцовых сел и из черных волостей атаманов и казаков свесть, и насильства никоторого по городам и по волостям и на дороге грабежев и убивства чинити не велети, а посылати по городам и в волости для кормов дворян добрых, а с ними, для розсылки, детей боярских и казаков и стрельцов, и велети кормы сбирати по указу, по чему приговорят и укажут бояре, и мимо указу никакого насильства и разоренья крестьянам не чинити...

«А которые дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в разоренье вывозили у своей же братьи, у дворян и у детей боярских, крестьян и людей, и которые, от них выбежав, живут по городам по посадам, и про то, по их челобитью, сыскивати, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам...

«А буде бояре, которых выбрали ныне всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радети и расправы чинити не учнут во всем вправду, и по сему земскому приговору всяких земских и ратных дел делати не станут, а за ними всякие земские дела постановятся, или которые воеводы бояр во всяких делах слушати не учнут, и нам всею землею вольно бояр и воевод переменити, и в то место выбрати иных, поговоря со всею землею, кто будет бою и земскому делу пригодится».

Приговор издан с позднего списка у Карамзина, Ист. Госуд. Росс., т. XII, прим. 93, и полнее у Забелина, Минин и Пожарский, 3-е изд., стр. 269.

Этот «приговор» вскрыл внутренние антагонизмы в ополчении, приведшие к убийству дворянского вождя Ляпунова казаками.

14. Из „утвержденной грамоты“ об избрании на царство Михаила Федоровича Романова.

(С. Г. А. и Д., т. I, № 203.)

«Московского же государства бояре и воеводы и все христолюбивое воинство, утвердившееся на степени и свободившееся ото всех зол и врагов веры своея победивше... писали Московского государства во все городы... чтоб що всех городов всего Российского царствия митрополиты и архиепископы и епископы и архимандриты и игумены были к ним, боярам и воеводам, к Москве; и из дворян, и из детей боярских, и из гостей,

и из торговых и из посадских и из уездных людей выбрав лучших, крепких и разумных людей, по (с)кольку человек пригоже, для земского совету и для государского збиранья прислали к Москве же. Из их бы земского совету выбрати... на все великие государства Российского царствия государя царя и великого князя всеи Руссии, кого господь бог даст, из московских из русских родов. И как изо всех городов всего Российского царствия власти и всякий иерейский чин соборня, и бояре и окольничие, и чашники, и стольники, и дворяне, и всякие служилые и посадские и уездные всяких чинов люди для государского обиранья в царствующий град к Москве на совет съехалися... и из многих дни на соборе изо всех городов всего Российского царствия всякие люди не обинуяся говорили и единомышленный совет всех городов всяких людей от мала и до велика объявили вам, что быт и на Владимирском и на Московском и на всех великих преславных Российских государствах государем царем и великим князем, всеа Руссии самодержцем, Михаилу Федоровичу Романову-Юрьеву».

«Утвержденная грамота» в С. Г. Г. и Д., т. I, № 203; лучшее издание С. Белокурова (отд., М. 1906).

ГЛАВА VIII.

РАСЦВЕТ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА В XVII ВЕКЕ.

1. Котошихин о царской торговле XVII века.

(Котошихин, «О России в царствование Алексея Мих.», гл. XII.)

1. У Архангельского города торговля хлебом, пенькою, поташью, смольчугою, шолком сырцом, ревенем. А собирают тот хлеб в Поморских и в Понизовых городах с уездных горных слобод с крестьян и закупают тот хлеб и пеньку во многих городах на царские казенные деньги ис приказу Большого Приходу, и с приезжими иноземцы меняют на всякие товары и продают на деньги. Поташные и смольчужные заводы учинены буды в царских диких лесах на Украйне; также и бояр и окольничих и думных и ближних людей, и гостей и торговых людей буды учинены в тех же и в иных царских лесах на откупу; а сверх откупу на царя берут поташи и смольчугии десятую бочку. И те товары — хлеб, пеньку, поташ, смольчугу провадят к Архангельскому городу на царских ямских подводах и наймуют. Ревень присылается из Сибири, собирают с таможильцев.

2. Торговля на Низу — учюжные рыбные промыслы, что остается за дворцовым обиходом; также и соль ломают и варят и возят вверх по Волге реке до Казани и до Нижнего и до Москвы. И тое рыбу и соль, что остается за царским расходом, на Москве и в городах продают всякого чину людям.

3. С персидскими купчинами — шолком сырцом и вареным и всякими тамошними товарами в Астрахани и в Казани и на Москве. А ценят же персидские товары по тамошней их цене, по чему купят в Персии, а на Москве за те товары дают не царские казны соболи и ину мяхкую рухлядь, а ценят тое мяхкую рухлядь против роздачи с прибавкою. А как те купчины бывают в Астрахани и в Казани и на Москве, и им дается до поезду их царское жалованье, корм и питье, и суды, на чем им ехать водою, и гребцы — безденежно.

4. Гречаня приезжают к Москве ежегодь и привозят с собою товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые

и серебряные, с каменьем с алмазы и с яхонты и с изумруды и с лалы, и золотные портища, и конские наряды, седла и муштуки и узды и чапраки со всяким каменьем, и царице и царевном и венцы и зарукавники и серги и перстни с разными же каменьи, не малое число. А приехав, те товары царю подносят они в дарах; а после того же товары ценят торговые люди, иноземцы и мастеры, по тамошней турецкой оценке, а вместо того дается им соболями же и рухлядью. И таких товаров на всякой год покупается множество, потому что бояром и иных чинов людям купити окромь царя никому не вольно, а в царскую казну приходят они якобы даром. А бывает тех гречан на год 50 и по 100 человек, и живут на Москве для продажи многие годы, и дается им корм и питье довольное. А которые товары подносят они царю, а в царскую казну те товары не годятся, и им те товары отдаются назад, и вольно им продати всякого чину людем.

Глава XI соч. Котошихина, «О России в царствование Алексея Михайловича», изданное Археографической Комиссией.—Четыре издания; четвертое заново с рукописи, хранящейся в Стокгольмском Государственном Архиве (1906 г.). Подъячий посольского приказа Григорий Котошихин написал свой труд в 1666 — 1667 годах по поручению шведского правительства, когда попал в Швецию после скитаний за границей, куда бежал в 1664 году; в 1667 же году казнен за убийство в ссоре своего квартирохозяина—шведа.

2. Котошихин о торговых людях Московского государства.

(Котошихин, «О России в царствование Алексея Михайловича», гл. X.)

1. Гости: и в тех гостях бывают из торговых людей гостиной и суконной сотен и из посадских людей, а бывают они гостиным именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках у соболиные казны и в таможнях, и на кружечных дворах. И торги своими торгуют и всякими промыслы промышляют... Также вольно им и вотчину купити и держати и за заклад имати, и, будучи в гостях, по тому же бывают в царских службах, по переменам, у соболиные казны и у денежных сборов в головах и в дьяках. А будет их близко 30 человек, а торги своими торгуют в году всякой человек тысячь на 20 и на 40 и на 50 и на 100.000 рублев.

2. Гостиная, суконная сотни устроены для того: на Москве и в городах бывают у сборов царской казны с гостями в товарищах в целовальниках, и торги своими торгуют же и всякими промыслы промышляют... а крестьян купити и держати им заказано. А будет их с 200 человек.

3. Московские торговые люди устроены сотнями и слободами, также и во всех городах посадские люди устроены слобо-

дами же, и бывают погодно выбираны в царские службы, в таможни и на кабаки и к иным промыслам в верные головы и в целовальники; а иные таможни и кабаки и всякие поборы откупают они из царские казны на свои деньги.

4. А торгуют они, всяких чинов люди, на Москве и в городах и в отъездах всякими торговыми промыслы. И против той их торговли и промыслов положено царское тягло на всякой год, со всякого города что доведется взяти окладами. И те все вышеописанные чины, на кого что положено, сметяся сами меж собою по своим промыслам и животам, с кого что взяти положат на себя сами меж собою; а кому чего не в мочь платить— сбавливают и накладывают на иных; и выбраны у них бывают для таких дел старосты. А собрав по указу и по окладу деньги, отдают в приказах и городах воеводам или сами привозят к Москве.

7. А будет которой гость или иной человек, будучи у сбору и у продажи перед старыми годами прибыли соберет меньше прошлого году своим нерадением, гуляньем или пьянством, и ту прибыль, которой было быть в котором году, счетши против иных городов прибылей, берут на них самих, да сверх того бывает наказание кнутом. А будет он, верные головы и целовальники и истинны (т.-е. основной суммы) не соберут сполна за дороговью или за иным чем-нибудь, а не своим нераденьем, и таким за такие дела не бывает ничего.

3. Юрий Крижанич об организации русской торговли.

(Ю. Крижанич, «Разговоры о правлении».)

«Да государь царь всю торговлю, какая производится с иными народами, примет на свое имя и руку, как он и принял, и в грядущие времена да ее держит. Тем бо единым способом будет ся могла знать смета товаром, да ся не вывозит премного товаров наших, в коих нет избытка, а чужие непотребные да ся не привозят. Тем способом будет мог государь царь умножать торговища и стражи потребные по державе (своей) для провождения товаров. А иноземским торговцам не будет здесь что делать. А сукна и всякие товары немецкие будутся могли провозить через наши руки: на Сибирь, к Бухарцам и к Индейцам, на Астрахань к Персам, на Азов к Туркам, на Путивль к Черкасам и к Волошанам. И наоборот, тех народов товары будут переходить к нам и через наши руки к немцам, к Ляхам и к Литве. Из такого порядка все государство обогатится и все жители обрадуются. Одним торговцам большим то не будет мило, которых доходы в некоторой части уменьшатся; но на то нечего смотреть, где ся всему народу общая польза деет...

А царская торговля так имеет вестись и совершатся: 1) царские исполнители не должны ничего, что в государстве, закупать в государстве же опять продавать, но что от царских подданных купят, то имеют чужим продавать с возможною прибылью и что наидражайшею ценою; 2) а купуючи у подданных не должны быть скупы, но платить щедро, как будет способно, 3) а что закупят от чужих, то имеют продавать домашним ни с какою или, по крайности, с наименьшею прибылью, исключая нужные времена: тогда бо годно будет и дорогою ценой продавать; 4) а чужим народам да продают таковые товары, как дороже смогут; 5) не годится — на дробно продавать, но только оптом; а продавать только в двух или трех местах в государстве; а в нужное время годится и на дробно и во многих местах и дорого продавать; 6) а в добрые и не нужные времена сего наипаче имеют смотреть царские думники и торговые надзиратели, чтобы исполнители товарные не в чем не обманывали царя государя и ни в чем не обижали народа, и чтобы при царской торговле не росла цена товарам, но чтобы всякие товары в государстве были дешевле, чем бы могли быть при торговле частных обывателей; 7) а если какие обыватели— торговцы попросят закупить товаров у государевых агентов, тем они да продают всем одинаковою указною ценою, а по городам да дают обывателям — торговцам право торговли на тот или другой товар, тем, кои обещают дешевле продавать.

Оные товары запретить привозить извне, коим равногодные имеем дома (как кожи, сельди и иные рыбы: немцы бо наши рыбы дешево покупают, а свои сельди нам дорого продают). Для того имеют царские агенты со всяким усилием и смотрением на росписи и на учете держать всякое наименование и сорт товаров, кои где на свете люди употребляют; держать же от всех и обращая у себя для познания и памяти тех товаров. Для ради того имеют к себе привлекать и принимать всяких иноземных ремесленников и давать им щедрое жалование, чтобы учили нашу молодежь и сами делали товары на государя.

Из сочинения Юрия Крижанича, «Разговоры о правлении», изд. Бессоновым под заглавием «Русское государство в половине XVII века», М. 1859. Крижанич — хорват, выехавший в Московское Государство в 1659 г., пробыл с 1661 по 1676 г. в ссылке в Сибири, в 1677 г. отпущен за границу, умер в 1683 г.

4. Торговые центры Московского Государства в первой половине XVII века.

(Е. Сташевский, «Очерки по истории царствования Михаила Федоровича», Киев, 1913 г.)

«Для 142 (7142 — 1634 г.) нам известны истинные оклады более чем для 125 городов (с уездами) государства, и на основании этих данных можно восстановить сравнительную экономическую мощность и расположение торгово-промышленных центров государства. Крупнейшие, свыше 1 000 р. оклады находим в 39 городах. Вот они в убывающем по экономической мощности порядке: 1) Москва, 2) Казань, 3) Ярославль, 4) Нижний Новгород (с уездом), 5) Вологда (предположительно), 6) Кострома (с уездом), 7) Устюг Великий (с уездом), 8) Яренск и Вымские слободы, 9) Архангельск — Холмогоры (с Двинским уездом), 10) Свияжск (с уездом), 11) В.-Новгород но с пригородами и с уездом он стоит между Нижним и Вологдой, 12) Калуга (с уездом), 13) Шацк (с уездом), 14) Псков (с уездом), 15) Хлынов (с уездом), 16) Коломна (с уездом), 17) Углич (с уездом), 18) Соль-Вычегодск (с уездом), 19) Балахна (с уездом), 20) Ростов (с уездом), 21) Астрахань (с уездом), 22) Суздаль (предположительно), 23) Белоозеро (предположительно), 24) Темников (с уездом), 25) Чердынь (с уездом), 26) Арзамас (с уездом), 27) Чебоксары (с уездом), 28) Вага, 29) Тула (с уездом), 30) Брянск (с уездом), 31) Юрьев Товальский (с уездом), 32) Соль-Камская, 33) Гороховец (с уездом), 34) Мезень (с уездом), 35) Переяславль-Залесский (с уездом), 36) Тотьма (с уездом), 37) Воронеж (с уездом), 38) Переяславль-Рязанский (с уездом), 39) Вязьма (с уездом). На первом месте стоит Москва. Ее пятинный оклад — треть или почти треть всего истинного оклада государства. Весь оклад 320 000 р., а с Москвы minimum 90 000 р. За Москвой наиболее крупные, мощные торгово-промышленные центры лежали по средней Волге. Здесь — от Ярославля до Казани — мы находим группу в 10 городов с пригородами. Каждый город этой группы, в среднем, дает 6 110 р. истинного оклада. Сюда входят Ярославль, Кострома, Юрьев, Балахна, Н.-Новгород, Васильгород, Козьмодемьянск, Чебоксары, Свияжск, Казань. Наиболее мощные города этой группы лежат на двух противоволожных ее концах. На Западе — Ярославль (17 225 р.), на востоке — Казань с пригородами (25 946 р.). Слабой в отношении торгов и промыслов было нижнее течение Волги. Здесь мы знаем 3 города, экономическая мощь каждого из них выражается в 1 110 р. пятинного оклада. Еще менее мощны города верхней Волги: из 6 городов, известных нам здесь, только Углич заплатил 2 905 р. пятины, остальные все — менее 1 000 р., в среднем на каждый из городов приходится 700 р. пятинного оклада. Второй по торговому значению была группа городов по

Сухоне и С. Двине: Вологда, Тотьма, В. Устюг, Важская область, Архангельск — вот города и области этой группы. Пятинный оклад для них свыше 21 000 р., что, в среднем составит 4 200 р. на город. Третьей по экономической мощности группой городов Московского государства была цепь городов, лежащая по Сибирскому пути или около него. Это Соль-Вычегодск, Яренск, Чердынь, Соликамск. Пятинный оклад их выражается цифрой 11 772 р., что в среднем на город дает около 3 000 р.

«Государство в своих экономических интересах в 30-х годах XVII в. было обращено на северо-восток и восток, при чем наибольшее значение имела восточная торговля: отсюда процветание Волжского водного пути»... Первая треть XVII в. была эпохой процветания восточной торговли, шедшей по двум путям: 1) по старой Сибирской дороге, 2) по волжскому водному пути через Казань. Особенно могучим было направление торгово-промышленного капитала через Казань. Наряду с этим постепенно и неуклонно рос юг».

5. Ежегодный вывоз различных товаров из Архангельского порта в середине XVII в. (в тыс. руб.).

(Де Родес, «Донесение о русской торговле». Перевод Курца, «Чт. Моск. Общ. Истор. и Древ.» (1915 г., ч. II, стр. 163.)

Всякого рода кожи	370,9	556,1
(в том числе юфть)	335,1	
Шпик (свинина) и мясо	33	
Свиная щетина	25,6	
Сало	126,6	
Рожь, ячмень и пшеница (не ежегодно, но лишь при высокой цене)	250	264,4
Льняное семя	14,4	
Поташ	120	130,2
Смола и деготь	4	
Рогожи	6,2	
Меха		98
Бобровая струя		7
Ворвань		9
Кавиар (икра)		30
Воск		15,7
Слюда		3
Шелк персидский		13,5
Ревень и агарик		7,8
Вычесанная бобровая шерсть		9,5
Русское сукно		6,7
» полотно		16,3
Всего		1 165,5

6. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича английским купцам 1614 года.

(Мулюкин, «Приезд иностранцев в Московское государство», СПБ. 1909 г., приложение № 6.)

«... Мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси... ведая предков наших... братственную любительную ссылку... с Елисавет королевною и... с Якубом королем, и ныне мы... по тому же похотя с... любительным братом нашим с Якубом королем вперед быти в братской любви и в крепкой дружбе... пожаловали есмя подданных его, Аглинские земли гостей сер Томаса Смита (и других поименно), освободили есмя им ходити в кораблях в наше государство в Двинскую землю со всякими товарами повольною торговлею, и от морские пристани до государства нашего града Москвы и по всем нашим городам московским государства нашего. И били нам челом аглинские гости Сер Томас Смит, книхт, [1] с товарищи, чтоб нам их пожаловати, поволити им ходити в наше государство к Москве и в нашу отчину в Великий Новгород и во Псков и во все наши государства с товаром, торговати беспошлинно, и прежнюю их жаловольную грамоту велети переписати на наше царское имя. И мы... пожаловали, позволили им ходити в наши государства со всякими товары и торговати на всякой товар товары своими повольною торговлею, и пошлин и их товаров — таможной пошлины и замытной и свальной и проезжей и судовой пошлины и с голов и мостовщины, явки и перевозов и всяких пошлин — имати есмя не велели. Только чужих товаров им с собою не имати и не продавати и нашим людям от них их товарами не торговать и закладной за собою им не держать наших людей, а где в которой город сами аглинские гости или их прикащики и люди их с своими товарами приедут и им торговать своими товарами, продавать и наши товары покупать повольно... А пожаловали есмя их, освободили им торговать во всем своем государстве во всех городах всякими своими товарами на всякой товар беспошлинно; и купцы аглинские земли где похотят торговать или менять товарами своими с нашими гостями и они товары свои товар на товар меняют и те товары свои продают месным делом, а на рознь своих товаров и в развес и в аршин на своем дворе не продают, не меняют, а продают и меняют свои товары месным делом — сукна кипами и поставами, а камки и бархаты поставцами, а не в аршин, а весчий товар всякой в розвес в золотники не продают, а продают месным делом, а фряское вино продают месным же делом — куфами, а в рознь

[1] Английское слово, произносится «найт», — рыцарь, дворянин.

не продают. А торговать им своими товарами и менять самим, а руским торговым людям от них не торговать ни менять, ни чужих товаров за свои товары нигде не провозить... Да Аглинские же земли гостей и купцов пожаловали есмя прежним их аглинским двором на Москве у Максима Святого за торгом, и они на нем живут по старине; а держат на том дворе одного дворника русского человека или своего немчина, а иных руских людей не держат никого. Да у них же, аглинских гостей, дворы по городам — двор в Ярославле, двор на Вологде, двор на Холмогорах, двор у пристанища морского в Архангельском городе, и те им дворы за собою держать по нашему царскому жалованью по прежнему, и с тех дворов податей и оброков и всяких пошлин имать есмя не велели, и с посадскими людьми ничем не тянуть, и стояльщиков на тех их дворах никаких наших людей и иноземцев, при них и без них, ставити не велели; а на тех дворах, в Ярославле и на Вологде и на Холмогорах и в Архангельском городе — держат они дворников своих, немец или руских людей — молодших неторговых людей, по человеку или по два, а товары они свои на тех дворах кладут и продают свой товар с тех своих дворов, кому похотят, по сей нашей жаловальной грамоте, а дворники без них их товарами не торгуют никакими. А приставати им у пристани по прежнему своими товарами, и ис кораблей им товары выкладывать и русскими товарами нагруживать корабли своими наемными казаками, да и своими судами перевозить в новой Архангельской город на свой двор; только у них имать нашим поморским приказным людям и целовальникам их товарами и руским товарам, что их товару придет и пойдет, роспись за их руками, чтоб таможникам их товары, что у кого будет немецких и руских, были в ведоме, а товаров их не пересматривают и кип не развязывают нигде... А судят их, аглинских гостей, и их прикащиков и людей с нашими с рускими людьми... наши посольские диаки в Посольском приказе».

ГЛАВА IX.

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ „СИЛЬНЫХ" ЛЮДЕЙ— ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ И КРУПНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ.

1. Челобитная торговых людей всех городов о защите их от конкуренции иноземных купцов 1627 года.

(П. Смирнов, «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. 23, вып. I, Киев, 1912 г.)

«Царю-государю... бьют челом холопы ваши, гости и торговые люди москвичи и казанцы, и ярославцы, и нижегородцы, и костромичи, и вологжане, и всех ваших государевых городов, на торговых немцев, на галанцов и на амбурцов, [1] на иноземцов, опрочь аглинских гостей, и Кизильбашские и Бухарские земли на тезиков. От Московского, государь, разоренья почали те торговые немцы ездить в вашей государевой отчине на ярмонки от города Архангельского по городам — на Колмогоры и до Устюга и до Вологды и до Ярославля и до Москвы. И поставили дворы свои по городам, покупая у посадских людей тяглую землю. И привозят товары свои и ставят на своих дворах, а не на гостином дворе, а иных товаров и не доявливают, и в том ваши государевы пошлины пропадают. И камни, и атласы продают в рознь, в портище и в аршин, и от того по городам чинятся в таможнях недоборы; а весчие товары продают в рознь же, в полупуда и в гривеники, и у нас, государь, холопей и у сирот ваших торг отняли, и стали мы без промыслу, оскудели. И те заморские немцы у Архангельского города перекупают соль и возят до Вологды на своих дощениках, и тот промысл у нас, холопей, и у сирот ваших отняли же. И приехав к Архангельскому городу с русскими товары, и теми товары торгуют меж себя у города, а в таможне записывают те товары в проезд, и в том твоя государева пошлина пропадает. А ныне же немцы на Вологде и в Ярославле и на

---

[1] Голландцев и Гамбурцев.

Москве сидят по анбарам и по изавкам и продают всякие товары врознь.

«... И тех немец на Руси умножилось, а нам, холопам и сиротам вашим, от них стала скудость великая, что торги у нас всякие отняли... А Кизильбашские и Бухарские земли тезики из Астрахани и на Казани ездят по всей вашей государевой вотчине, и они свои товары также продают врознь, большою ценою, а не свалом, и у нас, холопей ваших, они и последние промыслы отняли. И в вашей, государеве вотчине у Студеного моря за немцами рыбные ловли, и на море на промысел, на утбу и на сальную добычу, в поморские реки приходят корабли, и хлеб всякой — рожь и конопли и горох в корабли насыпают, и от той, государь, хлебной дорогови на Колмогорах и у города и в Усть-Коле, и всее поморские места помирают голодом, и последние людишки оскудели и обдолжали великими долги. И в Сибирь галанские немцы торговые и тезики своих промышленников посылают. И вашим государевым товаром — шолку, икра и соболям и сукном и всяким руским товаром те немцы на Руси вызнав цену — и проезждают горами [1] и зимою посылают в свою немецкую землю по дважды, и про руские товары у них ставится ведомо, по чему какой товар на Руси купят, и приехав те торговые немцы на Русь, меж себя заговором свои немецкие товары продают не торопясь большою ценою, и по всем городам... продают товары врознь, а у нас, холопей и сирот ваших, руские товары покупают также заговором меньшою ценою....

«А... при государе-царе и в. князе Иване Васильевиче... и при... Федоре Ивановиче брабантские [2] и галанские и амборские торговые немцы, опричь аглинских гостей, дале Архангельского города и Колмогор не езживали и на промысл морской и на рыбные удубы не отпусковали... а Кизильбашские и Бухарские тезики дале Астрахани и Казани не езживали же, окроме к Москве посольских людей».

Резолюция на челобитной: «Государь и в. государьев патриарх пожаловали указами быть по прежнему: которым иноземцам велено торговать на Москве, тех и пропущать; а которым велено торговать у города, [3] тех к Москве не пущать. Также и тезикам торговать в Казани, а к Москве и по городам не пущать, опрочь Кизильбашских купчин по таковым грамотам. А немцам, которым не велено торговать на Москве, принести имена, это таких немец, опрочь аглинских и опрочь тех, которые на государеве имени и опрочь тех, которым подаваны государевы жаловальные грамоты».

---

[1] Т. е. сушею.
[2] Брабантские, т. е. из Брабанта (Бельгия).
[3] Архангельского.

2. Из челобитной торговых людей об ограничении торговых прав иноземного купечества — 1646 года.

(А. А. Э., т. IV, № 13.)

Царю-государю в. князю Алексею Михайловичу всея России бьют челом холопи и сироты твои государевы, гостишки и гостиныя и суконныя сотни и черных сотен торговые людишки и многих твоих государевых разных городов..... торговые людишка.

Жалобы нам, государь, на иноземцов, на Англичан и на голанцов торговых людей и на бараборцев (брабантцев) и на анбурцов (гамбургцов), которые ездят торговать к Москве. Преже, государь, сего, при прародителях твоих.... прадеды и отцы наши торговали исстари с иноземцами, разных окрестных государств с немцами, у корабельной пристани в Иванегороде, всякие русские товары на заморские товары меняли. И в то, государь, время были всякие заморские товары в Московском государстве дешевле нынешнего вполы, а товары, государь, вывозили нынешнего лучше вдвое.... и с тех наших торговых промыслов в Иванегороде на ярмонках сбиралось в вашу государеву казну пошлин перед нынешним, как ныне сбирается у Архангельского города вдвое, по 50 тысячь и больше на год; а пошлины, государь, иманы нынешнего меньше, всего по 3 деньги с рубля против торговой записки....

А как взяли они, немцы, грамоту из Посольского Приказу [1] и с тех мест почали приезжать в Московское государство агличан торговых людей человек по 60 и по 70 и больше.... и почали жить в Московском государстве без съезду, так же как и в своей земле, и у Архангельского города руским людям товаров не учали продавать и на руские товары менять, и учали свои всякие товары к Москве и в иные городы привозить.... А руские товары в Московском государстве, которыми мы, холопи и сироты твои, меняли на их товары, они покупают ныне сами, своим заговором, и россылают покупать по городам и в уезды, закабаля и задолжа многих бедных и должных руских людей, и те товары покупя руские люди привозят к ним, и они провозят в свою землю беспошлинно... и всеми торгами которыми, искони вечными, мы, холопи и сироты твои, торговали, завладели аглинские немцы, и от того мы, холопи и сироты твои, своих искони вечных старых торговых промыслов отстали и к Архангельскому городу ездить перестали. Да не токмо, государь, те немцы что нас, холопей и сирот твоих, без промыслов учинили, ино, государь, и все московское государство оголодили: покупая, государь, от Москвы и в горо-

---

[1] Грамота 1628 года.

дех мяса и всякой харчь и хлеб, вывозят из Московского государства в свою землю.... А в жаловальной, государь, грамоте написано, что та грамота дана им для прошения аглинского их Карлуса короля, и они, государь, агличане торговые люди все Карлусу королю не подручны и от него отложились и бьются с ним четвертой год.... Вели, государь, аглинским и анбурским и бараборским и галанским и датским немцам, гостям и торговым людям, торговать у Корабельной пристани у Архангельского города, а к Москве, государь, и в иные городы всего Московского государства пущать не давали б, так же как наперед сего при.... государе-царе и в. князе Иване Васильевиче в. Р. торговали в Иванегороде. И ворванья, государь, сала не вели держать в откупу немцам.... А как, государь, в Московское государство ездить немцам не поволишь, и их товары в Московском государстве будут дешевы попрежнему, а мы, холопы и сироты твои, от тех промыслишков учнем быти сыты, и во всех, государь, городех будет тебе, государю, прибыль многая.

3. Московские волнения 2 июня 1648 г.

(С. Ф. Платонов, «Статьи по русской истории», т. I, стр. 69—73.)

«156 (1648) июня в 2 день, праздновали Стретению чюдотворныя иконы Владимирския, потому что было маия 21 число царя Констянтина и матери его Елены в самый праздник в Троицын день. А государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии был втепоры у праздника у живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре и с царицею, а без себя государь праздновати Владимирской иконе не велел, а от Троицы государь пришел июня в 1 день. И на праздник Стретения чюдотворныя иконы Владимирские было смятение в мире, били челом всею землею государю на земсково судью на Левонтья Степанова сына Плещеева,[1] что от нево в миру стала великая налога и во всяких разбойных и татиных делах по ево Левонтьеву наученью от воровских людей напрасные оговоры.[2] И государь царь того дни всей земле ево Левонтья не выдал».

«И того ж дни возмутились миром на ево Левонтьевых заступников, на боярина и государева царева дятку на Бориса Иванова сына Морозова,[3] да на окольничево на Петра Тиханова

[1] По имени этого судьи Земского приказа в Москве «плещеевщиной» стали называть административный произвол, вымогательства и хищения вообще.

[2] Татиные «оговоры» — шантажные доносы с целью вымогательства.

[3] Б. И. Морозов — стоял, по близости к царю, с которым был и в свойстве по жене, во главе всего управления первых лет правления царя Алексея.

сына Траханиотова,[1] да на думново дьяка на Назарья Иванова сына Чистого и иных многих единомысленников их, и домы их миром разбили и разграбили. И самово думново дьяка Назарья Чистого у нево в дому до смерти прибили».

«И июня в 3 день, видя государь царь такое в миру великое смятение, велел ево Земсково судью Левонтья Плещеева всей земле выдать головою, и его Левонтья миром на Пожаре прибили ослопьем. И учели миром просити и заступников ево единомыслеников Бориса Морозова и Петра Траханиотова. И государь царь высылал на Лобное место с образом чюдотворныя иконы Владимерския патриарха Иосифа Московского и всеа Русии, и с ним митрополит Серапион Сарский и Подонский, и архиепископ Серапион Суждальский, и архимандриты, и игумены, и весь чин священный. Да с ними ж государь посылал своего царьского сигклиту боляр: своих своего государева дядю болярина Никиту Ивановича Романова, да болярина князя Дмитрея Мамстрюковича Черкасково, да болярина князя Михаила Петровича Пронсково, и с ними много дворян, — чтоб миром утолилися. А заступников Левонтьевых Бориса Мороза и Петра Траханиотова указал де государь с Москвы разослать, где де вам миряном годно, и впредь де им Борису Морозову и Петру Траханиотову до смерти на Москве не бывать и не владеть и на городех у государевых дел ни в каких приказех не бывать. И на том государь царь к Спасову образу прикладывался, и миром и всею землею положили на ево государьскую волю».[2]

«И того ж дни те прежреченные Борис Морозов и Петр Траханиотов научением дьявольским разослали людей своих по всей Москве велели всю Москву выжечь. И оне люди их большую половину Московского государства выжгли: от реки Неглинны Белый город до Чертольские стены каменново Белово города, и Житной ряд и Мучной и Солодяной, и от тово в миру стал всякой хлеб дорог; а позади Белова города от Тверских ворот по Москву реку да до Землянова города. И многих людей их зажигальщиков переимали и к государю царю для их изменничья обличенья приводили, а иных до смерти побивали».

«И июня в 4 день миром и всею землею опять за их великую измену и за пожег[3] возмутились и учели их изменников Бориса Морозова и Петра Траханиотова у государя царя просить головою. А государь царь тое ночи июня против 4 числа послал Петра Траханиотова в ссылку на Устюг Железной вое-

---

[1] Траханиотов — управлял Пушкарским приказом.

[2] Другие источники (иностранные) отчетливее сообщают, что царь сам выходил к народу, лично уговаривался с толпой, дал клятву, целуя икону, и по рукам ударил с людьми из толпы.

[3] За пожег — сильные пожары, спалившие, «большую половину» Москвы в эти же дни, приписали поджогам боярских людей Морозова и Траханиотова.

водою. И видя государь царь во всей земле великое смятение, а их изменничью в мир великую досаду, послал от своего царьского лица окольничево своего князь Семена Романовича Пожарсково, а с ним 50 человек московских стрельцов, велев тово Петра Траханиотова на дороге сугнать и привесть к себе государю к Москве. И окольничей князь Семен Романович Пожарской сугнал ево Петра на дороге у Троицы в Сергиеве монастыре и привез его к Москве связана июня в 5 день. И государь царь велел ево Петра Траханиотова за ту их измену и за московской пожег перед миром казнить на Пожаре.[1] А тово Бориса Морозова государь царь у миру упросил, что ево сослать с Москвы в Кирилов монастырь на Белоозеро, а за то ево не казнить, что он государя царя дятка, вскормил ево государя. А впредь ему Борису на Москве не бывать и всем роду ево Морозовым нигде в приказех у государевых дел, ни на воеводствах не бывать и владеть ничем не велел.[2] На том миром и всею землею государю царю челом ударили и в том во всем договорилися. А стрельцов и всяких служивых людей государь царь пожаловал, велел им свое государево жалованье давать денежное и хлебное вдзое. А которые погорели, и тем государь жаловал на дворовое строенье по своему государеву рассмотренью. А дятку своево Бориса Морозова июня в 12 день сослал в Кирилов монастырь под начал».

Из современной записи событий, изданной С. Ф. Платоновым в статье: Московские волнения 1648 г. (в его книге: «Статьи по русской истории», 2 изд., 1912 г.).

Эта вспышка общественного недовольства в столице нашла отклик в мятежах ряда городов: общий обзор сильного революционного брожения в Московском государстве — в среде посадских и служилых людей — см. у Бахрушина: «Московский мятеж 1648 г.» (в «Сборнике статей в честь М. К. Любавского», П. 1917 г.).

4. Соборное Уложение 1649 года о посадских людях.

(«Акты о посадских людях», под ред. П. Н. Павлова-Сильванского.)

Ст. 1. Которые слободы на Москве патриарши и митрополичьи и владычни и монастырские и бояр, и окольничьих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служб не служат, и те все слободы со всеми

[1] По другим свидетельствам толпа овладела Траханиотовым, когда его повели на казнь, и сама с ним расправилась.

[2] Однако, уже в октябре того же года царь Алексей вернул Морозова в Москву, придав этому вид амнистии сосланному боярину по случаю своей государской радости — рождения сына.

людьми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно, опричь кабальных людей; а кабальных людей.... отдавати тем людям, чьи они, и велеть их свесть на свои дворы.... А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городах не быть.

Ст. 13. А которые московские и городовые посадские тяглые люди сами или отцы их в прошлых годах живали на Москве и в городах на посадах.... в тягле и тягло платили, а иные жили.... у тяглых людей в сидельцах и в наймитах, а ныне они живут в закладчиках за.... всяких чинов людьми на Москве и в городах на их дворах и в вотчинах и в поместьях и на церковных землях, и тех всех сыскивати и свозити на старые их посадские места, где кто живал наперед сего, безлетно же и бесповоротно.

С практикой выполнения этого «сыска» закладчиков знакомит издание Археографич. комиссии: «Акты о посадских людях закладчиков» — под ред. Н. П. Павлова-Сильванского; существенные дополнения в статье Шаховской, о сыске посадских тяглецов в XVII веке. («Журнал М-ства Народного Просвещения», 1914 г. № 10.)

5. Из челобитной псковичей во время псковского бунта 1650 г.

(К. И. Ягубов, «Россия и Швеция в первой половине XVIII века.)

«Не вели, государь, вперед никаким людям с Москвы к нам в твою государеву отчину, во Псков, твоих государевых зазывных грамот [1] привозить, опричь татьбы и разбоя с поличным; а вели, государь, всем, кому до кого будет дело, бити челом тебе, государю, во Пскове, и против, государь, всякого челобитья вели, государь, впредь твоим окольничим и воеводам и дьякам во Пскове во всем нас, против [2] твоего государева указу и крестного целованья, судить и во всяких делах расправы чинить с земскими старосты и с выборными людьми по правде, а не по мзде и не по посулам. [3] И не вели, государь, из нас, изо всяких чинов людей с своей государевы отчины изо Пскова заводными статьями [4] имать, а что до кого дойдет какое твое государево дело или вина, и тем, государь людем вели, государь, свой государев указ учинить во Пскове, а не на Москве, до чего доведется, чтоб, государь, нам так же в продажах и в сибирских городах по пропастям в ссылках помученным и палицами

---

[1] Зазывные грамоты — повестки с вызовом на суд в Москву.
[2] Против — соответственно, согласно.
[3] Мзда и посулы — взятки.
[4] Заводные статьи (то же—«затейные») — ложные, кляузные поводы.

побитыми в воде потопленным не быть, как всякие чины с Москвы, христианские души, посылать». [1]

Из ответа царя на Псковскую челобитную:

«И то написано по затейному воровскому заводу заводчиков, [2] Томилки Слепого [3] с товарищи, и с указом к ним, великому государю не токмо что бить челом, и мыслить было о том не довелось: и того при предках наших, великих государях царях, николи не бывало, что мужикам с бояры и с окольничими и с воеводы у расправных дел быть, и вперед того не будет; а боярам и окольничим и воеводам нашим велено расправу чинить вправду по нашему указу и по Соборному Уложенью».

Обширные челобитные псковичей, выясняющие мотивы бунта 1650 г., поднятого посадским людом, изданы, в ряду других документов, касающихся мятежа в Новгороде и во Пскове, К. И. Ягубовым в сборнике: «Россия и Швеция в первой половине XVII века» (в «Чтениях Общ. Истории и Древностей России», 1898 г., кн. 1, и отд.).

6. Указ царя Алексея Михайловича о высылке всех английских торговых людей с тем, чтобы они впредь приезжали только в Архангельск для торговли. 1 июня 1649 года.

(П. С. З., т. 1, № 9.)

Англинские гостиные прикащики, Иван Азборн с товарищи! В прошлых годах, при прежних великих государях.... заморские немцы разных государств московского государства с гостями и с торговыми людьми торговали всякими товарами у Архангельского города, а к Москве и в иные городы с товарами и без товаров не езживали и дворов своих у них нигде не бывало. А вас, англичан,..... великий государь царь и в. князь Михаил Федорович.... и отец его свят. патриарх Филарет Никитич...., по прошенью государя вашего, славные памяти англинского Карлуса короля, пожаловали, велели вам торговать в Московском государстве повольною торговлею, сверх иных иноземцев, беспошлинно, и дворы свои на Москве и в городах держать вам велено, а вам бы за то государское жалованье,

---

[1] Псковичи требуют суда и расправы на месте при участии в суде выборных людей для устранения злоупотреблений приказных людей, московской волокиты и, в частности, ссылки в отдаленные места, в Сибирь под жестокий произвол тамошних властей.

[2] Заводчики — зачинщики.

[3] Тимошка Слепой, псковской площадной подъячий (писец, писавший всякие грамотки обывателя и на торговой площади) был признан властями за главного «заводчика» всему мятежу.

за повальную и беспошлинную торговлю, привозить в Московское Государство всякие товары — сукна, атласы, камни и тафты добрые по прежнему, как бывало наперед сего, а которые узорочные и всякие товары у вас будут в привозе к Архангельскому городу и к Москве, а понадобятся из тех товаров взяти в государеву казну, и вам те товары давать было в государеву казну по своей заморской по прямой цене без прибытка. И вы, по той государской милости будучи в Московском государстве, торговали многие лета беспошлинно, и тем беспошлинным и вольным торгом обогатели и пожитки себе нажили большие, а по государеве жаловальной грамоте узорочных и иных своих товаров, которые в государеву казну понадобятся, по прямой заморской цене николи не давывали. Да вы ж, англичане, привозили в Московское государство тайно табак и иные заповедные товары, а из Московского государства также, покупая у иноземцев, шелк сырец и иные заповедные товары вывозите к себе за море тайным же обычаем, да и в иных во многих статьях ваша многая неправда....

А в прошлых годах и в 157 (1649) г. били челом... гости и торговые и всякие люди...., что они.. гости и торговые люди во всяких торгах и в промыслах от вас, иноземцев, обедняли, потому что вы завели.... многие торговые промыслы, и товары свои продаете и руские товары покупаете за тою же пошлиною,.... а руским людям купить и продать ничего не дадите....

И государь царь и в. к. Алексей Михайлович в. Р. указал и бояре приговорили: вам, англичаном, со всеми своими животы ехать за море, а торговать Московского государства с торговыми людьми всякими товарами, приезжая из-за моря, у Архангельского города, а к Москве и в городы с товарами и без товаров не ездить. И которые англичане вперед похотят торговать с русскими людьми, и им. приезжая из Англинские Земли, торговати с ними у города повольною торговлею и пошлины платить по государеву указу. Да и потому вам, англичанам, в Московском государстве быти не довелось, что прежь сего торговали вы в Московском государстве по государевым жалованным грамотам. каковы даны вам по прошенью государя вашего, англинского Карлуса короля, для братские дружбы и любви. А ныне великому государю нашему.... ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело. государя своего Карлуса короля убили до смерти. И за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось.

7. Из Уставной грамоты о таможенных сборах 1654 года.

(П. С. З., т. I, № 107.)

Великий государь, слушав выписки и челобитья и сказал гостей и гостиной и суконной и черных сотен и слобод и городовых всяких чинов торговых людей, указал и бояре приговорили: впредь свою государеву таможенную пошлину имати с весчих и невесчих со всяких товаров.... рублевую пошлину с продавцов — по десяти денег с рубля, по чему которой товар ценою на деньги в продаже будет. А которые наперёдь сего сбирывались на Москве и в городах.... всякие мелкие пошлины и те проезжие и мелкие всякие сборы отставить... А с денег, которые люди на Москве и в городах учнут товары на деньги покупать, и с тех людей имать по пяти денег с рубля и давать на те покупные товары выписи, что они куплены на деньги; а где те покупные товары в продаже будут и с тех товаров с продажи по пяти ж денег с рубля, итого будет с денег и с товаров по десяти денег с рубля.

А которые торговые руские люди, искупя товары на Москве и в городах, и с теми товары для торгового промысла поедут за моря в Немецкие Реши[1] или в иные государства, кроме Шаховой земли, а на Москве и в городах тех своих товаров продовать не учнут, — и с тех товаров в государевых порубежных городах имать по тому ж рублевая пошлина, по десяти денег с рубля по чему которой товар в тех порубежных городах в продаже на деньги будет, на которые товары выписей не положат; а на которые товары выписи положат, с тех имать по пяти денег с рубля. А с иноземцев, с торговых немец, с весчих и не с весчих со всяких заморских товаров, которые учнут торговать на Москве и в городах, опричь Архангельского города, имать по два алтына с рубля с продажные цены, по чему которой товар в продаже будет на деньги; да с них же имать проезжие отъявочные пошлины за Великий Новгород на Москве, и у города Архангельского — которые товары повезут к Москве и в иные городы и которые руские товары повезут за море, с весчих и не с весчих товаров, по четыре деньги с рубля, опричь тех торговых немец, которые приезжают из-за моря и торгуют у Архангельского города. А у города Архангельского с покупных и с продажных товаров пошлине быть по прежнему...

---

[1] Немецкое Reich — империя.

8. Из Новоторгового Устава 1667 года.

(П. С. З., т. I, № 408.)

Великий государь царь и в. князь Алексей Михайлович.... слушав докладной выписки и торговых статей со своими.... бояры и с думными людьми указал.... и бояре приговорили: по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и черных слобод торговых людей от приезжих иноземцов во многих обидах.... ныне..., чтоб Московского государства и порубежных городов Великая Россия торговые люди имели свободные торги, как годится быти, чего и во всех государствах окрестных в первых государственных делах — свободные и прибыльные торги для сбора пошлин и для всенародных пожитков мирских, со всяким береженьем остерегают и в вольности держат, — по нижеписанным торговым статьям из Посольского Приказа приезжим иноземцам для ведомостей заморских.... на письме дано, а подлинные статьи за руками гостей и лучших торговых людей и слобод черных.... в Новгородской чети, и к городу Архангельскому и в порубежные городы таковы ж статьи будут посланы.

А по очереди и по выбору из гостей и из лучших торговых людей головы и целовальники в.... Москве и в порубежных городах.... прежних постановленных государственных указов в целости остерегая, также и последствующих, ко всякой государственной сборов таможенных прибыли и к обороне торговых людей от всяких сторонних разорительных обид со всяким усердством радети и беречи того всего накрепко, — а выбраны имеют быти.... по рассмотрению.

И для того основанного и впредь укрепленного великого государственного и всенародного пошлинного сбора дала выбранным быть лучшим людям, и сбор чинить великого государя казне, как ниже сего статьи указуют:

1. На Двине у Архангельского города в таможне быть на ярманке гостю с товарищами; а гости с товарищами воеводам в таможенных торговых во всяких делах ни в чем не ведать, чтоб в том великого государя казне в сборах порухи не было. 2. Всякая полная росправа у города Архангельского в торговых делах руским людям и иноземцам чинить в таможне гостю с товарищами. [3—10: порядок регистрации всех товаров, привозимых ежегодно на Архангельскую ярмарку.] 11. А кто купецких всяких чинов люди станут товарами своими у города Архангельского торговать с рускими людьми и с иноземцами, и им все свои торги записывать в таможне в книги имянно и к тем торгам руки свои прикладывать. 12. А что будет у руских людей всяких товаров в продаже на деньги и на мену, и с тех товаров имать гостю с товарищами с прямой продаж-

ной цены со всяких весчих товаров по прежнему по 10 денег с рубля, а не с весчих товаров со всяких имать пошлины по 8 денег с рубля, а с сала ворванья и с рыбы имать пошлину по прежнему великого государя указу. 13. А которой руской человек явит у Архангельского города на покупку товарную денег, и с денег имать пошлины по 8 денег с рубля. А давать гостю с товарищами всем торговым людям в платежных пошлинах выписи за рукою и таможенною печатью. [14—18: порядок развоза с Архангельской ярмарки непроданных товаров.] 19. А в которых городах все купецкие люди руские те городские [1] товары учнут продавать, и с тех продажных товаров пошлины имать в тех городах по 10 денег с рубля за всякие мелкие статьи. 20. А что они в тех же городах купят на те товарные деньги каких товаров, и с тех покупных товаров и с денег пошлин не имать по прежнему,.... и презжих пошлин ни с каких ни в коих городах с русских людей не имать против прежнего государева указу. [21—22: о весах]. 23. Московской и иногородной человек какой ни есть товар привезет от города [2] или откуда ни есть в тот город, в котором живет, и ему платить пошлины с продажных товаров против прежнего государева указа. [24—26: правила развоза и продажи товаров по городам]. 27. А которой человек, живучи на Москве и в городах, — всякой на своем городе какой ни есть товар купит, и с тех товаров не платить по прежнему для того, что живучи все торговые люди с торгов великому государю в тех городах служат и всякие подати платят; а платят с тех товаров пошлины те люди, которые привозят из иных городов. [28—31: правила торговли и пошлин по городам.] 32. Досматривать накрепко всякие товары у руских людей и у иноземцев у города Архангельского; руским людям у города Архангельского и во всех порубежных городах платить пошлины мелкими серебряными деньгами, что меж собою торг учнут иметь. [33—39: торговые и пошлинные правила в Новгороде, Пскове, Путивле, в Сибири, иноземцев-скупщиков, соболиного сибирского торга.] 40. А которые иноземцы те руские покупные товары продадут у города Архангельского своей братье иноземному, и того смотреть накрепко, чтобы иноземцы рускими товарами у города беспошлинно меж себя не торговали, а проезжие пошлины [3] с тех товаров имать сверх тех торговых пошлин. 41. А которые иноземцы утаясь учнут рускими товарами у города торговать без записки тайно с своею братьею беспошлинно, а про то сыщется, и те товары имать на великого государя. 42. На Москве и в городах всем иноземм-

---

[1] Т.-е. архангельские.

[2] Архангельска; так и всюду ниже.

[3] Установленные с провоза иноземцами к Архангельску товаров, закупленных по русским городам и в Сибири.

цам никаких товаров врозь не продавать, а будет учнут врознь продавать, и те товары имать на великого государя. [43 — 47: регистрация иноземных товаров при подвозе в Архангельск и выгрузке проверки качества товаров с регистрацией фабричных клейм, меры против контрабанды.] 48. А имать с тех продажных заморских товаров в государеву казну в таможне у Архангельского города пошлины золотыми и ефимками, с весчих товаров по 10 денег с рубля, а не с весчих товаров по 8 денег с рубля. 49. А будет который иноземец запишет товаром своим не прямую цену, с убавкою, и те товары имать на великого государя. 50. А принимать за пошлину золоты добрые угорские [1] по рублю золотой, а ефимки Любские по полтине в довес; а руским торговым людям и московским прироженным иноземцам платить пошлину рускими мелкими деньгами по прежнему. 51. А вина и разных иных питей перед прежним гораздо много привозят, и оного много не нужно надобно, потому что на государевых кружечных дворах чинятся от того убытки и недоборы большие. И великий государь указал с вин и с иных разных питей с иноземцев взять больше пошлин, как с иных товаров у Архангельского города [расценка ввозной пошлины на вина, на водку, а также на сахар и леденцы]. 52. А которой иноземец те питья похочет везть вверх к Руси, и ему с тех заморских питей заплатить указные ефимки у города и те заморские питья везти ему вверх к Руси за отдачею у города полной пошлины. 53. А в которых городах те питья будут в продаже, и с той продажи имать пошлину по пяти алтын с рубля, а с руских людей с тех заморских питей платить пошлину по прежнему. 54. А иноземцам у города и на Москве и в городах заморского никакого питья в галенки и в скляницы не продавать, чтоб от того на кружечных дворах в сборе государевой казне порухи не было. [55 пени за незаконную продаж .] 56. А буде которые иноземцы похотят товары свои от города возить к Москве и в иные городы, и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля золотами и ефимками для того, что руские люди и московские иноземцы пятину и десятину и всякие подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят. [57 — 58: регистрация товаров, вывозимых иноземцами из Архангельска на Рус.] 59. А кои товары на Москве и в городах иноземцы станут, те заморские всякие товары кроме питья, продавать, и с тех имать с продажи по 2 алтына с рубля по прежнему. 60. А чтоб иноземцы приезжим торговым людям товаров своих не продавали и у них ничего не покупали, а продавали б в тех городах купецким людям того города, в коих они станут торговать, и у них також товары всякие покупали, а не у приезжих,

---

[1] Венгерские.

и подрядов и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили, и тем бы у тех московских и городовых купецких людей промыслов не стымали. [61 — 71: Правила торговли иноземцев на Руси и вывоза ими русских товаров за границу.] 72. Который иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки, и ему с того пошлин не платить; и что на золотые и ефимки купит какого товара, и то ему везти в свою землю безпошлинно. 73. А золотые все и ефимки, которые привезут из-за моря, у города Архангельского и в Новегороде и в Пскове и во всех порубежных городах отдавать их в казну великого государя, приняв у иноземцев; а имать за них деньги руские мелкие, золотой по рублю, а за ефимки любские по полтине, по 14 ефимков в фунте....., а рускими деньгами у иноземцев старого долга никому не имать. [74 — Запрет контрабанды золотом и ефимками; 75 — о преждевывезенных товарах; 76 — о своевременности приезда иноземцев к Архангельску; 77 — 84 — применение тех же правил торговли и пошлинных сборов при торговле на восточной и южной границах; 85 — 86 — о торговле иноземцев, имеющих личные привилегии; 87 — о закупках на государя.] 88. Для многих волокит во всех приказах, купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где великий государь укажет своему государеву боярину, которой бы приказ был купецким людям во всех порубежных городах и в иных государствах о проездах обороною и во всех городах от воеводских налогов купецким людям был защитою и управою. 89. А кому купецким людям случится побити челом великому государю о своих обидах на кого ни есть, на всяких чинов людей, и чтоб всем купецким людям давать суд и управу на тех людей в том же одном приказе непременно, чтоб купецким людям, волочась по многим приказам, промыслов своих не отбыть и чтоб всякий промысл без волокит множился, и в том великого государя казне будет в пошлинах немалое пополнение. [90 — 93 — дополнительные статьи по выполнению торгового устава на местах.]

К Новоторговому уставу приложена выписка статей его, регламентирующих иностранный торг в Архангельске и в Москве и по иным городам, которая объявлена торговым иноземцам «чтоб они о торговле каков устав ведали и за моря о том ведомость чинили, откуду в Российское государство заморские товары приходят».

9. Челобитье дворян и детей боярских об отмене урочных лет для сыска беглых и указ о продлении срока до 10 лет 1630-х годов.

(А. А. Э., т. III, № 350.)

В челобитье дворян и детей боярских: которых они беглых своих крестьян за кем проведают, а урочные лета тем беглым крестьянам не дойдут, и они в тех своих крестьянах суда и указа добиться не могут, а которые и засудясь за судным делом за вершеньем волочатся многое время, а которые их беглые крестьяне из суточных лет выйдут, и в тех им крестьянах и без суда урочными леты отказывают. А в прежних де годах и при прежних государях в тех беглых крестьянах урочных лет не бывало. И государь бы их пожаловал, — беглым из за них крестьянам урочные лета велел отставити, а велел бы государь тех их беглых крестьян и бобылей отдавати по поместным их и по вотчинным дачам и по писцовым книгам и по выписям, кто кому чем крепок, а людей также отдавати по крепостям. И государь царь и великий князь Михаил Федорович в. Р. указал и бояре приговорили... чей кто ни буди, беглых крестьян и бобылей имать и отдавати за десять же лет.

10. Указ 1642 года о вывозных и беглых крестьянах.

(А. И., т. III, № 92, XXXIII.)

А которые люди к кому приезжали и людей и крестьян вывезли за себя и в то время от кого учинится смертное убийство и грабеж и иное какое дурно, и государь указал и бояре приговорили и про то сыскивати всякими сыски накрепко и вывозных крестьян отдавати за 15 лет, а беглых крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати, по прежнему государеву указу, за 10 лет. А которые всяких чинов люди кто у кого насильством крестьян вывез, а про то сыщется подлинно, и государь указал и бояре приговорили крестьян отдати со всеми животы, да, сверх того, крестьянского владенья за крестьянина в указные лета взяти на год по пяти рублев. А которые люди учнут на ком искать беглых вывозными, а про то сыщется, что те крестьяне не вывозные, беглые, и тот истец лишен крестьянина своего и крестьянских животов, и своего иску: ищи правдою и не называй беглого крестьянина вывозным.

11. Указ 1646 года о составлении переписных книг.

(А. А. Э., т. IV, № 14.)

И ныне, для подлинного ведома, государь... указал и бояре приговорили:... описать... в городах на посаде посадских и всяких ремесленных торговых людей... и в уезде, в вотчинах и в поместьях крестьян и бобылей, и их детей, и братью, и племянников, по именам с отцы и с прозвищи...; а как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети, и братья и племянники будут крепки и без урочных лет.

12. Из Соборного Уложения 1648 года.

(«Соборн. Уложение», глава IX.)

Ст. 2. Крестьян и бобылей по сыску отдавати по писцовым книгам, которые книги писцы в Поместный приказ отдали после московского пожару прошлого 134 (1626) году, будет те их беглые крестьяне или тех их беглых крестьян отцы в тех писцовых книгах за ними записаны, или после тех писцовых книг те же крестьяне или их дети по новым дачам написаны за кем в отдельных и в отдачных книгах; а отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям без урочных лет.

Ст. 9. А которые крестьяне и бобыли за кем написаны в переписных книгах прошлых 154 (7154 — 1646) и 155 (7155 — 1647) годов и после тех переписных книг из за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, сбежали или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян и бобылей и их братью и детей и племянников и внучат с женами и с детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим исмолоченым, отдавать из бегов тем людям, из за кого они выбежат, по переписным книгам без урочных лет, и впредь отнюдь никому чужих крестьян не принимать и за собою не держать.

13. Указ 1661 года о наказании за прием чужого беглого.

(П. С. З., т. I, № 307.)

Сыщутся за кем чьи беглые люди и крестьяне... и тех беглых людей и крестьян принимали прикащики их без их ведома..., и тех прикащиков... бить кнутом нещадно, чтоб иным впредь неповадно было чужих, чужих беглых людей и кре-

стьян принимать, а беглых... отдавать челобитчикам с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими животы и с хлебом, и велеть их отвозить на их подводах, за кои они в бегах жили, на старые их места, из за кого они и из которых поместий и вотчин бежали, да на тех же людях, за кем они жили бегаючи, имать за зажилые годы владенья, по его, государеву, указу. А будет из тех прикащиков... положат с Москвы грамотки... от вотчинников или от помещиков, что им велели беглых людей и крестьян принимать, или вотчинники и помещики, в вотчинах своих и поместьях будучи сами, чьих беглых людей и крестьян принимали, и тех прикащиков кнутом не бить, и указал великий государь и бояре приговорили, из тех их поместий или из вотчин, где беглый крестьянин сыщется, сверх зажилых годов, взять его крестьянина, который ему крепок, а не чужого беглого крестьянина, сверх беглого крестьянина, с женою и с детьми, и с животы и с хлебом, и отдать тому, чей крестьянин за ним жил. А будет за кем сыщется беглой не один крестьянин, и у него взять против всякого крестьянина, сверх тех его беглых крестьян, по крестьянину, чтоб впредь неповадно было чужих крестьян принимать.

Указ о «наддаточных крестьянах за беглых людей», после попыток усилить взыскание до 4-х крестьян за каждого беглого, был отменен в 1683 г. (П. С. З., т. II, № 985), с увеличением уплаты за «зажилые годы» с 10 на 20 рублей; но в 1698 г. (П. С. З., т. II, № 1625) борьба с крестьянскими побегами и укрывательством беглых признана государственным делом и решено «вместо судов и очных ставок» — «чинить им розыски» с посылкой по всем городам особых сыщиков с военными командами из местных гарнизонов.

ГЛАВА X.

КАЗАЦКОЕ ВОССТАНИЕ. — РАЗИНОВЩИНА.

1. Память в XVII веке о крестьянском выходе.

(Новомберский, «Слово и дело государевы», т. I, стр. 74, 198 и 249.)

«Да он же, Алешка сказал: «как, де, дал нам бог, родился царевичь князь Алексей Михайловичь... и стали крестьяне говорить: дал де нам бог, родился царевичь, будет, де, нам выход. И Иван, де, Чуфаров им сказал против крестьянского выхода: вырежу, де, вам язык, а только, де, ныне давати выход и в том, де, государю воля: царь, де, Борис и мудрее был, да и того скоро не стало».

(Велено тех людей помещика Чуфарова, за донос на него, что на него «поклепали напрасно, хотя избыти от него холопства» бить кнутом.) Дело 1633 года.

«И он, де, Демка, сказал нам: кляну, де, я государя, чтоб ему пропасть: прежние, де, государи выход давали и тюрьмам роспуск бывал, а нынешней, де, государь к нам немилостив».

Дело 1648 года (Демку по расследовании выпустили из тюрьмы).

«В нынешнем, де, во 158 (1650) году, июля в 20 день, сидячи, де, в тюрьме тюремные сидельцы и учали, де, межь собою говорити: при прежних, де, государях бывали выходы, а при нынешнем государе выходов нет. И тюремный же, де, сиделец Андреев крестьянин Кондауров Ивашка говорил про царское величество хульные словеса».

2. Разиновщина.

(А. Кабанов, «Разинцы в Нижегородском крае».)

Начальные деятели Разинской смуты, прямые агенты его дела — «пущие заводчики в воровстве» прежде всего были озабочены сбором материала для бунта. Этого материала, озлобленного, недовольного, было всегда очень много, но он был

в скрытом виде, только в потенции; однако, одно появление этих «воровских казаков» вызывало к жизни это недовольство, придавало ему пока еще неопределенные, но уже активные, а значит — и наказуемые, в глазах правительства формы: «учинилась многая шатость», говорят акты.

С этой целью определялся пункт будущего сбора; к этому пункту и собирались уже подбиваемые этими «заводчиками зла» «воровские» люди. Частью охотно шли они сюда, частью шли поневоле. Вот яркий пример того, как целая деревня охвачена подобным рвением к «воровскому» делу: «а хотели быть с ними в казаки из того села 200 человек, а те же, де, крестьяне им говорили — будет, де, с того их села тех 200 человек мало, и они, де, все пойдут, по головам». Акты то глухо, кратко указывали: «стоят собравшись» или: «в сборе», то распространяются и дают возможность понять самый процесс этого собирания, агитацию со стороны главных воров и отношение к ней населения: «и он 1) де, едучи ис Сарайска, по дороге собирал в казаки», «собирал их атаман и есаул из разных деревень», «а с тем, де, письмом он, Андрюшка, ездил по уезду, имал на воровство охочих людей, которые похотели и с ним воровали», «и в Корсуни хотели их казаки остановить и ставить с собою на воровство, и они, де, на воровство[1] с ними не пошли и разошлись по домам». Мы видим, что немалую роль играли своего рода прокламации — «прелестные письма»: не даром, при усмирении, правительство тщательно искало не только авторов, но и простых копиистов этих писем. Возбуждающе действовали и отдельные слухи, удачно пускаемые в оборот: так «воры» указывали, что сам Разин «прежде того писал, что ему зимовать в Нижнем и тем многих людей на воровство прельщал».

Собравшись обширными ватагами в несколько тысячь человек, разинцы тотчас же приступили к действиям, которые носили характер или прямо наступательный, или наступательно-оборонительный, или наблюдательный, или, наконец, путь социальной революции, рассеянной по всем углам уезда — борьбы с ненавистным классом крепостников... Самой обычной формой борьбы было то, что мы склонны бы назвать распылением социальной революции: по пути шли грабежи, разорения, помещичьи усадьбы уничтожались, сами помещики, если оказывались на лицо, убивались, скот вырезался; мирное, наиболее индифферентное население убегало в леса, жило в землянках; более активное примыкало к «ворам».

Из статьи А. Кабанова: «Разинцы в Нижегородском крае. Приемы бунта и усмирения» (в «Сборнике статей, в честь М. К. Любавского», П. 1917) — статья дает сводку данных, из большого числа документов — показаний очевидцев и участников движения.

---

[1] Воровство — означает в старинной речи всякое преступление, особенно — бунт, измену и т. п.; кража означалась другим словом: татьба.

3. Из показаний и донесений о народном восстании в дни Разиновщины.

(Из статьи Кабанова из сборника А. Попова, «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина», М., 1857 г.)

«Забунтовали в селах и деревнях крестьяне, помещиков и вотчинников побивают, а которые, государь, поместья и вотчины московских людей, и их в тех поместьях и вотчинах нет, и в тех местах избивают прикащиков их с женами и с детьми, и поместья и вотчины их раззоряют».

«А в распросе и с пытки тот Тимошка (его, Стеньки, воровской новоприборный казак, посадский человек Тимошка Сазонов): как воровские казаки город Кузмодемьянск взяли и тюремных сидельцев распустили, а тюремного сидельца Илюшку Долгополова они, воровские казаки, выбрали атаманом, и прибрал он, Илюшка, к себе в казаки Кузмодемьянских градских жителей и уездных руских людей, и ходили они с ними за Волгу реку на Ветлугу для воровства. На Ветлуге их собралось в казаки сто человек и дошли они до села Лопшалги, а, идучи, государь, те воровские казаки по Ветлуге в разных поместьях и в вотчинах убили десять человек прикащиков, а чьих, государь, поместей и вотчин не прикащики, того он, Тимошка, не знает. И, собрався, государь, разных вотчин и поместий прикащики тех воровских людей побили, а достальных разгоняли. А воровской их атаман Илюшка Долгополов, а с ним воровских казаков семьдесят человек ушли вниз по Ветлуге к Волге реке, и изслыша, государь, они, что твои, великого государя, ратные люди город Кузмодемьянск взяли, и те, государь, воровские казаки пошли врознь».

Бьют челом служилые люди разных городов царю Алексею: «И мы, холопи твои, в Синбирску против вора и изменника, Стеньки Разина и против его воровского многого сбору на многих боях с ними, ворами, бились, а которые у нас, холопей твоих, в Симбирску в остроге [1] были запасы и людишки и лошади и платьишка и всякая рухлядь, и то у нас, холопей твоих, он, вор Стенька, все отбил. А... Стенькина воровского сбору многие воры собрався домишки наши разорили и пограбили и пожгли, а женишек наших и детей порубили, и иных многих женишек и детишек он, вор Стенька, с воровским своим прибором увез с собою. И ныне мы, холопи твои, на твоей, великого государя, службе скудны, наги и бесконны и безлюдны и беззапасны от его, Стенькина, воровского раззоренья».

---

[1] Острог — укрепление в центре города (деревянное, в отличие от каменного Кремля).

Показание попа Ивана Алексеева из Нижегородской вотчины князей Одоевских: «Да к нему же, де, попу Ивану с товарищи и к старостам и ко всем крестьянам прислана грамота с Москвы от бояр от князь Никиты Ивановича и от князь Якова Никитича Одоевских, [1] чтоб им, священником, крестьян своих уговаривать, чтоб они не бунтовали и к воровским казакам не приставали и их прелестным воровским письмам [2] не верили; и будет не станут слушать, и нам, священникам, велено их проклинать. И он, де, поп на сходе боярскую грамоту велел прочитать, и они, де, выслушав, грамоты ни во что поставили и боярского указу не послушали, и он, де, поп Иван своих детей духовных проклинал. И за проклятие, де, его, воровские казаки и чернь, которые стояли на Лиссыском перевозе, хотели изрубить, и с перевозу, де, дьячок церковный пришод сказал попу Ивану, и он, де, от них из за караулу ночью ушол в полки с ведомостью за Оку реку».

Бьют челом государю Нижегородцы — духовенство, служилые и приказные люди, торговые и посадские и все жилецкие [3] люди Нижнего Новгорода: «В нынешнем, государь, во 179 (7179 — 1671) году в низовых [4] городах и в Нижегородском уезде в служилых и в черных людях учинились от вора и изменника и от крестопреступника от донского казака Стеньки Разина с товарищи смута и прелесть великая, и от того чинится всем людям великое раззоренье и многое кровопролитие. Многих городов и уездов, собрався, многие воровские всякие люди, называяся воровскими казаками, и твои, великого государя, многие городы и уезды пустошили, воюя жгли и рубили многих людей и побивали до смерти; и подшед под Нижний город ставились во многих местах станами и прибирая к себе всяких людей большим собраньем и на дорогах имая всяких твоих, великого государя, гонцов и вестовщиков и проезших людей и утеклецов, [5] кои бегли от их раззоренья, многих мучили и побили до смерти, а иных удерживали у себя для такова де воровства, и подъезжая к Нижнему Новгороду, к посаду приступать хотели, ведая, что в Нижнем Новгороде твоих, великого государя, ратных людей мало. Но, милостию божьею, тот их воровской многособранный совет порушен: в то, государь, многоскорбное время, в приезд были твои, государевы, ратные люди полку твоего, государева, боярина и воеводы князя Юрья Алексеевича Долгоруково — стольники и стряпчие и дворяне Московские и дворяне ж и дети боярские многих верховых

---

[1] Н. И. Одоевский — ближний боярин царя Алексея, один из виднейших государственных деятелей XVII века и один из крупнейших вотчинников — землевладельцев.

[2] Прелестные письма — прокламации «прельщающие» народ.

[3] Жилецкие люди — обыватели.

[4] Низовые города — по среднему и нижнему Поволжью.

[5] Утеклецы — беженцы.

городов [1]... и твоим государским счастием твои государевы ратные люди тех много собранных воров побили и станы их многие раззорили. А после, государь, тех твоих, государевых, разных людей, тех же воров со станов утеклецы в иных селах и в деревнях и в починках в Нижегородском уезде и в Ветлужской волости почали по тому ж копиться многолюдствами, и многие села и деревни разоряют и провославных християн прельщают, а иных мучат и до смерти побивают, и хвалятся Лысцово вырубить и в конец раззорить, а на Нижний таким же разореньем хвалятся, и мы, богомольцы и холопи и сироты [2] твои без ратных людей от воров опасны».

---

[1] Верховые города — города московского центра.

[2] Холопи и сироты государевы — официальные названия для служилых и тяглых людей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОВЫЙ ФЕОДАЛИЗМ

(Предпосылки пугачевщины и движения декабристов.)

ГЛАВА I.

ПРОНИКНОВЕНИЕ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА.

1. Жалованная грамота Шафирову и Толстому на исключительное заведение в России фабрик для делания всяких материй и парчей. 8 июня 1717 года.[1]

(П. С. З., т. V, № 3089.)

Понеже мы прилежное старание имеем о распространении в государствах наших и пользе общего блага и пожитку подданных наших, купечества и всяких художников и рукоделей, которыми всех прочия благоучрежденные государства процветают и богатятся: того ради мы всемилостивейше повелели

[1] Участники компании, названной в этом указе, внесли следующие капиталы: Апраксин — 20 000 р., Шафиров — 25 800 р., Толстой — 20 000 р., купцы, приглашенные к участию в компании, — 23 500 р., а всего 88 800р.

Барон П. П. Шафиров и граф П. А. Толстой—крупные деятели петровского царствования. Шафиров, благодаря своим способностям, быстро стал выдающимся дипломатом. Во время первой поездки Петра за границу он был членом русской дипломатической миссии, позже принимал деятельное участие в переговорах при образовании коалиции против шведов, затем в переговорах с Турцией после Прутского похода и с союзниками до самого заключения Ништадтского мира. Участвовал также и во второй поездке Петра за границу, во время которой велись переговоры с Францией и Пруссией. В последние годы царствования Петра Шафиров был в опале за взяточничество и лихоимство. После смерти Петра вернулся к дипломатической деятельности.

Граф П. А. Толстой, потомок старинного дворянского рода, также видный дипломат петровского времени. Был русским послом в Константинополе, вместе с Шафировым вел переговоры с Турцией после Прутского похода. Будучи весьма близким Петру человеком принимал деятельное участие в следствии по делу царевича Алексея Петровича.

Шафирову вместе с Меньшиковым принадлежали на откупе громадные и очень прибыльные промыслы моржевого, китового и трескового жира. В 1717 г. Шафиров, Толстой и Апраксин образовали компанию по устройству шелковой фабрики, которая, однако, не пошла: в 1721 г. фабрика была закрыта.

государственному нашему подканцлеру и тайному советнику барону Шафирову да тайному советнику Петру Толстому труд приложить, дабы в нашем государстве учредить фабрику или художества всяких материй и парчей, которые по тому нашему указу к тому делу во Франции и в других государствах потребных рукодельных людей приговорили и к тому надлежащие инструменты и материалы получили и к получению прочих учреждение учинили; но притом нам всеподданнейше доносили, что им тех фабрик, без всяких иждивений и долгого времени, завесть и в доброе состояние привесть невозможно, того ради нас всеподданнейше о вспоможении к тому и о дании им привилегии и жалованной грамоты просили: дабы они, получа оную, в то дело с вящим прилежанием вступить и иных как подданных наших, так и чужестранных обще с собою в компанию присовокупить и оное дело, при божией помощи, с вящею удобностию распространить могли; того ради мы в рассуждении и того дела пользы государства нашим подданным, также и достоинства их того всеподданнейшего прошения соизволили им дать сию жалованную нашу грамоту, и даем им через сие позволение, что могут они вышеупомянутые сами и присовокупя к себе иных компанейщиков, как из подданных наших, так и чужестранных государств, кого они во оную в пай принять заблагорассудят, заводить и учреждать фабрики или рукоделья всяких золотых, серебряных, шелковых и шерстяных парчей и штофов, також бархатов, атласов, камок и тафт и иных всяких парчей, какого б имяни оные иметь не могли; також лент и галунов золотых и серебряных и шелковых и чулков всяких рук, и соизволяем всемилостивейше для вспоможения того, дать им в резиденции нашей в Санктпетербурге, також и на Москве и в других городах государства нашего, где они те заводы завесть заблагорассудят, на первое время готовые дворы строением безденежно; а для впредь будущего распространения, под строения и для жилища рукодельным людям, по прошению их, довольные места в вечное владение. Також позволяем им свободно нанимать к тому делу кроме служивых морских и сухопутных из всякого прочих чинов людей в ученики, в работники, в промышленники и прикащики с платежем за труды их достойной платы; також понеже сие дело сначала не без великого труда; а наипаче не без убытка может произведено быть; того ради всемилостивейше позволяем им, из той своей фабрики, сделанные всяких рук парчи продавать во всех государства нашего городах и селах и на ярмонках беспошлинно на 50 лет, а в другие государства вывозить для продажи с платежем достальной вывозной пошлины против других подданных нашего российского народа. И дабы сие дело распространялось и никакого вмешательства и обид в том ни от кого учинено не было; того ради всемилостивейше соизволяем, дабы они, вышеупомянутые наши тайные советники и товарищи их, в ту компанию принятые, тем своим делам

никому не были подчинены и судимы, кроме высшего нашего Сената, и то в таких делах ежели на них от кого какое челобитье, или важное доношение будет; а во управление и порядки того дела никому, кроме их самих, не вступаться и не интересоваться и управление все то учредить и весть им междо собою самим, по своему рассуждению, и прибыль и убыток определить по правости и достоинству, выбрав к тому и приняв удобных людей из компанейщиков своих и из посторонних, по своему рассмотрению, и в тот их промысел никому в резиденции нашей и в прочих городах государства нашего не интересоваться ж и не вступаться, и доношений никаких в том деле не принимать, кроме того ежели бы кто из той их компании или из людей их в каких государственных или убийственных делах приличен явился или в утайке положенной пошлины, но и в том без подлинного розыска и освидетельствования ничего не чинить, и хотя кто из компании их или из людей и прикащиков их к такому вышеупомянутому делу приличатся, то оных одних, кто приличится арестовать, потом в Высший Сенат писать, а заводов и промыслов их отнюдь их не останавливать, под опасением за то нашего гнева и пени платежа им за убыток, которой тою остановкою учинится, и о сем и о всем соизволяем послать в Сенат и по всем губерниям наши указы, дабы по той нашей жалованной грамоте, как в отводе дворов, так и под строение мест по их прошению, такожде и во всех вышеписанных их всемилостивейше от нас позволенных привилегиях всякое исправление и вспоможение учинено было, и дабы они вышеупомянутые наши тайные советники и прочие в ту компанию вступающие всяких чинов и народов люди с толь вящею охотою и безопасностию и надеждою на нашу царского величества милость, в то дело вступали и без опасения деньги в ту компанию складывали, обнадеживаем сею нашею царского величества грамотою и милостивым словом, что с того их капитала никаких податей, ни десятой деньги и иных налогов брано и на оной накладывано никогда не будет; також что сей их промысл на нас, великого государя, отписан и взят, и никому другому отдан не будет, но вечно и неподвижимо от нас великого государя и от наших наследников за ними и за их наследниками оставлен быть имеет; також обещаем, что никому в нашем государстве, кроме сей компании, сих вышеписанных в сей грамоте вещей и фабрик не будет позволено заводить и делать, но наипаче то накрепко заказано будет; и ежели кто такой явится, и об них о том нам или нашему Сенату доношение будет, повелим немедленно те заводы и фабрики возбранить и запретить под жестоким гневом и пенею, кроме галунов и лент и чулков, которые и другим делать и продавать свободно позволено да будет.

2. Фабрика Тамсена.

(«Дневник камергера Бергхольца», ч. II, стр. 63—66 1722 г.)

Мы пошли пешком через двор в небольшую мастерскую позади дома (настоящая большая фабрика Тамсена в городе). Здесь все у него устроено как нельзя лучше и со всеми удобствами, какие только нужны для такого сложного мануфактурного заведения. Тут же, под рукой, находилось все необходимое для беления полотна. Он изготовляет не только всякого рода грубые полотна, тик и камку, но и такое полотно, которое почти так же тонко, как и голландское. Конечно, мастера выписаны им были из Голландии; однако, здешние граждане все-таки полагают, что полотно его не имеет прочности голландского, хотя на вид и очень хорошо. Впрочем, и то много, что он в столь короткое время, в несколько лет, достиг здесь до того, что все сидящие у него за станками — русские, и что есть даже и русские мастера, которые, как он надеется, скоро совершенно заменят ему иностранных. Сев в сани, мы отправились в город на большую фабрику, которая помещается в большом каменном доме. По приезде туда мы осмотрели все по порядку, и я должен признаться, что не ожидал, чтоб хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет сто пятьдесят ткацких станков, за которыми работают почти исключительно русские и производят все, что только можно требовать от полотняной фабрики, т.-е. все сорта полотна от грубого до самого тонкого, прекрасные материи для скатертей и салфеток, тонкий и толстый тик, простыни как узкие, так и необыкновенно широкие, тонкие канифасы для камзолов, цветные носовые платки и множество других подобных вещей.

Содержание его обходится в 400 рублей в месяц. Потом при сходе вниз он показывал нам свой магазин, где у него сохраняется товар, изготовленный на фабрике и еще не проданный. Он имеет также несколько лавок для продажи товаров и кроме того отпускает их большое количество за море, не говоря уже об ежегодных значительных поставках в казну. Оттуда мы проехали в третье место..., где находится здешняя прядильня, состоящая под надзором Тамсена и работающая для его фабрики, которая, говорят, пользуется большими льготами... Тамсен повел нас сперва в женское отделение, где работают девушки отданные на прядильню в наказание лет на 10 и более, а некоторые и навсегда, между ними было несколько с вырванными ноздрями.

[1] Тамсен, выезжий иностранец, получивший в 1719 г. разрешение на устройство полотняной фабрики, имел крупные привилегии по ее устройству и сбыту товаров. Бергхольц адъютант герцога Голштинского, супруга царевны Анны Петровны. Бергхольц оставил весьма интересные записки о России и русском обществе 20-х годов XVIII века.

В первой комнате, где их сидело до тридцати из самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто. Все женщины, находившиеся там и ткавшие одна подле другой вдоль стен, были одеты одинаково и даже очень красиво, именно — все они имели белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами. Замужние женщины были в шапках, сделанных у некоторых из золотой и серебряной парчи и обшитых галуном, а девушки простоволосые, как обыкновенно ходят здешние простолюдинки, т.-е. с заплетенными косами и с повязкою из ленты или тесьмы. После этого мы прошли в другие мастерские, где не было уже той чистоты, напротив, воняло почти нестерпимо. В заключение Тамсен повел нас в комнату, где сидело человек двадцать свободных работников, которые ткали за деньги, но заработная плата почти не превышает того, во что обходится содержание арестанта.

3. Указ о покупке к заводам деревень. 18 января 1721 года.

(П. С. З., т. VI, № 3711.)

Понеже хотя по прежним указам людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели; а ныне по Нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями, и особно многие возымели к прекращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебренные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к томуж и шелковые, и полотняные, и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг и Мануфактур-Коллегии, токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно. И для того как шляхетству, так и купечеству тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымысли ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень ни кому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с позволения Берг и Мануфактур-Коллегии. А ежели кто противо сего поступит, то оного всего того лишить бесповоротно. А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать, и смотреть того накрепко в Берг-Мануфактур-Коллегии; а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения.

4. Из регламента Мануфактур-Коллегии 4 августа 1724 г.

(П. С. З., т. VII, № 4387.)

О мануфактурах и фабриках.

Понеже его императорское величество прилежное старание имеет о распространении в Империи Российской, к пользе общего блага и пожитку подданных, дабы учредить разные мануфактуры и фабрики, какие в других государствах находятся, и всемилостивейше повелевает Мануфактур-Коллегии прилежное о том старание иметь, каким бы образом вновь такие и иные куриозные художества в Империю Российскую вводить, а особливо такие, для которых материалы в Российской Империи найтися могут, безубыточнее ввести и распространить возможно, и тех людей, которые мануфактуры и фабрики производить похотят, надлежащими привилегиями снабдить.

О позволении каждому заводить мануфактуры и фабрики.

Его императорское величество соизволяет всем, какого б чина и достоинства кто ни был, во всех местах, где за благо обрящет, мануфактуры и фабрики заводить, и о том публиковать всенародно, и кто такие явятся, о тех Коллегии в начале смотреть о пожитках и достоинстве, и потом не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою мануфактурою наилучше ему поступать, и в доброе неубыточное состояние привести.

О неисключении других фабрик.

Надлежит Коллегии осторожность иметь, когда кому дастся привилегия для утверждения какой-либо фабрики, то других, которые такияж со временем учредить похотят, не надлежит выключать, чтоб их до того не допускать, ибо из ревности между заводчиками нетокмо размножение может происходить, но и достоинство оных, и деланные товары будут продаваться посредственною ценою, и сим образом подданным его величества не без пользы быти может.

О мануфактурах и фабриках, содержащихся в компаниях.

О мануфактурах же и фабриках, которые содержатся компаниями, надлежит иметь прилежное смотрение, дабы не ослабевали, но в лучшее состояние произвождены были; ежели же

усмотрится, что оные ослабевать будут, то как наискорее Коллегиею рассмотреть, от чего оное произошло: буде нерадением компанейщиков, и их принуждать к порядочному содержанию, как Коллегия за благо рассудит; буде же усмотрится, которая мануфактура или фабрика производится порядочным образом, и содержатели имеют к тому радение, и имеется впредь от нее надежда, а в силу за неимением достойной суммы произвести они не могут, таким Коллегия имеет чинить капиталом вспоможение по рассужению их действа с ведома Сената.

О вольной продаже сделанных и о покупке потребных вещей без пошлин.

Понеже сие дело с начала не без великого труда и убытку произведено быти может, и когда которого содержателя прямое усердие усмотрено будет, тогда его величество всемилостивейше награждать повелевает, чтоб вещи его, которые на той фабрике или мануфактуре делаться будут, продаваны, также и потребные материялы покупаны были несколько лет беспошлинно, как о том Коллегия по силе дела и состояния оной за благо рассудит.

О приеме работных людей.

Позволяется оным к их фабрикам и мануфактурам учеников и прочих работных людей принимать, как о том указы его величества повелевают, со уговором достойной платы, объявляя в Коллегии; а буде кто из них не дожив урочных лет сбежит на другие фабрики или к кому иному, а тот ведаючи примет: и на таких, у кого будут жить, брать штраф за каждого человека по сту рублей на год, чтоб ведая оное с одной фабрики на другие подзывать не дерзали; а ежели кто примет не ведая, то брать штрафу по указу, как и о прочих беглецах, а беглецам чинить наказание.

О содержании мануфактур и фабрик, сущих на коште его величества.

Которые мануфактуры и фабрики заведены и впредь заведутся казною его величества, такие приводя в доброе состояние, отдавать партикулярным людям, и в том коллегии иметь прилежное старание.

О непринуждении с начала класть капитал великой.

Хотя полезно есть всякие фабрики учреждать и распространять, однакож его величества подданные на учреждение фабрик вдруг капитала класть еще не обыкли, за незнанием с начала, какая после из того последовать может прибыль:

того ради надлежит по возможности их приводить в такую охоту со всякими легкими манерами, не принуждая их многие капиталы с начала к тому употреблять, ибо хотя малыми зачинать будут, но со временем видя сами пользу, могут прибавить, и свои фабрики распространять.

5. Из указа о составлении купцами торговых компаний 27 октября 1706 г..

(П. С. З., т. III, № 1706.)

Московского государства и городовым всяких чинов купецким людям торговать также, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями и чинить отпуски товарам в компаниях к городу Архангельскому, в Астрахань, также и чрез Новгород и иметь о том всем купецким людям меж собою с общего совета установления, как пристойно б было к распространению торгов их, от чего надлежит быть в сборех его великого государя казны пополнению.

6. Из указа Коммерц-Коллегии о наложении прибавочной пошлины на товары, которые продаваны были из казны, а ныне отданы в вольную торговлю 1 октября 1719 г.

(П. С. З., т. V, № 3428).

В нынешнем 1719 году апреля в 8 день, великий государь милосердуя к купечеству Российского государства, указал казенным товарам быть только двум: поташу и смольчугу (и то для бережения лесов), а прочие товары, которые продаваны были из казны, уволить торговлею в народ токмо с прибавочною (сверх обыкновенной) пошлиною.

ГЛАВА II.

БОРЬБА ДВОРЯНСТВА С КУПЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ ЗА ГОСПОДСТВО В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

1. Из мнения депутата Екатерининской комиссии по составлению нового уложения от г. Рыбинска А. Попова.

(«Сб. Руск. Ист. Общ.», т. VIII, стр. 37—44.)

Российское дворянство приняло уже положение, которого лучше нельзя и желать. Оно пожаловано вольностью, пользуется многими другими преимуществами, владеет деревнями. Для обучения их детей заведены на счет казны разные училища; на что русское купечество смотрит с особенною радостию.

Поэтому и купечество, полагая свою надежду на высочайшие ее императорского величества щедроты, уповало, что оно не только сохранит пожалованные ему государем Петром Великим права, собственным его тщанием утвержденные, но что и при сочиняемом проекте Нового Уложения, по неусыпным о своих подданных матерним попечениям ее императорского величества, оно не останется без милостивого ее призрения и получит способы к поправлению бедного своего состояния, а чрез то избавится от стыда перед счастливыми европейскими купцами.

Но вместо ожидаемого поправления, мы с крайним прискорбием усматриваем из поданных в комиссию многими господами депутатами мнений, что русскому купечеству готовится большое отягощение, как будто оно вовсе не нужно для государства. Вместо того, чтобы в силу указов императора Петра Великого утвердить за купечеством их права и вольности, а другим всякого звания людям строжайше запретить вести торговлю, чрез что натурально купечество могло бы достичь большего благосостояния, помянутые господа депутаты напротив того предлагают, ко вреду купечества, чтобы как благородному дворянству, так

и крестьянам предоставлено было пользоваться купеческим правом, наряду с купцами. Эти господа депутаты домогаются, чтобы купцам запрещено было иметь всякие фабрики и минеральные заводы, которые устроены и размножены собственным их старанием и на свои капиталы. В основание такого распоряжения они ставят, что будто содержание купцами фабрик и заводов не приносит пользы обществу, и что гораздо полезнее будет, ежели владение оными будет предоставлено отставным и живущим в деревнях дворянам, которые умеют содержать их в исправности. К этому они еще предлагают, чтобы крестьяне, привозящие в города свои произведения, имели право продавать их в розницу. И так, если все это будет утверждено, то купечество неминуемо придет в разорение, а с этим и коммерция может придти в совершенный упадок. Ибо хотя ныне крестьянам и разночинцам и запрещено по закону торговать, но не смотря на это купцы терпят от них много обиды и помешательств. Что же будет тогда, когда законом всякому дозволено будет торговать?

В следствие сего я, нижайший, выбранный депутатом от купечества Рыбной слободы, по должности своей и по моему званию представляю на благоусмотрение почтенного собрания комиссии мое мнение.

1. Существующие фабрики и горные заводы, на основании постановлений императора Петра Великого, подтвержденных высочайшими указами его преемников, предоставить купечеству с правом устраивать оные и на будущее время, ибо заводы сии и фабрики первоначально были заведены и размножены купцами с большою пользою для государства. Не запрещать им покупать крестьян к заводам и фабрикам, для исправления потребных работ, но без излишества, а по числу имеющихся на них станов и печей, также дозволить купцам покупать земли, сколько нужно, под фабрики, заводы и под поселение рабочих при них людей. Тем купцам, которые уже имеют фабрики и заводы и при оных крестьян, оставить их за ними и за их потомками, по силе тех же узаконений, по которым те купцы ими владеют; ибо они завели свои фабрики и заводы и их размножили по воле монаршей на собственные свои капиталы и своим старанием. Всем фабрикантам и заводчикам быть ведомым судом и расправою в магистратах и ратушах, кроме дел, касающихся до фабрик и заводов, и всякие гражданские тягости нести, подати платить и службу отправлять во всем наравне с купечеством.

2. Сверх того, позволить купечеству держать винокуренные заводы по силе указа императора Петра Великого 1716 г. От сего может последовать не малая польза казне ее императорского величества, ибо подряд вина будет гораздо дешевле нынешнего и поставка его исправнее; купечество же чрез это может поправиться.

3. Дозволить купечеству в городах, по месту жительства каждого, иметь лавки, анбары, погреба, постоялые дворы, харчевни, дома, сады, огороды и домовые бани, без платежа с них поземельных и других оброков.

4. Согласно постановлению, изображенному в регламенте главного магистрата, в гл. IX, купечеству между собой быть судимому во всех делах (кроме важнейших государственных) в городовых и слободских магистратах и ратушах, чтобы оно не подвергалось разорению от вымышленных нападков. Равным образом и на купцов, в причиняемых ими обидах, бить челом в тех же магистратах и ратушах, а не в других правительственных местах.

5. Дворянству не позволять торговать и ни у кого, ни под каким предлогом, покупать купеческое право; ибо благородное дворянство имеет свое собственное право, заключающее в себе большие преимущества, и несет на себе драгоценное имя дворянина. По этому входить в такие коммерческие занятия, как например: фабричные, заводские и разные торговые промыслы, дворянам, по их званию, не свойственно. Им следует предоставить продажу только того, что производится в их вотчинах по их хозяйству, не дозволяя ничего скупать у других. Если же кто из них вступит в непристойный их благородному происхождению торговый промысел, то есть, станет перекупать и торговать, и это будет доказано, то все перекупное конфисковать в казну ее императорского величества, потому что благородному русскому дворянству, как мне кажется, надлежит иметь старание о приведении в лучшее состояние земледелия их крестьян, и смотреть, чтобы последние обрабатывали свою землю с прилежанием и усердием. Когда же эти крестьяне будут оставаться при своем жребии, то из сего последует хороший урожай всякого рода хлеба и произойдет для государства следующая польза: 1) Сами владельцы и их домашние будут удовольствованы в пропитании. 2) За употреблением домашней годовой пропорции, остальной хлеб может быть отвезен в город и там продан оптом мещанам. Из вырученных за него денег крестьяне могут заплатить положенные на них: во-первых, подушные деньги в казну и, во-вторых, господину своему оброк, какой будет положен законом. Оставшиеся же за тем деньги они употребят на собственные свои домашние, касающиеся до крестьянства, потребности. 3) Достаточный подвоз хлеба в города, предполагая, что крестьяне оставили его для своего потребления в надлежащем количестве, сделает то, что он будет продаваться мещанам по умеренной цене, а не так как ныне, по нерадению земледельцев к хлебопашеству, он продается чрезвычайно высокою ценою. Умеренная цена хлеба, при покупке его мещанами, может доставить им способы придти в лучшее состояние. 4) Помянутый, в достаточном количестве, привоз хлеба в города, продажа его там

по умеренной цене и отпуск его мещанами в С.-Петербург и в другие великороссийские портовые и внутренние города будут иметь последствием дешевизну хлеба и в этих городах; от этого и обыватели городов будут иметь большее облегчение, а особливо бедные, часто неимеющие возможности купить себе хлеба по его дороговизне. 5) Но еще более от увеличения количества хлеба, чрез прилежное возделывание крестьянами земли, произойдет дешевизна при подряде провианта в казну, а не так, как ныне, когда в С.-Петербурге он продается без малого по четыре рубля за куль. Это доставит значительное приращение казенного интереса. 6) Теперь в России многие земледельцы, вместо того, чтобы оставаться при своем жребии и умножать хлебопашество, от чего, как выше сказано, произойдет польза всему обществу и прибыль казне, покидают вовсе земледелие и вступают в торговые дела; но, по незнанию своему тонкости коммерческих оборотов, некоторые из этих земледельцев, проторговавшись, приходят в банкрутство, и не заплатя купцам деньги за забранные у них товары, скрываются из городов, но к хлебопашеству не обращаются. От сего происходит тот вред, что земледельцы, оставшиеся в деревнях, где записаны по переписи помянутые торговцы, платят за них подушные и оброчные деньги, и чрез то приходят в бедность. Для устранения такого неблагоприятного положения, не будет ли признано нужным повелеть земледельцам, для пользы всего государства, заниматься единственно хлебопашеством, а ни в какую торговлю, по силе приведенных выше узаконений, не вступать.

6. Всем вообще крестьянам дозволить продавать в селах и в городах обывателям оных только произведения их деревенского хозяйства; при чем строжайше запретить, чтобы они, при отъезде из своих деревень, у других ничего для перепродажи не скупали и чрез то не возвышали бы на всякие деревенские товары цен.

7. Всяких ремесленников дозволить записывать в цехи вечно и временно, с платежем купечеству; для чего и установить таксу, и во всем быть им подсудным магистратам и ратушам, только служб не служить, а полицейские должности нести на ряду с купечеством. Помещикам же их, в то время, когда они будут записаны в цехах, не иметь над ними воли без позволения магистратов и ратуш, где они будут записаны.

2. Из наказа Ярославского дворянства депутату в Екатерининскую комиссию князю Михаилу Михайловичу Щербатову.

(«Сб. Русск. Ист. Общ.», т. IV, стр. 397—413.)

4. Стараться, дабы право иметь деревни и земли одним дворянам Российским оставлено было, яко более всех рождением своим и воспитанием пристойным владеть другими подданными ее императорского величества.

5. Указом вечной славы и достойной памяти государя Петра Великого, для побуждения российского купечества заводить фабрики, позволено им под фабрики и под заводы покупать деревни, которые не только сим правом воспользовались, но, простирая его далее надлежащего положения, и в отдаленных местах от их фабрик деревни покупили; что не токмо соответствует намерениям государя Петра Великого, но паче их разрушает тем, что фабриканты и заводчики, видя себя владетелями многих деревень, не с толикою прилежностию стали за фабриками своими смотреть, яко единому предмету, от чего богатство и пропитание себе получить, но стали пользоваться помещичьими доходами; а которые и действительно для фабрик и заводов деревни покупили и на фабрики людей употребили, и то учинили, забирая всех на фабрики и заводы в работу, да и то за толь малую плату, что на силу дневное пропитание могут иметь. Чрез то умножению народа чинится препона и земледелие оскудевает, да и сами крестьяне толико работами замучимы бывают, что часто бунты производят. Того ради не соблаговолено ли будет, по рассмотрению, в противность законов купленные ими деревни у них взять с нужным распорядком, дабы, их, по милосердию, в убытке не оставить; а которые фабрики впредь будут заводиться, тем учинить надлежащее определение; работников, мастеров по числу работы и величины завода иметь, а прочие бы работники были наемные; и сие, мнится, может принудить фабрикантов и заводчиков более прилежания иметь о приведении в лучшее состояние российских фабрик и тщание о произведении российскими товарами коммерции; а дворянство, когда их крестьяне, между работных пор, ходя к купцам работать, на фабрики и заводы, чрез вящую циркуляцию денег, пользу же себе приобретут.

6. Колико дворянство ни упражнено службою своею государю, однако не меньше имеет старания и о домостроительстве, помышляя, что домостроительство партикулярных людей делает их изобилие, а обилие партикулярных сочиняет обилие государства; и как оно из древних времен имеет право пользоваться винною скидкою, для поставки государю, которое право и ныне еще им вновь милосердием нашей всемилостивейшей государыни подтверждено, а как мнится нам, что сие право особливое дворянству не от чего оного начало свое имеет, как от того, что вино из продуктов земли, которой единые дворяне владетели, сидится, то потому же резону, мнится, что и фабрики, сочиняющиеся изо льна и из пеньки и из прочих земляных економических произращений, равным же образом дворянам должны принадлежать; а понеже уже многие купцы, за не различением сего права, вступили в сии фабрики, и уже великие капиталы положили, то оные у них оставить им и потомству их, с некоторым небольшим

и им нечувствительным платежем корпусу дворянства, в число платежа подушных денег за крестьян; а впредь такие фабрики оставить, так, как вино, единым дворянам; равно и дворянство обязуется за другие заведения, которые на корпус купеческий оставятся, ежели что уже завели, в оный корпус, куда будет определено платеж производить; также, как уже почти все ученейшие народы признали, что право торговли вне государства, если и дворяне в оную вступят, полезно государству, а в России еще не столь изученной ни чужестранным языкам, ниже самого исчисления в купечестве, дворянству бы сего, с заплатою некоей суммы на купечество, не запретить; ибо (не в хулу сему купечеству, но должность верных подданных принуждает сказать) по ныне еще российское купечество, хотя пользуясь и великими привилегиями и имея внутри своего отечества самонужные вещи, для чужестранных народов еще нигде ни консулей, ни контов не учредили; и всю прибыль, какую бы могло от вывоза из заморской продажи иметь, торгующим народам оставляет; а может быть Российское дворянство потщится нечто и более сделать, как из него довольно уже видно, что все что желание государей было, стремилось к тому, и в краткое время достигло до того, что другие народы во многие веки насилу могли приобресть; также, чтобы дворянство могло пользоваться торгом хлебным на таком основании, чтобы купечеству было запрещено у крестьян по дворам хлеб закупать; ибо таковая закупка ими хлеба действительно к разорению крестьян клонится, понеже часто купцы, задавая деньги вперед крестьянам, наконец принуждает их за половинную цену хлеб им отдавать; и так бы токмо оставлено было им право таковую закупку производить привозного хлеба в городах и на учрежденных торжках...

Разделение третье. Дворяне, быв владетели земли и деревень, не меньше должны и о крестьянах, подданных того же государя и им подвластных, попечение свое прилагать, того ради мы и о сих осмеливаемся нижеследующие представления учинить:

1) Чтобы хлеб и всякие естные вещи им беспошлинно и невозбранно, хотя в розницу, а не оптом, позволено было продавать в городах и на торжках, и от покупки бы оных были исключены купцы, торгующие теми вещами, до полудня, дабы общество, купя из первых рук, могло пользоваться дешевизною, а крестьянин лучшею продажею побужден к земледелию и домостроению был; а после полудня и купцы, имеющие таковой торг вообще с другими гражданами, к тому были бы допущены, соблаговолено было подтвердить; также всякие мастерства, необходимо надлежащие для крестьян, яко плотничье, столярное, кирпичное, каменьщичество, печное, колесников тележных колес, ремень-

щики, которые вяжут хомуты, те, которые вьют веревки, выделывание овчин и кузнечное, как для ковки лошадей, кос, сошников и гвоздей, и прочие подобные были им позволены, с таким однако определением для кузниц, что ежели кто из крестьян в городе иметь будет кузницу, таковой за построение той кузницы в определенное место некоторую сносную плату будет платить, следственно, чтобы и не запрещено всем им было трудами их сработанные вещи и продавать во всякое время и кому пожелают.

2) Чтобы продажа харчей, то есть калачей, хлебов, квасов, сусла и содержание харчевень, с платежем в казну за харчевни, но без выключения купечества, также мастерство портных крестьянских мужских и женских одежд, яко принадлежащие единственно до крестьян, им позволено было...

4) Чтобы позволено было крестьянам подряжаться в государевы магазины и во всякие места того уезда, где он жительство имеет, каждому до ста четвертей, а не более, хлеба становить, с засвидетельством от своих господ и окружных обывателей, что он, по семье своей, толикое число хлеба напахать мог; ибо толикое число семьянистый крестьянин может с своей семьею в плодородных провинциях напахать. А понеже семьянистому крестьянину часто также за неплодородным годом не менее и самому бывает нужда купить, то чтобы позволено было, без притеснения от купцов и на торгах, сколько им потребно, хлеба покупать.

Равное же сему и о холстах, чтобы каждый крестьянин без запрещения мог до пяти сот аршин подрядиться поставить в уезде его жилища, куда он пожелает, или если имеет нужду, колико пожелает, мог бы на ярмарках и торгах без запрещения покупать и продавать.

8) Чтобы торг дровами, лесом, досками, дранью, скалою и гонтом крестьянам позволен был, хотя из уезда в уезд по смежности перевозя.

9) Для одежды крестьянской часто потребны вещи, которые являются к крестьянскому промыслу и не принадлежат, то есть булавки, иглы, ленты шелковые, галуны, китайка, выбойка, крашенина и прочие, что на учрежденных торжках продается точно ради надобности крестьянской; оное бы им было позволено, но без исключения купцов, по торжкам ездя и сидя в так называемых шалашах, продавать; лапти же, деготь и горшки возить по деревням и продавать им бы единственно оставлено было.[1]

---

[1] Манифестом 14 декабря 1766 г. Екатерина II созвала Комиссию для составления проекта нового Уложения. В ней вовсе не были представлены крестьяне помещичьи, дворцовые и экономические. Каждый депутат представил в Комиссию наказ от своих избирателей. Эти наказы изданы в «Сборниках Русск. Ист. Общ.» Это — важнейший источник для социально-экономической истории XVIII в.

3. Помещичьи фабрики XVIII века.

(Семевский, «Крестьяне в царствование Екатерины II.»)

Имя владельца и местность, где находилась фабрика.	Когда заведена фабрика.	До морового поветрия 1771 г.				В 1778 г.			
		Крепостных.		Вольнонаемных.		Крепостных.		Вольнонаемных.	
		м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
	года								
Суконные фабрики:									
Гр. С. П. Ягушинского в Московском уезде	1761	640	—	5	—	254	196	—	—
Полковн. А. Плохова в Московском и Вяземском у.у. . . .	1761	234	—	—	—	234	—	—	—
Вдовы надворн. сов. Грязнова в Рузском у.	1762	224	—	50	—	225	—	219	—
Порутч. Алексея Хованского в Рузском у.	1761	353	—	—	—	400	250	—	—
Князя Г. И. Шаховского в Коломенском у.	1753	258	—	—	—	500	—	—	—
Подп. М. Зиновьева в Дмитровском, Карачевском и Брянском у.у.	1761	233	—	—	—	312	—	—	—
Кн. Александра Хованского в Переславском у.	1757	261	—	—	—	297	—	—	—
Надв. сов. И. Маслова в Тульском у. . .	1766	215	—	—	—	224	—	—	—
Порутч. И. Кожина в Кашинском и Лебедянском у.у. . .	1757	621	—	—	—	626	—	—	—

Имя владельца и местность, где находилась фабрика.	Когда заведена фабрика.	До морового поветрия 1771 г.				В 1778 г.			
		Крепостных.		Вольнонаемных.		Крепостных.		Вольнонаемных.	
		м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
	года								
Ген.-анш. гр. И. С. Гендрикова в Салтовском у. Белгородской губ. . . .	1739	185	—	170	—	285	—	170	—
Полотняные фабрики:									
Ген.-анш. и сенатора гр. П. Б. Шереметева в Суздальском у. в с. Иванове . .	1745	106	—	—	—	ведомостей не подано.			
Двор. Алексея Никит. Демидова в Мещовском у. при Брынском его железном заводе	1752	420	—	52	—	420	—	55	—
Гр. Ник. Александр. Головина в Нижегородском у. . . .	1764	—	—	—	—	228	—	—	—
Бумажная фабрика:									
Ген.-порутч. П. И. Репнина в Ростовском уезде.	1759	—	—	—	—	179	—	—	—
Кожевная, мыльная и слесарная фабрика:									
Ген.-анш. гр. П. Б. Шереметева в селе Павлове	1761	105	—	—	—	269	—	—	—

ГЛАВА III.

ДВЕ ФОРМЫ ДО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ: БАРЩИНА И ОБРОК.

(В. И. Семевский, «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I, стр. 591.)

1. Соотношения оброчных и барщинных крестьян во второй половине XVIII в.

Нечерноземные губернии.	% % оброчных.	Черноземные губернии.	% % оброчных.
Псковская	21	Тульская	8
Тверская	46	Воронежская	68
Новгородская	49	Тамбовская	22
Московская	36	Пензенская	52
Владимирская	50	Курская	8
Вологодская	83	Орловская	39
Ярославская	78	Рязанская	19
Костромская	85	В среднем	26
Калужская	58		
Смоленская	30		
Олонецкая	66		
Нижегородская	82		
В среднем	55		

2. Размеры собственной помещичьей запашки в XVIII в. [1]

(В. И. Семевский, «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. I, стр. 595—596.)

В имении князя А. М. Голицына, Смоленской губ. Рославльского у., обрабатывалось $^{3}/_{5}$ десятины на душу во всех полях. В подмосковной вотчине князя Д. М. Голицына и в имении кн. В. Н. Разумовской, Рузского у. Московской губ., — менее десятины. В имении кн. А. М. Голицина, Епифанского у. Тульской губ. — немногим более десятины; то же и в его имении Рязанского уезда. В имении кн. Д. М. Голицына, Рязанской губ. Пронского у. — около $^{2}/_{3}$ дес. и еще «в рассуждении малой пашни» крестьяне вносили около 40 к. с души деньгами. Все приведенные сведения относятся к 1770-м годам.

В Рязанской вотчине помещика Лунина в 1793 г. приходилось на душу господской пашни во всех трех полях полторы десятины. В другом его имении в 1797 г. крестьяне пахали менее чем по десятине в каждом поле на тягло следовательно, на душу во всех полях немногим более десятины. В имении кн. Шаховского, в Волоколамском у. Московской губернии, приходилось в 1806 г. господской запашки менее десятины на душу; там же в имении кн. Мещерского немного более полуторых десятин.

---

[1] Барщина — это повинность, выполняемая крестьянином в крепостное время в пользу помещиков за право пользования землею. Она состояла в обязательном даровом труде крестьянина на помещичьей запашке. Сначала она была установлена путем добровольных соглашений крестьянина с помещиком. Позже она получила обязательный и постоянный характер и стала требоваться законом. О барщине говорят памятники XII — XIV в.в. Долгое время барщина существовала без всяких ограничений. Восстание пугачевцев подняло вопрос об ограничении барщины. В 1714 г. была издана инструкция сотскому о «воздержании» от полевых работ в праздничные дни. Павел I в 1794 г. подтвердил это запрещение. Положение 19 февраля 1861 г. сохранило барщину для временно-обязанных крестьян. Лишь с переходом на выкуп крестьяне освобождались от барщины. Барщина являлась своеобразной формой земельной ренты, преимущественно помещиков черноземной полосы. В нечерноземной полосе земельная рента существовала в виде оброка, сначала натурой, а потом деньгами.

3. Характер и размеры повинностей крепостных крестьян в конце XVIII и начале XIX в. в мелкопоместной Тверской губернии.

(Петр Струве, «Крепостное хозяйство». Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. СПБ. 1913. Приложение I, табл. 2, стр. 160.)

НАЗВАНИЕ ДЕРЕВНИ И ДВОРА	1785 год			1786 или 1787 год		
	Число душ		ПОВИННОСТИ	Число душ		ПОВИННОСТИ
	м.	ж.		м.	ж.	
Береговские деревни Цветков. (Торопецкого уезда, № 12141.)						
1. Иван Качнов	3	2	Платить 12 р. 50 к.	4	2	Платить с поработками 15 р.
2. Тимофей Елисеенок	2	2	» 10 » — »	2	1	Дмитр. Тимоф. Платить оброку с поработками 10 р.
3. Тарас Алексеев	3	2	» 12 » 50 »	3	1	Платить с поработками 12 р. 50 к.
4. Ульян Карасев	1	1	» 5 » — »	1	1	Платить оброку с поработками 5 р.
5. Иван Синченок	2	2	» 10 » — »	2	2	Михаил Ив. Плат. с поработк. 10 р.
6. Василий Гришин	2	1	» 7 » 50 »			
7. Родка Трофимов	1	2	» 5 » — »	1	1	Платить с поработками 5 р.
8. Митка Карасев	2	1	» 7 » 50 »	2	1	Дмитр. Мих. Платить оброку с поработками 10 р.
9. Васька Буланев	1	1	» 5 » — »			
10. Гришка Куров	3	2	» 12 » 50 »	3	3	Платить оброку с поработками 5 р.

1801 - год			
НАЗВАНИЕ ДЕРЕВНИ И ДВОРА	Число душ		ПОВИННОСТИ
	м.	ж.	
Бе[illegible]еговские деревни Цветков. (Торопецкого уезда, № 12141.)			
1. Вдова Авдотья Васильевна Кочнова	3	3	Земли у него три шеста, итого выть, три мужика и три бабы; ходить на господскую работу мужику и бабе во всю неделю с лошадью.
2. Петр Дмитриевич Лисеенков . .	2	2	Итого два венца. Мужику ходить на господскую работу в неделю на четыре дня с лошадью, а бабе в неделю два дня. Земли у них два шеста.
3. Кирилла Тарасов	2	2	Итого два венца. Ходить мужику и бабе с лошадью в неделю по 4 дня. Земли под ними два шеста.
4. Лаврентий и Михей Дмитриевич Карасевы	3	2	Итого три мужика и две бабы. Ходить на господскую работу мужику во всю неделю с лошадью, а бабы четыре дни в неделю. Земли 3 шеста.
5. Василий Петров Долганенков (у него жена Варвара Михайловна)	1	3	Ходить на господскую работу мужику в неделю два дни, а бабы четыре дни и с лошадью. Земли два шеста.
6. Степан и Никифор Васильевы . .	2	2	Итого два венца. Ходить на господскую работу мужику и бабы с лошадью в неделю 4 дни. Земли 2 шеста.
7. Авдотья Ивановна Куркова . . .	1	3	Ходить на господскую работу в неделю мужику два дни с лошадью, а бабы 4 дни. Земли 2 шеста.
8. Куприян Осипов	2	3	Итого два венца. Ходить мужику и бабе с лошадью в неделю по 4 дня.
9. Степан Алексеев Хаврошенков .	3	2	Земли 3 шеста. Итого мужеска выть, а бабы две. Ходить мужику во всю неделю с лошадью, а бабы четыре дни в неделю

1808 год

НАЗВАНИЕ ДЕРЕВНИ И ДВОРА	Число душ		ПОВИННОСТИ
	м.	ж.	
Береговские деревни Цветков. (Торопецкого уезда № 12141.)			
1. Яков Федоров	2	2	Два венца, три шеста. Работать ему на господской работе, мужик и баба с лошадью без ходно—с двух венцов.
2. Петр Дмитриев	2	3	Работать ему с двух венцов на господской работе. Мужик и баба несходно. Два венца, два шеста.
3. Кирилл Тарасов	3	3	Работать ему с трех венцов на господской работе мужики и баба с лошадью во всю неделю, а другому выходить на 3 дня с лошадью. Три венца, три шеста.
4. Лаврентий и Михей Дмитриевы	3	2	Работать ему с трех венцов на господской работе, мужик и баба с лошадью во всю неделю несходно, а другому выходить на три дня.
5. Василий Петров	2	2	Работать ему с двух венцов на господской работе бессменно, а баба с лошадью увольняется. Три венца, три шеста.
6. Степан и Никифор Васильевы	2	2	Работать ему на господской работе с двух венцов. Мужик и баба с лошадью несходно во всю неделю. 2 венца, два шеста.
7. Авдотья Иванова	1	3	Работать ему с двух венцов, мужику 3 дня с лошадью, а двум бабам по два дня. Два венца, два шеста.
8. Куприян Осипов	2	2	Работать ему с двух венцов, мужик и баба с лошадью во всю неделю. Два венца, два шеста.
9. Степан Алексеев	2	3	Работать ему с двух венцов на господской работе, мужик и баба с лошадью всю неделю несходно. Два венца, два шеста.

1814 год

НАЗВАНИЕ ДЕРЕВНИ И ДВОРА	Число душ м.	Число душ ж.	ПОВИННОСТИ	МАСТЕРСТВО
Береговские деревни Цветков. (Торопецкого уезда № 12141.)				
1. Павел Никифоров	1	1	Отбывали барщину. Размер не указан.	Горшель.
2. Павел Дмитриев	2	2		Горшель.
3. Кирилл Тарасов	3	2		Шерстобой. Его брат, Иван Тарасов, винокур.
4. Аким Лаврентьев	3	1		—
5. Григорий Михайлов	1	1		Горшель.
6. Февронья Федорова	—	1		—
7. Родион Иванов	1	1		Горшель.
8. Андрей Тарасов	1	1		—
9. Евдоким Васильев	—	1		Горшель.

4. Из ответов на экономические вопросы Слободской Украинской провинции.

(«Труды Вольного Экономического Общества», 1768 г., ч. VIII, ст. 78—87.)

От какого хлеба, или иного продукта здешние земледельцы наибольшей свой прибыток на месте получают, того они точно сказать не могут; ибо весь земледельческой их труд обращен только на собственное их пропитание; выключая рожь, ячмень и овес, из которых рожь и овес внутрь сей же провинции продается винокурам, да временем бывает, что закупается в казенные магазейны; а ячмень переделывают в солоды, и продают по городам шинкующим пивами.

Генерально заключая, в траве недостатка в здешних местах нет; а где лугов и мало, там стараются косить траву по степным и пашенным местам. Народ здесь разделяется на два рода, на войсковые, казенные и на владельческие подданные. Посредственный казенный войсковой обыватель рогатого скота держит до 10 скотин, овец до пятнадцати, свиней до пяти; а владельческой подданной — рогатого скота до пяти скотин, овец до пяти ж, свиней до трех. Лошадей здесь редко кто имеет, потому что всякую работу исправляют на волах.

Хлеб из жилищ Слободской провинции никогда не выходит, понеже излишней и ненадобной для обывателей винными заводчиками скупается и пересиживается в вино; також скупается и для квартирующих здесь полков на провиант, так что здешнего хлеба иногда и весьма б недостаточно было, естлиб из Белогородской губернии во многом числе оного подвозимо не было. Что же до протчих продуктов касается, то и оные служат токмо к одному здешних земледельцов пропитанию и удовольствию, выключая одни садовые овощи, из которых в плодоносное время выходит отсюда в Великороссийские места некоторое количество яблок, груш и орехов по предписанной выше сего цене.

5. Кашинский уезд Тверской губ., в середине XVIII века по анкете Вольного Экономического Общества.

(«Труды Вольного Экономического Общества», 1774 г., ч. XXV.)

2. Рожь и овес почесть можно за перьвейший хлеб, которой здесь сеется; ячмень, не в толиком количестве; гороху сеют мало; гречухи и того меньше, которая за случающими в августе морозами редко поспевает. В обыкновенные годы рожь бывает сама-друга, сама-третья, иногда и сама-четверта.

Овес, таким же образом. Пшеница в двое или трое. Ячмень сам-четверт, сам-пят, сам-шесть, и сам-сем приходит; горох бывает в семь, восемь а редко в десятеро; гречуха сама-друга и сама-третья; но такой урожай случается в лучшей сухой год. Когда же дождей идет много, тогда рожь заглушивается метлою и костерем; овес травою; а ячмень в овес преобращается. Сверьх того востающие из болот в ненастной время пары, которые крестьяне называют мглою, много вредят несозревшим еще и наливающимся овсяным и пшеничным зернам. Ибо естьли где таковая мгла хватит, там зерно бывает и не столь полно и не столь бело. В таковое время рожь едва сам-друг приходит, овес также; а ячменю насилу семяна возвращаются. Горох и гречуха не редко и головой пропадают...

6. Скота крестьяне содержат каждой по своему состоянию и по семейству, но положа всеобщую пропорцию каждой мужик содержит одну лошадь, двух коров или одну корову и одну телицу, двух овец, одну свинью, десять куриц...

10. Как пшеницу здесь часто побивает ржа или мгла, горох вымокает или позябает, конопли за недостатком навоза или мало сеются или не очень бывают рослы, то и прибылью от сих хлебов земледелец ласкаться не может. Но получает прибыль хотя не большую от овса и ржи. Годом случается что ячмень и лен также для него бывают выгодны.

12. Здешние сохи обыкновенные, как и в прочих местах... Но что касается до земли, оная пашется не более как на два вершка в глубину, по той причине, что серая земля не толще лежит, под которою следует суглинок.

17. Здесь называется осмак или тягло из двух мужиков и двух баб настоящих работников состоящее... С такого осмака один крестьянин с женою ходит всякой день на барскую работу, а другой с бабою всегда дома, воскресные же дни и прочие праздничные также от господской работы уволен, и следовательно имеет в год больше дней на себя работать, нежели на помещика. Случается также, что во время жнитва, где не разделена господская пашня, или в сенокос ходят они поголовно, то есть: иногда трое или четверо с тягла; но сие бывает не всегда, или после за то какая дается выгода...

31. Продается хлеб обыкновенно или в Кашине, или в Никольской слободе, лежащей на правом берегу Волги, против самого Колязинского монастыря. Цена оному бывает двоякая, осенью дешевле, а весною дороже... Продают его иногда и помещики иногда и крестьяне, но последние в малом количестве, а скупают кашинские купцы и Никольской слободы жители, для отвозу оного в Петербург, которого ж хлеба больше продается, за нонешними недородами утвердительно сказать нельзя, однако думаю, что больше всего продается овес, ячмень в полы против него, а ржи в полы против ячменю...

39. В самом городе Кашине имеется небольшая белильная фабрика, и пять кожевенных, кои тамошними купцами отправляются. Находится также несколько помещичьих фабрик полотняных, и одна большая суконная; сколько же при которой работников и станов, о том сказать не могу, потому что оные фабрики будучи в смотрении своих господ, по их рассмотрению уменьшаются и прибавляются как станами так и работниками. На полотняных ткутся полотна, в восемьдесят и девяносто пасм, скатерти, салфетки, каламенки, редчинки, кисеи; полотна продаются от сорока и до шестидесяти копеек аршин, на суконной господина гвардии капитан-поручтика Осипа Ивановича Кожина фабрике ткутся сукна солдатские и подрядом в комисириат ставятся. В некоторых домах помещичьих для домашнего расходу имеется по одному или по два стана суконных, но у редких.

56. Естьли я не ошибаюсь в своих примечаниях, то думаю, что земли удобной для работников довольно, или малым числом работники землю превосходят, и то в таком рассудке, что многую к пашне способную землю, не хотя приложить работы, в луга и леса запускают.

57. Половина почти уезда, особливо село Кимра ее сиятельства графини Анны Карловны Воронцовой, и село Медведицкое его сиятельства князь Сергия Михайловича Голицына сапожники и башмашники; живут по большей части в Москве по зимам, а иные и летом. Сей промысел хотя и дает им способ доставать деньги, но московская жизнь делает их пьяницами, мотами и на конец ни к пашне, ни к сапожному рукоделию не способными. Многие промышляют продажею досок, уголья; другие по зимам ездят в Петербург в извозах или со своими со свиными и говяжьими мясами, или с купецкими разными товарами. В некоторых деревнях, где глина способная к деланию горшков достается, делают горшки; в прочем имеются шерстобиты, кузнецы, портные крестьянского платья, плотники, мельники, рыбаки, бочары, колесники, обрушники, рассеянные по всему уезду в небольшом числе.

Холста прядут столько, чтоб себя с мужем и детей одеть, да и на всякие мелочи для женского платья стало, а иногда и на вспоможение мужу денег достать.

62. Холсты скупают по большей части кашинские купцы и Никольской слободы жители, которые холстины до несколька тысяч аршин в Петербург отвозят и тамо распродают.

63. Половина почти здешних крестьян имеют весьма бедное пропитание; причины чего неоднократно в предъидущих многих ответах изъяснены, одеяние их состоит в сером суконном кафтане и в шубе, в онучах, лаптях, шапке и рукавицах, случается и то, что оно носится как в будни так и в праздник одно; ибо перемены ему другой нет. Пища соответствует платью, щи пустые при том не всегда и сметаной забеленые, молоко

не всякой день, хлеб невейной, лук, чеснок, редька весь его стол составляют; пьет воду или квас неотменяющейся от воды. Но находятся и такие крестьяне, которые живут зажиточно, или по крайней мере недостатку ни в чем не имеют; таковые одеваются по праздникам по наряднее, едят по лучше, иногда и мясо, а молоко и всякий день.

6. Рязанский (Переславльский) уезд Рязанской губернии.

(«Труды Вольного Экономического Общества», 1767 г., ч. VII, стр. 31 — 45.)

6. Крестьяне скот держат не по равному числу; у которого по тяглу земляных участков довольнее, тот более и скота держит; а обыкновенно у одного несемьянистого бывает две лошади, корова, пять или шесть овец, свиней тож.

10. Некоторые земледельцы оной провинции прибыль на месте получают от одной только пеньки.

17. Помещичьим крестьянам свободные дни даются на себя работать не равно, но по рассмотрению помещика: и так у некоторых в неделе, кроме праздников, один день, а прочие дни на господина; а у других два дни на помещика, а третей крестьянину...

31. Здешние жители излишний от употребления хлеб обыкновенно отвозят сухим путем для продажи в Москву и по другим городам и торгам, где оные бывают, и продается разными ценами: а в продажу отвозят всякой хлеб, рожь, овес, пшеницу и горох; и все оное отпускается немолотое; а молотой отправляется водою, покупной от подрядчиков, и более ржаная мука, которая прошедшей зимы покупана у обывателей на месте, по рублю по десяти копеек четверть; и отпуск бывает до Коломны по Оке реке, а от Коломны Москвою рекою обыкновенно на судах, называемых струги. Провоз сухим путем на четверть подлинно положить не возможно, по тому что всяк возит на своих лошадях и своими работниками; но провоз водою от места до Москвы на четверть становится по двадцати копеек. Вольная продажа всегда происходит во все зимнее время, а одинаковой цены каждой год положить не возможно: ибо продается смотря по урожаю, каждой год разными ценами, и неменее, как рожь по пятидесят и по шестидесят, пшеница хорошая по рублю по пятидесяти копеек и по рублю по двадцати копеек, овес по сороку и по сороку по пяти копеек, крупа по девяносту по шести копеек.

Под здешним городом одна Ока река, да из нее залив, называемый Трубеж, который и обратно впал в туж реку. Оная Ока река течение имеет вверх до города Коломны, а вниз по Волгу реку, по которой реке ходят разные струга из Москвы

к Макарью на ярманку со всяким щепетинным товаром и с медною разною посудою и с колоколами; да с верховых заводов вниз же с стекляною посудою к оной же Макарьевской ярманке. Оные струга идут в воде на пол аршина; работников на них бывает по десяти человек. Каждому плата от Москвы до места по пяти рублев. Снизу вверх до Москвы ходят струга же с Демидовых и с прочих заводов с железом. Ходят в воде четвертей до осьми; работников на каждом по двадцати по два человека, от места до Москвы на каждого по девяти рублев. Из Казани с мылом и с рыбою, называются гребные большие струга; а работников не по равному числу, и каждому плата по пятнадцати рублев; в воду идут с четвертью на аршин. Из Мурома с алебастром, с дегтем и с лубьями; идут в воде на аршин и свыше трех четвертей: на всяком струге работников по тридцати человек с платою каждому по осьми рублев. Хлеб мукою, а более рожью из здешнего уезду до Москвы в кулях, в стругу по тысячи по сту и более кулей; в каждом куле по четверти, а весу четверти по девяти пуд: работников по тридцати по семи человек, с платою каждому по шести рублев; а на каждую четверть по двадцати копеек. К провозу суда употребляемые с низу из Казани и из прочих тамошних мест, покупаются там; а сверьху и из здешнего места Переславльского уезда, в селе Ловцах, низовые суда бывают ластов по шести и по пяти. Здешнее же судно новое без поправки возьмет четыре воды, а с поправкою шесть вод. Низовые больше двух или трех вод не возьмут, понеже оные конопатят хворостом, а не пенкою, но здешние пенькою, и по тому против здешних и хуже. Работники бывают на оных стругах с верьху и с низу все почти здешнего Переславльского уезда разных сел. Расстояние-ж водяного пути состоит далее от Казани и Нижнего; только другого водного пути до Москвы, кроме ходу оной Оки реки, нет.

56. Здешние места многолюдны, и по многолюдству уповательно, что больше земледельцов в работу годных, нежели земли удобной к деланию.

57. Которые земледельцы находятся на господских денежных оброках, те от работ свободны, и имеют от себя разные промыслы, каковые им законом не возбранены; а не оброчные ни в какие промыслы не вступают.

60. Обыкновенно прядут бабы из льна, а паче из коноплей, холста по четыре и по пяти в год, в каждом холсте по двадцати аршин; шириною он вершков десять и одиннадцать, добротою льняной не очень тонкой, а посконной обыкновенно, как прядут из коноплей: но хорошого и средственного полотна, кроме господских домов, нет, и сколько останется у каждой бабы за росходом, то достальные холсты продает в доме и в торжках посторонним людям, а по большей части продают в ярманки. В летнее время прядут же на обыкновенных здеш-

них гребнях, а самопрядок не имеют. Прилежная баба в неделю напрясть может тонких (понеже в среду и пятницу ту работу исключают) десять початков, весом до шести фунтов, а толстых пятнадцать початков, весом до осми фунтов; пряжу же хотя и продает, только не много. Всякая баба в неделю отпрядет на тонкую пряжу двенадцать фунтов, а толстой или ровной десять фунтов.

Лен употребляют в пряжу, сколько родится дома, не покупая его на стороне; в недостатке же оного довольствуются посконью.

63. В здешних местах крестьяне по большой части имеют довольное пропитание, а бедных мало. Причина же их бедности приключается от того, когда будучи одинакой, опадет лошадьми и скотиною; однако и таковой чрез разную свою работу большой бедности в пропитании не несет.

7. Ответы на экономические вопросы Оренбургской губернии.

(«Труды Вольного Экономического Общества», ч. VII, Спб., стр. 126 — 201.)

По сведению всех оных мест (выключая токмо Оренбург с построенными по реке Яику крепостьми) обыкновенную уездную цену, когда ни великого плодоносия, ни большого недорода не случается, кажется, можно поставить следующую, а имянно: рожь от 50 до 60, пшеницу от 70 до 80, овес от 30 до 40, ячмень от 40 до 50, горох и чечевицу в 50 и в 60 копеек четверть, просо, также полбу и ярицу против ячменя, а гречу против проса: но к отвозу в Оренбург из Бугульмы (растоянием около 350 верст) обыкновенно почти от 30 до 40 копеек на куль, то есть, на четверть дают; а из других мест туда ж и далее в новопостроенные крепости по сей же пропорции признавать надлежит. Но бывали такие годы, что все оное на месте и дешевле означенной цены продавалось а ныне года уже через три цена многим свыше того надстоит.

По ценам хлебным рассуждая надлежало бы сказать, что земледелец собственной своей прибыли получит больше от того, что дороже продается (о чем порознь обозначено в 5-м пункте); и так пшеницу следовало бы ему всем прочим семянам предпочесть: но понеже при посеве оной, как выше в 3-м пункте показано, двойная почти работа надобна, и рост ее подвержен многим неудачам, да и родится она хорошо в редких местах; к тому ж в народную продажу требуется больше ржи и овса, который хлеб и родится надежнее: то каждый земледелец вероятным образом надеется иметь, да и действительно получает больше прибыли своей от сих двух посевов, а паче от овса: ибо овес пред пшеницею и рожью имеет еще и то пре-

имущество, что его на такой же величины земли высевается вдвое, то есть, на одну десятину сеют его по четыре четверти, а пшеницы и ржи только по две; урожай же его обыкновенно бывает с лучшею прибылью.

Крестьяне помещичьи работают на своего господина по три дни в неделе, столько ж и на себя, а воскресной день оставляется им свободен; но больше употребляются они так, как помещик хочет. Есть и такие еще помещики, что повсядневно наряжают их на свои работы, а крестьянам для пропитания их дают один месячной хлеб.

Излишний хлеб, у каждого земледельца случающийся, отвозится для продажи на базары, имеющиеся в городах сей губернии, (каких базаров и кроме городов в больших жительствах много), и продается там в народную продажу разного звания людям, которые собственного своего земледелия не имеют, по разным ценам, когда и как оные по довольству хлебному состоят; обыкновенныеж цены и с провозом до Оренбурга, выше сего в 5 пункте уже означены. В отвозе к Оренбургу рожь и пшеница идет молотая, а на базарах как молотой, так и зерновой хлеб продается: но и кроме базаров по деревням многие скупщики ездят зимнею и осеннею порою, покупая и подряжая всякой хлеб по настоящим уездным ценам, кому куда надобно, а больше для казенных магазейнов, в Оренбурге и в новых крепостях имеющихся. Все оные отпуски чинятся сухим путем зимою с февраля до марта; ибо в декабре и в генваре за случающимися непогодами проезд к Оренбургу весьма трудной: но больше отвозится он летом по посеве хлеба, и как земледелец с поля хлеб свой сберет, по тому что в здешних местах летний путь гораздо способнее зимнего. Обыкновенной платеж до Оренбурга считают от 30 до 40 копеек на четверть, а временем, особливож, когда бывают непогоди, и гораздо выше. Водяной коммуникации из уездов к Оренбургу ни отколе нет; [1] но ежелиб здешние уезды преумножены были земледельцами, и хлеба бы родилось в них для всей губернии со избытком, в таком случае не невозможно бы и Казанской губернии в уезды водяной ход иметь: из Уфинской провинции по рекам Белой и Ику, кои впадают в реку Каму; из Ставропольскогож ведомства до Волги по рекам Кинеле и Черемшану, а до Камы реками Шешмою и Заем; из Оренбургаж до Гурьева городка и до самого Каспийского моря рекою Яиком.

Не только в ближние места, но и на уездные базары для продажи сена здесь не возят: ибо каждый на потребность свою сам готовит; а ежели случится у кого в нем недостаток, тот старается покупать на месте у того, у кого его довольно, и платят за стог, в коем от 6 до 8 возов, копеек по 80

---

[1] Водяная коммуникация из Оренбурга описана в Топографии Оренбургской губернии в части I, стр. 195 и 196.

а иногда и свыше. В городах посредственная сену цена приходит на пуд копейки в две, а иногда выше и ниже: но в Оренбурге, когда бывает недостаток в сене (который случается от засух, а паче когда вешняя вода всех лугов не понимает) и за один воз не редко по рублю и свыше платят; посредственнаяж там цена в пятьдесят и в шестьдесят копеек воз.

О Киргизцах объявлено уже, что они не имея со всем земледелия довольствуются содержанием скота, промышляют звероловством и торгом, а иногда сбираясь малыми и большими артелями, ездят в разные стороны для добычи, что по их обыкновению за промысел признавается. Башкирцы за промысл свой почитают с а н а р, то есть, звероловство, а притом и торгуют продавая своих лошадей, рогатой скот, мед и воск; некоторыеж из них, хотя мало, и рыболовствуют. Из татар многие торгуют и нанимаются у Российских и у своей братьи в прикащики и на ярманках в толмачи, а иные вступают в провиантские подряды и в разные торги. Из Чуваш и других подобных им новокрещеных, оставляя земледельство, немалое число нанимается в заводские и в другие работы. Из Российских те, кои позаживнее, торгуют на базарах всякою мелочью, содержат мельницы; а из убогих нанимаются в разные работы, в извоз с провиантом и в другие поездки, что все исчислить трудно.

О живущих в Исетской провинции государственных крестьянах по большей части можно сказать, что они не убоги, рассуждая о достатке их по числу их лошадей и имеющегося у них скота; нищих и бродящих по миру между ними почти нет: но живущие в Уфинской провинции в Бугульминском и Ставропольском ведомствах пред оными кажутся гораздо быть убожее, чему за причину иное не возможно признать, как сие, что они к пашне и домостроительству не столько прилежат сколько должно; а в прочем не распространяя, можно послаться мне на то представление, которое об них в рассуждении прежнего и нынешнего земледелия от меня учинено, где придчины убожества и несостояния их несколько описаны.

8. Из статьи Рычкова „о способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии".

(Р ы ч к о в, «Труды Вольного Экономического Общества», 1767 г., ч. VII, стр. 3—18.)

Сия новая губерния может быт в числе самых лучших и плодоноснейших мест, ежели только приложится старание о заведении и умножении тут земледельцов. Она вся столь избыточна самыми хорошими и тучными землями, что в других губерниях на таком пространстве, какое она в себе содержит, едвали столько их имеется. Они все навозу, и никакого удобрения не требуют, и состоят по большей части из мягкого

и толстого чернозема, выключая только те места, кои близь Яика: но и тут яровой сев бывает не мало плодовит и прибыточен, а особливо на просо и пшеницу. [1] Весь недостаток ни от чего иного происходит, как от малоимения тут прилежных земледельцов. Смело могу сказать, что из великого ее множества пахотных земель и сотая часть к пашне не употребляется. Самые лучшие места остаются тут в пусте бесплодными и бесполезными.

Известно, что в Свияжской провинции, для множества находящихся там лесных мест, в годных хлебопашеству по тамошнему людству великое оскудение, и многие из тамошних обывателей за недовольством пахотных земель, принуждены бывают вступать в разные другие промыслы (в коих обществу никакой пользы нет), наниматься в заводские и другие работы; и так отлучаясь от домов своих отлучаются и от земледелия.

Впротчем к воздержанию и поправлению находящихся в здешних многих местах земледельцов, от бесполезных и вредных им самим и обществу промыслов и отлучек, и к умножению земледелия, не бесполезно бы было все те промыслы и отлучки, о коих я прежде представлял, хотя на время запретить, или изыскав умеренную пропорцию в пашне утвердить ее так, дабы ни один, могущий быть пахарем, из жилища своего не отлучался по тех пор, пока он тягла или урока своего в пашне не исправит, разве тех, кто на посев или на уборку своего тягла представит другого такого, ктоб и свой урок и его тягло без упущения исполнил. Умножать больше положенного, не только не воспрещать, но и еще поохочивать (ибо здесь земли пространные; кто хочет тот пашет, скольто может): но меньше положенного ни при котором бы уже жительстве не было. Наблюдение того в каждом жительстве положано на старост и выборных с лучшими людьми, свидетельствовать и от ближайших присудственных мест, и где явится по людству недостаток против положенного, тут нерадивых наказывать по рассмотрению; а где окажется больше, тем давать билеты, похваляя их прилежность. А дабы и впредь еще более к тому прилежали, то поощрять их одобрением пред другими в случае свидетельства, поручительства, и в подобных тому делах, возбуждая в них тем и еще, чем можно, честолюбие и охоту к земледелию. [2]

---

[1] Чем ближе к реке Яику, тем качество земли сушее, мешающееся с песком и глиною; чего ради ржаной сев всегда был тут неудачен, и большею частию уже покинут: ибо здешние обыватели ко удобрению земель навозом и другими средствами никакой привычки не имеют. Но по Сакмаре и по Самаре рекам, да и в других местах, кои от реки Яика отдалены верс на 100, ржаной сев родится не хуже внутренних мест без навозу и без всякого земли удобрения.

[2] Ежели примечать поведения и обхождения, между крестьянами бываемые в их сборищах и беседах, то лучшие и заживные из них люди всегда тем больше превозносятся, когда кто более пашет, и имеет у себя хлебных кладей и одоньев, и находится он в состоянии другим чинить снабдение и вспомоществование, в чем все их честолюбие состоит.

Правда, что не всякая отлучка крестьянина вредит. Много таких у них промыслов и отлучек, кои для них самих, да и для помещиков не бесполезны: но для общества той пользы, которая происходит от земледелия, от них уже нет, да еще и сами они от других своей братьи сеянным хлебом питаются. Помещик получа от своего крестьянина хороший оброк, и уволив его кормиться каким нибудь промыслом в городе, может столько же иметь от него пользы, как и от его пашни. Крестьянин заплатя помещику оброк и положенную на него подать, торгуя или промышляя каким нибудь ремеслом в городе, не меньше имеет своей прибыли, как на пашне: но общество ничего, или очень уже мало от таких пользуется. С оброчными деревнями не редко тоже делается. Они заплатя свой оброк господину, отлучаются от жилищ своих, куда хотят, и не столько уже рачат о земледелии, когда не видят никого их к тому понуждающего. Из сего слабого примера довольно явствует, сколь партикулярная польза, то есть, помещичья и крестьянская разнствует от всенародной. Не сходнее ли бы было, когдаб каждой земледелец наблюдал природное ему звание и не отлучался бы от пашни иначе, как разве по предписанному?

9. Указ о подтверждении вольной и повсеместной торговли хлебом по всему государству. 23 сентября 1787 года.

(П. С. З., т. XXII, № 16578.)

Вольная торговля хлебом внутри империи нашей не токмо не ограничена никакими узаконениями, но дарована совершенная свобода всему внутреннему торгу; освободив оной указом нашим 31 июля 1762 года от всех монополий, ко вреду общему его стесняющих, и сверх того наипаче к умножению земледелия, составляющего изобилие народное, многия поданы от нас поощрения и ободрения. В положении о городах, нами изданном 21 апреля 1785 года, сказано в статье 24: «уездным жителям да будет свободно и безопасно свои произростания, рукоделия и товары в город возить, и потребное для них из города вывозить беспрепятственно, и с уездных жителей при провозе произрастений, рукоделия и товаров в город, или вывозе потребного для них из города не требовать явления или записания пашпорта в здоровое время». В указах наших 23 октября прошлого 1786 года данных генерал-губернаторам, имеющим в ведомстве своем водяную коммуникацию, повелели мы в облегчение хлебного торга и в поощрение привоза в Санктпетербург, чтоб суда, хлебом нагруженныя без всяких остановок и затруднений пропускать, для скорейшего прохода подавать всевозможное пособие и притом ни в каком месте не посылать никого на те суда для

подробной описи и осмотра всего груза, обнародовав на пристанях таковое повеление наше, в пользу судов с хлебом идущих изданное, с тем, что они освобождены от всяких осмотров и никаким притеснениям и злоупотреблениям подвержены быть не могут. После столь ясных предписаний не ожидали мы, чтоб по причине неурожая хлеба в некоторых губерниях сделано было, в других, лучшую жатву имевших, запрещение вывозить оттуда хлеб как на вольную продажу, так и по законтрактованным подрядам и поставкам; сие самое подало повод к возвышению цен на хлеб, к увеличению в оном недостатка и к притеснению желавших продать свои избытки; чего ради, во отвращение всякого затруднения во внутренней торговле хлебом, повелеваем снять немедленно, в тех местах, в которых есть запрещение о выпуске или провозе хлеба из одной губернии в другую; и не позволять нигде и никому делать подобных запрещений. Подтверждая вольную и повсеместную торговлю хлебом внутри империи нашей и все облегчения, в пользу того установленные, оставить право свободы каждому помещику, купечествующему, промышляющему и земледельцу в селении, городе или губернии ввозить, провозить, вывозить и продавать по добровольной цене всякому, кто покупать желает оптом или подробно хлеб разного рода и звания и земные произрастения без всякого изъятия...

10. Из указа об уничтожении внутренних таможенных сборов 20 декабря 1753 года.

(П. С. З., т. XIII, № 10164.)

Все таможни, имеющиеся внутри государства (кроме портовых и пограничных) уничтожить, и как им не быть, так и вышеописанного сбора не сбирать, а ту сумму сбирать в портовых и пограничных таможнях, с привозного и отвозного товара внутренние пошлины единственно по 13 копеек с каждого рубля, более ж сего с того товара, с которого вышеписанное возмется, внутренней нигде не брать, которую как иностранные и российские купцы с привозных, так подданные наши с отвозных товаров платить имеют, ибо подданные наши российские купцы, внутри государства нашего всякие товары продавать и покупать будут беспошлинно, которой пошлины с одного товара с продажи и с покупки в один ряд бывает в платеже по гривне с рубля, а с перепродажи один другому сверх того пошлину ж платили, и тако с одного товара тройная пошлина и более в платеже бывает; а ныне те наши подданные купцы от того всего уже будут свободны, а только той внутренней пошлины, как выше сего явствует, платить будут в однех портовых и пограничных таможнях, против прежнего при портах

внутреннего платежа, 5 копеек, с прибавкою токмо по 8 копеек с рубля; также и иностранные купцы от платежа той внутренней пошлины излишнего убытка претерпеть не могут, ибо они те свои товары продавать будут российским купцам, не инако, как с приумножением той пошлины.

11. Образцовые правила по ведению помещичьего хозяйства (40-х годов XVIII в.).

(«Краткие экономические до деревни следующие записки» составленные Василием Никитичем Татищевым. 1742 года. «Временник М. О. И. и Др.», кн. 12.)

1. О разделении земли.

Во-первых помещикову землю надлежит верно измерять, которую разделить на четыре равные части: первая будет с рожью, вторая с яровым, третья под пар, четвертая для выгону скота; и оную землю переменять под выгоном ежегодно другою по очереди; дабы в короткое время вся земля чрез то удобрена навозом была, от чего невероятная прибыль быть может и великой урожай хлебу, скотина ж без всякой нужды без лугов продовольствоваться может одним полевым кормом, а та земля от пашной пасьбы напитается плодоносным соком к предъбудущему году для посева. Сей непременной способ конечно употребить надлежит, каждое поле иметь под рожь все унавоженное, десятину считать 80 саж. длиннику, а поперешнику 40 сажен; на каждую той меры десятину рожь высевать на худой земле должно по две четверти, на средней полторы, на хорошей одна четверть, а ерового хлеба разных родов по 4 четверти или смотря по земле. Каждое тягло, муж с женою, должен на помещика сработать в каждом поле по десятине, сена скосить 120 пуд., а достальную землю отдать всю им надлежит, естьли за тем останется; а в случае недостатка земли помещику делить землю с крестьянами по полам, при том смотреть чтоб не менее крестьянину досталось земли мужу с женою десятины в поле, а в дву потому ж, по вышеописанной препорци 80 длиннику, а по перек 40; а естьли того не достанет крестьяном, то такие деревни должны быть на оброке необходимо.

19. О ткачах.

Надлежит ткачам всех крестьянских баб учить ткать широкие тонкие холсты, пестрядь и шерстяные кушаки и сукна тонкие, для скорости иметь самопрялки, чулки вязать нитяные и шерстяные, холст и пряжу белить сонцом, поливая водою без лишней работы и катать на катке, а золой отнюдь не белить и в печь не становить, прочнее будет к носке в рубахе крестьянам холстина, нежели пареная с золою в печи, а бывает и в навозе держат.

22. О поспешности в работе.

Всего на ивящще смотреть надлежит, дабы летом во время работы не малой лености и дальнего покою крестьянам происходить не могло. Кроме одних тех праздников, которые точно положены и освобождены от работы, не торжествовать, понеже ленивые крестьяне ни о чем больше не пекутца, как только узнать больше праздников. И для того работу производить начав с вечера ночью и поутру, а в самое жаркое время отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно. А имянно: до 10 часу по полуночи производить летом работу, а от 10 часу до 4-го пополудни самой жар иметь свободу, и всякой скот и птиц на жар не спускать а иметь в клевах, как о том в 9 пункте изображено. И необходимо во время работы с крестьянами старосте и прикащику с великою строгостию и прилежностию обращаться надлежит, пока весь хлеб с поля убран будет как помещиков, так и крестьянской. Работу ж производить сделав сперва помещичью, а потом принуждать крестьян свою, а не давать им то на волю; как то есть в худых экономиях, то не смотрят за крестьянскою работою, когда они обращаются к собственной своей работе, понеже от лености в великую нищету приходят, а после произносят на судьбу жалобу. Когда ж убран будет с поля весь хлеб, — то староста и прикащик неимеет их больше к работе принуждать, и должен им дать покой несколько времени; а за труды их выбрав свободной день и собрав всех напоить и накормить из боярского кошту. А в зиму ревизует художников, что кто сделал для своей продажи и не были ль праздно; понеже от праздности крестьяня не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а неимеют муциону; доброму старосте и прикащику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получить хорошую заплату, а за нерадение штраф или наказание. Крестьянин не должен продавать хлеб и скот и птиц лишних кроме своей деревни, а когда купца нет, то должен купить помещик повольною ценою; а когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему. А кто без ведома продает или к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двои или трои сутки. Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать; вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием; понеже от того крестьяня в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданные, и тем богатятся чужие деревни. В своей деревне между собою кумовства не иметь, за тем чтоб было можно женитца. Прикащик должен иметь годовой ежедневной журнал, что когда делано и за чем когда работы не было. Есть ли ж паче чаяния

в случае недорода хлеба или в дороговизне должен всякой прикащик у крестьян весь хлеб собственной их заарестовать и продавать им запретить; дабы они в самую крайнюю нужду могли тем себя пропитать, через что можно их удержать в случае самой крайней нужды от разброду...

12. Сельско-хозяйственные расчеты русского помещика в конце XVIII столетия.

(«Русская Старина», 1876 г., т. XVI.)

Теперешний доход.

Деньгами	6 500 руб.	
Ржи 400 четв. по 5 р.	2 000 »	остается от года на 1 месяц.
Овса 400 четв. по 2 р. 50 к. .	1 000 »	нынешний год даже и не стало.
Ячменя 100 четв. по 3 р. . .	300 »	на ругу, на ребят исходит весь.
Пшеницы 50 четв. по 7 р. . .	350 »	остается от года 32 четверти, итого на 224 руб.
Масла 50 пуд. по 6 р. 50 к. .	325 »	
Льну 100 пуд. по 6 р.	600 »	продажи ни оному, ни холстам нет.
Итого	11 075 руб.	
Да от пшеницы и масла	354 руб.	
Всего	11 429 руб.	

Господских полей 3 во владении мужиков, которые извозом довольствуются с конного двора, скотного и от дворовых. Скота же у меня, на 80 десятин, господского 20 скотин, да у дворовых 42 скотины, — всего 62 скотины, а по настоящему должно иметь на каждую десятину по 3 скотины рогатого, кроме лошадей, у меня же лошадей 52, всего со скотом 116 животин, что и делает по $1^1/_2$ животины на десятину. Из того числа 7 лошадей зиму держатся в Ярославле, разгонные; разгонные всегда /в езде, то нельзя положить более как по 1 животине достанется на десятину. Оттого теперь господские поля весьма обессилены и год от году в больший упадок приходят. Держать же, по теперешнему положению, более скота отяготительно крестьянам, ибо на их корму.

Всякая плотничная работа и пилка теперь у меня наемная, или я сам плачу, или мужики. Прошлый 1797 год за плотничную работу сошло с миру 459 р. 50 к., а в нынешний год заплачено уже из оброку за пилку 155 р.; это всякий год необходимо, либо все обвалится и сгниет.

В нынешнем сентябрьском расходе изошло более 100 р., коих бы при издельных мужиках не было, и все потребности покупаемые были бы исправлены.

Сходит с тягла оброку.

Деньгами	16	руб. 25	коп.
Ржи 1 четверть	5	» —	»
Овса 1 четверть	2	» 50	»
Ячменя 1 четверик	—	» 35	»
Пшеницы 1 четверик	—	» 75	»
Масла 5 фунтов	—	» 75	»
Льну 10 фунтов	1	» 50	»
На баранов, холста и проч. по . . .	1	» —	»
На плотников, пилку, жалованье по .	2	» —	»
Половина подводы дешевой по . . .	—	» 80	»
Ярового корму на	1	» 25	»
Полкурицы и 50 яиц	—	» 40	»
Итого	32	руб. 55	коп.

С 400 тягол, и все в цену полагая, сходит 13 020 руб., а доходу 11 075 руб.; в нем нет баранов, холста, плотников, пилки, ярового корму, полкурицы, яиц, жалованья: выборному, старосте, земскому, сотскому, лесникам и меровщикам.

Примерное положение о изделье 100 тягол все умеренно и среднею пропорциею полагается, как посев, работа, урожай, цены и доход.

Взять у мужиков обратно 3 господские поля, в них по 80 десятин казенных. У мужиков же для пашни, земли слишком довольно, о количестве оной можно видеть из книги и моего росписания, сколько на тягло достается.

Посев.

На поле, на 80 десятин, высевается ржи 120 четвертей. Против оного на второе поле сеется ярового хлеба против 120 четвертей, пшеницы 20 четвертей против 20 же ржи; льну 10 четвертей против 15 ржи, ячменю 30 четвертей против 20 ржи, овса 130 четвертей против 65 ржи. Разного ярового хлеба 190 четвертей.

Все это 100 тягол издельных легко обработать могут и притом с помощию дворовых накосить стогов 40 сена. А чтобы вся оная работа удобнее, скорее и лучше могла быть сделана и от непогоды не потерпеть остановки, выговорить у оброчных помочные дни.

Навоз возить 1 день, слать рожь 2 дня, яровой хлеб 2 дня, всего 5 дней. Луг господский косить по теперешнему всем поголовно, и оброчным и издельным. Покосы же, коих у меня прибыло и прибыть может, одни издельные и дворовые исправить должны и могут.

С 1-го октября до весны половину издельных мужиков можно на промыслы отпускать, не брав с них за оное ничего, оставшаяся же половина обработает лен и кончит молотьбу, равно как и всякое изделье и постройку исправит. Отпущать же погодно, год одна половина, на другой другая.

Дров положить на оброчных по 1 сажени на тягло. Они не будут давать ярового корму и ржаной соломы, у них будет больше навозу и они, лучше удобря, лучше и обработают свою землю, лучше и хлеб у них родиться будет. За сим от меня строго будет приказано смотреть и сам не упущу наблюдать. Теперь же они ездят пахать господское поле и не столько прибытку получается, сколько время теряется. Оно и так худо родит, а со временем придется отступиться от него, или гораздо скота приумножить для удобрения оного.

С издельных брать по барану с тягла, а с бабы по 2 р. 50 к. называемых холстинных. Подвод без крайности никогда не требовать, хотя эту повинность издельные бы должны нести. Наблюдать, чтоб издельные, когда случится постройка, никогда наймом не отправляли, а сами, не так, как теперь у меня все деньгами исправляют, что многим весьма отяготительно.

На каждую десятину надобно иметь рогатого скота по 3 скотины, на 80 десятин 240 коров. Из того числа умеренно положить 100 коров дойных, а прочие телята, подтелки, быки и малую часть овец, ибо их не выгодно держать. Если положить 10 коров для кухни и расходу, то с 90 коров должно получить масла по 30 фунтов, да берут везде за творог и молоко со скотников по 1 рублю с коровы. Корму же для 240 скотин своего никогда ставить не будет, а ежегодно покупать на 100 руб., равно и для подстилки соломы рублей на 100 покупать надобно. Чем более подстилки, тем более навозу, чем более удобрения, тем больше урожаю, в сложности же и одно зерно счет делает не малый.

По 30 фунтов масла с коровы делает с 90 коров 67 пуд. 20 фунтов; положив масло по 6 руб. 50 коп. сделает за оное 438 руб. 75 коп., а если делать чухонское масло и продавать в Москве и Ярославле, то еще больше от оного доходу. Хотя по 50 копеек с коровы за творого и молоко делает 45 руб., но

на 200 руб. корму и соломы купить есть из чего. Рогатый скот всегда платит хорошо за свое содержание.

Телятины, баранины покупаться ни здесь, ни в городе не будет. Для солонины говядина тоже своя, и кожи же денег стоят. Птиц дворовых тоже будет довольно, есть чем кормить, равно и свиней.

В скотники определить надобно шесть семей дворовых Для доения же коров наряжать ежедневно всех дворовых баб и девок. Летом скотников можно употребять всюду, а зимою никуда не трогать.

Чтобы иметь по дому моему приличное количество птиц, надобно определить две семьи дворовых для хождения за ними, и чтобы все было в порядке и порядочно.

Дворовые, которых содержание мне весьма дорого, и они лишь в тягость, употребятся с пользою.

Коль скоро изделье будет, то Ивашевскую ветряную мельницу возьму для себя, поправлю, поправлю ее и переделаю во всем, сделаю о три постава и масляный завод. Устрою ветряную мельницу. Все это не маловажный доход приносить будет.

При сем прилагается примерное положение урожаю хлеба и с оценкою. Все, что 100 сделают, оценено в сравнении с теперешним доходом:

Посев.		Урожай.	За выключкой семя.			Цена.	
				р.	к.	р.	к.
Ржи 120	четвертей	сама пята	480 четв. по	5	—	2 400	—
Овса 130	четвертей	сам четв.	390 » »	2	50	975	—
Льну 10	»	сам четв.	30 » »	20	—	600	—
Льну должно выйти			150 пуд. »	6	—	900	—
Пшеницы 20	четверт.	сама пята	80 четв. »	7	—	560	—
Ячменю 80	»	сам пят	120 » »	3	—	360	—
От масла, за покупом корму и соломы, денег . . .						283	75
			Итого на			6 078	75

Кроме денежных доходов и замены денежной траты, о чем выше упомянуто, 100 тягол на изделье делают более доходу нежели против теперешнего оброка. Прочие же 300 тягол охотно дадут по 35 рублей с тягла, что сделает 10.500 рублей чистого денежного дохода.

Теперь у меня тягол 450, а я все полагаю 400, это послужит им всем в облегчение.

Если же рожь родится сама восьма, пшеница также сама восьма, лен сам пят, овес сам пят или сам шест, ячмень сам шест или сам семь, то и доходу будет более, да и цены большею частию бывают дороже мною поставленных.

Оброк, какой бы ни был, его прибыть никогда не может, изделья же приносят иной год в полтора более доходу обыкновенного, а иногда и вдвое.

Семяна же у меня всегда будут самые лучшие: льняное семя псковское; овес — часть английского и многоплодного. Рожь же на семяна брать буду ту, что, когда веют, падает у самых ног, это лучшее зерно, равно и пшеницу и ячмень.

Лошадей же уменьшится и ежегодно будет продаваться сено, который доход я полагаю рублей до тысячи в год.

13. Помещичьи поборы с крестьян сверх издельной работы.

(В. И. Семевский, «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. I, стр. 596.)

В имении кн. Д. М. Голицына собиралось с тягла: свиного мяса по 20 ф., по половине барана (или за целого барана деньгами 45 к.), коровьяго масла по 2 ф. (или деньгами по 10 коп. за фунт), следовательно приблизительно менее рубля с тягла или менее 40 к. с души. В имении Авд. Мих. Нарышкиной, Галицкого у., в 1773 г. собиралось вместо столовых запасов по 1 р. с тягла, следовательно по 50 к. с души, кроме того с тягла по полуаршину, реднины, да еще бабы должны были прясть господский лен. В Рязанском имении кн. А. М. Голицына собиралось в 1779 г. за столовые запасы деньгами по 50 к. с тягла, да еще по 9 яиц с души. Кроме того «с крестьянских баб из собираемой ими из господских конопель поскони собиралось холста с каждого тягла по $2^1/_2$ аршина, да из их собственной поскони по 3 аршина, и того по $5^1/_2$ аршин»; из получаемой с господских овец шерсти они должны были прясть и ткать сукна. Наконец здесь же собиралось по 2 фунта меду с тягла. То же самое взималось и в другом имении кн. А. М. Голицына, в Епифанском у. Тульской губернии, но вместо 9 яиц с души они давали по 6, но зато с 375 душ собиралось 200 петухов, которых каплунили и, выкормив, отправляли в Москву. В 1784 г. в Рязанском имении кн. А. М. Голицын брал за столовые припасы по 50 к. уже не с тягла, а с души, с тягла же по 1 р. 28 к. В то время было также определено, чтобы на каждое тягло выдавали прясть шерсти по 2 фунта. Тогда производился также сбор петухов-каплунов по одному с тягла. В имении кн. А. М. Голицына, Рославльского уезда, Смоленской губ., в 1779 г. вместо столового запаса собиралась пенька и конопляное семя, приблизительно на 40 к. с тягла. Кроме того бабы за то, что выбирали для себя из господских коноплянников посконь, должны были представлять с тягла по 7 аршин, да еще с собственных огородов по 6 аршин

холста. От 10 бортевых крестьянских деревьев отбирался в пользу помещика один рой. Помещик Лунин собирал в 1793 г. со своих вотчин следующее количество столового запаса с каждого тягла: одного гуся (или вместо того 10 ф. свиного мяса), 2 курицы, 30 куриных яиц, 1 ф. коровьего масла, и с тех, у кого есть пчелы, по 1 ф. меду с каждого улья (по тогдашним ценам приблизительно на 1 р.). С каждой тяглой бабы он велел требовать в одном имении 5 аршин посконного холста из ее пряжи, а в другом 10 аршин; кроме того те и другие должны были из господского льна выпрясть на зиму по 3 тальки; некоторые женщины нетяглые, но могущие еще прясть, по усмотрению управляющего должны были выпрясть из господского льна по одной тальке.

14. Размер оброка в XVIII в.

(В. И. Семевский, «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I, стр. 593 — 595.)

В списке разных имений гр. Головкиных 1763 года, очевидно оброчных Вологодской, Владимирской, Московской, Калужской, Тульской и Орловской губерний обозначен доход от 1 р. 10 к. до 1 р. 70 к. с каждой души. В имении кн. Дм. Мих. Голицына в Гжатском у. Смоленской губ. до 1763 г. собиралось с души по 40 к., ассигнациями а с этого времени по 2 р. В имении вице-канцлера кн. Алекс. Мих. Голицына, Белевского у. Тульской губ., в первой половине 60-х г. г. — 2 р. 50 к. с души. В 1771 г. во всех имениях покойного кн. Андрея Мих. Голицына по 3 руб. с души. В том же году во всех имениях фельдмаршала кн. А. М. Голицына по 4 р. с души. До 1771 г. во всех имениях кн. Н. А. Голицына собиралось с души по 2 р., а после того с вотчин, лежавших в Московской, Симбирской, Тверской, Костромской и Вологодской губерниях, по 3 р. с души, в Тульской 3 р. — 3 р. 50 к., в Пензенской — 3 р. 40 к. В 1773 г. в вотчинах Мих. Петр. Нарышкина: в одном имении Галицкого у. Костромской губ. по 2 р. с души, кроме того лен прясть и 3 дня господской работы во время пашни и жнитва; в другом имении там же по 1 р. 33 коп., еще по 40 коп. арендной платы за лес, да еще прясть лен и работать «всякую господскую работу», в третьем имении там же по 2 р. 40 к. и прясть лен; в мелких вотчинах там же по 2 р. 80 к. — 3 р. и прясть лен. В промышленных вотчинах уже и в это время оброк был гораздо выше. Крестьяне села Павлова, принадлежавшего гр. Шереметеву, — в начале 1770-х годов платили господину несколько более 15.000 р., так как в это время там было 3360 душ, то приходится в среднем около 4 р. 50 к. с души мужского пола, между тем как в селе Макарьевском Ветлуж-

ского у. крестьяне в 1778 г. платили гр. Шереметеву 3 р. с души. В 1780-х годах в имениях князей Михаила, Бориса и Алексея Андр. Голицыных Владимирской губ. оброк равнялся 3 р. — 3 р. 50 к., Смоленской, Пензенской и Саратовской 3 р. 25 к., кроме того во всех этих вотчинах за расположенных на них дворовых по 15 коп. с крестьянской души; в Курской губ.: всего по 3 руб. в имении В. И Суворова, отца знаменитого Суворова-Рымникского, в Новгородской губ. крестьяне платили по 2 руб. с души; при самом Александре Васильевиче в 80-х годах в его вотчинах, лежавших во Владимирской, Костромской, Новгородской и Пензенской губерниях, — по 3 р.

Подробные сведения о величине оброка мы имеем относительно Тверской губернии за 1783—1784 г. г. Крестьяне платили там по 2—3 руб. с души, или от 5 до 10 р. с венца (венцом называли одного взрослого мужчину и одну женщину), а именно при счете по душам в Весьегонском у. брали по 2 р., в Осташковском по 2 и по 3 р., во всех остальных уездах по 3 р.; при уплате с венца взнос изменялся таким образом: в Весьегонском и Ржевском по 5 р., Зубцовском 6 р., Бежецком 5—9 р., Кашинском, Корчевском, Осташковском и Старицком 5—10 р., Тверском 10 р. Иногда помещик требовал сверх того взносов натурою, например, в Новоторжском у. некоторые владельцы требовали еще с женщин по 10 и 15 арш. холста, сухих грибов и ягод. Другие же брали это в счет оброка. В пензенской и саратовской вотчинах кн. Куракиных в половине 1770-х г. г. — взималось по 3 р. оброку, а в костромской и саратовской в половине 1780-х г. г. — 4 р. В 80-х годах в Поречье, ярославском имении гр. В. Г. Орлова, крестьяне платили по 5 р. с души. В 1788 г. в имении кн. Дм. Мих. Голицына, Гжатского у., Смоленской губ. 3 р. 50 к. (в 1763 г. в этой вотчине собирали по 2 р., позднее по 3 р. с души), а в 1792 г. по 4 р., в имениях Орловской губ. в 1788 г. по 3 р. 50 к., а в 1792 г. по 4 р.

ГЛАВА IV.

ЭЛЕМЕНТЫ ВНЕ-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ.

1. Указ о ссылке крестьян в Сибирь на поселение. Декабря 13, 1760 г.

(П. С. З., т. XV, № 11166.)

Объявляется во всенародное известие. Понеже в Сибирской губернии и Иркутской провинции, в Нерчинском уезде, состоят к поселению и хлебопашеству весьма удобные места, которых к заселению государственный интерес требует. Того ради правительствующий сенат приказали: публиковать во всем государстве печатными указами. 1) Кто из помещиков пожелает своих людей и крестьян, так же и женск пол, которые вместо должных по своим званиям услуг, воровством, пьянством, и прочими непристойными продерзостными поступками, многие вред, разорения, убытки и беспокойства приключают, и другим, подобным себе, наивящшие к таким же вредным поступкам пример подают, таковых за оные непотребства, однако ж годных к крестьянской и другой работе, летами не старее 45 лет, отдавать к объявленному поселению... а помещикам и их поверенным давать для зачета в будущие наборы в рекруты надлежащие квитанции, на таком основании, как при приемах рекрут бывают, без всякого продолжения, не причиняя никаких убытков; а кои из тех женаты, то отдавать тех людей с женами; а буде у коих из тех малолетные дети будут, коих сами помещики при отцах и матерях их на то поселение отдать пожелают, за таковых платить тем помещикам из казны по приеме того ж дня из наличных в вышеобъявленных губерниях и провинциях доходов, за мужеск пол до 5 лет по 10 рублей, а от 5 до 15 лет по 20 рублей, а в 15 лет, не платя денег, зачитать в рекруты ж, а за детей, за женск пол платить деньги вполы вышеозначенных...

2. Указ о ссылке крестьян в каторжные работы.

Генваря 17, 1765 г.

(П. С. З., т. XVII, № 12311.)

Объявляется во всенародное известие. По высочайшей ее императорского величества конфирмации, воспоследовавшей сего генваря 8 дня на поднесенный от Сената доклад, повелено, буде кто из помещиков людей своих по продерзостному состоянию заслуживающих справедливое наказание, отдавать пожелает для лучшого воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской Коллегии принимать и употреблять в тяжкую работу на толикое время на сколько помещики их похотят, и во всю ту оных людей в работе бытность довольствовать пищей и одеждою из казны равно с каторжными; когда ж помещики их пожелают обратно взять, то отдавать им беспрекословно, с тем только, если таковые по бытности своей в работе положенного платья и обуви срока не выносят, то оное от них отбирать в казну.

3. Расправа помещиков с крестьянами.

(В. И. Семевский, «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. I, стр. 209—227).

В 1767 г. в Орловской губ., в селе Шумове, большом имении отставного подпоручика Шеншина, одержимого страстью к мучительству, соорудили, по приказу помещика, особое здание со всеми усовершенствованными приспособлениями для пытки. Главным орудием его была дыба: «пытаемый за руки прикреплялся к верхней части дыбы; к ногам привешивалось бревно. Главный палач наблюдал за ходом истязания; работу исполняли помощники. Шеншин руководил всем ходом действий. Несчастного мучили утонченно. Бревно сначала само действовало своею тяжестью, потом по указанию помещика, палачи начинали потряхивать сперва слабо, потом все сильнее, сильнее. Ноги и руки пытаемого вытягивались, кости вывихивались, сухожилия лопались. Тут же велся допрос по вымышленному преступлению. Это была ужасная игра в застенок. После дыбы для претерпевшего готовились новые испытания: ему палили ноги горящим веником, секли кнутом, батогами. Женщины были подвергаемы утонченному мучительству, соединенному с садизмом. Штат застенка у Шеншина был значительный: кроме палача, помощников насчитывалось до 30 человек», так как работы было не мало. Многих помещик пытал, главным образом, сечением, собственноручно: всех жертв его во время следствия было

насчитано 59 человек. Шеншин держал при себе священника, обязанностью которого было напутствовать умиравших от истязаний. Один несчастный умер под ударами, получив в течение двух дней 500 ударов кнутом и батогами. Испытав всякого рода мучительство над своими людьми, Шеншин не церемонился и с чужими крестьянами, подвергал пытке и людей свободных: однодворца, подканцеляриста, даже священника соседнего села (священник был заподозрен в том, что давал крестьянам Шеншина «чародейский корень», чтобы извести барина). Два года Шеншин предавался своим ужасным развлечениям, без всякой помехи. Но в 1769 г. он вздумал предаться им и в Москве, где остановился в доме своей матери. «Он обвинил своего дворового в краже, устроил наскоро дыбу и подвергнул несчастного пытке. Встряхнув несколько раз обвиняемого, Шеншин завинтил ему руку в клещи и начал сечь батогами; после часового сечения он перешел к палкам и две из них обломал о спину заподозренного; не удовольствовавшись этим, взялся за арапник и «езжалые кнуты». Несчастный «не выдержал истязаний и, хотя ему пускали кровь из руки и ног, умер, но перед смертью, под влиянием мучений, оговорил московского купца», будто бы отдал ему на сохранение краденые деньги. Шеншин избил купца батогами и посадил в чулан, но после своего освобождения тот заявил обо всем полиции, и Шеншин очутился под следствием и судом . . . .

. . . В 1756 г. Салтыкова овдовела, и с этого времени до 1762 г. она непрестанно мучает своих людей, преимущественно женщин и девушек, а иногда и мужчин. Она собственноручно била их скалкою, вальком, палкою, поленьями, утюгом, плетью, кнутом, поджигала на голове волосы, брала за уши раскаленными щипцами, лила на лицо горячую воду, била головой об стену. По ее приказанию конюхи наказывали дворовых комлями от розог, батогами, плетьми, кнутьями. Она обревала своим людям голову, надевала колодки и в таком виде приказывала им работать; зимой после наказания выставляла босых людей на мороз, морила голодом. Все эти истязания вызывались не какими-нибудь проступками: всего чаще Салтыкова наказывала за нечистое мытье белья и полов. И это делалось не в какой-нибудь глуши, а в самой Москве, где она проводила большую часть года, или в ее подмосковном селе Троицком, в котором она жила летом. Упомянем о двух-трех отдельных случаях.

Дворового Хрисанфа Андреева помещица сама била «езжалым кнутом» потом велела его дяде продолжать наказание; всю ночь наказанный простоял на морозе; после того Салтыкова еще сама била его палкою, приказала принести раскаленые щипцы, хватала ими Хрисанфа за уши, лила ему на голову и лицо горячую воду; даже и после того, как он упал, она продолжала еще колотить его. После всех этих истязаний она отправила его еле живого из Москвы в свое подмосковное име-

ние; на дороге он умер. Дворовую девушку Петрову она забила до смерти в одном из своих имений, на возвратном пути с поездки на богомолье в Киев. Прежде всего она сама побила ее скалками за нечистое мытье полов; потом конюх, по приказанию Салтыковой, бил ее «езжалым кнутом» и, наконец, ударами кнута загнали в пруд (дело было в октябре месяце); продержав несколько времени по горло в воде, Салтыкова вновь заставила ее мыть пол, но ослабевшая от мучений девушка не могла исполнить ее приказания: за то Салтыкова с помощью своего гайдука еще побила ее так, что та к вечеру умерла. Другая женщина во время наказания розгами и батогами выкинула мертвого младенца, и вслед затем умерла и сама. Когда наказывали Прасковью Ларионову, Салтыкова кричала: «бейте до смерти, я сама в ответе и никого не боюсь, хотя от вотчин своих отстать готова. Никто ничего сделать мне не может». Ларионову забили до смерти. Когда тело ее повезли из Москвы, на него посадили грудного младенца убитой, который по дороге замерз на трупе матери. Одна женщина умерла в то самое время, когда Салтыкова колотила ее скалкой и поленом. У многих после наказания были выдраны волосы голова проломлена, и спина гнила.

Ни одним, впрочем, дворовым дурно жилось у Салтыковой: соседние экономические крестьяне на повальном обыске показали, что Салтыкова «посылает своих крестьян на работу, не давая им никакого пропитания, и те... ходят и кормятся мирским подаянием».

Умерших от истязаний хоронили или в Москве, если на то соглашался священник, или отвозили в село Троицкое обыкновенно ночью, прикрыв сеном или чем-нибудь другим. Если сельский священник не соглашался хоронить, Салтыкова призывала его к себе и дело обыкновенно улаживалось ко взаимному удовольствию; в противном случае просто зарывали труп вне кладбища. Если московский священник отказывался хоронить, подавали объявление, что женщина умерла без покаяния, что к исповеди был зван приходский поп, но он не тотчас пришел и не застал ее в живых. Иногда, после того как какая нибудь девушка умирала от истязаний, заявляли полиции, что она бежала...

Люди Салтыковой обвиняли ее в убийстве или в смерти от побоев 75 человек; юстиц-коллегия положительно обвиняла Салтыкову в убийстве 38 человек, оставила в подозрении 26 лиц, оправдала по одному случаю, не приписала ей смерти 10 человек. Из числа 38 убитых было только трое мужчин, остальные все женщины и девушки (в том числе две девочки 11—12 лет).

4. Положение крестьянина в Екатерининское время.

(А. Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», СПБ., 1906, стр. 13—16.)

В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы.— Первого сорок минут. — Я выехал в субботу. — Сегодня праздник. — (Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет.) — Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостию. Бог в помощь, сказал я, подошед к пахарю, который не останавливаясь доканчивал зачатую борозду. Бог в помощь, повторил я. Спасибо барин, говорил мне пахарь, отряхивая сошник и перенося соху на новую борозду. Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям? Нет барин я прямым крестом крещусь, сказал он, показывая мне сложенные три перста. А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар. В неделе то барин шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господской двор, коли погода хороша; а бабы и девки, для прогулки, ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, крестяся, чтоб под вечер сего дня дожжик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господа молят. У меня, мой друг, мужиков нет и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья? Три сына и три дочки. Перьвинькому то десятой годок. Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? Не одни праздники и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую; дело то и споро. Так ли ты работаешь и на господина своего? Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две, для семи ртов, сам ты щет знаешь. Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимою не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская

выдумка, отдавать крестьян своих к чужому в работу. На дурного прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? Друг мой, ты ошибаешся, мучить людей законы запрещают. Мучить? Правда, но небось барин, не захочешь в мою кожу. Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Перьвое представилось мне не равенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными, а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила. Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение.

5. Манифест о трехдневной барщине. 5 Апреля, 1797.

(П. С. З., т. XXIV, № 17, 909.)

Объявляем всем нашим верноподданным. Закон божий, в десятословии нам преподанный, научает нас седьмый день посвящать ему; почему в день настоящий, торжеством веры христианской прославленный, и в который мы удостоилися восприять священное миропомазание и царское на прародительском престоле нашем венчание, почитаем долгом нашим пред творцом и всех благ подателем подтвердить во всей империи нашей о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издельев остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работы их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям.

6. Указ о свободных хлебопашцах. 20 февраля 1803.

(П. С. З., т. XXVII, № 20, 620.)

1) Если кто из помещиков пожелает отпустить благоприобретенных или родовых крестьян своих по одиначке, или и целым селением на волю, и вместе с тем утвердить им участок земли или и целую дачу; то сделав с ними условия, какие

по обоюдному согласию признаются лучшими, имеет представить их при прошении своем чрез Губернского Дворянского Предводителя к Министру Внутренних дел для рассмотрения и представления нам; и если последует от нас решение желанию его согласное: тогда предъявятся сии условия в Гражданской Палате и запишутся у крепостных дел со взносом узаконенных пошлин.

2) Таковые условия, сделанные помещиком с его крестьянами и у крепостных дел записанные, сохраняются как крепостные обязательства свято и ненарушимо. По смерти помещика законной его наследник, или наследники, вступают во все обязанности и права, в сих условиях означенные.

3) В случае неустойки той, или другой стороны в сих условиях присутственные места по жалобам разбирают и чинят взыскания по общим узаконениям о контрактах и крепостях, с таковым при том наблюдением, что если крестьянин, или и целое селение не исполнит своих обязательств: то возвращается помещику с землею и семейством его во владение по прежнему.

4) Крестьяне и селения от помещиков по таковым условиям с землею отпускаемые, если не пожелают войти в другие состояния, могут оставаться на собственных их землях земледельцами и сами по себе составляют особенное состояние свободных хлебопашцев.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои до селе отпущаемы были лично на волю с обязательством избрать род жизни, могут в положенный законами срок вступать в сие состояние свободных земледельцов, если приобретут себе земли в собственность. Сие распространяется и на тех из них, кои находятся уже в других состояниях и перейти в земледельческое пожелают, приемля на себя и все обязанности оного.

6) Крестьяне, отпущенные от помещиков на волю и владеющие землею в собственность, внесут подушный казенный оклад наравне с помещичьими, отправляют рекрутскую повинность натурою, и исправляя на равне с другими казенными крестьянами земские повинности, оброчных денег в казну не платят.

7) Они ведаются судом и расправою в тех же местах, где и казенные крестьяне; по владениям же землею разбираются по крепостям, как владельцы недвижимой собственности.

8) Как скоро исполнением условий, крестьяне таковые получат землю в собственность: они будут иметь право продавать ее, закладывать и оставлять в наследие; не раздробляя однакож участков менее 8 десятин; равно имеют они право вновь покупать земли; а по тому и переходить из одной губернии в другую; но не иначе как с ведома Казенной Палаты для перечисления их подушного оклада и рекрутской повинности.

9) Поелику крестьяне таковые имеют недвижимую собственность: то и могут они входить во всякие обязательства:

и указы 1761 и 1765 годов, запрещающие крестьянам без дозволения их начальств вступать в условия, на них не простираются.

10) В случае, ежели бы крестьяне, отпущаемые помещиком на волю с землею, состояли в казенном или частном залоге: они могут с дозволения казенных мест и с согласием частных кредиторов принимать на себя долг на имении том лежащий, вносить его в условия; а во взыскании сего долгу на себя ими принимаемого, поступать с ними, как с помещичьими.

ГЛАВА V.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО ТРУДА НА КРЕПОСТНЫХ (ВОТЧИННЫХ И ПОССЕССИОННЫХ) ФАБРИКАХ.

1. О положении горнозаводских рабочих перед пугачевщиной.

(М. Н. Покровский, «Русская история с древнейших времен», т. III, Петроград, 1923.)

Горнозаводские крестьяне (их в 60-х годах на Урале считалось до 100.000 душ мужского пола) не были юридически крепостными. Это, как мы уже упоминали, были черносошные, казенные крестьяне, отрабатывавшие на заводах свою подушную подать, то-есть таково было их правовое положение. По инструкции 1734 г. всем заводчикам, в видах расширения их производства и устройства новых заводов, было обещано от 100 до 150 дворов государственных крестьян к каждой доменной печи и по 30 дворов к каждому молоту. Заводчик обязывался платить за этих крестьян подати, как помещик за своих крепостных, а крестьяне на него работать, по известной таксе: выработанные ими деньги не выдавались им на руки, а засчитывались в подать. По расчету одного новейшего исследователя, для довольно типичного случая, каждому работоспособному крестьянину, чтобы выработать подати, приходилось затратить на заводскую работу 120 дней: другими словами, по тяжести, заводская работа равнялась, приблизительно, двухдневной барщине. [1] Это было бы еще не так тяжело, если бы соблюдалось требование инструкции — приписывать ближайшие к заводам деревни. На самом деле, юридическая оболочка никого не обманывала: дело шло о возможности получить крепостных из казны, и само собою разумеется, что заводчики и их управители тянулись к лучшим, наиболее

[1] В. Семевский, «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. II, стр. 384.

богатым и населенным волостям. В результате «заводские» крестьяне оказывались за 400, 500 и даже 700 верст от завода, к которому они были приписаны. Это одно уже делало заводскую барщину исключительно тяжелой. «Земледельцы не могут пропитаться своим собственным хлебом, — говорит Н. Рычков о Соликамском уезде около 1770 года: — сие не только от посредственного плодородия их земель, но больше оттого, что обитатели сей области почти все к заводам приписные крестьяне, а потому большая часть из них, упражнены будучи заводскими работами, не имеют довольно времени к распространению своего хлебопашества. Ибо в тот час, когда руки земледельцев должны обрабатывать свои земли и пользоваться плодами, от нее произрастаемыми, принуждены они итти на заводы, находящиеся от них в весьма дальном расстоянии, каковые суть заводы верхотурского купца Походяшина, лежащие в 500 верстах от тех селений, кои к ним приписаны, и еще в таких местах куда и пешим с великим трудом пройти возможно по причине чрезмерно болотистых и лесистых мест». По расчету того же исследователя для того же типичного случая, походы приписных крестьян на завод при расстоянии, которое можно считать скорее средним, чем очень большим (400 верст), брали у них 96 дней в год: то-есть их барщина растягивалась до 216 дней, из двухдневной превращаясь в четырехдневную. Это уже одно делало положение «приписных» значительно худшим в сравнении с средним положением барщинного крестьянина по всей России; но это было далеко не все. Работа крестьян на их наделах и заводская барщина сталкивались не только потому, что вторая брала время, нужное для первой. По самым условиям производства заводская работа требовала непрерывности; доменную печь потушить было нельзя, — потухшая домна была крупным убытком для заводчика. Странно было бы думать, что более сильный пойдет в этом случае на убытки ради интересов более слабого: и вот, заводчики начинают систематически стремиться к ликвидации собственного крестьянского хозяйства, к пролетаризации крестьянства, чтобы иметь рабочие руки при заводе всегда. «Я многих (заводчиков) знаю, — писал в 1765 году оренбургский губернатор Волков, — кои за правило почитают, дабы их заводские крестьяне совсем домоустройства не имели, а единственно от заводской работы питались; и сего правила тем прилежнее держатся, что в то же время и сугубую от того пользу получают». «Сугубая польза» заключалась в том, что заводчик эксплоатировал пролетаризованного им крестьянина совершенно так же, как фабрикант второй половины XIX века своих «свободных» рабочих: заставляя его покупать все необходимое, до хлеба включительно, в заводской лавке, с крупной для предпринимателя прибылью. Челобитная крестьян демидовских заводов (1741 года) дает яркую картинку

этой пролетаризации в условиях глубоко-феодального режима. В рабочую пору демидовские приказчики наезжали на деревни с солдатами и били батогами старост, выборных десятников и писарей, требуя, чтобы они, в свою очередь, гнали крестьян на заводскую работу. «Когда приказчики наших крестьян увидят на пашнях, — писали челобитники, — то и работать им не дают, и бьют смертельно, и приговаривают... работай на заводе, а не на своих пашнях». Ко времени челобитной цель была уже в значительной степени достигнута: «уже не малая часть» демидовских крестьян «произошла пустотою и многие в убожество и в крайнее разорение пришли и подушного окладу платить нам нечем». Приводить последний мотив было большой наивностью: за уплату подушных отвечал заводчик, покупавший этим рабочие руки приблизительно втрое дешевле, чем они стоили тогда на Урале.[1] «Конечное же разорение» было прямо в его расчетах, и Демидов прекрасно это понимал; рекомендуя своим детям терпеливо относиться к забастовке их «крепостных пролетариев», он высказывал твердую уверенность, что голод, рано или поздно, пригонит их обратно на завод.

2. Из Наказа в Екатерининскую комиссию по составлению нового уложения от всех ясашных крестьян Симбирского и Сызранского уездов.

(«Сб. Русск. Ист. Общ.», т. 115, стр. 345—353.)

2. От платежа и от взыскания с нас всяких пошлин претерпеваем мы великое отягощение, обиды и разорение, потому, хотя по указам ее императорского величества для сбора конских пошлин откупщикам и сборщикам в селеньи наши выезжать не велено, но точию, кто в домах своих лошадей будет продавать или менять, тем конские пошлины велено вывозить и платить на торжках и ярмарках. И от дальных на оные торжки и ярмарки проездов, також если случится нам купить или сменять лошадей у калмык, то конские пошлины взыскивают и за калмык с нас же, и при записке тех лошадей в книги и при даче ярлыков откупщики и сборщики требуют с нас аксиденцы, а кто той аксиденцы им платить не будет, то оных лошадей в книги не записывают и в платеже пошлин ярлыков не дают, и потом взыскивают другие пошлины. А если-ж кто по продаже или по промене лошадей для платежа конских

[1] Или, по крайней мере, вдвое: сажень нарубленных дров засчитывалась приписным в 25 коп., а исполнить эту работу вольнонаемными стоило от 50 до 60 к. См. мнение депутата комиссии 1767 г. Полежаева у г. Семевского, цит. соч. 437. Большая часть цитат взята из этого же сочинения.

пошлин на торжек или ярмарку, за какими-либо невозможностями в скорости не явится, то означенные откупщики и сборщики взыскивают протаможье. И тако от всего вышеописанного предъупоминаемого великое отягощение и обиды и разорение нам и происходят. А еслиб оные конские пошлины повелено было отменить, а дабы интересу ее императорского величества не могло последовать ущербу, то б повелено было положить на нас при платеже государственных податей на душу по половине копейки в год. И тем уповательно, что собираемая с нас конского пошлинного сбора сумма будет наполнена, а мы б бедные тем весма были довольны, и от вышеписанных отягощений, обид и разорения великую свободность получить могли.

3. За наложение на соль высокой цены, по убожеству нашему, претерпеваем мы в соли великий недостаток и нужду.

4. Помещиками и их крестьянами мы весьма обижены тем, что они крепостными нашими пашенными землями, и сенными покосами, и лесными угодьями, многим числом, усилно владеют, а по прозбам нашим в том на них или в ином в чем успеху и удоволствия никакого не имеем и остаемся без всякого удоволствия. А если б мы в том удоволствие получали, то б они, помещики и их крестьяне, реченными землями нашими, дачами с угодьями, владеть и в протчем нас обижать не отваживались. А ежели они помещики или их крестьяне, хотя в малом чем на нас попросят, то скорую резолюцию получают. И тако мы в том много, как и выше показано, обижены и претерпеваем немалое отягощение и нужды.

12. По указам же ее императорское величество повелело нам в городах всякие съестные припасы продавать в рознь. Точию тех городов купцы и полицейские команды те съестные припасы в рознь продавать нам запрещают для того, чтоб мы те съестные припасы продавали только одним им купцам оптом и дешевыми ценами, и в том чинятся нам не малые-ж обиды.

13. Медных и железных заводов содержатели из наших селений многих ясашных крестьян нанимают на оные заводы в работы, облещая их, чтоб они шли толко на один год или лето; а потом не хотя их от работы отпустить. По простоте их и незнанию начитают на них денег по многому числу и держат у себя в работе на означенных заводах многие годы, а подушные деньги и протчие государственные подати за оных, удержанных на показанных медных и железных заводах в работех ясашных крестьян, платим мы с пуста. Отчего несем не малое напрасное отягощение и пришли в крайнее разорение.

15. Разных чинов от людей, а колми паче от помещиковых крестьян претерпеваем мы не малые истязания, убытки и разорения такие, что они завсегда нас на торгах или кто где попадется бьют не милостивно, а протчие и обирают у нас одежду и лошадей, объявляя якобы за долговые денги, а дру-

гие — будто-бы имеют долг на поселянах наших, чего вовсе не бывало, и не знаем, и по такой нестерпимости неминуемо подлежало б нам на них просить. Точию по убожеству нашему с челобитья пошлинных денег, трехрублевого числа, заплатить не в состоянии; и затем прозбу мы на них оставляем в туне. Потому если просить нам в бою нас или в сборе у нас одежи, а оное случится что и все коштует менее трех рублев, и тако если в том нам просить и пошлинные денги три рубля заплатить, может нам убытку еще вдвое последовать. И затем оную прозбу в туне оставляем. А еслиб повелено было с челобитень пошлинные деньги платить, хотя по числу исков, то б в том могла последовать нам по убожеству нашему немалая полза.

16. По челобитчиковым делам, в происходимые самые деловые поры, чинятся за нами посылки, и за некоторым тех дел решением в деловые поры, сначала и до окончания, бываем одержимы в городах, а иногда и под караулом. И от того в посеве и в уборке хлеба чинится совершенное упущение, от чего приключается нам крайнее разорение. А еслиб в чинении за нами посылок в деловые поры последовала отмена, то б мы в том могли получить великую ползу.

20. В некоторых наших селениях имеются для продажи казенной соли амбары, и в оных соль и денежная казна имеется денно и ночно за нашим караулом. От чего несем не малое отягощение, и убытки, и разорение. А если повелено было для караула оных соляных амбаров определить из праздноживущих отставных солдат, то б мы от показанных отягощений, убытков и разорений получили свободность.

21. В некоторых-же наших селениях и на наших ясашных землях поселение имеют по множественному числу разных помещиков, и экономического ведомства, и дворцовые крестьяне, и пашенными нашими землями и сенными покосами владеют с нами в равенстве. И от того мы, за малоимением пашенной земли и хлебопашества, претерпеваем немалые нужды, от чего пришли в крайнее убожество и к платежу государственных податей в несостояние. А происходят нам, а паче от помещиковых крестьян, завсегда многие обиды и разорения, чего уже нам и претерпеть невозможно. Отчего многие наши ясашные крестьяне, оставя селения свои, странствуют и пропитание имеют от судовых и протчих работ, а не от хлебопашества. И за тем государственные подати исправляют с великою нуждою. А если б повелено было вышепоказанных живущих в селениях наших и на наших же ясашных землях помещиковых, экономических и дворцовых крестьян из наших селений свести помещикам на свои, где у них имеются, экономических — на экономические, а дворцовых — на дворцовые земли, то б мы за упорожением наших земель могли иметь хлебопашество. А если их, за какими либо невозможностями, из наших селений свести определить будет невозможно, то б повелено б же было их хотя

причислить к нам в ясак и числить с нами ясашными; то б нам и от того могла последовать полза, потому они тогда были б одного с нами ведомства и для того могли б себя усмирить и никаких обид к нам от них происходить уже б не могло.

Наказ подписан ясашными крестьянами Симбирского уезда, села Баевки, Петром Архиповым и Андреем Ивановым.

3. Из наказа в Екатерининскую комиссию от иноверцев ясашных татар Кунгурского уезда.

(«Сб. Русск. Ист. Общ.», т. 115, стр. 358—365.)

1. В законе мы состоим магометанском, и по оному для принесения жертвы имеем во всем Кунгурском уезде десять мечетей, при коих находятся из нас татар при каждой по одному мулле, дьячков по два, пономарей по одному. И состоят оные во всяких податях с протчими татарами на ряду. А как мы имеем усердие, чтоб оные мечети по закону нашему всегда б были в целом состоянии, которые попровлять, також, естли и впредь в наших деревнях, где за способно признаем, и вновь строить будем, сколко по желанию нашему возможности достанет, всенижайше просим дать нам в том дозволение на волю нашу, и в том бы никто нам запрещения и помешательства не чинил. И коим повелено б было также, как и ныне имеется, из наших татар определять нам самим из наших же татар достойных к каждой мечети по одному мулле по два дьячка и по одному пономарю, чтоб они наивсегда могли в надлежащие времена о многолетнем и благополучном ее императорского величества здравии всевышнего бога молить. И как ныне таковых наших духовных чинов из подушного оклада выключить, также и впредь в подушный оклад не класть, и повелеть им случающиеся между нами татарами духовные дела, по точной силе законных наших книг, разбирать и решить, в каковые бы разбирателства никакие присутственные места не мешались, ибо оным судебным местам духовных наших дел, по незнанию закона нашего, и решить не можно. И в том бы никакой суд помешателства не чинил, как то прежде было, а оставить оное разбирателство и решение оным нашим муллам в полную власть.

2. Содержащим законы всякого звания людям никто б друг друга в законах не попрекал и не ругался по чужому закону. А буде бы кто чужой закон дерзнул поносить и ругать, за то б, кроме офицерства, наказать на публичном месте нещадно, а офицерам положить тяжкий штраф, яко преступникам закона.

3. Если из наших татар, присяжных людей, кого кто посторонние каким непригожим словом обезчестит, и за то положить штрафу, так как положено башкирцам и мещерякам,

по пяти рублев, ибо мы в одном законе и присяге с ними состоим, а не по примеру русских крестьян. А ежели кто кого прибьет и изувечит, то б повелено было за такое дело чинить жестокое наказание на публичном месте, а чиновным людям положить тяжкий штраф.

4. Мы, Кунгурского уезда ясашные татары, по жалованным грамотам, как до писцовых 131 и 132 годов книг, так и после тех годов, по тем писцовым книгам до 1742 года платили один положенный кунный ясак, а других никаких поборов, также и рекрут с нас брано не было, и мы не отправливали. А с 1743 года стали платить подушные деньги по одному рублю по десяти копеек с души на год. Да сверх того платили ж с того 1743 году по 1764 год за новокрещен подушные деньги и рекрут отправляли с великим отягощением, также с 1761 года вновь наложенные к прежним рублю десяти копейкам — по шестдесят копеек. Итого по рублю по семдесят по три с половиною копейки платим и по ныне с отягощением же.

5. Во время ж прошедших рекрутских наборов; отбывая от далней солдатской службы, многие из наших татар от своих домов отлучались, коих за сысканием бывали другие в посылке, которые, будучи в отлучках немалое время, претерпевали крайнее разорение, также и в отдаче рекрут великие убытки и волокиты. Так что каждый рекрут становится нам за переменами по тридцати рублев и более. О чем на пред сего прозбы наши в вышних командах бывали. Точию о тех наших обидах и взятках дел наших к решению, из вышних команд в нижние, а из нижних в вышние за пересылками, и поныне никакого удоволствия к решению не получили. Ибо мы по российски суда по форме не знаем, в каковых делах по сумнению нашему толко имеем крайнюю волокиту и разорение и неудоволствие. Чего ради нижайше просим, дабы повелено было нас от платежа подушных денег, также и от рекрутских и протчих поборов избавить. Понеже с 1735 до 1741 года, во время бывшей здесь башкирской шатости, находились мы, кунгурские татары, по триста и по пятисот человек, а потом и все по нарядам поголовно, в подъездах на своем коште без всякого нам жалованья и награждения, в которых походах великое разорение и убытки претерпевали. К тому-ж в оных походах из наших татар побито до пятидесяти человек. Того ради повелеть нам быть на таком же основании, как отправляют службу Уфимского уезда башкирцы и мещеряки. Мы всегда в исправности поочередно на своих лошадях казацкую службу, где повелено будет, отправлять с усердием желаем, или положить нас в кунный ясак, на таком же основании, как и прежде до 1742 года платили, без взятья с нас рекрут и других поборов.

9. Просим мы, иноверцы, не знающие российских законов, определить нас на особливые права, и не сравнивать с протчими российскими. Ибо мы с российскими, по незнанию нашему рос-

сийских прав, и в суде по форме, для того что, по незнанию нашему, можно иногда легко подпасть в неповинный штраф или какое взыскание в каковых судах, — претерпеваем мы великие трудности, и затменные толкования, и недоразумения истинные силы законов и порядка дела. А ежели когда будут иноверца нашего в присутственных местах судить, то бы повелено было определить с жалованьем казенным заседать от татар опекуна, дабы сей за татар стараться и от неповинных обид и разорения защищать.

12. Во отводных наших, по писцовым 131—132 годов книгах, по речке Бакле дачах, за каковые прежде положенный кунный ясак платили, без всякого договора с нами, владелцами, и без всякого платежа нам, к тому его сиятельством господином графом Иваном Григорьевичем Чернышевым построен в 1763 году Ашинский медиплавиленый завод, к которому уже лесов, как на обзаведение того завода обывателских домов, так и на уголное сжение, знатное число вырублено и вырубается; також знатное число сенных покосов захвачено. И как для заводчиковых, так и для жителских лошадей, сена ставят. Да и сверх того приписные его сиятельства к заводам крестьяне, по приказаниям от заводчиковых прикащиков, селятся в наши татарские деревни, на наши земли, без всякого к тому и нашего договора, также и на лугах наших сено косят усилством своим. От каковых нам причиняемых притеснений претерпеваем самокрайнюю нужду и недостаточество.

13. В наших татарских дачах, за кои на пред сего положенный кунный ясак платили, кто из татар найдет медную руду, то помянутого графа Чернышева веренные те татарские прииски насилно отнимают, и берут в свое ведение безденежно и без доброволного договора, и работать во оных и ползоваться татарам не дают, чем великую обиду нашим вотчинникам пригоняют. И во всей нашей вотчине воли ни в чем не дают. И всенижайше просим, дабы повелено было нам вотчинникам в своих дачах руду отыскивать не запрещать, и приказать денги отдавать за поставляемую впредь нами на его сиятельства заводы руду без всякого задержания. А ежели оную руду, также и несодержащую пробу принимать не станут; то б повелено было оную ставить, куда нам за способно признается, на другие заводы без всякого запрещения. И ежели от таковых притеснений близь живущие его сиятельства к заводам наши татары от самосудных им обид и притеснений избавлены не будут; то по крайней нетерпимости принужденными себя найдут из своих домов в отдаленные жителства разъехаться, отчего последуют им великие убытки и разорения.

Наказ подписан Пермским горного начальства **копиистом** за татарских поверенных.

4. Из Наказа от погостных крестьян Казанского уезда семи приписных к Вознесенскому медно-плавильному заводу селений.

(Из «Сб. Русского Истор. Общества», т. CXV, Петерб., 1903 г.)

По силе состоявшегося прошлого 1766 г. декабря 14 дня Ея Императорского Величества публикованного манифеста и учиненного обряда, велено всякого звания к сочинению проекта нового уложения выбрать уездным поверенным провинциального депутата и препоручить ему все наши по достоверности нужды, коего во исполнение мы, погостные поверенные казенного ведения от семи приписных к Воскресенскому медноплавильному заводу Казанского уезда Нагайской дороги (следует 6 имен), выбрали из своей братии в провинциальные депутаты Казанского ж уезда Нагайской дороги села Большого и Хмелевки ясашного крестьянина Прокофья Андреева, коему все наши нужды, недостатки и все изнеможения препоручили, и что б оный мы, где надлежит, представить, а в какой силе, о том значит под сим.

1. Понеже мы именованные приписаны к помянутому заводу, по состоявшемуся прошлого 1754 года сентября дня в силе Ея Величества блаженной вечной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елизаветы Петровны и Правительствующего Сената указу и по резолюции казанской губернской канцелярии, — годной части из наших сел рабочих людей тысяча душ, от шестидесяти лет даже до пятнадцати. Так, за выбором тех, остались в наших селах старые, дряхлые, увечные, малолетние, которым уже не можно платить подушных денег, а ныне из тех годных числа душ, от того 754 года даже и до ныне, в те минувшие годы много волею Божиею померло, при том же отданы в рекруты, вывезены за помещиками и монастырями, и остарели, и одряхлели, и разными случаями выбыли, — так не мене пятисот душ. Уповательно быть имеет и вместо тех убыли выбираем из оставших за припискою малолетков, и тех недостает.

2. К тому ж мы имеем быть приписаны к тому заводу, который состоит в Оренбургской губернии в Уфимском уезде, расстоянием от наших сел сот с семь и более. А в проходе до того завода быть имеет по благополучному пути и с возвратом два месяца и более. А нам за оные проходы платежа не бывает, сначала описи до ныне, а при заводе работаем; и кому с чем принадлежит до тех работ, то выдают от конторы за деньги: первое топоры, второе лопатки, третие для съезда с гор тормозы по двадцати по пяти копеек, четвертое, для возки углей короба по тридцати копеек, а особливо колесы, которые весьма очень бьются, что по тамошнему голому месту каменному и ломаются, а от конторы в дорогую цену выдаются, отчего мы нижайшие пришли в крайнее убожество и разорение.

6. А нам при письменном предложении в показанныя наши селы, прислано от него следователя, маиора Толстого, учреждении и росписание, которое учинено покойным господином генерал фельдмаршалом и кавалером графом Шуваловым к Воткинскому заводу и протчим, которое Высочайшим Ея Императорского Величества повелением ко исполнению опробовано, и которое повелевает в работе не более подушных денег; а в летнее время, для хлебопашества своей работы, чинить нам отпуск. Из которого им, господином майором Толстым учинено для показных сел росписание следующее: при помянутом Вознесенском медиплавильном заводе, на семь плавильном печей, как чтоб оныя во весь год в действии обращались, положенная препорция в целый год необходимо угля выжечь двенадцать тысяч коробов. На сжение онаго угля потребно вырубить куренных дров три тысячи семсот пятьдесят сажень. И тако на каждого человека в год придется вырубить дров девять сажень и три четверти сажени, и те дрова скласть в кучу, одернить, осыпать, выжечь, выломать и оставшие головки исправить, вывесть тридцать один короб. А хотя оная работа по росписанию, и следственно в неотягощении, но для следующих резонов нам, именнованным, снести не можно, потому что по дальности большого расстояния, что объявленным наших семи сел крестьянам никак в летнее время для хлебопашества отпуска учинить невозможно. Потому остались работать по полу-году, сменяясь, и определили, которое то положенное число дров вырубить со обыкновенною возкою угля, должность ту работать двоим в год. Так вознесенская заводская контора по положенной пропорции, выдает деньги по плакатной плате, а подушные деньги мы, именнованные, в домах своих и с накладными с нуждою великою платим. А за некоторое то положенное, число имеет быть платы, что по подушным деньгам за троих в целый год, и того пять рублев двадцать копеек, и оным двум человекам в годичное время себя и лошадей содержать, которым потребно на содержание, то есть на покупку провианта, а на лошадь фуража, которого нам завести не можно. А особливо что касаемые инструменты до работы, топоры и лопатки, тормозы, короба и колесы и протчия надобности выдают от конторы за деньги, ибо вся работа положена урочная, а за возку угля, по прожекту, впредь выдавали только по расположению, ежели курень обстоит от завода в девяти верстах, за каждый короб по три копейки. А в каждом полугоде находится работных людей при заводе от тысячи душ триста тридцати трех человек, а в другое полгода то же число, и те же зарабатывают за больных, старых, и дряхлых, и малолетних, которые работы снести не могут. И от того пришли в крайнее убожество и разорение, в том недоимка воспоследовала в подушных деньгах, в чем ссылаемся на подушную контору, и в той недоимке ездил от той подуш-

ной конторы капитан Неклюдов, и правил ту недоимку, и бил батоги немилостивно.

9. Ныне ж остались такие, что уже ни одной лошади у себя не имеют, а по повелению указов и росписанию, уж быть в число половина конных в работе должна быть, то по тому безлошадного принуждено миром снабдевать, так как и к содержанию его пропитанием; то все мирское разорение следует, до крайняго убытка пришли, что впредь таких исправляли, а ныне уже и самим себя содержать не чем.

10. А при том Вознесенском заводе те работы опробованы, и расположен плакать, хотя против протчих заводов. А того Вознесенского завода, не смотря на то место гористое и трудное, и те работы по неспособному тому месту вырабатываем с великою нуждою. И по тому гористому месту спуски неспособные, и между тем много подавляет людей, ко увечности доводит, при том же и лошадей убивает. То в таком случае известно ему следователю, господину майору Толстому, и заводской конторе, в чем ссылаемся.

14. При том же требовании к тем работам во время хлебопашества, что б который и желал посеять, то по тому наряду не посеет, а который и сеет, того не соберет. И таковые хлеба сеянные пропадают, и кормиться уже быть нам, нижайшим, быть не чем. Так фуража, сена и овса отправлять быть в том не в состоянии.

Наказ подписан от имени погостных поверенных казенного ведения.

5. Из наказа Кунгурского уезда разных острожков, сел и деревень от приписных к партикулярным заводам государственных черносошных крестьян.

(«Сб. Русского Истор. Общества», т. CXI, Петерб., 1903 г.)

1. Помянутого Кунгурского уезда крестьяне все, как с начала заведения Пермских, Ягошихинского, Мотовилихинского, двух Юговских медиплавильных, и одного Сыльвинского железоделательного, так и партикулярных директоров: Петра Иргинского и Бизярского Ивана, Осокиных, Юговского и Кувашимского, дворян Демидовых: Суксунского, Бымовского и Сергинских заводов, приписаны к оным, и как во время казенного Ягошихинского, Мотовилихинского, Юговских и Сыльвинского до 1758 г. и 1760 годов, а с тех годов, по отдаче в партикулярное содержание оных заводов его сиятельству графу Роману Ларионовичу Воронцову, Ивану Григорьевичу Чернышеву, Сергею Павловичу Ягужинскому до 1761 года, — за подушный оклад по одному рублю по двенадцати копеек с четвертью за душу всякими заводскими работами по наряду зарабатывали.

2. А с того 1761 года, подушного оклада на нас, нижайших, прибавлено по шестидесяти копеек на душу, и тако с прежними, по рублю по семьдесять по три копейки с половиною также заводскими работами и по сие время с великим отягощением и разоронием зарабатываем.

3. А за ту заводскую работу оплата нам, нижайшим, от заводосодержателей производится за нижеписанные работы; а именно: за рубку куренных дров по двадцати по пяти копеек за сажень. А сажень, мерою в длину четырнадцати аршин, в высоту семи, полено длиною, кроме востряка, семи ж четвертей. За кладку, дерние, осыпку, сжение и разломку двадцати саженной кучи по три рубля по сорока копеек. За возку угля, со свалкой и нагребкой, и поденные на версту не положено. За поставку смолы по три копейки и по три четверти, за деготь по три с половиною копейки за ведро. За поторжныя работы, за зимние дни пешему по четыре, конному по шести; за летние пешему по пяти, конному по десяти копеек на день.

4. А мы, нижайшие крестьяне, иногда за изнеможением своим, то есть: по неимению у иных лошадей, другие за болезнями и одиночеством, и за другими законными необходимыми нуждами, для зарабатывания, за подушный оклад, на заводы нанимаем вольных из своих уже денег и к плакатной цене придаем. — А именно за рубку куренных дров на одну сажень по двадцати по пяти и по тридцати по пяти копеек. За кладку, осыпку, сжение и разломку двадцати саженной кучи по девяти рублев, за возку угля, в каком бы расстоянии оный не был, на каждую версту по одной с половиною копейки с короба. За поторжныя работы в зимние дни пешим по пяти, конным по девяти, в летние пешим по семи, конным по десяти копеек на день. А смолу и деготь покупаем, которые от заводов расстоянием не менее трехсот верст, каждое ведро по двадцати копеек, а на заводы сами собою поставляем, а за провоз платы никогда не получаем.

7. Крестьяне в заводские работы наряжаемы бывают к рубке куренных дров в апреле месяце, а в оное время в крестьянстве происходит посев яровых хлебов; ко кладке, дернию, осыпке куч, к прииску и разработке руд и в протчие поторжные работы в июне месяце, а в то время происходит земледельство к приуготовлению для посева зимового хлеба; к сжению, к разломке куч, и к прииску ж руд в сентябре месяце, в кое время у крестьян состоит самое страдное время, то есть убрание с полей хлебов и протчее. И тако за отлучкою в написанные времена на заводы, в заводские работы, крестьяне от недосева яровых, и приуготовления земель к посеву зимовых, и за неубранием с полей хлебов пришли в вечный недостаток и разорение.

8. А подушные деньги мы, нижайшие, с 1763 года в пермскую провинциальную канцелярию и сверх вышеписанных в 4-м и 5-м пунктах, при найме к заводским работам, немалых нам

происходящих убытков платим доныне, хотя и бездоимочно, но с великим изнеможением, закладывая и последнее свое имение и продавая скот, отчего притерпеваем крайнее разорение. А паче, что за отлучками к заводским работам в самые страдные дни, к коим, не окончив всяк своей сполна работы, отпускаемы не бывают. И то наивяще отстаем от земледельства, как уже многие за совершенною невозможностью, оскудением и нищетою и пахоты свои запустили, и скитаются по разным местам. И как за оных, так и за умерших подушные деньги, также заводские работы, как и за них, так за престарелых, увечных и малолетов, написанных по нынешней ревизии, оставшие бедные крестьяне, сверх своих настоящих душ, с великим изнеможением и отягощением оплачиваем, за каковыми нам отягощениями приходим и оставшие во всеконечное разорение и нищету. Всенижайше просим, не повелено ль будет нас, бедных рабов, от таких несносных тягостей избавить и не допустить нас до последняго конца к совершенному разорению и недостаточеству. Отчего впредь и подушные деньги платить будет нечем, когда уже все свои последние имения испродадим и заложим, и от пахоты, за отлучками в заводских работах, отстанем. Всенижайше просим всемилостивейшего в том нас бедных рабов защищения. А ежели, за каковыми совершенными невозможностями, нас последних от заводов отписать не можно, то б хотя, по крайней невозможности, узаконить заводчикам нас бедных крестьян за заводские работы платою довольствовать такою, по каким ценам впредь будет вольным в найме настоять, а не по прежнему положению. Также бы заводскими работами зарабатывать только одним годным работникам за свои настоящие души, а за старых, дряхлых, увечных, малолетов и умерших повелено б было платить одни подушные деньги. А прежняя малоположенная за заводские работы цена наводит нам, как выше значит, прикладывать своих денег к каждой работе и к каждой поставке припасов вдвое и втрое, а за иные вещи и более, как о том в 4 пункте именно изъяснено. Что сверх подушного платежа нам первое, на заводы отлучка, лошадей изнурение, а второе, что к положенной плакатной плате еще своих денег прикладываем, а третье, что всякую работу своими инструментами отправляем, истинно излишнюю тягость и совершенное разорение претерпеваем.

11. Кунгурские крестьяне все почти смежные того же уезда, Шаквинской и Карьевской четвертей, с татарами и заводчиков Осокиных и Демидовых заводами, от коих в завладении ими пашенных земель и сенных покосов, а паче в недопущении для рубки лесов имеют великий недостаток и крайнее разорение. Ибо татары порозжия земли с сенными покосами и с лесами продали и заложили написанным заводчикам. Да и оные заводчики, сверх тех проданных и закладных от татар им земель и лесов, завладели крестьянского владения немалое число.

И тем нас нижайших крестьян землями и лесами умалили. Сверх же тех, экономического ведения Сыльвинской вотчины крестьяне села Кыласова у государственных черносошных крестьян захватили к себе во владение состоящих в отводе им, крестьянам, пахотных земель и сенных покосов в двух местах, в первом, например, длиною на две с половиною версты, шириною на пол версты, в другом, в длину до десяти, в ширину до трех верст. Да вотчины баронессы Марьи Артемьевны Строгановой сел Сергинского и Воскресенского крестьяне сел Тазовского, Комарова и Кинделина у крестьян пахатных земель и сенных покосов, за отводными им межами, завладели сильно немалое число, о чем на них по команде в пермской провинциальной канцелярии и прошивано было довольно, точию решения и резолюции никаковой и по днесь не видится, отчего многие пришли во всеконечное разорение. Всенижайше просим нас, нижайших рабов, бедных приписных государственных черносошных крестьян, как с написанными татарами, заводчиками, экономического ведения с крестьянами и баронессы Строгановой сел Сергинского и Воскресенского с крестьянами ж благовлено бы было размежевать. И что нам, нижайшим, по числу душ, написанных в нынешнюю ревизию, пахатных земель, сенных покосов и лесов причтется, учиня тому межи, урочища и грани положить на планы и утвердить за нами в вечное и потомственное владение, дабы более со владельцы ссор происходить не могло. А за утеснением в Кунгурском уезде места, к прекращению ссор государственных крестьян, не повелено-ль будет пристойное число уволить для поселения на новозавоеванныя от башкиров порозжия места, по рекам Уфе, Иаю и по подающим в те реки урочищам, дабы свободнее было в Кунгурском уезде простирание владения крестьянам. А оныя пустые места Кунгурского уезда состоят от жительств последних не более пятидесяти верст.

ГЛАВА VI.

ИДЕОЛОГИЯ ВЛАСТИ КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СОСЛОВНОЙ МОНАРХИИ.

1. Самодержавие Петра I.

(Воинский Артикул, 1716 г., гл. III.)

а) Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять.

(Феофан Прокопович, «Правда воли монаршей». 1726.)

б) Всякий государь, наследием ли или избранием скипетр получивший, от бога оное приемлет: богом бо царие царствует... от господа дается им держава... владеет вышний царством человечьим и ему же восхощет дает его.

...Но обще у всех народов... сие наречие маестет, или величество, употребляется за самую крайне-превосходную честь, единым токмо верховным властям подается, и значит не токмо достоинство их превысокое, и которого, по бозе, большего нет в мире, но и власть законодательную крайне действительную, крайний суд износящую, повеление неотрицаемое издающую, а самую ни каковым же законам не подлежащую: тако изряднейшие законоучители описуют величество, между которыми Гугон Гроций именно так глаголет: высочайшая власть (величество нарицаемая) есть, которой деяния ни чьей же власти не подлежат, так дабы могли уничтоженная быти изволением другого человека; когда ж глаголю, другого, изъемлю самого его, кто такую власть высочайшую имеет: ему бо волю свою пременити мощно.

...И тако всяк самодержавный государь человеческого закона хранити не должен, кольми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: заповеди же божия хранити должен, но за преступление их самому токмо богу ответ даст и от человек судим быти не может. Что все довольно

покажем и от разума естественного, и от слова божия, и древних учителей свидетельством.

Ведаем сие во-первых от естественного разума: понеже бонарицается и есть верховная, высочайшая и крайняя власть, то како может законом человеческим подлежати; аще бы подлежала, не была бы верховная. А когда и сами государи творят то, что гражданские уставы повелевают, творят по воле, а не по нужде: се же или образом своим поощряя подданных к доброхотному законоохранению, или и утверждая законы яко добрые и полезные.

...Инде же вся держава в руках единого лица держится: сия именуется монархия, то есть с а м о д е р ж а в с т в о.

...Должен народ, без прекословия и роптания, вся от самодержца повелеваемая творити ...аще бо народ воли общей своей совлекся и отдал оную монарху своему, то како не должен хранити его повеления, законы и уставы, без всякой отговорки.

...Кольми же паче не может народ повелевати что либо монарху своему: како бо повелевати может тому, которому отдал волю свою.

...Хотя народ из начала последней монархии и усматривает мужа доброго, который бы с великого отечества пользою царствовати могл; однакож, когда уже избрал его с а м о д е р ж ц е м с в о и м, а он не таков, какова его надеялся, покажется, или и быв на время добр, переменится в злого, не может уже народ отставити его, не может бо отданной ему воли своей отняти, коею бы волею могл бы сие творити; понеже воли своей и власти лишился.

...Но должен терпети народ кое либо монарха своего нестроение и злонравие: якоже и дух святый повелевает, не токмо благим и кротким, но и строптивым повиноватися, разве бы при первого монарха избрании положенные некие договоры, самого монарха соизволением, или и клятвою утвержденные, которых за неисполнение установлено бы монарха отставляти, но тая монархия не прямая была бы монархия еще же и непрестанным бедствиям подлежащая (мощно бо злым человекам и добрая дела монаршая толковати на зло), и весьма не таковая, о яковой нам слово сие.

...Может монарх государь законно повелевати народу, не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится, только бы народу не вредно и воле божией не противно было. Сему же могуществу его основание есть вышеупомянутое, что народ правительственной власти своей совлекся пред ним и всю власть над собою отдал ему, и сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях, и прочая, и прочая, и прочая.

2. Указ об учреждении Верховного Тайного Совета. 1726 г. Февраля 8.

(П. С. З., т. VII, № 4830.)

Понеже блаженные и высокославные памяти, государь император, наш любезный государь супруг, в прошлом 1711 году, для своих частых тогда военных походов и отлучек, изволил определить правительство Сената в нескольких персонах, и было то собрание сперва, кроме тайных действительных советников и тайных советников, из других знатнейших и поверенных персон, которые, кроме правления государственных внутренних дел, никакого другого дела не имели и всегда были при своем деле неотлучны; а тайные действительные советники бывали тогда в походах за его ж величеством, а в нынешнем сенатском собрании почитай все тайные действительные советники. И хотя то учинено по его ж высокославные памяти государя императора указу, однакож с ними в Сенате определил сидеть из других чинов, а именно: по две персоны из генерал-майоров с переменою погодно. А понеже усмотрели мы, что тайным действительным советникам и кроме сенатского правления есть немалый труд в следующих делах: 1) что они часто имеют по должности своей, яко первые министры, тайные советы о политических и о других важных государственных делах; 2) из них же заседают некоторые президентами в первых коллегиях, а именно: в двух военных, в сухопутной да в морской, и третьей политической, от чего в первом и весьма нужном деле в Тайном Совете немалое им чинится помешательство, да и в Сенате в делах остановка и продолжение, от того, что они за многодельством не могут вскоре чинить резолюции на государственные внутренние дела. Того для за благо мы рассудили и повелели с нынешнего времени, при дворе нашем, как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел, учредить Верховный Тайный Совет, при котором мы будем сами присутствовать. В том Верховном Тайном Совете быть при нас из первых сенаторов, а вместо них в Сенат выбраны будут другие, которые всегда при одном сенатском правлении будут. Быть при нас в Тайном Верховном Совете нижеписанным персонам: генерал-фельдмаршал и тайный действительный советник светлейший князь Меншиков, генерал-адмирал и тайный действительный советник граф Апраксин, государственный канцлер и тайный действительный советник граф Головкин, тайный действительный советник князь Голицын, вице-канцлер и тайный действительный советник барон Остерман. А для слушания дел определены будут нарочные дни в каждой неделе.

И по вышеписанному ее императорского величества указу Верховного Тайного Совету определили следующее: 1) В Сенат

и во все коллегии и прочие места, куда будет подлежать посылать указы в таким изображением: в заглавье, указ ее императорского величества, состоявшийся в Верховном Тайном Совете (и именовать, в какое место, куда). 2) А из Сената и из других всех коллегий писать, о чем самом важном деле случится, по сему: доношение в Верховный Тайный Совет. 3) Из Сената ж в военные, сухопутную и морскую и иностранную и из оных в Сенат писать промемориями. 4) В Верховном Тайном Совете, хотя при присутствии ее императорского величества, хотя и во отсутствии, крепить, что о чем определено будет, протоколы, резолюции, всем назначенным особам Верховного Тайного Совета. А с того надлежащие куда указы посылать за закрепкою в Верховном же Тайном Совете обретающегося члена иностранной коллегии действительного статского советника Василья Степанова. 5) И сие определение на первое время служить имеет, а впредь как тому быть, и каких служителей при сем Верховном Тайном Совете иметь, о том сочинить явственное и обстоятельное определение, и со временем донесть ее императорскому величеству.

3. Кондиции императрицы Анны Ивановны.

(Д. Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны», стр. 17—8.)

Понеже, по воле всемогущего бога и по общему желанию российского народа, мы, по представлении всепресветлейшего, державнейшего великого государя Петра Второго, императора и самодержца всероссийского, нашего любезнейшего государя племянника, императорский всероссийский престол восприяли и, следуя божественному закону, правительство свое таким образом вести намерена и желаю, дабы оное в начале к прославлению божеского имени и к благополучию всего нашего государства и всех верных наших подданных служить могло.— Того ради, чрез сие наикрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о содержании, но и о крайнем и всевозможном распространении православные нашея веры греческого исповедания, такожде, по принятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный Тайный Совет в восми персонах всегда содержать и без оного Верховного Тайного Совета согласия:

1) Ни с кем войны не вчинять.

2) Миру не заключать.

3) Верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать.

4) В знатные чины, как в стацкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного Тайного Совета.

5) У шляхетства живота и имения и чести без суда не отымать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного Тайного Совета не производить.

8) Государственные доходы в расход не употреблять.

И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской.

4. Проект кн. Черкасского.

(«Утро», лит. сб., стр. 375—8.)

... О государыне императрице, хотя мы ее мудростию, благонравием и порядочным правительством в Курляндии довольно уверены, однакожь, как есть персона женская, так многим трудам неудобна; паче жь ей знания законов не достает; для того на время, доколе нам всевышний мужескую персону на престол дарует, потребно нечто для помощи ее величеству вновь учредить; но каким порядком, то, довольно третьего дня рассуждая, в великом собрании положили следующее:

1) Быть при ее величестве в вышнем правлении, сенате, двадцати одной персоне, в котором нынешний верховный совет останется.

2) Чтобы оный делами внутренней экономии отягчен не был, другое правительство учредить во сте персонах, которым, по третям года, третьей части в правлении оставаться, а две части могут в домах своих управлять; но в каждой трети в конце, т.-е. в декабре, апреле, августе, или в начале: в январе, мае и сентябре, для рассмотрения важных дел каждогодно собираться; или когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя, или другое так великое дело, то по повестке всем съезжаться, и не более месяца общее собрание продолжать.

3) Ежели случится упалое место в вышнем собрании, сенате, коллегии, президента и вице-президента, в губернии губернатора или вице-губернатора, в войске главного командира, то избирать балотированием оным двум правительствам президентов от коллегии; а командира в войско, вместо президентов, военным генералам всем, сколько их обще с оными правительствы. Балотирование же таким порядком отправлять: герольдмейстер должен прочесть роспись всех достойных в кандидаты по рангам; потом каждый избиратель повинен написать на бумажке одно

имя, кого кто за достойного мнит, и положить в скрыне приготовленную. Оные бумажки разобрав при всех, написать на роспись, которого имя сколько голосов получило, и которым больше голосов дано, из оных трех балотировать, и кому более балов в достойную положат, того представить ее величеству, а если балы не угодны, то довольно по голосам тех трех, которым более голосов дано, представить ее величеству, кого из них определит. Чрез сей способ можно во всех правлениях людей достойных иметь, не смотря на высокородство, в которых много негодных в чины производят.

4) Законоиздание хотя состоит единственно во власти монаршеской, как о том выше показано, однакожь, рассудя намерение государя, ни в чем ином, как пользе общей и справедливости состоит, так оное точно наблюдать должно; и как ее величеству не угодно самой сочинять, то нужно кому-либо сочинение оного поверить; в котором опасность не малая, чтоб кто по прихоти чего непристойного и правости не согласного, или паче вредного, не внес; как то Петр Великий, хотя и мудрый государь был, но в своих законах многое усмотрел что переменить нужно, для которого велел все оные, собрав, рассмотреть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде издания рассматривать, нежели издав переменять что с честью монарха не согласует; оное же сочинение никак не возможно одному поверить, хотя бы он искусен и в намерении ни коея собственные страсти не имел, по природе легко погрешить может; того ради как скоро ее величества повеление будет какой закон сочинить, оный послать во все коллегии, чтоб довольно рассмотрели, и через семь дней, сочиня каждая общее, или кто собственное свое, в собрании вышнему правительству объявили, и по довольном рассуждении сочиня, ее величеству к утверждению представили.

5) Весьма беспорядочно бывает когда в одном правлении отец с сыном, или два брата, и дядя с племянником, тесть с зятем присутствуют, которое равно как бы одному два голоса присвоены были; для того в вышнем правительстве не быть двум одной фамилии; а в нижнем и в коллегиях токмо ближним сродникам, как выше показано, не присутствовать.

6) В тайной канцелярии хотя присутствовать определенному от ее величества, а к тому определять от сената помесячно двух человек, чтоб смотрели за справедливость; а паче чтоб при взятии до пожитков нимало не касалися, и для того брать всегда от полиции по одному знатному человеку.

7) Для произвождения шляхетства в войске и гражданстве искать лучшего способа нежели ныне: 1. Устроить во всех градех потребные училища, определя на то доходы и домы. 2. Меньше восемнадцати лет в службу, а более двадцати лет в войске служать не принуждать. 3. В матросы и ремесла не писать. 4. Чтобы подлинное шляхетство известно было, того

ради всему во всем государстве сделать роспись, не включая тех, которые из солдат, гусар, однодворцев и подъячих, хотя б и многие деревни имели, разве на шляхетство, или на жалованные деревни грамоты жалованные имеют; однакожь и тех всех хотя б из какого чина не были, а деревни уже имеют, написать в особую книгу.

8) Духовенство в их доходах рассмотреть, чтоб деревенские могли детей своих в училищах содержать и сами не пахали б; а у которых есть избытки, оные на полезные богу и государству дела употребить.

9) Купечество колико можно от постоев уволить и от утеснения избавить, а подать способ к размножению мануфактур и торгов.

10) Пункты о наследстве отставить, а сочинить о том достаточный закон на основании Уложения.

Сие представя Верховному Совету, требовать чтобы определили, выбрав всем шляхетством к рассмотрению сего людей достойны, не меньше ста человек.

И чтобы сие не опущая времени начать, о том прилежно просить, чтоб конечно того жь дня или на завтра, чрез герольдмейстера шляхетству о собрании объявить, и покой для того назначить.

Сии пункты по два раза в немалых собраниях шляхетства читаны, и дополнивая в доме Василия Новосильцева, февраля 4 числа 1730 года подписали:

Семен Салтыков. Граф Михаил Головкин. Василий Новосильцев. Василий Татищев. Греков Максим (и другие, всего 36 человек).

Да под копиями: лейб-гвардии обер-офицеров 51; военной коллегии штаб и обер - офицеров 158; кавалергардов 48. (Всего 288.)

5. Дворянская челобитная императрице Анне Ивановне.

(Д. Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны, стр. 275 — 6.)

Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня императрица Анна Иоанновна, самодержица всероссийская. Когда ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно, для лучшего утверждения и пользы отечества нашего, сего числа подписать недостойных себе признаем к благодарению за так превосходную вашего императорского величества милость. Однакож усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того в знак нашего благодарства всеподданнейше

приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного Совета и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнейше ваше императорское правительство просим, чтоб соизволили сочинить вместо Верховного Совета и высокого Сената один правительствующий Сенат, как при его величестве, блаженной памяти дяде вашего императорского величества Петре Первом было, и исполнить его довольным числом 21 персоною; такожде ныне в члены и впредь на упалые места в оный правительствующий Сенат и в губернаторы и в президенты повелено б было шляхетству выбирать баллотированьем, как то при дяде вашего величества, его императорском величестве Петре Первом установлено было; и притом всеподданнейше просим, чтоб по вашему всемилостивейшему подписанию формы правительства государства для предбудущих времен ныне установить...

Мы напоследок вашего императорского величества всепокорнейшие рабы надеемся, что в благорассудном правлении государства, в правосудии и в облегчении податей по природному величества вашего благоутробию презрены не будем, но во всяком благополучии и довольстве тихо и безопасно житие свое препровождать имеем вашего императорского величества всенижайшие рабы. (166 подписей.)

6. Из Наказа Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения.

(«Наказ» Екатерины II, изд. Акад. Наук.)

Глава II.

8) Российского государства владения простираются на 32 степени широты, и на 165 степеней долготы по земному шару.

9) Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства.

10) Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит чтобы скорость в решении дел из дальних стран присылаемых награждала медление отдаленностию мест причиняемое.

11) Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно.

12) Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим.

13) Какий предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы

действия их направити к получению самого большего ото всех добра.

14) И так правление к сему концу достигающее лучше прочих, и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на которой в учреждении гражданских обществ взирают неотступно.

15) Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя.

16) Но от сея славы происходит в народе идиноначалием управляемом разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел, и столько спопешествовать благополучию подданных, как и самая вольность.

7. Политические взгляды Карамзина.

(Карамзин, «Записка о древней и новой России».)

Два мнения тогда были господствующими в умах: одни хотели, чтоб Александр, к вечной славе своей, взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе, — другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатеринина царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла. В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти. Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «можно; надобно только поставить закон еще выше государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона?...

Самодержавие основало и воскресило Россию; с переменою государственного устава ее, она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что кроме единовластия неограниченного может в сей махине производить единство действия. Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистию к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин Российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь, ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеет; можешь все, но не можешь законно ограничить ее»...

Самодержавие есть палладиум России: целость его необходима для ее счастия: из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда ни что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином; но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честию. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный... Так нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу... Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить, где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо, но сии земледельцы не будут иметь земли, которая (в чем не может быть спора) есть собственность дворянства. Они или останутся у помещиков, с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно — одним словом, для них работать, как и прежде, или, недовольные условиями, пойдут к другому умереннейшему в требованиях владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не подпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность; тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических... Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей, не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом... Теперь дворяне, расселенные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства; отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлас, возьмет себе Россию на рамена. Удержит ли? Падение страшно.

ГЛАВА VII.

ВНЕШНИЙ РЫНОК И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

1. Размеры хлебной торговли России в XVIII в. через европейскую границу в сер. рублях.

(Семенов, «Опыт изучения исторических сведений о российской торговле и промышленности», т. III.)

Годы.	Пшеницы.	Ржи.
1749	—	2.116
1758—1760	—	111.867
1778—1780	485.755	502.037
1790—1792	294.066	413.271

2. Движение отпуска четырех главных хлебов по пятилетиям с 1801 г. по 1825 г.

(«Сб. сведений по ист. и статистике внешн. торг. России», под ред. В. И. Покровского, т. I, стр. 4.)

Пятилетия.	Тысячи пудов.	Процентные отношения к среднему отпуску за 1801—1805 г.г.
$\frac{1801-1805}{5}$	19.873	100
$\frac{1806-1810}{5}$	5.120	25,8
$\frac{1811-1815}{5}$	9.089	45,7
$\frac{1816-1820}{5}$	29.655	149,2
$\frac{1821-1825}{5}$	10.071	50,7

3. Вывоз хлеба и технических растений из России с 1802 по 1825 г. (в тысяч. четв. и ассигн.).

(В. И. Покровский, «Сборн. сведений по истории и стат. внешней торговли», стр. 114.)

Годы.	Хлебов.						Технических растений.			
	Всего хлебов.		В том числе.				Лён.		Пенька.	
			Пшеница.		Рожь.					
	Тысячи четверт.	Тысячи руб. асс.	Тысячи четверт.	Тысячи руб. асс.	Тысячи четверт.	Тысячи руб. асс.	Тысячи пудов.	Тысячи руб. асс.	Тысячи пудов.	Тысячи руб. асс.
1802	—	11.127	—	4.056	—	5.604	—	5.773	—	9.346
1803	—	12.740	—	5.447	—	6.013	—	6.690	—	12.445
1804	—	8.144	—	5.347	—	2.306	—	7.777	—	12.199
1805	—	20.963	—	11.751	—	8.028	—	8.145	—	11.739
1806	1.929	13.283	451	3.478	1.277	8.741	1.599	6.738	3.339	11.454
1807	562	4.461	51	484	46	330	1.698	7.276	3.444	12.395
1808—18 . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1812	—	14.122	462	6.763	394	4.581	1.309	13.154	3.265	30.571
1813	—	17.612	527	11.264	250	3.607	1.152	13.208	1.871	21.346
1814	—	17.465	511	7.686	548	7.956	1.640	20.729	2.412	23.943
1815	—	22.781	639	15.161	254	5.810	—	14.893	3.466	36.777
1816	—	55.436	1.441	43.891	497	9.102	924	13.141	2.086	19.390
1817	—	142.877	2.338	78.062	2.359	56.242	1.249	18.473	2.315	19.724
1818	—	82.348	1.775	49.606	793	18.066	1.106	19.508	3.246	32.538
1819	—	52.254	1.709	29.586	508	10.182	1.316	22.041	2.482	24.629
1820	—	38.163	1.387	24.848	436	6.131	1.440	23.198	2.429	22.650
1821	—	21.823	865	17.399	164	1.992	1.813	29.447	2.288	20.791
1822	—	14.692	683	12.778	30	377	1.533	24.694	2.929	26.357
1823	—	20.065	962	15.307	90	1.335	1.042	18.624	2.929	26.443
1824	—	12.591	726	9.849	27	277	1.863	32.446	2.800	24.805
1825	—	18.130	973	14.919	94	1.025	2.454	36.332	2.817	26.451

4. Сопоставление ценности отпущенных за границу хлебов с ценностью всего вывоза за 1802—1825 гг.

(«Сб. сведений по ист. и статистике внешн. торг. России», под ред. В. И. Покровского, т. I, стр. 3.)

Годы.	Ценность всего вывоза.	Ценность хлебного отпуска.	Отношение ценности хлебного отпуска к ценности всего вывоза.
	Миллионы рублей ассигнац.		
(1802—1807)/6 . . .	63,0	11,8	18,7%
.			. . . .
(1812—1815)/4 . . .	171,3	18,0	10,5%
(1816—1820)/5 . . .	237,7	74,2	31,2%
(1821—1825)/5 . . .	207,2	17,5	8,4%

5. Ценность изделий, вырабатывавшихся на русских фабриках в XVIII в.

(Семенов, «Изучение исторических сведений о российской торговле и промышленности», т. III.)

	1761 г.	1765 г.	1783 г.
Суконные фабрики .	548.958	733.995	1.178.282
Шелковые . .	459.155	580.766	461.282
Полотняные	641.506	901.870	777.067
Канатные	20.044	24.034	8.362
Шляпные	27.090	5.897	3.216
Красочные	12.570	14.012	16.222
Ситцевые	1.700	1.560	11.833
Писчебумажные . .	107.000	108.000	100.896
Стеклянные	15.838	28.560	25.745
Фарфоровые	—	—	4.835
Сахарные	—	—	10.024
Кожевенные	152.776	147.918	15.410
Прочие	135.354	305.388	337.090
Итого	2.122.000	2.853.000	2.941.264

6. Европейская торговля. Отпуск российских товаров.

(Семенов, «Опыт изучения исторических сведений о Российской торговле и промышленности», т. III.)

Изделия.

Годы.	Парусного.	Фламского.	Равендучного.	Разного холста.	Юфти.	Сукна.	Проч. шерстян. изд.	Шелковых.	Бумажных.
	В рублях серебром.								
1749	185.286	31.374	196	529.200	1.002.050	—	—	—	—
1758—1760	261.000	97.157	158.742	395.003	1.016.170	4.101	8.414	—	28.433
1778—1780	570.770	261.806	616.059	495.852	1.010.288	2.676	8.514	427	170.665
1790—1792	474.887	408.063	942.329	596.067	1.258.106	7.666	10.914	680	828
1802—1804	673.085	586.229	1.170.493	341.758	784.325	630	—	—	—
1814—1815	854.962	875.204	854.182	431.308	1.271.845	1.394	17.600	10.278	69.157
1820—1821	961.766	735.510	386.453	255.642	785.392	3.462	35.774	3.720	27.747
1824—1826	1.215.526	1.313.883	649.999	555.319	641.001	25.408	46.613	14.045	76.531

7. Размеры внешней торговли России в конце XVIII и начале XIX в.в.

Вывоз из России технических растений, продуктов скотоводства и металлов с 1749 по 1829 год (в серебряных рублях).

(Семенов, «Опыт изучения исторических сведений о Российской торговле и промышленности». Т. III.)

	1749	1758—1760	1778—1780	1790—1792	1802—1804	1814—1815	1820—1821	1824—1826
Пеньки	1.376.900	2.756.392	4.366.292	5.882.443	8.724.026	7.637.111	5.861.527	7.244.560
Пакли пеньковой	—	95.966	165.492	205.682	с пенькой	92.653	121.963	172.472
Льна	1.070.539	1.245.461	1.805.117	3.134.918	5.194.747	4.452.757	7.107.118	8.976.668
Пакли льняной	41.325	11.109	16.721	32.108	со льном	66.089	117.957	125.292
Пряжи пеньковой	—	—	—	—	—	—	4.671	5.083
» льняной	—	—	—	—	—	—	2.010	185.981
Семя льняное и конопляное	286.478	231.143	549.800	821.414	1.773.851	1.278.934	3.143.430	2.318.887
Сало	316.675	469.559	1.178.907	2.958.722	7.792.860	10.218.683	11.773.334	9.457.088
Шерсти	—	548	406	22.658	30.465	162.047	223.768	786.645
Кож сырых	—	846	6.641	6.727	81.751	149.823	89.358	631.681
Леса	203.350	378.286	588.115	1.297.419	1.217.317	978.724	1.057.022	2.765.599
Железа и чугуна	417.725	666.754	1.633.907	3.337.887	2.779.349	1.598.815	1.230.561	1 759.666
Меди	23.275	180	317	1,921	9.154	373.185	3.110.773	2.217.584
Шелка	159.175	22.359	180	112	—	968	1.006	23.658

8. Размеры внешней торговли России в конце XVIII и начале XIX в.в.

Европейская торговля. Привоз иностранных товаров (в серебряных рублях).

(Семенов, «Опыт изучения исторических сведений о Российской торговле и промышленности» т. III.)

Товары для рукоделий служащие.

	1749	1758 — 1760	1778 — 1780	1790 — 1792	1802 — 1804	1814 — 1815	1820 — 1821	1824 — 1826
Бумаги хлопчатой сырца	2.345	8.229	13.764	10.423	954.111	153.383	218.349	370.146
Пряденной белой	31.304	2.568	16.757	18.276	с пряденной	3.560.642	4.980.971	9.111.551
Крашенной	с крашенной	53.348	11.765	381.925	и крашенной	256.047	883.525	1.018.305
Шелка сырца	23.691	11.368	455.267	985.695	1.191.240	883.589	807.397	866.789
Пряденного	с пряден	14.311	с пряден.	с пряден.	с пряден.	124.959	100.137	15.238
Шерсти сырца	—	366	2.731	2.723	28.173	12.081	6.909	123.067
Пряденной	—	14.898	685	10.607	с пряден	15.804	28.098	158.676
Красок	77.8120	317.245	547.119	1.486.319	1.741.502	2.079.788	3.020.058	4.114.554
Металла не в деле	20.0875	319.124	296.907	30.4971	591.361	527.424	659.301	607.265
Москательных товаров	44.425	111.308	105.642	30.9924	385.796	580.273	569.610	585.895
Каменного угля	—	3.162	9.483	41.071	32.249	38.541	98.631	137.663
Инструмент для ремесл	с желез	ными	из	делия	ми.	98.564	188.987	177.934
Машин	—	—	—	—	—	—	7.214	48.389

9. Размеры внешней торговли России в конце XVIII и начале XIX веков.

Европейская торговля. Привоз иностранных товаров (в рублях серебром).

(Семенов, «Опыт изучения исторических сведений о Российской торговле и промышленности», т. III.)

Изделия.

	Сукна.	Шелковых.	Бумажных.	Льняных.	Кос.	Прочих металлических изделий.
1749 г.	1.068.200	327.075	186.200	33.075	18.375	100.450
1758 — 1760 г.	1.036.021	802.435	461.594	130.065	76.593	123.261
1778 — 1780 г.	1.541.629	697.418	811.856	103.035	134.649	302.9[illegible]1
1790 — 1792 г.	3.335.457	1.546.277	2.582.471	150.464	159.474	549.743
1802 — 1804 г.	5.104.204	532.726	2.118.685	216.678	463.811	349.275
1814 — 1815 г.	—	—	879.438	406.053	414.642	114.562
1820 — 1821 г.	4.565.497	2.561.572	4.366.017	406.053	666.655	441.605
1824 — 1826 г.	822.902	1.972.756	2.107.449	109.284	685.686	647.910

10. Цены товаров в XVIII и начале XIX столетий.

(Семенов, «Опыт изучения исторических сведений о Российской торговле и промышленности», т. III.)

Отпускные.

Годы.	Сала берк.	Пеньки берк.	Льна берк.	Железа. берк.	Юфти пуд.	Пшеницы четв.	Ржи четв.	Полотна равенд. шт.	Полотна фламск. шт.	Полотн. парусн. шт.
	В рублях серебром.									
1674	8½—9	2⅓—3	7	—	—	1	70 к.	—	—	—
1710	10	9	11,20	—	4	—	—	—	—	—
1724	14	9	10—15	15	4	3,50	2,50	—	—	6
1731	14	9	10—15	10	4	2	1	—	—	4
1754	15½	9	10—15	—	4	—	—	—	—	5
1760	19	12¼	18	16½	5	3,60	—	4½	7¼	6½
1766	19⅕	15—15¼	21,22	6,80—7,40	5½—6	3,60	1,90	5½	7⅜—8	7¾
1774	22—26	12½—15	21½—28	7⅕—8½	5—6,90	3⅕	2⅕	5¼	6¾	7
1795	52—53	42—43	56—58	14½—16	15—16	11—13	7—8	12—14	20—21	19—26
1803	50	43	72	19	14	10	—	14	22	22
1814	172	97	172	30	52	28	—	34	49	56
1820	155	90	155	60	60—65	21½	14½	38	59	75—78

11. Средняя ежегодная добыча металлов в России.
(в пудах)

(С. Г. Томсинский, «Роль рабочих в Пугач. восстании», «Красная Новь», 1925 г., кн. 2.)

	Чугуна.	Железа.	Меди.
1701—1725 годы . . .	2.100.000	1.000.000	12.000
1726—1730 » . . .	3.000.000	1.500.000	35.000
1731—1740 » . . .	3.100.000	2.000.000	40.000
1741—1760 » . . .	4.200.000	2.500.000	101.000
1761—1762 » . . .	5.000.000	2.500.000	115.000
1763—1796 » . . .	6.500.000	3,000.000	180.000
1797—1801 » . . .	7.000.000	4.500.000	217.500

12. Цены товаров в конце XVIII и начале XIX в.

Привозные.

	Хлопч. бум. пуд. Руб.	Пряжи пуд. Руб.	Шелк. орг. пуд. Руб.
1674	3	—	36—45
1710	—	—	—
1724	5	10	—
1731	5	10	56
1754	$7\frac{1}{2}$	10	56
1760	—	—	—
1766	—	18	—
1774	—	—	—
1795	16	25—30	—
1803	$40\frac{1}{3}$	—	—
1814	45—50	140	1.200
1820	42	115	1.100—1.200
1824	$43\frac{3}{4}$	$105\frac{1}{3}$	$1.069\frac{3}{4}$

13. Английская торговля в России в конце XVIII в. (1785—1789 гг.).

(«Записки» Сегюра, французского посла в России, стр. 63—65.)

Стало известным, что императрица снаряжает в Черном море пять линейных кораблей и восемнадцать фрегатов. Она была недовольна англичанами, потому что они не разделяли ее политических планов. Питт был лично нерасположен к ней;

он не мог допустить владычества огромной морской державы на востоке. К тому же императрица провозглашением начал вооруженного нейтралитета посеяла семена раздора между Англиею и Россиею. Англичане уже стали опасаться потерять торговые выгоды, исключительно им предоставленные в России. Посланник их деятельно старался удалить опасность; купцы их, расточая подарки и услуги, нашли возможность увеличить в Петербурге количество вывоза товаров и уменьшить привоз их; с другой стороны, они грозили русским министрам и купцам, что если их стеснения будут продолжаться, то они замедлят ход торговли и лишат сбыта русские товары.

В самом деле, английские негоцианты образовали в Петербурге целую грозную колонию. Разбогатев торговыми оборотами и находясь под покровительством своего благоразумного правительства, которое не потворствует частным выгодам, а имеет всегда в виду общее благо, они до того размножили свои заведения и дома, что занимали в Петербурге целый квартал, называемый Английскою линиею. Их соединял общий интерес; они имели правильные совещания старшин, хороший устав и всегда друг друга поддерживали. Они сообща устанавливали на целый год смету торговых оборотов, определяли ценность товаров и даже вексельный курс. При продаже товаров своих русским, они предоставляли им кредит на восемнадцать месяцев, а сами покупали у них на чистые деньги пеньку, мачтовый лес, сало, воск и пушной товар. Вот какова была сила, с которою я должен был бороться в стране, где было только несколько одиноких наших купцов и один лишь значительный торговый дом Рембера, который с трудом и ловкостью держался среди нападок и препятствий всякого рода. Русские считали торг с англичанами необходимым для сбыта своих произведений и находили мало выгод в торговых сношениях с французами, которые покупали у них мало, а продавали много и дорого.

Когда англичане, пугая русских, остановили запрос на пеньку, я, пользуясь этим обстоятельством, присоветовал нашим министрам потребовать пеньки на большую сумму. Но мой совет исполнили поздно и невполне. Петербургские англичане вредили нам даже во Франции. Купцы нантские и бордосские, обманутые их выгодными предложениями, и опасаясь переездов и таможень, поручали англичанам и голландцам перевозку своих товаров в Россию. Мы почти исключительно снабжали Россию кофеем, сахаром и вином; но, пользуясь нашей беспечностью, иностранцы лишали нас большой прибыли и вместе с тем увеличивали свои морские силы, которые впоследствии обратили против нас же. Этою перевозкою заняты были ежегодно до 2.000 судов, между тем как в русские порты входило не более 20 французских судов.

Выгоды положения англичан делали их иногда до того требовательными, что они начали надоедать графу Воронцову; я это заметил из его разговора. Но он был еще сильно к ним

привержен, и я выжидал благоприятнейших обстоятельств, чтобы разочаровать его. Мне легче было преклонить к себе князя Потемкина, потому что англичане явно противудействовали его видам относительно торгового сообщения между Херсоном и Марселем.

14. Из дипломатической переписки о континентальной системе.

1) Замечания генерала Савари [1] о России (в ответ на запрос французского министра де-Шампаньи) 1807 г.

(«Сб. Р. И. О.», т. 83, № 81, стр. 266—267.)

О торговле. Я делю ее на два класса, а именно: 1) банкиров с оптовыми торговцами, и 2) торговцев в розницу. Первый класс состоит на половину из англичан, на половину из немцев, русских и нескольких французов. Здесь не больше 5—6 французских торговых домов, третьего разряда. В Лионе, в Бордо, в Нанте или в Руане их не назвали бы негоциантами. Второй класс состоит большей частью из русских, из немцев и из множества французов-авантюристов, покинувших Францию без ничего, или с мелким товаром на 500—600 франков; капитал тот они удесятерили, продавая с лихвой. В Петербурге среди них лишь немногие достойны внимания. Наша торговля здесь в полном уничижении, или, лучше сказать, вовсе не существует. Я побывал в магазинах, и не нашел там и на 20 тысяч франков изделий наших мануфактур. Я не видал в России ни лионских шелковых тканей, ни французского бархата и сукна, ни полотен, ни фарфора, ни серебряных изделий, ни кружев, ни ювелирных изделий, ни часов, ни золоченой бронзы, ни ковров, и, вообще, ничего, что бы дало понятие обо всем, что мы умеем делать, и в чем мы достигли такого улучшения со времени революции. Я держусь того мнения, что наш посол не может лучше услужить императору и государству, как устроить здесь в небольшом виде, при содействии наших купцов, выставку наших фабрикатов, вроде той, какая была устроена в Париже. Так как вся русская торговля идет через Петербург, то вероятно, что и в провинции состояние нашей торговли так же плохо, как и в столице. За исключением вин, водок, масла и мыла, мы ничего больше не продаем здесь.

Английская же торговля здесь в самом цветущем виде. Она охватывает все на свете. Все купцы этой нации одушевлены до такой степени стремлением все захватить в свои руки, что когда им не удалось добиться права ввозить некоторые товары, считающиеся здесь контрабандой, они выписали из Англии рабо-

---

[1] Французский посол в России.

чих, чтобы выделывать эти изделия на месте, и торговать ими в своих магазинах. Таким образом они взяли в свои руки доставку в Россию всех товаров, от облаток, бумаги, чернил и перьев, и вплоть до самых драгоценных вещей. До тех пор, пока это все будет в их руках, влияние их будет громадно, они одни будут давать и жизнь здешней торговле, и русские так привыкнут видеть в них своих поставщиков, что им будет казаться, что без англичан невозможно обойтись.

Наши министры в этой стране совершенно недостаточно обратили внимание на ежегодные и чрезмерные успехи английской торговли. Общественное мнение обвиняет их в равнодушии к этим нашим интересам. У нашего посла нет средств влиять на русскую торговлю, пока здесь нет фактории французских купцов, пользующихся известностью и уважением во Франции, и пока не устроено здесь открытых французских магазинов, подобных английским, где бы изделия нашей промышленности были на глазах у публики. Это тем легче сделать, что все наши изделия бесконечно выше по качеству всего, что, как я вижу, продают в Петербурге англичане. Я собираю материалы по этому вопросу, чтобы взять их с собой в Париж; я полагаю, это поможет министру внутренних дел изгнать английскую промышленность из всей России.

Если у нас не будет здесь исключительных прав торговли,— у нас не будет ее совсем, англичане нас всегда убьют. Среди истинно-русских людей, мне кажется, мы не встретим сопротивления никаким сделкам для устройства торговых сношений с нами. Они отдают нам предпочтение в торговом деле.

Мне кажется, я достаточно обрисовал здешнее купечество, чтобы показать, что надо делать, чтобы извлечь из них пользу для себя. Признаюсь, в настоящее время я считаю это невозможным. Я даже боюсь, что, когда надо будет разразиться против Англии, императору Александру придется прибегнуть к мерам строгости, чтобы заставить замолчать крики недовольных.

2) Письмо ген. Савари к министру де-Шампаньи 6/18 октября 1807 г.

(«Сб. Р. И. О.», т. 88, стр. 240—241.)

Последние меры, принятые русским правительством против англичан, произвели здесь очень сильное впечатление. В особенности в купеческом мире позволяют себе наиболее замечаний по этому поводу. На закрытие гаваней английским кораблям смотрят как на запрещение, наложенное на все произведения русской земли, которые Англия покупала и вывозила ежегодно в таких больших количествах; и продолжительность такого положения вещей представляется уже бедствием, которое затронет прямо интересы народа. Враги Франции, ловко хватающиеся за всякое оружие, которым они могут бороться с нею здесь

и уменьшить влияние, которого они опасаются и которое она может оказать на общественное мнение, не упускают случая воспользоваться таким средством; и их мысли направлены только к тому, чтобы встревожить легковерный класс. Можно опасаться, что если скоро не будут приняты какие-нибудь принудительные меры, то жалобы торговцев примут более серьезный характер. Г. Румянцов так думает, и только от усердия этого министра будет зависеть помешать тому, что он предвидит. Но Франция имеет, может быть, больше средств, чем Россия, чтобы заставить умолкнуть жалобы русских купцов, этого разряда людей, ставящих выше всего свою личную выгоду. Достаточно было бы распространить в публике слух, что Франция, которая так давно не делала значительных покупок в России, намеревается закупить лес, пеньку, холста и пр., и пр. При настоящих обстоятельствах подобный торг был бы для нас столь же полезен в политическом отношении, сколько и выгоден: мы овладеем хорошим мнением наиболее недовольных и заставим забыть англичан, о которых будут жалеть по очень многим причинам, если мы не постараемся заменить их; выгода же будет заключаться в том, что Франция, пользуясь минутою, закупит все без конкурентов, а следовательно и дешево.

Г. Лессепс подробнее разовьет вам эту мысль. Я только хотел выяснить вашему превосходительству, какой высший интерес представляет, может быть, теперь вещь, которая при других обстоятельствах казалась бы столь простою. Я считаю этот план достаточно важным по последствиям, чтобы обратить на него внимание его величества.

15. Из плана государственного преобразования Сперанского.

(А. Н. Пыпин, «Общественное движение при Александре I».)

«Сила всех предложенных преобразований в том состояла, чтоб постановить управление империи на непременяемом законе и дать России внутреннее политическое бытие, а с сею целью определить прежде всего разум коренных государственных законов, т. е. начертать плана конституции»...

«Конституции во всех почти государствах устрояемы были в разные времена отрывками и по большей части среди жестоких политических бурь. Российская конституция одолжена будет событием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устрояя политическое существование своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»...

«Найти средства сделать основные государственные законы ненарушимыми и священными для всех, не исключая особы

монарха, всегда было предметом размышлений для всех добрых царей, для лучших умов, для всех тех, кто любит свое отечество и не отчаивается в его благоденствии.

«1) Никакое правительство не может быть законно, если оно не основано на воле страны... 4) Источник всякой власти есть государство, страна. 5) Всякое правительство существует на известных условиях, и законно только до тех пор, пока исполняет эти условия.

«В детстве обществ форма правления могла быть только деспотическая... Но когда государи перестали быть отцами своих подданных, когда они начали пользоваться своим могуществом противно истинным интересам подданных, тогда к общим условиям, на которых воля народа основала правление и которые, по своей неопределенности и недостаточности, привели, наконец, к произволу, найдено было необходимым прибавить специальные правила, определить более строго предмет желаний народа. Эти правила названы были основными законами страны, и их целость — учреждениями (конституцией).

«Правление, устроенное таким образом, может быть или ограниченная монархия, или ограниченная аристократия.

«Отсюда следует: 1) что основные законы государства должны быть делом нации, 2) что основные законы государства полагают границы абсолютной власти.

«...Когда народ установил основные законы, когда он взял клятву от исполнительной власти в их сохранении, когда он устроил какой-нибудь парламент, сенат, он еще не основал этим свободы, если могущество правительства остается тем же, чем оно было до существования этих учреждений.

«... Всякое правление, чтобы быть законным, должно основываться на общей воле народа. Сила может быть ограничена только силою... Создания, исходящие только из личной воли монарха, не могут служить противовесом силе; приписывать им это значение значило бы измерять пространство тяжестью... Итак, власть правительства может быть ограничена только властью народа.

«Обе эти власти имеют один и тот же источник, так как правительство не может иметь иной власти, как та, которую вручил ему народ.

«...Дума получает отчеты от министров. В случае явного нарушения государственной конституции, Дума имеет право требовать ответа у министров и делать по этому предмету представления престолу.

«Никакой новый закон не может быть обнародован без участия Думы. Все законы финансовые, установление новых налогов, какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы в Думе. Закон, принятый Думой, представляется на утверждение императора. Закон, отвергнутый большинством голосов в Думе,

останется недействительным. Для рассмотрения законопроектов Дума назначает из среды своей специальные комиссии.

«Дума собирается ежегодно, в известный срок, без всякого особенного призыва. Заседания продолжаются сообразно количеству рассматриваемых дел. Полномочия Думы прекращаются: отсрочкой до следующего года и распущением, — то и другое совершается верховной властью, по представлению Государственного Совета.

«Дела предлагаются на рассмотрение Думы, от имени верховной власти, одним из министров или членов Государственного Совета. Отсюда исключаются: 1) представления о нуждах государства; 2) представления об ответственности; 3) представления относительно мер, противных основным законам государства. В этих трех случаях депутаты сами могут взять инициативу, исполняя предписанные на этот случай формальности...

«Государственная Дума должна была иметь значение законодательного собрания. Она должна была составиться из депутатов от всех свободных классов, выбираемых, как видно дальше, в губернских собраниях. Председатель Думы назначается из трех кандидатов, выбираемых собранием.

«Законы предлагаются вообще правительством; они обсуждаются в Государственной Думе и утверждаются императором».

16. „Нечто о барщине“.

(«Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы», III том, 1921 год, стр. 404—409. «Архив бр. Тургеневых». Вып. 5).[1]

Под словом рабство разумеют у нас обыкновенно крепостное состояние крестьян. Но сие состояние разделяется на два различные и даже совсем противоположные рода. Крепостные крестьяне могут быть на оброке денежном и на пашне. Оброк обыкновенно собирается с таких крестьян, которые имеют мало земли и которые вследствие сего работою не могут доставить хорошего дохода помещику. Иногда случается, что крестьяне с достаточным количеством земли находятся на оброке вместо пашни или барщины.

Рассмотрим состояние оброчного крестьянина. Здесь прежде всего я должен заметить, к чести тех помещиков, которых крестьяне находятся на оброке, что мне весьма редко случалось находить крестьян, платящих оброк чрезмерный и для них изнурительный. Обыкновенно оброк назначается помещиками справедливо, без отягощения крестьян и без убытка самому госпо-

---

[1] Написано в 1818 г., в момент наивысшего подъема вывоза хлеба за границу в первой четверти XIX в.

дину. Помещики почти никогда не живут в оброчных деревнях. Крестьяне оброчные управляют сами собою, посредством своих выборных, сотских, бурмистров. Власть господская редко вмешивается в назначение сих сельских чинов; только утверждение избранных крестьянами и их смена зависит иногда от самого помещика. Таким образом оброчный крестьянин, будучи по возможности обеспечен в рассуждении своего непосредственного начальства, имеет главною заботою заплату своего оброка.

Я находил, что оброчные крестьяне, имеющие весьма мало земли, в отдаленности от больших городов и не занимающиеся никаким особенным родом промышленности, платят помещику по 100 р. с тягла, оброк чрезмерный, но при всем том, хотя и есть между сими крестьянами бедные, однако ж есть и такие, которым подобных в достатке нелегко можно найти крестьянами, на пашне находящимися; платящие 100 руб. с тягла сами соглашаются, что лучше быть даже на таком оброке, нежели исправлять обыкновенную барщину. Из вышесказанного следует, что оброчных крестьян вообще нельзя назвать рабами de facto, хотя de jure они и не свободные люди.

Рассмотрим теперь положение крестьян на барщине, или на пашне. Главнейшая обязанность их есть работать три дня в неделю на господина, от 1 января до 31 декабря. Соберемся с духом и исчислим другие повинности сих крестьян. Сверх работы крестьянин дает господину ежегодно барана, иногда гуся или курицу. Жена его, сверх трехдневной работы летом, в зимнее время прядет на господина холст; сверх того, собирается с тягла сукно, простое крестьянское, по одному или по два аршина в год. Сверх того собираются с тягла грибы, ягоды, иногда и орехи, в известном количестве. Дети, крестьяне обоего пола, также работают на господина потроёчно, т. е. три дня в неделю. Кроме сего меркантильная зараза сильно с некоторого времени распространилась в России, и помещики, даже в хлебородных губерниях, завели фабрики, на которых работают крестьяне, в особенности малолетние.—Человеку предназначено познавать зло и добро собственным опытом. Несмотря на происшествие других государств, несмотря на правила хозяйства государственного, которые и в России начали распространяться, несмотря, наконец, на соображения здравого рассудка, наши помещики не прежде оставят свои смешные, но для крестьян весьма обременительные затеи фабричные, как тогда, когда ясно почувствуют разорение крестьян своих и следственно свое собственное. Мы не будем противиться естественному всех вещей в мире и доказывать нелепость фабричных заведений тем, которые хотят быть научаемы собственными бедствиями. Но заметим для размышления помещиков-фабрикантов, что купец, устроивший свою фабрику по коммерческому порядку, следственно, платящий своим работникам по вольной цене, получает и всегда получать будет более дохода от своего заведения,

нежели помещик, у которого на фабрике работают его крепостные люди без вольной платы.

Оброчные крестьяне, как выше сказано, платят иногда оброк чрезмерный. Равным образом некоторые помещики не довольствуются тремя днями в неделю и заставляют иногда, во время уборки хлеба, работать своих крестьян несколько дней поголовно. Иные отдают им только два дня в неделю. Иные оставляют у крестьянина только одни праздники, и в таком случае иногда дают всем крестьянам месячину, так что они беспрестанно работают на господина, не имея ничего, кроме выдаваемого им ежемесячно количества хлеба. К счастью моему, я только слыхал о таких помещиках; никогда их не видывал и нелегко согласился бы их видеть.

Скажем также, что некоторые помещики хотя и содержат своих крестьян на пашне, но распоряжают работу таким образом, что крестьяне не работают на барщине, но обрабатывают вместе со своею землею и участок господский. Такое учреждение выгоднее как для крестьян, так и для господ.

Упомянув об исключениях, которые существуют относительно крестьян на пашне, обратимся к тому порядку, который почти повсеместно существует между господскими крестьянами, на пашне находящимися. Выше изложены их повинности. Ход их занятий следующий: рано по утру десятский или нарядчик наряжает одну половину крестьян, мужеска и женска пола, на господскую работу или на так называемую барщину. Невозможно требовать и ожидать от крестьян, чтобы все они являлись на барщине в положеное время: иной опоздает от хлопот домашних, иной не скоро соберется, потому что долго проищет своей лошади; множество различных обстоятельств, которые невозможно исчислить, могут весьма часто помешать крестьянину исполнить возложенную на него обязанность в точности. Но десятский редко входит во все сии причины и употребляет известные средства принуждения, и в сем случае наказание имеет какой-то вид справедливости, потому что производится для уравнения повинностей между работающими; а давно уже замечено, что те несправедливости самые жестокие, которые имеют вид справедливости. Иногда работа, смотря по удобности, распределяется между крестьянами по урокам, что конечно выгоднее для крестьян, если уроки не чрезмерны; но и здесь понудительные средства, десятскими употребляемые, иногда употребляются. Остановим внимание на барщине и подумаем об успехе, которого надобно ожидать от такой работы. Охота к работе необходимо нужна для работы.

Самый строгий присмотр не произведет того, что сделает собственное желание исполнить какое-нибудь дело. И сей то главной потребности для успешной работы никак нельзя ожидать от работающих на барщине.

Когда в Англии и в других государствах было рассуждаемо об уничтожении торговли черными невольниками, то некоторые члены Английского Парламента и некоторые писатели доказывали, что работа посредством свободных людей выгоднее для хозяев, нежели работа посредством невольников. Сие мнение принято было многими политиками. В последние времена один из политических писателей, Сей, доказывал, разделяя, впрочем, мнение о работе с людьми благомыслящими, что, напротив того, работа посредством невольников должна быть выгоднее для хозяев. Мне кажется, что в таком деле надобно прежде всех других расчетов сделать расчет с своею совестью, и тогда искомое не будет подвержено никакому сомнению.

Правила арифметические недостаточны для вычислений сего рода: правила справедливости в сем случае равно необходимы. Если и доход помещиков от работы их крестьян, на барщине находящихся, будет подвержен такому исчислению, то все итоги будут доказывать против барщины, в пользу иных средств получать прибыль от своей собственности. Теперь взглянем вообще на состояние или, лучше сказать, на судьбу крестьянина, на барщине находящегося. «Рыба ищет где глубже, человек — где лучше». Весьма справедливая пословица! Всякий человек, имея, или по крайней мере долженствуя иметь, какую-нибудь цель в жизни, стремится к лучшему. Один проводит молодость в трудах и заботах, чтобы в преклонных летах наслаждаться плодами трудов своих. Другой в юных летах насаждает дерево, чтобы в старости отдохнут под его тенью! Какую будущность имеет крепостной крестьянин, на барщине находящийся? Действия его ограничиваются несколькими десятинами земли, которые он беспрестанно обрабатывает и которые ему редко доставляют что-нибудь более необходимого для пропитания. Не имея других средств добывать себе доход, он никогда не будет иметь ничего лишнего; никогда состояние его не может вообще значительно улучшиться. Он живет не для приобретений, но единственно для того, чтобы поддерживать жизнь свою;— он беспрестанно садит деревья, но редко, редко отдыхает под их тенью!.. От того мы видим, что земледелие в России не делает почти никаких успехов, и состояние наших земледельцев — едва ли не то же самое, каково оно было при царе Алексее Михайловиче. Мы говорили только о работе крестьян на барщине. Нужно ли описывать образ управления, под коим они находятся? Сии крестьяне обыкновенно находятся в непосредственном ведении и управлении своих помещиков или управителей, от сих последних определяемых. Какими правилами, какими законами руководствуются и помещики и их управители в своих поступках относительно крестьян, в своих суждениях, в своих приговорах? На сей вопрос нет ответа. Скажут, что собственные выгоды помещиков заставляют их пещись о благе их крестьян. Так конечно. Но точно таким же образом соб-

ственные выгоды людей вообще долженствовали бы заставить их жить между собою в мире и любви, без ссор, без процессов, без обманов, без воровства, без грабежа.

Но между тем мы видим, что везде есть законы, охраняющие права всех и каждого, защищающие невинность и наказующие преступление,— и уверены в необходимости сих законов. Почему же, не полагаясь на собственные выгоды и на благоразумие людей вообще, мы полагаемся на благоразумие и на собственные выгоды помещиков и их произволу предоставляем судьбу крестьян, им подвластных? На что из святого правила делать такие исключения?.. Неужели в XIX веке, неужели когда-либо можно было с справедливостью утверждать, что права личные, права собственности, неразлучные с достоинством человека, не могут принадлежать всем людям вообще? Правосудие, которым люди живут в обществе, которым держатся государства, должно быть равно действительно, равно благодетельно для всех и каждого.

Но оставим политические рассуждения и, взглянув на участь крестьян, на барщине находящихся, ограничимся вопросом: можно ли их назвать свободными или по крайней мере похожими на людей свободных? — Но одно слово свободы не служит ли достаточным ответом? Так, яркая лампада в подземельи одним появлением расторгает мрак, уничтожает неизвестность и представляет предметы в настоящем их виде, во всем их ужасе.

Николай Иванович Тургенев род. в 1789 г., умер в 1871 г.; отец его, Ив. Петрович, был деятельным членом известного Новиковского кружка. В 1810 — 11 гг. Н И. слушал лекции о Геттингенском университете, где усвоил тогдашние политико-экономические учения. В 1813 — 1814 гг. состоял русским комиссаром в освобожденной Германии. В 1816 г. возвратился в Россию, поступил на государственную службу. Был одним из ярких и активных сторонников ликвидации крепостного права. В 1818 г. напечатал книгу «Опыт теории налогов», в которой был затронут и этот вопрос. В этом же году он был принят С. Трубецким в число членов Союза Благоденствия. В 1820 г. на заседании коренного совета этого союза, где обсуждался вопрос о форме государственного строя, высказался за республику. Являясь последовательным либералом, он находил, что изменения государственного строя возможны лишь путем созыва «Совета народа». В 1823 г. вступил в Северное Общество декабристов, но вскоре уехал за границу и в 1825 г. в Петербурге его не было. Верховным уголовным судом был заочно приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Был помилован в 1856 г. Во время пребывания за границей написал известную книгу «Россия и Русские», служащую одним из важнейших источников по истории России в перв. четв. XIX века. Еще более важным источником служат его письма и дневники.

ГЛАВА VIII.

КРИЗИС КРЕПОСТНОЙ ФАБРИКИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

(В ЦИФРАХ).

1. Общее число фабрик, заводов и рабочих на них в 1815—1825 гг.

(М. Туган-Барановский, «Русская фабрика в прошлом и настоящем». М. 1922, стр. 55 и 64.)

Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	На 1 фабр. рабочих.
1815	4.189	172.882	41
1816	4.484	187.061	42
1817	4.385	187.337	43
1818	4.457	178.919	40
1819	4.531	176.635	39
1820	4.578	179.610	39
1825	5.261	210.568	40

2. Число фабрик, заводов и рабочих по производствам в 1804 г.

(М. Туган-Барановский, «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем». М. 1922, стр. 70, 73 и 85.)

Род производства.	Число фабрик.	Число всех рабочих.	В том числе вольнонаемных.	Среднее число рабочих на 1 фабр.
Суконные и шерстяные фабрики	155	28.689	2.788	185
Полотняные	285	23.711	14.327	83
Ситцевые и миткалевые	199	6.566	5.436	33
Шелковые	328	8.953	6.625	27
Писчей бумаги	64	6.957	1.533	109
Стальные, игольные и железные	26	4.121	1.144	159
Кожевенные	850	6.304	6.115	7
Канатные	58	1.520	1.295	26
Стеклянные и хрустальные	114	3.937	1.685	35

3. Число фабрик, заводов и рабочих по производствам в 1825 г.

(М. Туган-Барановский, цит. соч.)

Род прозводства.	Число фабрик.	Число всех рабочих.	В том числе			Средн. число рабочих на 1 фабрике.
			вольнонаемных.	помещичьих (крепостных).	приписн. и покупн. (поссессионн).	
Суконное	324	63.603	11.705	38.583	13.315	199
Бумажн. матер.	484	47.021	44.535	247	2.239	97
Полотняное	196	26.832	18.720	1.483	6.629	136
Шелковое	184	10.204	8.481	658	1.065	55
Писчебумажное	87	8.272	2.019	3.350	2.903	95
Стальное, игольное чугунное	170	22.440	4.970	14.820	2.650	132
Канатное	98	2.503	2.303	167	33	25
Кожевенное	1.784	8.001	7.460	539	2	4

4. Производительность фабрик и заводов в России в первой четверти XIX в.

(Семенов, «Опыт изучения исторических сведений о Российской торговле и промышленности», т. III.)

	Суконных.				Бумаготкацких.				
	Число.		Выработано.		Число.		Выработано.		
	Фабрик.	Рабоч.	Тонких.	Простых.	Фабрик.	Рабоч.	Ситцу.	Миткалю.	Разн.
1804	155	28.689	ливр. 149.474арш.	проч. 2.672.491арш.	199	6.566	1.462.488арш.	2.109.035арш.	2.039.886арш.
1814	235	49.364	686.035 »	3.357.696 »	423	39.210	4.448.840 »	9.958.945 »	6.989.035 »
1825	324	63.603	1.848.139 »	5.662.132 »	484	47.021	10.622.660 »	12.551.770 »	14.417.679 »

	Полотняных.					
	Число.		Выработано.			
	Фабрик.	Рабоч.	Парусн.	Фламск.	Равенд.	Разн.
1804	285	23.711	3.186.206 арш.	1.705.833 арш.	5.438.421 арш.	1.944.843 арш.
1814	215	28.936	1.904.530 »	2.421.811 »	4.868.660 »	6.215.724 »
1825	196	26.832	3.138.950 »	4.190.934 »	5.461.262 »	3.358.198 »

	Шелковых.					Сахарных.			
	Число.		Выработано.			Число.		Выработано.	
	Фабрик.	Рабоч.	Парч. и барх.	Разн.	Лент.	Фабрик.	Рабоч.	Сахара.	Патоки.
1804 . . .	328	8.953	104.189 арш.	1.403.214 арш.	807.263 арш.	7	108	42.858 пуд.	12.363 пуд.
1814 . . .	158	9.300	94.773 » 1.920 куск.	1.014.761 »	753.163 »	51	252	573.434 »	210.830 »
1825 . . .	184	10.204	143.089 арш.	1.374.735 »	687.556 »	43	1.374	974.262 »	115.981 »

	Железных и чугунных.								
	Число.		Выработано.						
	Фабрик.	Рабоч.	Железа.	Чугуна.	Вещей.	Стали.	Ножей и ножниц.	Кос.	Игол.
1804 . . .	26	4.131	71.638 пуд. 44.627 ар.	—	45.431 пуд. 1.475 шт.	16.775 пуд.	58.500 шт.	11.820 шт.	88.164.009 шт.
1814 . . .	75	12.143	357.406 пуд.	414.349 пуд.	175.742 пуд. 613.771 шт.	16.600 »	199.200 »	282.160 »	99.551.000 »
1825 . . .	170	22.440	1.467.782 »	1.174.061 »	628.712 пуд. 837.550 шт.	49.680 »	329.584 »	351.531 »	94.622.000 »

	Медных.				Красочных.		
	Число.		Выработано.		Число.		Выработано.
	Фабрик.	Рабоч.	Меди.	Вещей.	Фабрик.	Рабоч.	Красок.
1804	37	—	7.050 пуд.	22.763 шт.	14	—	—
1814	59	1.295	8.750 »	26.117 пуд. 33.527 шт.	27	200	25.675 пуд. 27.000 ящ.
1825	100	1.713	21.635 »	23.939 пуд. 46.918 шт.	28	213	48.668 пуд.

	Кожевенных.				
	Число.		Выработано.		
	Фабрик.	Рабоч.	Подошв.	Опойков. и разн.	Юфти.
1804	850	6.304	256.016 кож.	1.903.329 кож.	482.344 кож.
1814	1.530	7.799	299.160 » 101 пуд.	—	—
1825	1.784	8.001	305.458 кож.	1.756.228 кож.	593.041 кож.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПУГАЧЕВЩИНА

ГЛАВА I.

ПУГАЧЕВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЯИКЕ.

1. Манифест („указ") Е. Пугачева яицким казакам.[1]

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881 г., стр. 180.)

Сей мой именной указ яицкому войску старшине Мартемьяну Бородину и всем старшинам и казакам и всякого звания людям именное мое повеление, как деды и отцы ваши служили мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови; второе, когда вы исполните именное мое повеление и за то будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, денежным жалованьем и хлебным провиантом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностью. А повеление мое исполните, со усердием ко мне приезжайте, то совершенно за оное приобрести можете мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то в скорости восчувствуете на себе праведный мой гнев. Власти всевышнего создателя и гнева моего избегнуть не можете — никто тебя от сильные нашея руки защитить не может.

2. Манифест („указ") Е. Пугачева солдатам крепости Рассыпной, данный в конце сентября 1773 г.[2]

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881 г., стр. 177.)

От самодержавного императора Петра Федоровича Всероссийского и проч. и проч. и проч.

---

[1] Указ извлечен П. А. Ефремовым из бумаг А. С. Пушкина по пугачевскому бунту. Мартемьян Михайлович Бородин — войсковой старшина Яицкого войска.

[2] Этот указ найден в бумагах А. С. Пушкина и напечатан П. А. Ефремовым в примечании ко II части Истории Пугачевского бунта. Крепость Рассыпная находится в 25 верстах от Илецкого городка и в 101 вер. от Оренбурга.

Сим моим именным указом в Рассыпной крепости всякого звания людям повелеваю: как вы мои верные рабы служили и покорны были наперед сего мне, будьте верны и послушны, ожидать меня старайтесь к себе с истинною верностью, верноподданническою радостью и детскою и ко мне, государю вашему и отцу, любовью. Потом старайтесь послужить верно и неизменно. За что жаловать вас буду всех, в-перьво: вечною вольностью, реками, лугами, всеми выгодами, жалованьем, провиантом, порохом и свинцом, чинами и честью; а вольность, хотя и не легулярные, навеки получите. Кто же сего моего указа преслушает, тот сам узнает справедный гнев противникам моим.

Подлинный подписал великий государь Петр Третий Всероссийский.

3. Письмо от киргиз-кайсакского Нурали-Хана оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 24 сентября 1773 г.[1]

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881 г., стр. 222—224.)

«Высокоместному и высокопочтенному господину генерал-поручику, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

«Объявляю на сих временах, что проявился здесь ее императорскому величеству изменник, и проговаривает заблудящие речи, что он якобы великий император Петр Федорович, и чтоб ему покорились, о чем ко мне двоекратно писал, из коих одно у коменданта в руках; токмо как не безъизвестно, реченному вору и изменнику несведущие прав и законов из яикских казаков заблудящие поверя, ему сообщась, с ним вместе и окружа Яикский городок ездят; а я, услыша о том, по повелению тамошнего войска старшины Мартемьяна Бородина и подполковника Симонова приехать против Яикского городка к мосту, переговоря, сказал, что я искренно усердствую ее императорскому величеству, не обращаясь к таким изменным речам, чтоб находящегося в Яикском городке главным повелителем реченного подполковника сообщась войском, с означенными заблудящими сопротивляясь и учиня драку, кто употребляет такие речи, того поймать общие старания прилагать, если они сами своею командою с ними управиться могут, то б оных разбойников поймали сами, а когда сил их к тому доставать не будет, то б повелели мне, чтоб я с своим народом вышед, учиня поиск, тех

---

[1] Письмо написано на татарском языке.

разбойников поймал; токмо когда реченные разбойники вскоре прижать их и изнурять не могут, в таком случае без позволения оренбургского губернатора за реку Яик переехать я не в состоянии, и ежели те плуты будут усиливаться, то по неволе, не дожидаясь из Оренбурга известия, принужден буду переехать. На что они подполковник и старшина сказали, что их сила, не заимствуя нашей, достижет; а что-де вы, приехав сюда, прожили на совете два дня и тем довольны. Почему я сие письмо при письме оного подполковника, с человеком его, к вам отправил; и так я, ожидая от вас известия, нахожусь, а притом советую, что мы, на степи находящиеся люди, не знаем, сей ездящий вор ли? или реченный государь сам? А для того, что он называется государем, послан был от меня под одним претекстом нарочный, который возвратясь объявил мне, что какой он человек, не знает и не опознал, токмо-де борода у него русая; однако из-за сего думал я, каким ни есть случаем поймать, только без вашего известия на то не поступил.

«Между тем еще объявляю, хотя я в нынешнем году с вами повидаясь, переговорить и был намерен, точию с за вышеписанными обстоятельствами, то мое желание не исполнилось; однако вашего высокопревосходительства по дружбе прошу, чтоб пребывающих здесь на степи легкомысленных киргизцев стараться в спокойствии содержать, ибо при приумножении таковых поступков может меня в чести и славе оставить для того, что ягалбайлинского роду у Ишенбая в прошедшей зиме отогнанных башкирцами тысяч пятидесяти лошадей возвратить соизволите, а особливо в нашем народе именитый джагалбайлец Шагир Батырев меньшой брат, именуемый Иштекбай Батырь, находится там у вас, коего позвольте для меня удовольствовав, обратно отпустить, а притом того ж рода из ишантских лошадей отдав ему Ишенбаю половину, а другую реченному Иштекбаю, чтоб он и продал на деньги, ему ж Иштекбаю прикажите выбегших из орды нашей двух кизылбаш препоручить для того, что когда оные ягалбайлинцы удовольствованы будут, весь народ наш благодарными останутся. Весьма б изрядно было, когда б оный Шагир Батырь удовольствован был, за что б и я довольным себя предпочел; хотя ж оный Шагир по отдаленности меня кочует, только его отчуженным от меня не признавайте, коего благоволите для меня в чести содержать.

«Впрочем наивсегдашний доброжелатель ваш Нурали-Хан своеручно печать мою приложил (которая под оным чернильная и приложена)».

4. Письмо Падурова[1] оренбургскому губернатору ген. Рейнсдорпу.

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881 г., стр. 121.)

«Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увещевание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действу сатанину, ни ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник (да и по всему тебе, бестии, знать должно), сколько ты ни пробовал своего всескверного щастия, однако щастие ваше служит единому твоему отцу, сатане. Разумей, бестия, хотя ты по действу сатанину во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя веревочных не станет петель, а мы у мордвина, хоть гривну дадим, мочальных (возьмем), да на тебя веревку свить можем; не сумневайся мошенник, из б.... сделан. Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесный, во всех армиях на один день бывает, а с нами всегда присутствует. Да и б мы вам советовали, оставя свое неверие, придти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху; егда придешь в покорение, сколько твоих озлоблений ни было, не только во всех извинениях всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишит; а здесь не безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете, а тако объявя вам сие, да и пребудем по склонности вашей ко услугам готовы. Февраля 23 дня 1774 года».

5. Указ Е. Пугачева в оренбургскую губернскую канцелярию, данный в конце сентября 1773 г.

«Сей мой именной указ Оренбургской губернской канцелярии и господину губернатору Рейнздорпу и рядовым казакам и всякого звания людям мое именное повеление.

«Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне великому государю верно и неизменно до капли своей крови, а как я к Оренбургу к городу прибуду, так все с усердием могли соответствовать достойно лицу моему. Второе, когда вы исполните мое именное повеление и за то будете жалованы чинами и напредки ваши рякою и землею и травами и морями и денежным жалованьем и хлебным провиантом

[1] О т. Падурове см. ниже на 303 стр.

и свинцом и порохом и вечною вольностью и повеление мое исполните со усердностью меня государя встречайте, то совершенно меня за оное приобрести можете к себе мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то в скорости восчувствуете на себе праведный гнев мой и власти всевышнего создателя нашего и гнева моего избегнуть не может. Никто тебя (губернатора) от сильные нашея руки защитить не может».

В ответ на это из Оренбурга был отправлен 2 октября подписанный многими лицами указ следующего содержания:

6. „Указ“[1] оренбургского губернатора ген. Рейнсдорпа яицким и илецким казакам от 2 октября 1774 г.

(Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 47—48.)

«Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской.

«Находящимся при самозванце яицким и илецким казакам.

«К крайнему всякого прискорбию оказались вы в таком состоянии, что забыв страх божий и учиненную в верности ее императорскому величеству присягу, поверя лестному и совсем на лжи основанному представлению самозванца, отважились на такое зло и богомерзкое дело, о коем всяк разум имеющий без внутреннего содрогания пребыть не может, что вы пристав к нему, как ослепленные погружаете себя у бога и у целого света во глубину погибели. Но как таковым должно напоследок придти во свет разума и самого себя познание, то вас все здешнее общество прилежно увещевает от всех производимых вами злых дел совершенно отстать и быть на свете человеками. А как вы очень важное преступление уже учинили, то вот вам к утолению высочайшего ее императорского величества гнева средство: реченного самозванца постараться поймать и представить, через что можете удостоить себя в том вашем злодеянии здешнего у ее императорского величества предстательства, которое, конечно, учинить не оставлено будет. А ежели сердце ваше так ожесточилось, что сие увещевание не проникнет, то остается непременно погибать вам, как в сем веке, так и в будущем. Причем дается вам знать, что упомянутый самозванец беглый из Казани донской казак, именем Емельян Пугачев, который пред сим в равномерном злодеянии в Астраханской губернии пойман и жестоко наказан был, следовательно такому человеку, который честного общества извержен, мерзить и удаляться должно».

---

[1] «Указ» написан в начале осады Оренбурга в ответ на обращение Е. Пугачева о повиновении ему жителей г. Оренбурга.

7. Из показания крестьянина А. Кирилова о приезде Е. Пугачева в Сакмарский городок[1] 1 октября 1773 г.

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта.» Спб. 1881 г., стр. 21—22.)

«В крепости у станичной избы постланы были ковры и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачева с крестом и с святыми иконами. Когда въехал он в крепость, начали звонить в колокола; народ снял шапки и, когда самозванец стал сходить с лошади, при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки, тогда все пали ниц. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцеловал и, сев на уготовленный стул, сказал: «Вставайте, детушки». Потом все целовали его руку. Пугачев осведомился о городских казаках. Ему отвечали, что иные на службе, другие с их атаманом Данилом Донским взяты в Оренбург, и что только двадцать человек оставлены для почтовой гоньбы, но и те скрылись. Он обратился к священнику и грозно приказал ему отыскать их, примолвя: «Ты поп, так будь и атаман; ты и все жители отвечаете мне за них своими головами». Потом поехал он к атаманову отцу, у которого был ему приготовлен обед. «Если б твой сын был здесь», сказал он старику, «то ваш обед был бы высок и честен, но хлеб-соль твоя помрачилась. Какой он атаман, коли место свое покинул»? После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина, но бывшие при нем казаки упросили его; старик был только закован и посажен на одну ночь в станичную избу под караул. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Он обошелся с ними ласково и взял с собою. Они спросили его: сколько прикажет взять припасов? «Возьмите», отвечал он, «краюшку хлеба; вы проводите меня только до Оренбурга». В сие время башкирцы, присланные от оренбургского губернатора, окружили народ. Пугачев к ним выехал и без бою взял всех в свое войско. На берегу Сакмары повесил он шесть человек».

8. Письмо Падурова к Бородину от 4 ноября 1773 г.

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта.» Спб. 1881 г., стр. 181. Письмо извлечено П. А. Ефремовым из бумаг А. С. Пушкина по Пугачевскому бунту.)

«Государь мой, братец Мартемьян Михайлович! Известился я, что вы, братец, в моей сиротской квартире стоите с своими казаками. Уже много, братец, слышно мне, что вы и прочие ваши подчиненные моим домашним обиды кажете, и по сему

[1] Сакмарский городок находится в 29 верстах от Оренбурга на р. Сакмаре.

мой сын малой, который оставлен от меня для сохранения моего дома, и тот содержится в таможне под караулом — почему бы оное? Кажется, я не вор и не разбойник, чтоб меня в том разорять. Подумайте, братец, как о себе, и по заочности на ваш дом кто найдет — не жалко ли? То теперь, пожалуй, братец, прикажи сына моего выпустить из-под караула при последней вам оказии, чтоб он сохранил жену мою и мачиху свою и моих детей. Дивляюсь я вам, любезный братец Мартемьян Михайлович, что вы в такое глубокое дело вступили и всех в то привлекли, как сам ты знаешь, против кого идешь. Ежели бы не вы с дядею, то б и разоренья на народ того бы не было. Известен ты сам, как наш государь Петр Федорович умре, а ныне вы называете его донским казаком Емельяном Пугачевым, и яко бы у него ноздри рваные и клейменой, а по усмотрению моему у него тех признаков не имеется. Из чего вы, братец, в то вступили, и не можно ли вам просить прощения, и тоже он человек милостивый в той вас вине простить может, а зачем я уже писал Василью Ивановичу, изволите у него из письма усмотреть, и что команды вашей казаки, которые съезжаются с своими казаками и ругают его беззаконно, и что все он слышит, только терпит до время. Как бы то чинить мог такой человек? А он делает все, не боясь никого. И вы, братец, одумайтесь и возьмите отсель тоже на себя. А как уже он вступит в дело, то уж в то время упросить ни в чем не можете; а более уже я до вас, государя моего братца, писать ничего не имею, и остаюсь ваш покорный слуга Тимофей Падуров. 4 ноября 1773 г.».

9. Организация пугачевских сил под Оренбургом.

(Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. I, стр. 133 и сл.)

Гвардия Пугачева пользовалась некоторыми привилегиями и составляла отдельную единицу в общей организации пугачевских войск, подчиненных сначала одному Андрею Овчинникову, носившему звание главного атамана, а потом разделенных на полки различной численности, но по возможности одинакового племенного состава. Так Овчинников командовал полком яицких казаков, полковники: Иван Творогов — полком илецких казаков, Билдин — исетских казаков, Тимофей Падуров — оренбургских и других казаков, взятых в крепостях. Дербетев полком ставропольских калмыков, Мусса-Алиев — каргалинских татар, Кинзя - Арсланов — полком башкирским Хлопуша — полком заводских крестьян. Всеми пленными солдатами командовал Шванович, а всею остальной сборною пехотою заведывал Казанского уезда татарин Абдул. Артиллерией управлял, под руководством казака Чумакова, взятый в Татищевой крепости

солдат Калмыков, который вместе с тем обязан был исправлять испорченные пушки и мортиры.

Полки делились на роты, человек во сто каждая, и ими командовали сотники, есаулы и хорунжие. Выбор должностных лиц, даже и некоторых полковых командиров, производился почти исключительно яицкими казаками, имевшими значительное влияние на всех остальных. Обыкновенно собирался круг, которому предлагали имена кандидатов на должности, и «если выбираемый был не по их мысли, то казаки кричали негоден». Ни полковые командиры, ни их помощники не знали точно, сколько находилось в их ведении людей.

«Списков не было, показывал впоследствии Шигаев, потому что часто прибывали и убывали, а был счет одним только командирам, коим в руки и жалование на их команду отдавалось». Сводя показания многих лиц, можно заключить, что в начале декабря 1773 года силы Пугачева простирались до 15 тыс. человек с 86 орудиями разных калибров. Все это ополчение было весьма плохо вооружено: кто копьем, кто пистолетом, кто офицерскою шпагой; ружей сравнительно было мало; башкирцы были вооружены стрелами; а большая часть пехоты имела штыки, воткнутые на палки, часть была вооружена дубинами, а остальные не имели вовсе никакого оружия и ходили под Оренбург с одной плетью. Барабанов и труб не было, а потому утренняя и вечерняя заря обозначались выстрелами из орудий; «буде сделается какая тревога, то собирают народ атаманы, сотники и десятники (хорунжие), а иногда и сам самозванец бегает под окно к яицким казакам и приказывает выходить в поход».

Каждый полк стоял особо в своих землянках и имел свое знамя, приготовленное из шолковой материи желтого и красного цвета. На одних знаменах были нашиты кресты, на других лик спасителя или Николая чудотворца. Полки поочередно посылались на сторожевую службу и на единственную заставу (наблюдательный отряд), учрежденную на реке Сакмаре, ниже моста. На этой заставе располагалось обыкновенно до двухсот человек, а в разъезды по степной стороне реки Яика посылались партии по сту и более человек. Сторожевая служба отправлялась, конечно, самым первобытным способом: не было ни паролей, ни лозунгов, а «когда по пикетам, показывал подпрапорщик Аверкиев, в ночное время разъезжают дозоры и их окликают, то они не больше отвечают, что казак, а потому и можно безо всякой опасности объезжать их пикеты и верным из войск ее величества».

Продовольствие приобреталось при помощи фуражировок, грабежа и доставки из селений, принявших сторону самозванца. Хлеб и скот доставлялись из занятых крепостей, из Каргалинской слободы и Сакмарского городка. Все это, по словам оренбургской следственной комиссии, делалось «почти без чувство-

вания тягости, обнадеясь на обещанные им (жителям) льготы и вольность».

Вскоре после перехода в Берду, мятежники захватили 300 лошадей, 100 быков и 3.000 овец, отправленных киргизом Аблаем для продажи в Оренбург. Пугачев спрашивал киргизов-погонщиков, сколько им заплатить за все взятое.

— Нам денег не надо, — отвечали они, — а дайте нам товаров.

— Товаров теперь нет, — сказал самозванец, — подождите здесь.

Киргизы, до семидесяти человек, остались в Берде и служили при Пугачеве, а пригнанный ими скот употреблен на продовольствие толпы, почти ежедневно увеличивавшейся приходящими «кучами из разных селений». Сюда стекались русские крестьяне, дворовые люди, заводские рабочие, приписные крестьяне, «но сколько оных было, говорил Пугачев, то не только он, но думает, что и Овчинников не знал». Что касается заводских крестьян, то, по словам оренбургской следственной комиссии, они были всех усерднее к самозванцу, «потому что им от него также вольность обещана и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят, в разсуждении тягости работ и дальних переездов».

По мере того, как толпа мятежников увеличивалась, и влияние самозванца в крае распространялось, яицкие казаки пытались ввести среди ополчения некоторый порядок и устройство. Сам Пугачев почти не вмешивался в администрацию, и все распоряжения исходили из учрежденной им *военной коллегии*.

Спустя несколько дней после обложения Оренбурга, самозванец призвал к себе яицкого старшину Андрея Витошнова, казаков: Ивана Творогова, Максима Шигаева, Данилу Скобочкина, Ивана Почиталина, илецкого казака Максима Горшкова и объявил им, что для управления краем и войсками он учреждает *военную коллегию*.

— Бог и я великий государь, — сказал Пугачев, обращаясь к Витошнову, Творогову, Шигаеву и Скобочкину, — жалую вас судьями в военную коллегию, тебя, Почиталин, дьяком, а тебя, Горшков, секретарем.

«Сию коллегию, показывал впоследствии Иван Творогов, злодей учредил для того, что ему наскучило давать самому указы свои тем, которые, приходя к нему со стороны, изъявляли свое усердие набирать в его службу людей или грабить помещичьи дома и самих убивать, так как (наскучило) и разбирать многие жалобы на башкирцев и казаков, в его толпе находящихся, в обидах и разорениях, народу причиняемых». Подобных депутатов, присланных от селений, приходило много, и Пугачев принимал их всегда с особою приветливостью.

— От меня, говорил обыкновенно самозванец приходившим, — никакого приказу такого не было, чтобы делать обывателям обиды. Я велю тебе дать указ, чтобы никто не разорял, а кто ограблен и кем именно, прикажу тебе самому исследовать.

Все распоряжения «военной коллегии» приводились в исполнение по большей части без доклада и утверждения Пугачева, считавшего, что в глазах толпы его значение, как государя, будет тем выше, чем меньше он будет вмешиваться в дела и иметь сношений со мнимыми своими подданными. Никто, например, не имел права входить во дворец государя без доклада казака Екима Давилина, любимца самозванца, исполняющего при нем обязанность дежурного генерал-адъютанта. Он обязан был ежедневно представлять своему безграмотному повелителю записки о важнейших происшествиях. Записки эти составлялись в «военной коллегии» и заключали в себе преимущественно сведения о приезжих. «Приезжал за казной, сказано в одной, яицкого полка есаул Иван Федоров Кузнецов».

«Еще взял сотник Иван Васильевич Изюмов восемь пушек».

Пугачев принимал эти донесения с важностью государя, о чем, конечно, не имел никакого понятия, а поступал, так как, казалось ему, должны поступать государи.

Доносы и шпионство друг на друга были развиты в лагере самозванца в высшей степени, и счастлив был тот, на кого доносили не прямо самозванцу, а в «военную коллегию». Пугачев вешал без суда и разбора, а в «военной коллегии» судили словесным судом и в случае явных улик вешали, а в случае недостатка в доказательствах обвиняемый освобождался от наказания, если призывал бога в свидетели своей невинности и соглашался произнести установленную для этой цели клятву.

Сам Пугачев никаких разбирательств не производил и был строг со своими сообщниками. Никто не смел «никогда подавать ему никаких советов, показывал Максим Шигаев, а тем меньше, выспрашивать о чем-нибудь, ибо самозванец надо всеми, без различия, вел большую строгость и часто выговаривал, что он не любит ни советчиков, ни указчиков». Просителей и доклады «военной коллегии» Пугачев принимал обыкновенно сидя в креслах, взятых в загородном доме оренбургского губернатора, и имея по бокам двух казаков: одного с булавой, другого с топором, знаками власти. Все приходившие с просьбами обязаны были кланяться в землю, целовать руку и затем излагать дело, величая Пугачева: «надежа-государь», «ваше величество», а иногда и просто «батюшко». Всегда одетый в казачье платье, Пугачев в торжественных случаях носил шаровары малинового бархата, бешмет голубого штофа, черную мерлушечью шапку с бархатным малиновым дном и белую рубашку с косым воротом. Вооружение его состояло из сабли и двух пистолетов. Ходил он не иначе, как поддерживаемый под обе

руки жившими у него девками или татарками, приезжавшими из Каргалинской слободы и бывшими его наложницами. При таком парадном шествии самозванца, яицкие казаки пели песню, нарочно ими в честь его сочиненную, а писарь командира исетского полка Билдина, Иван Васильев, должен был играть на скрипке.

«Во время таких веселостей все напивались до-пьяна, самозванец от излишнего питья воздерживался и употреблял редко. Для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили к нему разных съестных припасов изобильно». Каждый старшина или предводитель партии обязан был предоставлять самозванцу все лучшее из награбленного имущества, что и присылалось при особых записках или рапортах, вроде следующего:

«Его императорскому величеству и всея России государю Петру Федоровичу.

«От атамана и верного вашего величества раба Ильи Арапова.

Покорнейший рапорт.

При сей случившейся радостной для вашего величества оказии, от изверженных и недостойных вашего величества рабов, которые бесчувственно ослепясь сами себя отреклись — собрано (захвачено) разных сортов кусу (провизии) и других тому подобных вещей, при сем с нарочно посыланным от меня хорунжим Василием Жоновым, с приложением при этом обыкновенного реестра в покорности моей посылаются».

Обещая истребить всех Орловых, Пугачев иногда, под пьяную руку, высказывал планы будущих своих действий. Планы и предположения эти были весьма шатки, неопределенны и противоречивы: то он говорил, что царствовать не желает и хлопочет только в пользу Павла Петровича, то высказывал, что сам вступит на престол и облагодетельствует своих подданных.

— Надобно, однако же, прежде всего взять Оренбург, — замечал Пугачев, — а там будет другое дело.. Пойду на Казань, оттуда в Москву, приму там царство и буду писать великому князю, чтобы ко мне приехал. Если государыня меня встретит без брани, с честью, то ее тогда прощу и (отпущу) куда похочет, в свою ли прежнюю землю ехать, или в монастырь бога молить о своих грехах. Бог судья тетушке Елисавете Петровне, она меня, молода, женила и оттого я спознал чужую сторону и был в такой бедности.

Желая польстить яицким казакам, Пугачев говорил, что уничтожит Петербург и сделает Яицкий городок своею столицей, что велит «держать всем старую веру», запретит брить бороды и носить немецкое платье, «и будут, говорил он, все ходить в казачьем платье». С приближенными императрицы самозванец обещал поступить очень строго и беспощадно, так как, по его словам, они одни были причиной его скитальческой жизни.

10. Приезд Аф. Перфильева[1] на Яик.

(«Русская Старина», т. XVI, стр. 483—484.)

Дорогою Перфильев с Герасимовым много рассуждали о том, как бы это могло случиться, что простой человек мог назваться государем. Герасимов несколько раз видывал покойного государя и потому, если это точно государь, то он его непременно узнает. Вспомнили они также о том, что, когда публиковались указы о смерти Петра III, в народе носилась молва, что он жив и неизвестно, каким образом выкраден из-под ареста, а похоронен какой-то другой человек. «А если, — рассуждали они, — государь жив, то, конечно, это он, так как ему надо же где нибудь явиться». Поэтому они между собою так условились: когда приедут к самозванцу и Герасимов узнает в нем Петра III, то никакого злого умысла против него не принимать, потому что «как де можно нам свои руки поднять на государей, их главы помазанные. Бог знает, — говорили они, — чью сторону держать: государя или государыни! они между собою как хотят, так пусть и делят, а нам нечего в их дела вступаться; неравно-де его сторона возьмет, так мы тогда без всего пропадем, а лучше останемся у него служить». Перфирьев дорогою по всем форпостам объявлял, что едет служить государю; это было необходимо, чтобы отвести всякое подозрение о своем намерении, так и в Петербурге советовали ему сделать. Затем, разговорившись с Фофановым и Морошихиным, открылся ими с какою целью он послан императрицею.

— Нет, не моги этого делать! возразили те. Мы тебя исколим, ежели хоть чуть станешь что-нибудь предпринимать. Он, мы слышали, точный государь. Ко мне-же, — сказал Фофанов, — и ко всему войску присылал указ, где обещал жаловать нас многими милостями. Я еще в городке догадался, что с Герасимовым не даром из Петербурга приехали, да хотел донести на тебя по приезде в Берду. Так слышь же, брат, не смей этого делать, а то не сдобровать тебе.

Перфильев стал их умолять, чтобы на него не доносили, и клялся, что будет с ними служить верно и ничего худого не сделает государю. Оставшись таким образом в толпе Пугачева, Перфильев повсюду видел, что все казаки, тут бывшие, почитали Пугачева за настоящего государя и даже многие самовидцы покойного государя, как, например, старшина Витошков, утверждали, что он именно настоящий Петр III. Мало-по-малу у Перфильева стали рассеиваться сомнения относительно само-

---

[1] Афанасий Перфильев и Петр Герасимов были перед восстанием Пугачева посланы казаками в Петербург с жалобами от казаков императрице. В начале восстания они были отправлены Гр. Орловым на Яик с целью уговорить казаков отстать от Пугачева.

званства Пугачева и он стал считать его за настоящего государя. Однажды остался он наедине с Овчинниковым и, разговаривая с ним подружески, открылся ему, что был послан из Петербурга от графа Алексея Григорьевича Орлова для уговора яицких казаков, при чем передал также и мнение графа, что появившийся не государь, а донской казак Пугачев.

— Нет, Афанасий! Выкинь ты все это из головы, — сказал Овчинников, — он точно государь. Петр Третий, мы довольно о сем уверены, а им вольно его называть как хотят; прямое-то его название они от народа скрывают, а на обещания их нечего надеяться, довольно уж и так мы от них потерпели, теперь скоро мы будем все в своих руках иметь. А ты, брат, смотри! если будешь какое зло на государя замышлять или ложное распространять, то на меня не пеняй: даром, что ты мне приятель, из своих рук тебя изрублю!.

— Да я тебе это открыл как другу и хотел только знать твои мысли, а посягнуть-то на царскую голову у меня и рука не поднимется.

— Ну, а всетаки нужно об этом донести государю, чтоб он наперед не узнал от кого-нибудь и не счел бы за измену. Теперь я пойду к нему и скажу, что ты сам не посмел прежде объявить об этом.

Потом Овчинников ввел в палатку самозванца Перфильева.

— Что, Перфильев, скажешь? спросил Пугачев.

— Да вот, батюшка, начал тот, бросаясь в ноги самозванцу, я не смел вам намнясь объявить, что я послан был с злым противу вашего величества намерением, но сохрани меня Бог, я не думал этого сделать!

— Ну вот, видишь, я об этом догадывался. Теперь же молчи, уж я с тем, которые тебя послали, расправлюсь. Поди и служи мне верно.

ГЛАВА II.

БОРЬБА ПРАВИТЕЛЬСТВА С ДВИЖЕНИЕМ НА ЯИКЕ.

1. Манифест 15-го октября 1773 года, об отправлении на Яик генерал-майора Кара, для усмирения пугачевцев.

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб., 1881 г., стр. 179—181.)

«Объявляем всем, до кого сие принадлежит. Из полученных от губернаторов казанского и оренбургского рапортов с сожалением Мы усмотрели, что беглый казак Емельян Иванов сын Пугачев бежал в Польшу в раскольнические скиты, и возвратясь из оной под именем выходца, был в Казани, а оттуда ушел вторично, собрав шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостях по реке Яику к стороне Оренбурга, и сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы о таковых матерински сожалея, чрез сие их милосердо увещеваем, а непослушным наистрожайше повелеваем немедленно от сего безумия отстать, ибо Мы таковую продерзость по сие время не самим в простоте и в неведении живущим нижнего состояния людям приписываем, но единому их невежеству и коварному упомянутого злодея и вора уловлению. Но ежели кто за сим Нашим милостивым увещанием и императорским повелением отважится остаться в его шайке, и тотчас не придет в настоящее раскаяние и рабское свое повиновение, тот сам уже от Нас за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет, и никаким образом, яко сущий нарушитель своей присяги и общего спокойства, законного нашего гнева и тяжчайшего по оному наказания не избежит. Мы, для восстановления порядка и тишины в тех пределах, отправили от нас нарочно нашего генерал-майора Кара, которому и сей манифест публи-

ковать повелели, повелевая и надеясь, что каждый, впадший в сие заблуждение, сам узнает тягость своего преступления, возвратится к законному повиновению, и обще со всеми нашими верноподданными стараться и споспешествовать будет по мере сил своих и по своему званию так, как каждый присягою верности обязан, к прекращению сего безбожного между народом смятения, и к доставлению скорейшего способа тому нашему генерал-майору к истреблению упорственных и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца».

2. Из всеподданнейшего рапорта генерал-майора Кара от 31 октября 1773 г.

(Я. Грота, «Материалы для Пугачевского бунта». «Зап. Акад. Наук», т. I, кн. II, Спб., 1862 г. Прил., стр. 21—22.)

«А сам, всемилостивейшая государыня, теперь отправлюсь по московской дороге к передовым командам (которые дошли до деревни Кутлумбетевой, расстоянием от Оренбурга менее двухсот верст), ожидая между тем отправленной сюда из Москвы, под прикрытием пятидесяти рядовых, трех орудий артиллерии, в коей, по малости здесь, крайняя настоит нужда, и надеюсь в скорости прибудет, то всю возможную поспешность употреблю дойтить до собранной злодейской толпы и, не теряя ни малейшего времени, ее атакую. Опасаюсь только того, что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились» [1].

3. Сенатский указ 31 октября 1773 г. о продолжении срока для явки беглым воинским чинам по 1 апреля 1774 г.

(Напечатано в П. С. З., т. XIX, № 14058.)

Объявляется всенародно. В высочайшем ее императорского величества именном указе, за подписанием собственные ее величества руки, данном сенату сего октября 29 дня написано: «указом нашим прошлого 1772 года декабря 4 дня сенату данным, всемилостивейше прощены от нас те из беглых в войсках наших служившие разного звания чины, кои до 1 мая сего года внутри государства в командах, а вне государства у министров наших

[1] В этот период борьбы с Пугачевым не только генерал-майор Кар, но и гр. Чернышев были убеждены, что с Пугачевым будет легко справиться. См. письмо гр. Чернышева генерал-маиору Кару от 15 ноября 1773 г. «Зап. Акад. Наук», 1862 г., т. I, кн. II, стр. 23.

явились. Ныне же по природному нашему человеколюбию восхотели вновь сим преступникам оказать нашу монаршую милость: того ради повелеваем во всем государстве публиковать печатными указами, чтобы все беглые солдаты, матросы и прочие разного звания военные люди, так как и казаки яицкие, донские и тому подобные являлись в командах своих, или же где кому способнее будет, в городах оных начальникам до 1 числа апреля будущего 1774 года, и пребывали бы в надлежащем повиновении, которых всемилостивейше освободим мы от заслуженного ими наказания, яко же мы чрез сие и действительно освобождаем и прощаем; но если кто из помянутых беглых и в тот назначенный срок в предписанные места не явится, и прежде или после поиман будет, таковый да подвергнется всей строгости наших законов». Правительствующий сенат приказали: о сем высочайшем ее императорского величества милосердии оказанном ко всем отлучившимся от войск ее величества разного звания военным людям, так как и казакам яицким, донским и тому подобным, публиковать во всем государстве печатными указами; о чем сим и публикуется. [1]

4. Рапорт генерал-майора Кара в военную коллегию от 11 ноября 1773 г. о поражении правительственных войск у дер. Юзеевой.

(«Зап. Акад. Наук», Спб., 1862 г., т. I, кн. II, стр. 26—30.)

В государственную военную коллегию генерал-майора и кавалера Кара рапорт.

От 6 числа сего ноября, отправленным из деревни Сарманаевой с нарочным курьером рапортом государственной военной коллегии доносил, что я, в рассуждении малоселений, а команд приумножения, запасаться начал на несколько дней провиантом, во ожидании артиллерии и второго гренадерского полку гренадер намерен был помаленьку подаваться вперед, чая при том всегдашнего с собою соединения следуемых из Уфы, в назначенную мною деревню Бихкулову, башкирцев и мещеряков, следовательно, и располагал так мои меры. А между тем 7 числа, от находящегося на Стерлитамацкой соляной пристани коллежского ассесора и Уфимского воеводского товарища Богданова, получил я рапорт, что бежавший из Оренбурга ссыльный разбойник Хлопуша [2] (который, как слух носится, не только

---

[1] Среди пугачевских отрядов встречались беглые солдаты, бросившие военную службу во время русско-турецкой войны 1772—1774 гг.

[2] Хлопуша — из крестьян архиерейской вотчины Тверской губернии. Был в извозчиках в Москве. За кражу был выслан в Оренбургскую губернию и работал на горных заводах. За грабеж был наказан

состоит у злодея Пугачева в ближних, но иногда и подобным ему себя представляет пред народом (и) во время допущения сей черни к руке, для закрытия рваных своих ноздрей и знаков на щеках, надевает сетку, а иногда рукавом, будто бы от холоду закрывает себе нос), пробирается в толпу с Овзяно-Петровского Демидова завода с возмутившимися крестьянами под препровождением пяти сот человек башкирцев, везет пушки и мортиры и что он, Богданов, послать за сими злодеями башкирцев не надежен, потому что в препровождении сих крестьян—башкирцы ж (то де они друг против друга поиску учинять не могут, а опасно чтоб и сами к ним не пристали); я, услыша о злодеях оных, хотел перехватить их в деревне Имангулове, состоящей по московской дороге за Бихкуловской станицей, в десяти верстах к стороне Оренбурга, почему того ж числа я приказал Нижегородских баталионов секунд-майору Шишкину с четырьмя стами рядовых и двумя пушками, выступя из Мустафиной, занять деревню Юзееву, а сам с господином генерал-майором Фрейманом, прибывшим лишь тогда ко мне, и с премьер-майором фон-Варнстедом с достальными людьми из Сарманаевой пятьдесят пять верст за ним в Юзееву ж старался перейти; но на дороге верстах в пятнадцати, недоходя Юзеевой помянутой секунд-майор Шишкин меня рапортовал, что авангард его, состоящий в числе семидесят пяти рядовых пехоты и конных, казанских служилых татар — тридцати двух, поселенных — двадцати четырех и экономических крестьян — тридцати шести, под самой Юзеевой деревней злодейская партия стах в четырех или более атаковала; при чем тотчас осьмнадцать человек татар к злодеям без малейшего сопротивления предались, по поводу которому и прочим кричали о таковой же сдаче с разными обещаниями; но вместо того от пехоты отвествовано было выстрелами; почему, а, особливо, увидя по дороге следующего секунд-майора Шишкина, убитых и раненых своих, подхватя в бывшие при них сани, ускакали за деревню; в котором происшествии и с нашей стороны легко ранено поселенный капрал — один, гарнизонный рядовой — один. Я, вступя в Юзееву часа четыре уже ночи и учредя из пехоты пикеты, а за малоимением и совершенною неспособностью оставшей у меня конницы, в разъезды и присмотр ни под каким видом употребить было некого, то для учинения над теми злодеями поиску, ожидал свету; а 8 числа на заре оказалось их и предо мною сот до шести с одною трех-четвертною пушкою; и в подъезжании к оставшим нашим конным уговариваны они

кнутом и с вырванными ноздрями был отправлен на каторжные работы в Сибирь, откуда два раза бежал. Рейнсдорп—оренбургский губернатор, во время осады Оренбурга поручил ему перевезти в пугачевские отряды увещевательные манифесты. Хлопуша явился к Пугачеву и сделался одним из его ближайших сотрудников. После поражения Пугачева под креп. Татищевой, Хлопуша был захвачен и казнен в Оренбурге в июне 1774 г.

были, чтоб признав свое заблуждение отстали от чинимого им злодеяния; при чем и увещательный манифест приняли; однако ж ни малейшего действия в них то не произвело, а ответствовали только с бранью, что их манифесты правее, и начали стрелять из пушки, но по нескольких выстрелах из нашей артиллерии совсем исчезли; а в полуночное время часовыми услышаны позади меня верстах в десяти выстрела четыре пушечных, почему я, видя сих злодеев у себя уже за спиною и тем коммуникацию мою подверженною опасности, а к тому надежен был прибытия тогда к себе второго гранадерского полку с поручиком Карташевым команды (как он наперед с присланным ко мне подпоручиком Татищевым рапортовал, что она состояла всего в числе субалтерн-офицеров — четырех, унтер-офицеров — пяти, капралов — девяти, гренадер — сташестидесят двух, с имеющимися в том счете слабыми тремя гренадерами да от жестоких морозов познобленными унтер-офицером — одним, капралом — одним, гранадерами осмнадцатью), при том же и башкирцев несколько сот ожидал к себе в скорости в соединение, то, чтоб не последовало от сих злодеев какого тем задним моим командам притеснения, а к тому, по колеблемости башкирцев и мещеряков, опасаясь и совсем их потерять, тотчас велел готовиться к маршу; и, как лишь вышел из деревни, построясь ко всегдашнему отпору, то во время сего следования со всех сторон, а, особливо, из деревни Юзеевой от Оренбурга, наскакало сих злодеев на меня верхами более дву тысяч человек и, подвезя артиллерии девять орудий, начали стрелять ядрами и гранатами, которые подыманы были пушечные двенадцати, шести и трех-фунтовые, а единорожные гранаты и ядра осьмифунтовые; но как, по неимению при мне легких войск, не можно мне было ничего с ними сделать, кроме что отстреливаться по их батареям из имевшегося со мною одного осьмифунтового единорога, под которым на последок подбили лафет, и четырех трех-фунтовых пушек, из коих три весьма безнадежные, а из ружей стрелять кроме отобранных стрелков, которые только подходя из-за пригорков несколько человек из подъезжающих убили и ранили, никому не доставалось, потому что сии разбойники, гикая вокруг по степи на пушечный выстрел, рассыпались весьма редко; итак, я по множеству случившихся дефилеев, маршируя семнадцать верст, отстреливался восемь часов; во время которого нападения сколько побитых и тяжело раненых людей при сем включаю подробную ведомость; из конных же моих, как скоро сильная канонада началась, то тридцать один человек экономических крестьян тотчас ускакали в злодейскую шайку; да и солдаты вслух кричать начинали, что бросят ружья; что, как я примечаю, произошло больше от того, что люди собранные из разных команд и то либо очень стары или недавно из рекрут, а офицеры от большей части молодые и небывалые на сражениях; следовательно, и

насилу могли мы с г. генерал-майором Фрейманом и премьер-майором фон-Варнстедом, бросаясь во все стороны, ободрить их; мещеряков же и башкирцев во время еще начала сего происшествия с подпоручиком князем Ураковым было ста полтора в деревне Сарманаевой, которые, услыша пушечную стрельбу, не только чтоб постарались притти ко мне в сикурс, но, не слушая его князя Уракова, уехали в сторону, верст за тридцать; для чинения объездов, крайняя настоит нужда; ибо солдаты от часу более по умножающимся жесточайшим морозам довольно одряхлели, но многие и перезнобились, да и я сам от чрезвычайной сей стужи, дня три как, лихорадку имею: а пользовать некому, затем что взятой из Казани лекарь убит; для ж сохранения солдат от дальнейшего по жесточайшим морозам изнурения весьма нужно покупить на них шубы, онучи и лапти, что я и приказал. Государственной же военной коллегии сверх сего осмеливаюсь в рассмотрение представить, как з л о д е й с к а я и з м е н н и ч е с к а я т о л п а д о т а к о г о у с и л е н и я д о ш л а, ч т о и м е е т у с е б я д о с е м и д е с я т и о р у д и й а р т и л л е р и и пороху ж и ядер из крепостей и заводов побрала премножество; а сверх того б о м б и я д е р н а О в з я н о-П е т р о в с к о м Д е м и д о в а з а в о д е, н а л и в д о в о л ь н о е ч и с л о, п р о в е з л и в с и ю ж з л о д е й с к у ю ш а й к у; то по такому усилению и раззорению близь-лежащих к ней жительств, как то мне случилось, что, опасаясь сих изменников, слишком за полтораста верст от Оренбурга, обыватели, забрав своих жен и детей, от приходу моих команд разбежались по степи и покинули деревни почти совсем пустыми; из оставших же некоторого числа самых стариков сколько не увещал я, чтоб возвращались в домы, но без успеха; следовательно ни хлеба, ни подвод уже у них достать нельзя; и если, по собрании, опять вперед итти, не имея легких войск с собою, то те злодеи не допустят трех маршей на себя сделать, чтоб не понудить меня выстрелить по них все мои заряды почти без всякой пользы; а не отвечать им на их выстрелы, как я доносил государственной коллегии (нельзя), что люди не тверды и может самым делом побросают ружья, а оттерпливаться молча не станут. Итак, когда совсем сих изменников искоренить, то непременно надобно, чтоб в прибавок ко всем наряженным командам присланы были сюда целый полк, а не команды пехотной, да полки ж карабинерной и гусарской с одними седлами и оружием на почтовых подводах, под которых у башкирцев легче можно достать лошадей, нежели надеяться от них верности, потому более что они совсем драться доброй воли не имеют. Но неминуемо также потребна артиллерия со всеми служителями, кузнецами, плотниками и двойным комплектом зарядов шести-фунтового калибра, пушек восемь и четыре двенадцати-фунтовые единорога, без сего ж с одною пехотою, по совершенной на башкирцев безнадежности, совсем способу нет действовать для

того, что сии злодеи ничего не рискуют, а, чиня всякие пакости и смертные убивства, как ветер, по степи рассеваются, а артиллериею своею чрезвычайно вредят; отбивать же ее атакою пехоты также трудно, да почти и нельзя, потому что они всегда стреляют из нея, имея для отводу готовых лошадей; и как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми далее, на другую гору, и опять стрелять начинают: что весьма проворно делают и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было; о калмыках же я уповаю, (что) государственная военная коллегия известна, что оные все в толпу отдались. По таковой перемене моих распоряжений, и к полковнику и Синбирскому коменданту Чернышеву, посланным 10 числа ордером, предписал, чтоб он далее уже Переволоцкой крепости не ходил и остановясь, сколько можно, укрепился, стараясь при том запастись провиантом и фуражем, учредя оному безопасной к себе провоз, а в случае какой-либо непредвидимости и опасности его комуникации в подвозе провианта, в том отдал на его распоряжение: опять-ли до Сорочинской отступить или тут держаться, если можно; дабы прикрывать Самарскую линию и о состоянии его приказал ему почаще меня рапортовать. Подробных же о злодейской толпе сведений никакими обещаниями посланным шпионам достать по сие время не могу, кроме что с моими записками прямо к изменникам являются и об нашем состоянии все сказывают: что из переговоров в подъезде с нашими казаками одного злодейского начальника все мои известия, как господину Оренбургскому губернатору, так и к полковнику Чернышеву посланные, от слова до слова точно пересказаны; и так, в сем случае, Оренбургу ныне скорое вспомоществование доставить только можно той части войскам, которые с Сибирской линии сбираются в Озерной крепости с бригадиром Корфом (у коего в корпусе, по уведомлению меня господином Казанским губернатором, состоит четыреста человек присланных из Сибири линейных казаков и, кроме собранных гарнизонных, три легкие команды и не малое число артиллерии). Сей же час от выбегшего из захваченных злодеяниями конного поселенного солдатского сына Поваляева получено известие, что он, будучи отвезен ими в деревню Бихкулову, слышал от изменников, что гранодер взятых отослали к предводителю и, находящемуся в Пречистенской крепости, и, повидимому, оные злодеи расположились от Бердинского городка в Каргалинской слободе в Сакмаре, в Тимащева селе Никольском и в Пречистенской крепости, да в деревнях Бихкуловой и Имангуловой и в прочих вокруг себя верст за восемьдесят жительства по умножению своему рассыпались.

Генерал-майор *Василей Кар.*

Ноября 11 дня 1773 г.
д. Дюсметева.

5. Письмо Екатерины II кн. М. М. Волконскому от 7 декабря 1773 г. о приезде Кара.

(«Осмнадцатый Век», кн. I, стр. 103—104.)

«Я сейчас получила ваше письмо от 2 Дек. из которого усмотрела, что ген.-майор Кар, хотя и сказался болен, но на почте, оставя пост свой, к Москве прискакал. Пошлите ему сказать от меня, чтоб он не дерзнул мне казаться на глаза, ниже ехать сюда, а есть ли на Москве от его приезда болтания умножилось, то обновите из сената указы старые о неболтании, каковых много есть и в прежние времена, и при мне уже часто о сем обновлялась память и с успехом. А Кара я велела отставить, о чем уже везде указы разосланы».

ГЛАВА III.

ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ И БАШКИР НА УРАЛЕ.

1. Манифест („указ“) Е. Пугачева от конца сентября 1773 г. к башкирам.[1]

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881., стр. 178—180.)

«Тысячью великий и высокий и государственный владетель над цветущими селениями, всем от Бога сотворенным людям самодержец, тайным и публичным даже до твари наградитель, усердственный и в святости искусный, милостив и милосерд, сожалительное сердце имеющий, государь император Петр Феодорович, царь Российский, во всем свете славный, в верности свят, реченным разного рода людям под своим скипетром самодержавец, еще и прочих, и прочих, и прочих.

«Время от времени пришедших в подданство, светскому народу в городах и провинциях, тако ж в степи и в полях повелениям моим повинующимся, добрым и худым людям моим, с женами, с детьми и дочерьми, известно и ведомо да будет — сии мои указы публиковать во всех странах, живущим в деревнях, в пути проезжающим, и в деревнях по каждой улице везде распространяя — везде разглашать повелев, показывать нужным моим людям жадное, радостное: мои милости. Для отворения у высочайшего моего двора дверей с посланцем башкирским моим областям старшине и деревенским старикам большим и меньшим заблаговременно повеление посылается с моим поздравлением. Тако ж с других стран заблуждая и претерпевая нужду и печаль находящиеся, да и сбоку вспомня меня и услыша о моем имени — приезжающим, желающим быть в моем подданстве, каким образом и чем отцы и прадеды ваши издревле предкам отца моего и прежним дядьям и теткам служили,

[1] Манифест извлечен П. А. Ефремовым из бумаг А. С. Пушкина по Пугачевскому бунту. Манифест написан на татарском языке. Перевод сделан коллежским регистратором Артамоном Ивановым.

проливая кровь и неприятелям сопротивляясь, приятелям же помогу давали, и ныне таким же образом душевно усердствующей и сердечно вернейшей и несомнительнейшей, дрожайшей, светлое лицо имеющей, сладчайший и честнейший разговор имеющей государыне вашей служите безъименно, не пременяя сердца свои, повелениям бы моим были послушны, не вложа сердца укривлению — точно верьте. Вначале бог, а потом на земле я сам, властительный ваш государь, и мне служить будете, не щадя живота своего, и души свои принося в жертву, и неприятелям моим сопротивляясь к пролитию крови при мне в готовности быть. Ибо справедливо и точно сие есть, в чем во уверение ваше своеручно повсюду, а потом и к вам указы мои разослал. И так, будете послушными, и к сей моей службе преданность учините, то я вследствие первых примеров всем тем, что вы от меня и единого бога просите — равно пожалую, ибо всемилостивейший ваш государь я, о чем верно знайте и верьте. Отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и лугами, хлебом, верою и законом вашим, посевом, пшеном, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом: словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу и будьте подобными степным зверям; а происшедшие от вас в сей жизни добрые и худые дела упущаю, купно с потомками вашими обоего пола до будущего пришествия. Вследствие чего, исполняя повеление мое, послушайте, что истинный ваш государь сам идет и с усердием и верностью вашей благословенное лицо мое видеть встречайте. Уповаю на господа: от худых дел, чтобы сие выдумано было — в сердце не держите ни какого сомнения; а когда повелению господина скорым временем лицо отвратите и придете на мой гнев, те мои подданные, от меня не ожидав хорошее упование, милосердия б уж не просили, чтоб на них мой гнев в противность не пришел; для чего точно я присягаю именем божиим, после чего прощать не буду: ей-ей!

«Сей мой указа писан сентября в последних числах, во вторник начало, в день Покрова подтвержден.

«Доброжелатель тысячью великой и высокой един великой император государь Петр Феодорович Третий руку приложил».

2. Волнения на заводах Оренбургской губернии.

(Дмитриев-Мамонов, «Пугачевщина в Сибири.» — «Чт. Общ. Истории и Древностей России» 1898 г., стр. 9—10.)

Волнение стало распространяться и на расположенные в Оренбургской губернии заводы чрез посредство подосланных мятежниками лиц. 26 октября, как доносил Верхне-яицкому коменданту Ступишину Янов, управляющий Белорецким заводом

Мясниковых и Твердышевых, «крестьянин Матвеев с другими лицами, в том числе и прежде бывший выборный, привезли с собою указ называемого третьего императора; и как в то время для рассчета при конторе было много заводских крестьян, Матвеев, подойдя к конторе, закричал: слушайте третьего императора указ! Прочтя этот мнимый указ, спросил крестьян: будут ли они государю служить? На что все заводские крестьяне единогласно отвечали: готовы служить головами. Потом Матвеев приказал заводского прикащика и конторщика схватить, почему крестьяне этих лиц сковали и посадили под караул, а затем по приказанию же Матвеева прекратили заводские работы и подожгли завод, порешив идти в службу к третьему императору».

Предъявленный крестьянам Белорецкого завода указ был нижеследующего содержания:

«САМОДЕРЖАВНОГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА ВСЕРОССИЙСКОГО и прочая, и прочая, и прочая.

«Сей мой именной указ в завод Михаилу Осипову, Давыдову, Федорову и всему миру мое имянное повеление: как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне великому государю верно, неизменно, до капли своея крови исполняйте мои повеления; исправьте вы мне, великому государю, два мортира и с бомбами и со скорым поспешением ко мне представьте, за что будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебным провиантом, и свинцом, и порохом, и вечьною вольностью. И повеления мои исполняйте с усердием, ко мне приезжайте, то совершенно меня за оное приобретя можете и себе монаршескую милость. И если вы моему указу противиться будете, то вскорости восчувствуете над собою праведен мной гнев и власти Всевышнего Создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас от сильныя нашея руки защитить не может. 1773 г., октября 17 дня.»

3. Манифест Е. Пугачева от 2 декабря 1773 г. о прощении и наказании подданных.

(«Русск. Старина», т. XIII, стр. 273.)

Божию милостию мы Петр третий, император и самодержец всероссийский, и проч., и проч., и проч.

Объявляется во всенародное известие.

Не безъизвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы не от доброжелателей и зависцов общаго покоя всероссийского и по всем правилам принадлежащего престола лишены были, и ныне всемогущий господь неизреченными

своими праведными судьбами, а моление и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а зависцов общему покою и благочинию под ноги наши повергает: только ныне некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противление и непокорение и тщатся процветшаяся искра наша, таким же образом, как и прежде угасить и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев осиротеть. Однако мы, по природному нашему к верноподданным отеческому неизреченному великодушию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения и пришед в чувство, власти нашей усердно покоритесь и во верноподданнические должности быть повинитесь, всемилостивейше прощаем, сверх того всякою волностию отеческой вас жалуем. А буде же кто и за сим в таком ожесточении и суровости останется, и данной нам от создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш и неизбежимый гнев„ — чего ради от вас для надлежащего исполнения и всенародного истинного познания, сим и публикуется. Декабря 2-го дня, 1773 года.

На подлинном собственною его императорского величества рукою тако: «Петр».

(Скрепил): Ротный писарь Василий Протопопов.

4. „Рапорт“ рабочих Саткинского завода предводителю восставших башкиров Юлаю.

(Дмитриев-Мамонов, «Пугачевщина в Сибири». Написано в начале января 1774 года.)

«Почтенному господину Юлаю Саткинского Лариона Ивановича Лугинина завода всего крестьянского общества.

Покорнейший рапорт.

«Как не безъизвестно Саткинскому заводу, что соседственные заводы и протчих обществ башкирские жительства его величеству третьему императору Петру Федоровичу приклонились и имеют охранные от его величества указы, а на Саткинский завод указа в присылке не имеется, а произносится слух, что в неимеющих местах указов, в том числе и на Саткинский завод, будет от его величества команда.

«Саткинский завод, не желая напрасного кровопролития и крайнего разорения, посылает к вам господину старшине от общества всего выборных людей: Егора Жуланова, Марка Поспелова, Федора Турсухова, Ивана Пономарева, Ивана Жилина, Ивана Южакова. Сие объясняет, что Саткинские жители против его величества усердственное повиновение приносят и только

при том заводе производится осторожность не против его величества, но от набегу озорнических из башкирцев воровских партий, которые заводских жителей, выезжающих за сеном, уже много покололи безвинно и лошадей отогнали и теперь за сеном и протчими потребностями выезжать с завода не дают возможности. Того ради вас, почтенно, от его величества господина старшину Юлая с покорностию просим, посланных от всего общества мирского людей до его величества допустить и до возврату тех посланных на Саткинский завод военной команды не посылать, напрасного кровопролития не производить и милостиво Саткинский завод от разъезжающих грабителей воровских партий защитить. О чем сию покорную нашу просьбу за священниковыми руками и назначаем».

5. Донесение исетского воеводы Веревкина ген. Деколонгу от 29 декабря 1773 г. о восстании на Саткинском и Златоустовском заводах.

Дмитриев-Мамонов, «Пугачевщина в Сибири».– «Чт. Общ. Истории и Древностей России», М. 1898 г., стр. 37.)

«...Исетский воевода Веревкин 29 декабря 1773 года доносил генералу Деколонгу: «К неописанному в сей вверенной мне провинции несчастию и великому бедствию, явился ко мне Саткинского и Златоустовского Тульского купца Лугинина железных заводов прикащик Моисеев, который объявил, что крестьяне тех заводов, безызъятно, числом более четырех тысяч человек, взбунтовались и самовольно предались известному государственному бунтовщику и самозванцу казаку Пугачеву, присланному от него злодею атаману Кузнецову с казаками и Уфимскими башкирами в количестве 25-ти человек. Этим вором атаманом не только в заводе Саткинском денежная казна до десяти тысяч рублев, но и пушек двенадцать, пороху до пяти пудов и кроме того заводчика и фабриканта домовое имение ограблены без остатку, равным образом и на Златоустовском тож учинено, только что чего именно ограблено оный прикащик, за убегом, не знает. Да в тот же самый час получил от посланного мною сержанта Кирьянова с двумя стами крестьян в село Кундравинское, для сохранения оного села от нападения злодеев башкирцев, рапорт, которым меня уведомляет, что в оном селе русское не малое число крестьянства в верности ее императорского величества колеблется».

6. Воззвание полковника пугачевской армии Ивана Грязнова от 8 января 1774 г. в г. Челябинске.

(Дмитриев-Мамонов, «Пугачевщина в Сибири». — «Чт. Общ. Истории и Древн. Российских», М. 1898 г., стр. 44—45.)

«Находящимся в городе Челябинске жителям и всякого звания людям.

«Не иное что к вам, приятныя церкви святой сын, я простираю руку мою и на писание сего Господь наш Iисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы. Говорю я вам, всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия. От кого ж? Вам самим то небезызвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе Божеском и написано, чтобы они крестьян так же содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали собак своих, с которыми гонялись за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что в ссылках того никогда не бывало, да и нет. А напротив того, с женами и детьми малолетними не было ли ко Господу слез? И чрез то услыша, яко израильтян, от ига работ избавляет. Дворянство же премногощедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича за то, что он соизволил, при вступлении своем на престол, о крестьянах указать, чтобы у дворян их не было во владении, изгнало весьма несправедливым поведением. И так чрез то принужденным нашелся одиннадцать лет отец наш странствовать, а мы бедные люди оставались сиротами, а ныне отца нашего, хотя мы и старание прилагаем, возвести, но дворянство пуще вымысел сделало, назвав так дерзко бродягою, донским казаком Пугачевым, а напротив того еще наказанным кнутом и клейм имеющим на лбу и щеках. Но если бы, другие и приятные святые церкви чада, мы были прещедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича не самовидцы, то б и мы верно не поняли через то, что вас уверяем не сумневаться и верить, — действительно и верно государь наш истинно; чего ради сие последнее и вам увещевание пишу: приидите в чувство и усердно власти его императорского величества покоритесь. Нам кровь православных не нужна, да и мы так же, как и вы, точно православной веры. За что нам делать междоусобные брани? А пропади тот, кто государю не желает добра и себе самому следственно. Все предприятие вам уже разуметь можно. И если вы в склонность придти не пожелаете, то уже говорю нескрытно: вверенные мне от его императорского величества войска на вас подвинуть вскоре имею и тогда уже вам самим, рассудите, можно ли ожидать прощения. Мой же совет: для чего напрасно умирать и претерпевать разорение всем вам гражданам? Вы, надеюсь, подумаете, что Челябинск славный по России город

и каменную имеет стену и строение — отстоится! Не думайте, предел от Бога положен, его же перейти никто не может. Я вам наверно говорю, что не устоять. Пожалуйста не пролейте напрасно свою кровь. Орды неверных государю покорились, а мы противотворничаем. Затем, сократя, сим остаюсь, января 8 дня 1774 года, посланный от армии его императорского величества главной армии полковник Грязнов».

7. Обращение полковника пугачевских отрядов И. Грязнова к Свербееву [1] от 8 января 1774 года о прекращении междоусобицы.

(«Русск. Старина», т. XIII, стр. 273 — 274.)

«Высокородный и высокопочтенный господин коллежский ассесор и премиер-майор Василий Иванович Свербеев.

«Я во удивление прихожу, что так напрасно закоснели сердца человеческие и не приходят в чувство, а паче не иное, что как делают разорение православным христианам и проливают кровь неповинно, а паче называют премилосердо щедрого государя и отца отечества великого императора Петра Феодоровича бродягою донским казаком Пугачевым; вы-же думаете, что одна Исетская провинция имеет в себе разум, а прочих почитая за ничто, или словом сказать, за скот. Поверь любезный, — ошиблись, да и ошибаются многие, не зная, конечно, ни силы, ни писания; если-б мы нашего премилосердного отца отечества великого государя были не самовидцы, то б и мы в сомнении были. Верь, душа моя, бессомненно, что верно и действительно наш государь батюшка — сам истинно, а не самозванец; что ж за прибыль быть православным христианам в междоусобии и бранях и проливать кровь неповинных, и за что ваш господин воевода с артиллерийскою командою взялся вернейших государя слуг приводить в разорение? Пожалуй, сделай себя счастливым, прикажи, чтоб без всякого кровопролития сделать и крови напрасно не проливать; если же после всего последнего до вас увещания в склонность не придете, то обещаюсь богом подвигнуть мои вверенные от его императорского величества войска, и уже тогда ни каковой пощады ждать вам надеяться не предвижу; от мала и до велика прошу яко брата уговорить; вас же, если сие сделаете, обещаю вам перед богом живот, а не смерть; закоснелым же, кто не приидет в чувство, после сего ожидать благополучия не остается. Разве мы не сыны церкви божией? Опомнитесь, други и браты о бозе!

«Затем скратя оканчиваю сим и остаюсь при армии посланной от его императорского величества главной армии, полковник Иван Грязнов. Января 8-го дня 1774 года».

---

[1] В. И. Свербеев — воевода г. Челябинска.

8. Донесение В. Бибикова[1] кн. А. А. Вяземскому от 11 февраля 1774 г. о волнениях среди уральских крестьян и мастеровых.

(И. Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 345—346.)

«Вот ваше сиятельство, наши дела. Я было испытывал счастье и посылал отсель партии поражать злодеев, человек по пятисот, но что же? Вместо боя от нерегулярных вооруженных крестьян, выходит с бунтовщиками дружеский разговор и только зовут один другого передаться на свою сторону. Многие же с нашей стороны, при первом выстреле из пушек, не только расстроиваются, но и бегают назад и к злодеям, а удержать таковой беспорядок и зло нет возможности, потому что при такой команде не больше состояния наше позволяет военных послать, как двух офицеров и человек 30 солдат, которым должно или своих удерживать в порядке, или оберегать начальника и артиллерию.

«Не последнее зло угнетает нас и то, что крестьяне хлеба и сена сюда не везут, о чем однакож старание еще от меня продолжается и не знаю, успею-ли что. К восстановлению-ж покоя и пресечению зла не оставил я испытать всех средств, т.-е. ласку, денежные награждения, обнародование с увещанием вестей, о поражении где либо чудовищ; привел всех не только мастеровых вновь, но и сельских крестьян к присяге, по особо учиненной на сей случай форме, а наконец и самую строгость и страх, но очень мало вижу от того желаемого успеха».

9. Письмо ген. А. И. Бибикова к Екатерине II от 15 февраля 1774 г. о наказании пугачевцев в Тобольске.

(Дмитриев-Мамонов, «Пугачевщина в Сибири».)

«Всемилостивейшая государыня!

«Вашему имп. величеству, всеподданейшие, подношу экстракт решенных в секретной комисии дел, из которого усмотреть соизволите, что в Тобольске из челябинских преступников одного велел я повесить, а прочих пересечь публично для того более, что бы подать тамо страх и удержать злые сердца от подобного вераломия, ибо г. губернатор Чичерин пишет ко мне, что злодеи-бунтовщики наезжают и на тракт, лежащий к Сибири, приказывая жителям ловить курьеров и отсы-

[1] В. Бибиков—начальник горнозаводских заводов в Екатеринбурге.

лать к ним в толпу; также велел я повесить из других преступников в Билярске и Ставрополе по одному человеку, как то усмотреть соизволите из того же экстракта. Всемилостивая государыня! ведаю я, что сия строгость не соответствует человеколюбивому вашему сердцу, но что делать! невозможно безоной обойтиться. Я осмеливаюсь здесь приложить копии с полученных в Челябинске злодейских писем, из коих изволите усмотреть, коль великое зло обитает в буйственных их душах».

Февраля 15 дня 1774 года. Казань.

Александр Бибиков».

10. Из ордера ген. Деколонга ген. Скалону от 16 февраля 1774 г. О волнениях среди крестьян на Урале.

(Ордер генерала Деколонга генералу Скалону от 16 февраля 1774 г. № 173. Село Воскресенское.)

«Многие государственные, экономические и прочих ведомств крестьяне, добровольно, без всякого от злодея принуждения, не только к стопам его приклоняются, но рассылая от себя к его партизанам нарочных, призывают в свои жительства, по каковым обстоятельствам, чтобы не расселилось это зло и в Сибирской губернии, а особенно не обладали бы злодеи Екатеринбургским заводом, принужден, с состоящими при мне воинскими командами, выступя из Челябинска, следовать к Екатеринбургу, потому, особенно, что злодейские партии по близости уже оного разъезжают. Следование же мое к Екатеринбургу будет через Шадринск и Долматов монастырь, и для того благоволите ваше превосходительство следующую ко мне почту отправить в Шадринск, а о самых нужных делах писать на немецком и французском языках, ибо злодеи почты перехватывают, прочитывая письма, узнают о всех с нашей стороны предприятиях».

11. Из рапорта исетского воеводы Веревкина от 22 февраля 1774 г. о волнениях вольнонаемных рабочих на винокуренных заводах.

(Дмитриев-Мамонтов, «Пугачевщина в Сибири», стр. 66.)

«К несчастию нашему все здешнее население в верности колеблется, также в семидесяти верстах от Исетска винокуренные казенные заводы Ертарской, Бутвинской и Боровлянской, на коих волнонаемных до тысячи человек народу, все взбунтовались и смотрителя их майора Полякова содержат под караулом».

12. Из рапорта исетского воеводы Веревкина от 27 февраля 1774 г. об использовании киргизов для борьбы с пугачевцами.

(Дмитриев-Мамонов, «Пугачевщина в Сибири», стр. 66.)

«Я, как прямой сын отечества», писал Веревкин генералу Деколонгу, «под смертною казнею, осмеливаюсь вашему превосходительству прямо утверждать, что в линейных крепостях, со всеми их гарнизонами, ни малейшей государству, а особливо всей Исетской провинции, надобности нисколько нет. Все оные гарнизоны с их командирами, бригадирами и многими господами полковниками в нынешнее крайне важное и нужное государству время теперь в крепостях своих без малейшей службы находятся. А если бы оные все выведены были вашим превосходительством, брося свои крепости, которые нисколько ничего не стоят, исключая провианта, внутрь провинции в пригороды, то бы от оных наиважнейшая и преполезнейшая польза государству последовала. Исетскую провинцию на линии множество крепостей, с немалым числом гарнизона, заграждают или закрывают расстоянием не менее 600 верст, а все русские селения преклонились самопроизвольно воровской злодейской толпе. Всенижайше представляя, прошу, дабы благоволить изволили, от всех крепостей, не оставляя ни в одной, господ комендантов снять со всеми их гарнизонными командами и вывести внутрь провинции в пригороды и особливо в Исетской провинции и Сибирской губернии, на сей же случай призвав и киргиз-кайсаков и послав на все те бунтующие слободы разорение. Обо всем мною представлено в Правительствующий Сенат для донесения ее императорскому величеству».

13. Воззвание полковника Ступишина коменданта Верхне-Яицкой дистанции к башкирам от 4 апреля 1774 года.

(И. Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 40.)

«Башкирцы, живущие около Верхне-Яицкой дистанции! Ведомо мне, что межь вами всякая дурость и шатание и вы ждете, что к вам придет от Оренбурга с великою силою оный вор и самозванец Емелька, который, будучи простым казаком и из самого подлого рода, дерзнул назвать себя государем Петром III и вам якобы великие милости обещает и будете вы якобы жить без закона, как звери в поле. Я вам

говорю — тому не верьте и никаких милостей от вора не ждите; я вам говорю по долгу службы и присяге и по воле всемилостивейшей государыни нашей, от которой нам должно ждать милости, а не от вора. Оный Емелька, уверяю вас, скоро войсками ее императорского величества будет пойман и достойную по делам казнь примет, да все те, кто его слушает, да не жди себе пощады, все также казнены будут. Ее императорское величество прощает только тех, кто раскаяние приносит, а не нераскаянных злодеев.

«Башкирцы! я знаю все, что вы замышляете; только знайте же и то: ежели до меня дойдет хоть какой слух, что вы, воры и шельмы, ждете к себе тех воров и им корм и скот и себе стрелы и оружие припасаете, то вы, шельмы этакие, готовьте этот скот, баранов и коров для меня с командой, ибо я, услышав что либо о вашей шалости, тотчас на вас со всею моею командою из Верхне-Яицкой, Магнитной, Карагайской и Кирзильской крепости пойду и с пушками, и тогда вы не ждите пощады буду вас казнить, вешать за ноги и за ребра, дома ваши, хлеб и сено подожгу и скоть истреблю. Слышите ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю ни лгать, ни шутить. Вы меня знаете и я вас очень хорошо знаю.

«Сего числа около Верхне-Яицкой пойман башкирец Зеутфундинка Мусин с воровскими татарскими письмами от злодеев и ко мне оный башкирец приведен, и хотя он немой, однакожь теми, имевшимися у него, воровскими письмами довольно приличается, и того ради я велел оные письма, при народном собрании, сжечь и сожжены от профоса, а тому вору-башкирцу велел я отрезать нос и уши и к вам ворам с тем листом от меня посылаю.

«Говорю вам, башкирцы, если впредь кто с такими письмами будет пойман, велю пытать накрепко, а также нос и уши отрежу; знайте же то воры, и ужасайтесь. Вы народ еще дикий и неразумный и мне вас жаль и я вам говорю именем ее императорского величества всемилостивейшей государыни нашей, что все те, кто будет верен и к злодеям не пойдет и на жительстве останется или даже хотя и был в злодейских толпах, но чистосердечное богу и ее императорскому величеству раскаяние принесет, тот весьма помилован будет...

«Башкирцы! приказываю вам: если у вас есть какие татарские воровские письма, выдать их мне; хуже будет, если найду сам или сам за ними приду к вам; вы дайте мне, если есть люди кто вам их разносит и вас мутит, тоже хуже будет, если приду сам этих воров искать! — не ждите пощады. Всего же лучше советую вам, кто из вас хочет быть благоразумен и истинным верноподданным ее императорского величества, тот явись ко мне в Верхне-Яицкую в комендантскую с семьею

и о своей верности заяви мне и я по усмотрению или домой отпущу или оставлю на время в крепостях и дам вам места, где кочевать, а неимущим и хлеба дам. Вы думаете, и злодеи вас учат, что у меня хлеба нет; мало ли чего злодеи ваши толкуют и письма и свои воровские шлют, только вы пожалейте сами себя, свой живот и свои семейства, говорю вам толком.

«Башкирцы! Ежели же вы, получа от меня лист, который мною сего числа по всем крепостям Верхне-Яицкой дистанции всенародно с барабанным боем объявлен, воровских писем и людей с ними подосланных не выдадите, или сами о покорности своей мне не заявите, то я с вами поступлю по власти мне данной и без всякой пощады. Знайте, кто из вас явится и о своей верности ее императорскому величеству заявит ложно, тот по великом истязании будет казнен смертию.

«Думайте! Срок башкирам, живущим — близ крепостей — три, а прочим — семь дней, иначе я буду с вами по своему распоряжаться, как долг мой велит мне».[1]

14. Рассказ крестьянина Котельникова об успехах Пугачева на Урале.[2]

(И. Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 56—57.)

— Подлинно государь Петр III император всходит по прежнему на царство. Был он по всему государству и разведывал тайно обиды и отягочения крестьян от бояр. Хотел он три года не давать о себе знать, что жив, но не мог претерпеть народное разорение и тягости. Взяв в свое владение Оренбург, Уфу, Ново-Троицкую и Чебаркульскую крепости, он отправил в Москву для покорения сто полков, а под Кунгур идет с полковником Белобородовым 20 полков. Построил государь в степи пороховые и пушечные заводы, делает белый и черный порох. Белый порох сильно палит, а огоньку не дает. Пушек у государя великое множество и поставлены оне в Ново-Троицкой крепости в шесть ярусов. Ту Ново-Троицкую крепость наименовал он

---

[1] Приказ Ступишина был издан после бегства Пугачева в Башкирию. Почва для восстания здесь была подготовлена давно. Пугачев имел здесь значительный успех. Приказы вроде приказа Ступишина больше раздражали башкир, чем вызывали среди них успокоение. На призыв Ступишина отозвалось 330 семейств башкир, но и те скоро снова перешли на сторону Пугачева.

[2] Рассказ крестьянина Котельникова содержится в рапорте канцеляриста Трубникова, отправленного им ассесору Башмакову 3 июня 1774 г. в начале движения Е. Пугачева с Урала на Волгу. В этот момент силы Пугачева были очень велики и успеху его движения много помогала вера в него, что он истинный государь.

Петербургом, а Чебаркуль — Москвою. Его высочество цесаревич Павел Петрович с великою княгинею Натальею Алексеевною и граф З. Г. Чернышев приехали в Оренбург. Его высокопревосходительство генерал-аншеф А. И. Бибиков съехался с государем и, увидя точную его персону, весьма устрашился, принял из пуговицы крепкое зелье и умер. Полковник Белобородов прислал в Кунгур к воеводе Миллеру указ, чтобы отнюдь не воевал, почему воевода и отозвался, что более воевать не будет, за что его государыня от воеводства отрешила. Казенный Уткинский завод и город Екатеринбург не воюют, а только мутит всею здешнею стороною ассесор Башмаков, называя государя злодеем, за что государь приказал его поймать и в мелкие части изрубить.

— От кого ты все это слышал? спрашивал случившийся в толпе канцелярист Степан Трубников.

— К степановскому мельнику, отвечал Котельников, писал служитель Юговского завода Гаврило Ситников, находящийся ныне при армии государя атаманом. Да и потому каждому разуметь можно, что если бы это был подлинно не государь, то давно бы полки были присланы. Теперь хотя две роты с майором и были присланы, но и те пропали без вести. Мы с часу на час ждем, чтобы быть за государем, и хотя за государыню другую присягу принимали, но не от чистосердечного своего желания, а по принуждению. Государь обещает во многих указах, что подушные деньги будут собираемы только по 70 коп. с души, как и при прежних государях было.

15. Донесение П. С. Потемкина императрице от 29 августа 1774 г. о волнениях за Камою после ухода Пугачева.

(«Записки Академии Наук», т. 25, кн. II. «Материалы для истории Пугачевского бунта», стр. 37—38.)

«Всемилостивейшая государыня.

«После моего последнего донесения вашему императорскому величеству получил я из двух мест известия, что за Камою оказались вдруг две толпы злодеев, по которым немедленно учинен был мною отряд из войск вашего величества, здесь в ведомстве моем оставленных, и главнейшую толпу из оных, состоящую до 500 человек, поразили. Начальник оные, называющийся атаманом, взят, который по допросу объявляет, что он от главнейшего врага отечеству и самозванца послан был с тем, чтобы в здешнем краю возмущать чернь и разглашая разные лжи препятствовать восстановлению спокойствия, доколе

он будет производить варварства свои на правом берегу Волги. Но по счастию зверские его намерения не имели успеха, и сия толпа истреблена при начале своего сборища. А как сей злодейский атаман с богомерзкою своею сволочью перебрался с горной стороны на луговую под селом Тетюшиным, где не только не препятствовали их переправе, но и знать о том не дали, то послал я в оное село забрать всех для наказания. Сверх оного пойман еще старый знакомец — Емельки Пугачева, крестьянин Демидова из села Котловки, который назван был от злодея полковником и ему повелено было в окружности своей делать в поселянах возмущение. Сей сообщник изверга давно оглашался предательством и по богатству имел в околотке первенство, и так легко было ему обольщать невежество простодушия, но по многому старанию сыскан».

ГЛАВА IV.

БОРЬБА ПРАВИТЕЛЬСТВА С ДВИЖЕНИЕМ НА УРАЛЕ.

1. Указ Екатерины II от 29 ноября 1773 г. о назначении генерала А. И. Бибикова командующим войсками.[1]

(«Зап. Ак. Наук». Спб., 1862 г., т. I, кн. 2, стр. 38—41.)

«Божиею милостию, мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

«Нашему генералу и лейб-гвардии майору Александру Бибикову.

«Вам известно уже настоящее положение дел в Оренбургской губернии и степень неустройства, до которого там гражданское наше правление доведено изменою и бунтом, появившегося под именем покойного императора Петра третьего, самозванца, из беглых Донских казаков, Емельяна Пугачева.

«Чем более интересует общее Империи благо, безопасность, да и самую целость оной, скорое и совершенное прекращение сего важного зла до последних его источников, тем надежнее избираем мы вас к тому, яко истинного патриота, коего усердие к особе нашей, любовь и верность к отечеству, ревность к нераздельной службе оного и нашей, также отличные качества, способности и дарования испытаны уже нами во многих случаях.

«Военной коллегии дано уже от нас повеление снабдить вас в самой скорости, как достаточным числом войск, так и всем нужным к составлению почтительного корпуса. Остальное время пребывания вашего при дворе нашем послужит вам к самоличному и кратчайшему сношению и постановлению с оною Коллегиею о поспешнейшем и непременном на известные сроки доставлении вам и того и другого, дабы у вас по собрании

[1] А. И. Бибиков в 1763 г. участвовал в усмирении заводских крестьян Казанской губернии. В 1766 г. был председателем комиссии по составлению нового уложения.

в удобнейшем месте, по собственному вашему усмотрению, всех частей назначенных в команду вашу войск, после к прямому с оными действованию ни в чем остановки и недостатка быть не могло.

«Самое же употребление тех войск, равно как и всех других пособий к достижению желаемого предмета, вверяя на основании государственных наших гражданских и военных законов с полною доверенностию собственному вашему благоразумию и усмотрению впредь на месте прямого течения дел, восхотели мы между тем для преподавания вам заранее всех отсюда зависящих удобностей снабдить вас при сем: 1) отверзтым за подписанием нашим указом ко всем нашим духовным, военным и гражданским властям, дабы каждый из них по требованиям вашим чинил скорое и точное исполнение; 2) печатным манифестом для открытия глаз ослепленной черни и для испытания, не удастся ли сим способом кротости и надеждою совершенного в мимошедшем прощения, обратить на истинный путь если не всех, по крайней мере некоторую часть сообщников самозванца Пугачева.

«Рассеяние сего манифеста между толпами бунтовщиков и в их окрестностях имеет натуральным образом быть долгом первого вашего попечения, следовательно же и предшествовать приготовляемому на них удару всеми вам порученными силами, дабы между тем в духи их вселить к самозванцу презрение, а друг к другу взаимную недоверку, чем они скорее всего сами собою рассыпанию и истреблению своему воспособствовать могут.

«Для сего, для получения беспосредственным образом верных сведений о происходящем, для лучшего по оным размера и расположения решительных ваших мер и для удобнейшего совокупления и обращения в ту сторону, где большая надобность будет, назначенных в команду вашу войск, полагаем мы, что на первый случай приличнее всего вам будет отправиться отсюда прямо в Казань и, ожидая там прибытия войск, наблюдать бдительным оком все движения и предначинания возмутителей, дабы познав прямо их силы, их связь в земле, их рессурсы в пропитании, их внутреннее между собою управление словом физическое и моральное их положение во всех частях оного, после с тем большими выгодами поднять на них оружие и действовать наступательно с тою поверхностью, каковую мужество, просвещением и искусством руководствуемое, долженствует всегда иметь пред толпою черни, движущеюся одним бурным фанатизма духовного или политического вдохновением и помрачением.

«Между тем для употребления в пользу и для благовременного на всякий непредвидимый случай приготовления всех в существе вещей возможных пособий, поручаем мы вам созвать к себе все в Казани и в окрестностях сего города находящееся

дворянство и, объявя оному в корпусе монаршее наше благоволение, изобразить тут же живыми красками настоящее бедственное состояние соседственного их края, опасные из оного родиться могущие следствия, как для общей тишины, так и для частной их самих безопасности, следовательно же, и надобность, чтоб каждый по состоянию своего звания сил и достатка воспособствовал действительным образом прекращению толь вредного бунта и злодейства, присовокупляя далее от собственного вашего имени и лица, что как благородное дворянство есть во всяком великом обществе такой корпус, который всю свою отличность и знатность пред народом взаимствует от единой существительной общей надобности непременного обуздания и содержания оного в порядке, и который лично каждым членом оного не инако приобретен, как в праведное и достойное воздаяние оказанных им самим или предками его услуг в службе и защищении отечества, следовательно же, по самому существу сего звания его, и не может ни в каких других обстоятельствах, как в таком случае внутреннего раздора и мятежа, где чернь, низвергая с себя законное государю и верховной его власти повиновение, дерзает явно и вооруженною рукою восставать противу оной: то и вам ныне, яко от нас уполномоченному, к прекращению настоящего бедствия не меньше надеяться и ожидать должно, что и они, сколько подражая достохвальному примеру предков своих, столько же и сами горя к отечеству истинною любовию и непоколебимою верностию, потщатся оказать себя истинными сынами и защитниками оного, чрез вооружение повозможности некоторого числа людей своих и чрез снабдение себя всякими припасами, дабы по первому вашему в случае крайней нужды призыву, каждый из них мог к вам явиться с готовыми людьми, с готовым оружием и с готовым пропитанием для отражения и пресечения опасного и поносного бунта черни, тем больше, что в сем случае интересованы в вышней степени собственная их и семей их личная безопасность, безопасность их имений, да и самая целость дворянского корпуса; ибо не может им быть закрыто, что дворяне и чиновные люди, попадшиеся доныне по несчастию в руки мятежников, все без изъятия и без малейшей пощады преданы лютейшей и поносной смерти, которого жребия натурально и они все один по другом ожидать долженствуют, если б, от чего боже сохрани, восстание и мятеж черни при самозванце Пугачеве иногда собственным их нерадением и небрежением мог переступить пределы Оренбургской губернии и заразить ядом своим Казанскую.

«Впрочем, повторяя, что мы вам с полною и неограниченною доверенностию вверяем изыскание и употребление всяких средств и мер к прекращению возрастающих теперь беспокойств, по лучшему вашему на месте усмотрению представляющихся там удобностей, и во всем пространстве государственных наших военных и гражданских законов, уполномочиваем мы вас сверх

того делать от себя и собственным вашим именем всякие письменные и печатные публикации, если вы когда в том нужду признаете для пользы и поспешествования порученного вам дела толикой важности.

Да будет вам благодать всевышнего спутником и руководителем. Мы же усердно об оной моля, пребываем вам за тем императорскою нашею милостию благосклонны. Дан в С.-Петербурге ноября 29 дня 1773 года.

Екатерина».

2. Из письма А. И. Бибикова к гр. З. Г. Чернышеву,[1] от 30 декабря 1773 г. о состоянии местных гарнизонов.

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881 г., стр. 225.)

«...На здешние гарнизоны и другие команды никакого счету делать не извольте: они, с их офицерами, так скаредны, что и башкирцам сопротивляться не могут. Печальные опыты с Чернышевым и майором Заевым вам доказывают, да и здесь уже по всем рапортам я увидел, что они, расставленные от Фреймана и от губернатора по постам, бегают с одного места на другое при малейшей тревоге».

3. Письмо генерала А. И. Бибикова своей жене от 30 декабря 1773 г.

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881 г., стр. 42.)

«Наведавшись о всех обстоятельствах, дела здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел в гораздо худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мною было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская; делаю все возможное и прошу господа о помощи. Он един исправить может своею милостию. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталион гренадер и два эскадрона гусар, что я велел везти на почте, прибыли. Но к утушению заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургской пожар, как в разных местах вдруг горело, и как было поспевать всюду трудно. Со всем тем, с надеждою на бога, буду делать, что только в моей возможности будет. Бедный старик губернатор Брант [2] так замучен

[1] Гр. З. Г. Чернышев—президент военной коллегии.
[2] Брандт—казанский губернатор.

что насилу уже таскается. Отдаст богу ответ в пролитой крови и погибели множества людей невинных, кто скоростию перепакостил здешние дела и обнажил от войск. Впрочем, я здоров: только пить ни есть не хочется, и сахарные яства на ум нейдут. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостивого государя, прошу о родительских молитвах, а праведную Евпраксию нередко поминаю. Ух, дурно».

4. Из письма генерала А. И. Бибикова к гр. Е. Г. Чернышеву от 5 января 1774 г. о развитии беспорядков.

(«Зап. Ак. Наук», 1862 г., т. I, кн. 2, стр. 46—47.)

«...Жду с нетерпением прибытия полков, о которых последние известия имею я, что гусарский Изюмский дни через четыре сюда вступит, а за ним и второй баталион гранадерского полку. Архангелогородский же карабинерный и Водомирский 4 числа быть имели в Нижний. Считаю, что и генерал-майор Мансуров на сих днях с двумя достальными легкими командами в Самару прибудет. Нетерпение мое в ожидании полков и команд тем более умножается, что злодейские шайки час-от-часу наглее становятся и по получаемым здесь ежедневно известиям сия сволочь от стороны Башкирии разными своими толпами заводы и деревни грабят, селения устращивают, берут фураж и провиант, рассевают злодейские манифесты, глупую чернь обольщая, приводят в колебание и уже около Кунгура [1] показавшиеся разграбили множество и пресекли сообщение с сим городом, а по полученному оттуда от магистрата репорту, из самого города воевода и все начальники, как и из других многих, разбежались и город Кунгур теперь сам ожидает их посещения, ибо без воинских команд никто противиться не отваживается.

«В Богульме, Заинске, Кичуевском фельдшанце, Мензелинске [2] и других местах стоящие наши посты, состоящие из одной пехоты, не могут воспрепятствовать, чтоб злодейская сволочь сближениями своими при ближних селениях не разъезжали, которые, сбирая фураж и провиант, тож и людей, умножают толпу злодейскую, и убивства и грабежи повсюду продолжаются. Из сего ваше сиятельство легко представить можете бедственное состояние здешнего краю, а потому и теперешнее мое положение, доколе не придут войска и доколе я сильно воздействовать не буду в состоянии.»

---

[1] Гор. Кунгур — Пермской губернии.

[2] Богульма — Симбирской губ.; гор. Мензелинск — Уфимской губ., Кичуевский фельдшанц — Симбирской губ.

5. Из письма генерала А. И. Бибикова Философову от 5 января 1774 г. о состоянии фронта.

(А. С. Пушкин. «История Пугачевского бунта». Спб. 1881 г., стр. 124.)

«Терпение мое час от часу становится короче, в ожидании полков, ибо ежечасно получаю страшные известия; с другой же стороны, что башкирцы с всякою сволочью партиями разъежают, заводы и селения грабят и делают убийства. Воеводы и начальники отовсюду бегут с устрашением, и глупая чернь охотно на обольщение злодейское бежит навстречу к ним же. Не могу тебе, мой друг, подробно описать бедствие и разорение здешнего края, следовательно суди и о моем по тому положению. Скареды и срамцы здешние гарнизоны всего боятся, ни куда носа не смеют показать, сидят по местам как сурки и только что рапорты страшные присылают. Пугачевские дерзости и его сообщников из всех пределов вышли; всюду посылают манифесты, указы. День и ночь работаю как каторжный, рвусь, надседаюсь и горю как в огне адском; по варварству предательств и злодейству не вижу еще перемены, не устает злость и свирепство, а можно ли от домашнего врага довольно охраниться, все к измене, злодейству и к бунту на скопищах. Бог один всемогущ, обратит все сие в лучшее. Я при моих заботах непрестанно его прошу»...

6. Объявление ген. А. И. Бибикова о поимке Е. Пугачева.

(«Зап. Ак. Наук», Спб. 1862 г., т. I и II, стр. 49, прил.)

«Я нижеподписавшийся главнокомандующий войсками ея императорского величества всемилостивейшей нашей государыни генерал-аншеф, лейб-гвардии майор и разных орденов кавалер объявляю чрез сие, что как все бедствие, угнетающее ныне Оренбурскую губернию огнем и мечем и пролившее уже попытки крови собственных наших собратий и сограждан, происходят единственно от самозванца Емельяна Пугачева, беглого с Дону казака и в Польше не малое время скитавшегося, который в буйстве своем дерзнул без всякого подобия и вероятности взять на себя высокое название покойного Императора Петра третьего, то он паче всех и заслуживает, для пресечения внутреннего междоусобия и для возвращения любезному отечеству драгоценного покоя, восприять достойную злодейству и измене его казнь, дабы инако от продолжения оных другие из одного невежества погрешившие равному жребию подверженными не были, когда

*

его постигнет месть озлобленных им божественных и человеческих законов. Почему я, с моей стороны, по вверенной мне власти, желая спасти сих последних и обратить зло на главу истинного его виновника самозванца Емельяна Пугачева, как изверга рода человеческого и недостойного имени россиянина, обещаю сим тому или тем кто из усердия к отечеству, поймав его, приведет ко мне, или к кому ни есть из подчиненных моих и отдаст под стражу живого, дать в награждение 10 000 руб.»

7. Всеподданнейшее донесение ген. А. И. Бибикова Екатерине II от 21 января 1774 г. о повешении крестьянина Назарова и о бунте в Самаре.

(«Зап. Ак. Наук». Спб. 1862 г., т. I кн. II, стр. 50—52.)

«Всемилостивейшая государыня!

«Дерзость злодея Пугачева и его злодейских сообщников дошла до последней крайности, что вступающие как в секретную комиссию, так и ко мне присылаемые ежедневно письменные сочинения открывают; а приводимые в секретную комиссию из злодейских шаек захваченные и для разглашения и рассеяния посланные колодники подтверждают. Старался я при многих ежечасных отправлениях несколько дел рассмотреть, и чтоб чем ни на есть остановить буйство, наглость и злодейственные убийства, по данной мне высочайше от вашего императорского величества власти, решился, наконец, одного бунтовщика, злодея и жестокого убийцу помещицы своей подпоручицы Пополутовой крестьянина Леонтия Назарова, который добровольно признался во всем, здесь с публичными обрядами велеть повесить, с прописанием его вины, с подтверждением, дабы прочие таковые за злодейства и бунт того же страшилися, некоторых же при виселице определил высечь кнутом, поставя клеймы значущие злодея, бунтовщика и изменника, других же наказать плетьми. К сей крайности приступил я в надежде, что редкость таковой казни устрашит колеблющихся к самозванцу склонностию и остановит начальников убийства. [1] О решенных же комиссиею делах приведенных колодников к высочайшему усмотрению экстракт подношу.

---

[1] В донесении от 29 января 1774 г. ген. А. И. Бибиков сообщает о новых смертных казнях пугачевцев. Впоследствии они применялись очень часто. По постановлениям казанской секретной комисси было казнено — 38 чел., оренбургской — 4 чел., тайной экспедиции—6 чел. В эти цифры не входят казни, произведенные по распоряжению отдельных военачальников.

В письме к Екатерине от 25 января 1775 г. Панин сообщает что, «по моим собственно решениям», лишены жизни казнию — только триста двадцать шесть человек». («Сборн. Русск. Ист.», стр. 200, т. VI.)

«Секретная комиссия, трудясь, так сказать, день и ночь, почти не успевает приводимых расспрашивать, ибо их время от времени умножается.

«При выгнании злодеев из Самары, майор Муфель рапортует меня, что духовенство тамошнее при приближении злодеев пошли к ним на встречу с колокольным звоном и со кресты, что и из найденного злодейского предводителя Арапова репорта усмотреть можно, который по несказанной дерзости и наглости сих извергов, так как и другие найденные письма он ко мне присылал, из которых некоторые при сем для высочайшего усмотрения подношу, другие же для справок впредь отдам в секретную комиссию. Самарских попов, кои и в эктениях высокое имя ваше во время пребывания злодея исключить дерзнули, я всех посланному нарочно лейб-гвардии Преображенскому полку подпоручику Державину допросить велел, а показавших к злодеям склонность жителей генерал-майору Мансурову, рассмотря, публично наказать велел, подтвердя в верности вновь к вашему императорскому величеству присягою. Здешнему же архиерею сообщил, чтоб он сих самарских попов немедленно переменить другими приказал, а в прикосновенных к оному селениях жителей, кои добровольно поддались злодеям, начинщиков высечь при собрании жителей, и под смертною казнию подтвердить, чтоб они впредь от злодейских и изменнических шаек, и их внушений хранились и ловя их приводили и отнюдь как пропитания, так и людей по требованиям их не давали, и присяги в непоколебимой к вашему императорскому величеству верности не нарушали, а злодея Пугачева почитали за изменника и самозванца, инако же сами яко злодеи огнем и мечем накажутся.

«В Башкирию и в самую толпу злодеев под Оренбург отправил я восемь человек надежных татар, которые еще вообще в верности своей к вашему императорскому величеству не поколебались, со внушением в Башкирии и везде прилепившимся к злодею, как о их заблуждении и обмане Пугачева, так чтоб они пришед в раскаяние, обратились и употребили себя при войсках вашего императорского величества на истребление сего злодея; для того переведя манифест на татарский язык и объявление мое по-русски и с татарским переводом с ними ж для рассеяния послал.

«Всемилостивейшая государыня! слепота, невежество в здешнем краю по большей части жителей превосходит, кажется, всякое понятие. Сие примечаю не только в самой черни, но и в здешних краях живущих отставных офицеров, как то в экстракте, при сем подносимом, из показания подпоручика Мызникова усмотреть изволите, тож и из репорта, поданного злодею Арапову по вступлении его с шайкою в Самару от поручика Ильи Щепачева, которого я арестовав сюда же прислать

под караулом велел. Также велел я арестовать и бегущего из Самары двоекратно за коменданта капитана Балахонцова.

«По сие время к удержанию злой сей заразы и к остановлению успехов злодейских, и к удержанию глупой черни от его прилепления, не вижу я иных еще способов, как воинская сила. Но между тем однакож испытаю всевозможные средства к пресечению зла, столь далеко возростшаго. Счастливым себя почту, если возмогу, тем или другим способом, показать вашему императорскому величеству, и при сей высочайше вверенной мне экспедиции, с какою непоколебимою верностию пребывает.

«Всемилостивейшая государыня! вашего императорского величества всеподданнейший Александр Бибиков.

Января 21 дня 1774 года. Казань».

8. Из письма А. И. Бибикова к графу З. Г. Чернышеву от 24-го января 1774 года об опасности народных настроений.

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881, стр. 228.)

«Екатеринбург в опасности от внутренних предательств и измены. О Конгуре слуху после 10-го числа нет. Зло распространяется весьма далеко. Позвольте и теперь мне, в. с., повторить: не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение. Тушить оное, кроме войск, в скорости не видно еще теперь способов, а могут ли на такой обширности войски поспевать и делиться, без моего объяснения представить можете. Спешу и все силы употребляю запасать провиант и фураж, тож и подводы к подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликим затруднениям по нынешнему времени все сие подвержено, и тем паче, что внутрь и вне злодейство, предательство и непослушание от жителей. Не очистя саранчу злую, вперед шагу податься нельзя. В том теперь и упражняюсь, а войски подаются вперед. Жду с нетерпением Чугуевского казачьего полку, о котором слышу, что уже в Москву пришел. Вот, м. г., все то, что я теперь донесть вам могу; а заключу истинным моим высокопочитанием, и проч.».

9. Из письма А. И. Бибикова к Д. И. Фон-Визину, из Казани, от 29-го января 1774 года. (О пугачевцах и боеспособности правительственных войск.)

(А. С. Пушкин, «История Пугачевского бунта». Спб. 1881, 229 стр.)

«Бить мы везде начали злодеев, да только сей саранчи умножилось до невероятного числа. Побить их не отчаяваюсь; да успокоить почти всеобщего черни волнения великие предстоят трудности. Более ж всего неудобным делает то великая обширность сего зла. Но буди воля господня! Делаю и буду делать, что могу. Неужели-то проклятая сволочь не образумится? Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А. Пугачев — чучела, которою воры яицкие казаки играют. Уведомляй, мой друг, сколь можно чаще о делах внешних. Неужели и теперь о мире не думаете? Эй пора, право пора. Газеты я получил; надеюсь, что по твоей дружбе и впредь получать буду. J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fussent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut, et les traient en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то беда, как нарочно все противу нас: и снега, и метели, и бездорожица. Но все однако же одолевать будем».

10. Указ Екатерины II от 15 марта 1774 г. о запрещении всяких скоплений с пугачевцами. [1]

(«Осмнадцатый Век», кн. I, стр. 107—108.)

«Божиею милостию мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

«По истинной к верным подданным нашим материнской любви усматриваем мы не с малым оскорблением, что, хотя неоднократно публиковано манифестами в народе, дабы никто не дерзал приставать к разбойнику Пугачеву и его сволочи, но и за сими увещаниями и запрещениями показывается в некоторых местах от невежества колебленность в умах одной части простаго народа. И для того вновь повелели мы публиковать сей наш указ, дабы удержался всякий не только от сообщений с ворами, но и ото всякой колебленности, ибо таковых непослушных и присяги верности не помнящих людей склонность ни к чему иному не влечет как к собственной их же погибели

[1] Этот указ был напечатан в количестве 1 200 экземпляров и был отправлен А. И. Бибикову, главнокомандующему всеми силами по борьбе с Пугачевым.

и к самой неминуемой изменникам казни, чего разбойничьи сволочи в весьма коротком времени конечно не избегнут; ибо к совершенному их истреблению приближаются уже победоносныя наши войски, управляемыя десницею всемогущаго бога, которого промысл чрез столь многие веки сохраняет Империю нашу и защищает от внутренних и внешних злодеев и разорителей. Дан в Санкт-Петербурге от рождества христова в лето 1774-е марта 15-го числа, государствования нашего дванадесятаго года.

Екатерина».

ГЛАВА V.

КРЕСТЬЯНСКАЯ „ЖАКЕРИЯ“ В ПОВОЛЖЬЕ.

1. Письмо Екатерины II кн. М. Н. Волконскому от 28 июля 1774 г. об образовании военных дружин московским дворянством для борьбы с Пугачевым.

(«Осмнадцатый Век», кн. I, стр. 113—114.)

«Князь Михаил Никитичь.

«Известие о занятии Курмыша злодеями к сожалению моему получила сего вечера и не сумневаюсь, что они стараются пройдти к Москве, сумнительно, чтоб они пошли к Нижнему. Но думаю, что они прямо к вам пойдут, и для того не пропустите никакого способа, чтоб отвратить сие несчастье. Я сего вечера из Новагорода седьмой полк, а, именно, лейб-кирасирский, еще к вам отправить приказала. Сверх того советую вам призвать к себе московских дворян или по крайней мере таковых из них, кои надежны быть могут на своих людей или же вооруженных имеют, и предложите им от себя, чтоб они по примеру предков своих вооружили колико могут надежных людей для общей от злодеев обороны. Можайские дворяне во время последнего Московского мятежа готовы были во время язвы идти к Москве. Я чаю, они и ныне не откажутся от сей службы. На Москве, чаю, найдется много и таковых, кои служат и служили; ваше дело разбудить ревность везде тут, где она быть может, и, чаю, никто не откажется ее в сем случае оказать. Употребите всех тех, кои способны быть могут, где б употреблены ни были для общей обороны. С моей стороны же ничего не оставлю, чтоб злу сему сделать конец. Неужели чтоб с семью полками вы не в состоянии найдетесь Пугачева

словить и прекратить беспокойство? Я надеюсь, что Чорба[1] к вам приехал. Я фельдмаршалу приказала генерал-поручика Суворова прислать к вам наискорея. Боже дай, чтоб все сие в скором времени прекратилось, в чем и надежду имею на святую его волю».

2. Манифест Е. Пугачева от 31 июля 1774 г. об истреблении дворян.[2]

(«Русск. Старина», т. XIII, стр. 441.)

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всем находящимся прежде в крестьянство-подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владение землями, лесными, сенокосными угодьями рыбными ловлями и соляными озерами, без покупки и без оброку; освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев и желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от предписанных злодеев дворян странствие и не малые бедствии. А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом — коим прежде они дворяне — противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян — ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с своими крестьянами, — по истреблении которых противников и злодеев дворян всякой может восчуствовать тишину, спокойную жизнь, коя до века продолжиться будет. Дан июля 31-го дня 1774 года.

Петр.

---

[1] Генерал-майор Чорба с войсками шел по распоряжению Екатерины в Москву.

[2] Этот манифест был издан после перехода Е. Пугачевым Волги близ г. Пензы.

3. Письмо купца Долгополова от имени 324 казаков об аресте Е. Пугачева.[1]

(Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 157—158.)

«Ваша светлость, а наш премилосердный государь и отец Григорий Григорьевич! в бытность мою в С.-Петербурге изволил меня просить, чтобы (поймать) явившегося злодея и разорителя Пугачева, а наипаче господам благородным дворянам мучителя и неповинно смертоносно предает всяким мучениям; — а ныне я, обще с подателем вашей светлости сего нашего письма, согласили всех яицких казаков, чтоб его злодея самого живаго представить в С.-Петербург в скорейшем времени. Он состоит, злодей, в наших руках и под нашим караулом, о чем словесно вашей светлости объявит наш посланный, только пожалуй доложи ее императорскому величеству, государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице Всероссийской, чтоб нам яицким казакам рыбною ловлею изволила приказать владеть по прежнему. Еще вашей светлости доношу, что в том числе сто двадцать четыре человека в Петербург не едут. Как мы его, злодея, скуем в колодки или железо и двести человек поедет с ним, а вышеписанных сто двадцать четырех человек домой отпустим, только те требуют на всякого человека по сту рублей, теперь половину, по пятидесяти рублей, изволь с посланным нашим прислать золотыми империалами; а мы двести человек теперь ничего наперед не требуем, как поставим злодея к вашей светлости, тогда и нам было б такое жь награждение, так у нас все обнадежены и все теперь приведены к присяге между собою. А как мы его повезем, надлежит давать прогонные деньги и на прогоны деньги, тако жь на харчи и на водку было б довольно; мы в том не спорим, хотя изволите дать указ, хотя б без прогонов, только б нас везли. Обо всем извольте больше словесно говорить с посланным нашим. Оное письмо писали истинно ночью. Пожалуй, батюшка Григорий Григорьевич, нашего (посланного) отправьте в самой скорости, чтоб он, злодей, не допущен был до разорения наших сел и деревень, тако жь и городов. Иного до вашей светлости писать не имеем, остаюся ваш, моего государя, раб и слуга, казак Афанасий Петров Перфильев, атаман Андрей Афанасьев, сотник Никита Иванов, полковник Григорий Левонов, хорунжий Иван Власов, дежурный Еким Васильев и всех триста двадцать четыре человека о вышеописанном просим и земно кланяемся».

[1] Это письмо было написано лично Долгополовым. Ни Перфильев, ни Афанасьев и другие казаки ничего не знали об этом письме. С этим письмом Долгополов, именующийся яицким казаком Е. Трифоновым, явился в Петербург, добился свидания у Г. Г. Орлова, был на приеме у Екатерины и затем был отправлен с поручиком Галаковым на поимку Пугачева. См. подробности этого путешествия в записках Рунича.

4. Прошение бурмистра Захарова и старосты Егорова Императору Петру Федоровичу. [1]

(Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 113 — 114)

«Покорно просим вас, милостивого государя, Петра Федоровича, чтоб нам изволили показать, на каком быть основании, что нам делать мы не знаем, но хоша и была присланная от вас, государь, команда, однако никакого определения нам не объявила.

«А ныне у нас в вотчине имеется господский хлеб, лошади и скот, и что вы, государь, об оном изволите приказать; такожь и что оставшееся в доме господском после вашей команды на оное просим у вас, великого государя, милостивого приказания.

«Еще просим у вас, великого государя, на крестьян села Верхнего-Талызина, которые были во владении с нами одного помещика. Оные крестьяне были на оброке, а мы сеяли на их земле хлеб господский, которая у них земля излишняя взята была на господина; а ныне оные крестьяне такой господский посеянный нами хлеб не дают, а оный хлеб им не следует, а принадлежит оный хлеб взять нам. О сем просим вас, великого государя, учинить решение.

«Однако в вотчине нашей, милостивый государь, много таких, которые и пропитание у себя не имеют, не только какие подати платить, а просят из милосердия у вас, великого государя, чтобы повелено было из господского хлеба нам дать на пропитание и осемениться, за что мы, сироты ваши, должны вечно бога молить за ваше здравие, великого государя».

5. Москва во время пугачевского бунта по словам иностранца-очевидца.

(Д. Мордовцев, «Пугачевщина». «Вестник Европы», 1886, т. I, стр. 343.)

Всем населением этой древней столицы овладело, какое-то головокружение. В городе публично говорили в пользу мнимого Петра III. Вся Москва была в постоянном волнении, и хотя во всех частях города наказывали кнутом, однако это жестокое наказание никого не останавливало. По всем закоулкам раздавались голоса: «жив Петр Федорович!». Казалось, должно было последовать всеобщее восстание. Люди графа Толстого были отданы им, из боязни, в полицию; но и под кнутом они кричали: «жив Петр Федорович!» Чтобы усмирить эти отчаянные

[1] Прошение было написано во время движения Пугачева на пути от Н. Новгорода к Пензе.

головы и потушить пламя, которое все больше разливалось и угрожало общим пожаром, велено было распространить по всему городу известие, что самозванец разбит — это уже самая отчаянная выдумка, к какой только мог прибегнуть совершенно растерявшийся человек! Известие не подтвердилось — и авторитет власти падал все ниже и ниже. Наконец, велено было на почте вскрывать все письма, и которые казались сомнительного содержания—утаивать. Мало того, от всех домовладельцев отбирали письменную присягу на верность. Но ничто не помогало... Все бросились бежать из города. Каждый искал только своего собственного спасения. Твердость князя Волконского с трудом остановила бурю.

6. Из письма Екатерины II кн. М. Н. Волконскому от 29 августа 1774 г. о заказе тульским рабочим 90 000 ружей и о корпусе московских дворян.

(«Осмнадцатый Век», кн. I, стр. 122 — 123.)

«Из письма вашего от 19-го числа сего месяца усмотрела я с удовольствием, что у вас, слава богу, все в тишине и спокойно. Я от того же числа имела письмо от графа Панина из Коломны, который почти тоже о мерзких злодейских обращений пишет, что и вы, и как уже десять дней как сии письма ваши писаны, то с час на час жду чего ни на есть решительное; худые вести приходят скорее нежели хорошие, так надеюсь что-нибудь да доброе, а всего бы лучше, естли б врага связали. Поджалуй, держите ухо востро. О Тульских обращениях здесь слух есть, будто там между ружейными мастеровыми не спокойно. Я ныне там заказала 90 000 ружей для арсенала: вот им работа года на четыре, — шуметь не станут. Все ваши распоряжения и дворян Московских согласное положение формировать гусарский корпус служат к моему удовольствию. Я надеюсь от милости всевышняго, что нужда настоять не будет. Только пословица говорит: надейся на бога; а сам не плошай. И так, пока бездельствы не искоренены, то все, что служит к готовой оборроне, не можно вовсе еще оставить».

7. Спасение одного помещечьего семейства во время бунта.[1]

(«Русская Старина», т. VIII, стр. 807 — 808.)

В один из обыкновенных тихих дней, вошел к его делу вотчинный староста, бледный и оторопелый, и объявил, что

[1] Речь идет о помещике Бобоедове Нижегородской губ., дер. Омгибивки, находившейся в 40 вер. от г. Курмыша. Подробности см. сб. Осмнадцатый век», кн. 3, стр. 481 — 489.

крестьяне, бывшие на соседнем базаре, слышали читанный дьячком «Царский Указ», повелевающий всем крепостным крестьянам вести, волей и неволей, своих господ помещиков в Курмыш — ближайший уездный город. Такая весть поразила как громом весь дом. Поднялся плач и вой; но старик, будучи энергического характера, вздумал решительно воспротивиться такому невероятному требованию. Но тут ввалилась в покои целая толпа крестьян, из которых один, недавно наказанный стариком за воровство, вырвал из стены гвоздь, которым выколол ему оба глаза, и свирепо потребовал от своих товарищей немедленного исполнения воли царской; все крестьяне и сам староста повиновались решительному злодею, и тут же своих добрых господ взвалили на повозки и повезли под своим присмотром в гор. Курмыш. Через несколько часов, они были уже на площади Курмышского собора, невдалеке от которого стояли три виселицы, предназначенные для казни помещиков. Посреди паперти собора, на раскинутом ковре, сидел сам Пугачев или один из его отрядных начальников, а вокруг него пять или шесть человек в голубых и красных лентах, пожалованных им Пугачевым за отличие и удальство. Этим-то людям, поправши всякой закон, всякое человеческое право, было предоставлено крестьянами мирное семейство Бобоедовых. Как только крестьяне, вытащив из повозок своих господ, представили их главному начальнику мятежников, тот без всяких распросов приказал вести их к виселицам и исполнить казнь. Жестокое приказание едва нибыло исполнено; — в это время один из пугачевских генералов, а в действительности отставной солдат, который, за год не более перед этим происшествием, был в доме Бобоедовых печником и перекладывал у них печи, а потому, зная все их семейство, знал, что мальчик, внук старика-помещика мастерски умел плясать по-русски, сообщил об этом главному начальнику мятежников; тот приказал немедленно заставить мальчика плясать под музыку находившегося тут бандуриста. Как ни было велико отчаяние несчастного ребенка, но в виду ужасного положения, в котором находилось все семейство, он не замедлил исполнить волю разбойника и начал плясать. Безусловная покорность мальчика спасла его и все семейство от неизбежной смерти в то время, когда на старуху-бабку его и на его матерь уже были надеты петли. Такое ничтожное обстоятельство, как пляска ребенка, смягчило жестокое сердце повелителя и он обратился к крестьянам с вопросом:

— «Кого вы мне привезли? бояр-ли, или злодеев, или добрых помещиков?»

Те в один голос отвечали, что старик помещик был добрым барином.

Кончилось дело тем, что дед Бобоедов, лишенный зрения, был освобожден со всей семьей. Привезшие их в Курмыш крестьяне, по приказаниию того же главного начальника, полу-

чили по пятидесяти ударов плетьми, а злодей, выколовший глаза старику Бобоедову, был тут же повешен.

Несчастные бояре были угощены ужином и отправлены с конным конвоем обратно в свое имение.

Сообщил г. Загряжский.

8. Саратов во время пугачевского бунта.

(Мордовцев, «Пугачевщина». «Вестник Европы», 1866 г., т. I, стр. 351 — 355.)

Пугачев был уже слишком близко. Надо было защищаться собственными средствами. В Саратове было страшное волнение. Все начали прятать ценные имущества, зарывать в землю и искать спасения бегством. Большая часть дворян уехали; иные решились умереть. Бошняк отдал приказ, чтобы все, кто в состоянии носить оружие, явились на комендантский двор. Народ не слушался. Явившихся снабжали алебардами и копьями, и составили, таким образом, отряд копьеносцев. Купцы и мещане сделали на свой счет 120 железных копий. Все участвовали в работах по укреплению города, и потом вместо отдыха шли учиться военным приемам.

С трех сторон город обнесли валом, поставили на нем несколько пушек на железных передках, которые служили вместо лафетов. Способных носить оружие — если только оно было — оказалось тысяч 8, большею частью из обывателей. Сверх того был отряд и регулярного войска, пехотинцев, которых жители называли «красноперыми», потому что они носили на киверах красные перья. Чтобы не дать народу упасть духом, в городе были постоянные разводы и играла военная музыка...

Толпы Пугачева спустились с гор, беспрепятственно перешли Глебучев овраг, отделяющий город от этих гор, и явились на так называемом «Пешем базаре». Овладев гостиным двором, они укрепились в нем. Между тем, другие толпы явились с Волги. По Волге плыла целая флотилия, плоты, расшивы, барки и рыбачьи лодки, наполненные народом и награбленным имуществом. Это был флот самозванца. «Московским взвозом» мятежники вошли в город и явились еще более неожиданно, чем те, которые пришли сухопутно. Работы Бошняка ни к чему не послужили. Укрепления его никого не спасли. В городе вспыхнул пожар от беспрестанной стрельбы из орудий. Народ удалился за город, на берег Волги, к так называемому теперь «Красному Кресту». Есть было нечего, питались дикими яблоками и полевыми ягодами. Бошняка уже не было в городе, он пробился сквозь ряды мятежников и удалился в Царицын. Оставленный народ присоединился к армии Пугачева. Начался страшный грабеж. Город еще не считался покорившимся и присягнувшим на верность самозванцу.

Чтобы спасти остатки города, народ решился итти к самозванцу. Все собрались в думу. Совет состоял тысяч из трех растерявшихся, измученных, упавших духом граждан. На совете решили отдаться страшному победителю.

Вся эта толпа потянулась на горы, к палатке самозванца. «Что это за люди и зачем пришли?» — спросил он у приближенных. «Обыватели города Саратова пришли к вашему величеству с покорностью», отвечали ему.

— «Приведите их к присяге».

За шатром самозванца находилось множество священников, которые, однако ж, прибавляет самовидец, были «в нетрезвом виде». Они беспрестанно приводили народ к присяге. Присягнувших привели ближе к палатке самозванца. «Я мог хорошо разглядеть его черные глаза», — замечает Калмыков.

«Палатка была белая, шелковая, с разными золотыми украшениями. Внутри ее было устроено небольшое возвышение, обитое алым бархатом с золотою бахромою. Украшения были довольно привлекательны. На этом возвышении сидел самозванец. На нем был фрак и кортик. На голове казацкая шапка с золотым крестом. Через плечо перекинута голубая лента, а на правом плече звезда. В руках самозванец держал зрительную трубу, в которую по временам смотрел на город и его окрестности. Свита его также была украшена крестами и медалями наподобие генералов», как замечает очевидец.

Самозванец обратился тогда к жителям Саратова с речью.

— «Я ваш законный император. Жена моя увлеклась на сторону дворян, и я поклялся перед богом истребить их всех до единого. Они склонили ее, чтобы всех вас отдать им в рабство; но я этому воспротивился, и они все вознегодовали на меня, подослали убийц, но бог меня спас. Я скрылся в воронежских лесах, вышел оттуда для освобождения отечества от врагов и на защиту вольности, драгоценной для всякого русского. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните, что у вас есть император, которому в верности вы дали клятву».

Все поклонились до земли и разбрелись в разные стороны.

Лагерь Пугачева был растянут вдоль гор, и вдоль лагеря расставлены были пушки. Казацкая конница гарцовала в разных направлениях, а пехота толпилась около кипевших котлов, в которых варилась пища. В стане господствовал страшный шум. В конце лагеря, на склоне горы к Волге, расставлены были виселицы и на них качались трупы повешенных, а вновь взятых в плен дворян вешали, а потом, вынимая из петли, обнажали и сбрасывали под гору. На Волге захватили партию бурлаков, следовавших караванами из Астрахани, и также осудили на смерть. Их обвинили в оскорблении величества. Все 60 бурлаков были повешены.

Между тем город представлял ужасное зрелище. Казаки, солдаты, народ и всякая смесь азиатцев в неистовстве метались

по улицам, грабили и убивали сопротивлявшихся. Мертвых тел некому было убирать. Одна толпа особенно обратила на себя внимание Калмыкова. Ею предводительствовал огромного роста мужик, одетый в золотую поповскую ризу, а на голове, вместо шапки, «бабий волосник». Эта толпа шла на промысел. Такова была оргия разгулявшейся толпы, все неистовства которой мы, впрочем, не намерены перечислять.

Салманов, которого Пугачев назначил начальником Саратова или «главным командиром», отдал приказ, чтобы из города, особенно в Царицын, никого не пропускали, потому что все бросились вниз по Волге на судах и сухопутно, спасаясь в Царицын. Лодыжинский, покончив споры с Бошняком перед самым приходом самозванца, снарядил судно, на котором отправил в Царицын денежную казну, бумаги и прочее дорогое имущество. Но это судно, верстах в 60 от Саратова, было атаковано окрестными жителями; конвойного офицера Ушакова «немилостивно тирански» мучили, деньги и вещи разграбили. Оставшиеся в живых принесли в Саратов весть о гибели судна.

Буйный саратовский подъячий, подканцелярист Фирсов, увлек за собою толпу саратовской вольницы и, снарядив целую флотилию из лодок, спустился по Волге с грабежом и разбоем. Особое судно было наполнено канцеляристами, спасавшимися из Саратова. Оно погибло, канцеляристы побиты.

Большая часть дел присутственных мест, вытащенных из архивов и канцелярий, брошены в Волгу.

9 августа Пугачев оставил опустошенный Саратов и двинулся к югу по астраханской дороге. Конница и часть пехоты шла с ним; другая часть посажена была на безобразную флотилию, которая тянулась по Волге, оглашая ее песнями, ругательствами, убивая и топя в Волге-матушке все подозрительное и сопротивляющееся.

Но и с выступлением Пугачева, Саратову не удалось вздохнуть. По пятам самозванца гнались правительственные войска. Прибыл Михельсон. «Тут началось новое действие (говорится в записках Никитина), новый порядок, новые допросы, новые казни». Стали спрашивать жителей, кого они признают, Екатерину или Петра, и если кто по незнанию говорил про последнего, то тут же вешали. Жители совсем потеряли рассудок. Никто не знал, что отвечать. Вчера вешали за Екатерину, сегодня вешают за Петра: завтра, говорили несчастные, может быть будут вешать за того и другого. На вопрос: «кого вы признаете?» стали отвечать: мы за того, за кого и вы». Не долго и Салманову пришлось начальствовать над городом. Воевода Савельев вступил в должность. Трупы убитых еще не были убраны с улиц — не до них было жителям и начальству. Мертвецы лежали таким образом с 6 по 15 августа. Только в этот день воевода отдал приказ: «в городе и около Соколовой горы лежат поверженные на земли мертвые тела, убиенные от государствен-

ного вора и изменника, разбойника Пугачова и его сообщников, исключая убитых того вора товарищей, которые мертвые тела вам (писал он бургомистру) через кого надлежит собрать и погрести по христианской должности, а Пугачовых сообщников тела, яко непотребных извергов, вытаща по земли за ноги за город, бросить в отдаленности в яму, прикры, чтобы не было от них мерзкого зловония, землею; тех же злодеев, повешенных публично, отнюдь не касаться, а оставить их на позор и наказание зараженным и колеблющимся разумом от рассеянных злохитрым злодеем плевел, людям». И затем тела убитых погребены с честию, а «гнусные трупы извергов» привязаны были за лошадиные хвосты, вытащены за город, брошены в буерак и прикрыты землею.

9. Описание мест, разоренных пугачевцами по дороге к Саратову.

(«Русская Старина», 1870 г., т. II, стр. 106.)

Выехав из Опочинок уже ночью, не могли мы видеть, что партия бывшая в Опочинках, по тракту к Саранску, многия грабила селении, но с светом вдруг открылась пред глазами нашими картина ужаса, разорения и опустошения селений; ибо (пугачевская армия все, что на пути своем ни встречала, видела и обнять могла, убивала, грабила и расхищала подобно саранче; селения по тракту нашему были пусты и) в оных не находили мы ничего более, кроме престарелых людей мужеска и женска пола, а прочие все, кто только мог сесть на коня и идти добрыми шагами пешком, с косами, пиками и всякого рода дубинками, присоединились к пугачевской армии, к которой партия со 100 человеками казаков отряжена была в Опочинки — также с оною соединилась на Саранском тракте. (Тучные и изобильные поля сего края с готовым колосом оставались без трудолюбивого жателя в самое время жатвы; всякого рода скот без пастыря скитался по изобильным пашням днем и ночью, топтал оныя, рыл хлеб и довершал тем гибель и бедственность поселянина; невероятное множество скитающихся лошадей, измученных в кровавых ранах и брошенных, как от войска пугачевского, так и преследующего за ним корпуса, усыпал дорогу и пашни). Но сколь ни велико было разорение и опустошение селений, представившияся от Опочинок до Саранска, но что уж представилось взору нашему от сего города по тракту к Пензе, Петровску и до самого Саратова, то о том ни сердце мое, ни перо не в силах объяснить. Ни в одном селении по тракту нашему до (самой Царицынской крепости) саратовских коло-

нистов, поселенных на нагорной стороне Волги, не могли мы иначе находить подвод и лошадей в опустошенных селениях, как принуждены были посылать гусар загонять табуны лошадей в селение, где уж ловили сих лошадей и запрягали в подводы, на которые сажали управлять оными таких стариков, кои имели еще силы владеть кое-как лошадьми с помощию гусар и гвардейских солдат.

10. Рапорт помещику о разорении его имения. 1774 года.

(«Архив князя Воронцова», кн. 25, стр. 432—436.)

I.

«Сиятельнейшему графу государю Александру Романовичу [1].
Всенижайший рапорт.

«Известного вора бунтовщика Пугачева распущенные по Саранскому, Пензенскому и прочим уездам воровские многолюдные толпы, кои достигали близ вотчин вашего сиятельства и винокуренного Чембирлеевского завода, рыская своим безчеловечным свирепством и всех попадших в их руки господ помещиков, прикащиков и всякого званий начальников умерщвляли и умерщвляют смертно. Домы господские и всякую пожить разоряют и грабят до основания и без остатка, и при сделанном (не оставливая ни одного жила) смертном убийстве, присвояют к себе невеждов в свою толпу, тем умножая свое зверство над человеки.

«Я, нижайший, удостоверен многими смертно погибшими невинно от рук толпы Пугачевой и устрашась того ж от пагубных рук заколения, от завода, оставя оной еще злодеями непосещенный в целости, верхом уехал в город Симбирск, сего августа 5 числа, куда 10 числа приехал жив; а 11 числа отправил от себя из Симбирска двух человек в завод для разведывания о воровских нашествиях и о всех предприятиях злодейских, и дабы что учинено будет в отчинах вашего сиятельства, меня уведомить, и по той известности вашего сиятельства и Московскую домовую контору репортовать буду.

«Ежели в которой вашего сиятельства вотчине от крестьян вашего сиятельства самых какие неустройства, непослушания, а кольми паче озорничество и присвоение учинят бунтовщиковы толпы, что с таковыми приказано будет делать, ожидать

---

[1] Гр. Воронцову.

буду указа, ибо то многие помещиковы люди и крестьяне чинили и то чинить по близости вотчин вашего сиятельства еще не перестают, а паче отваживаются господ своих и прикащиков сами колоть и вешать, и имение их грабят и по себе делят.

Иван Козырев».

Августа 13 дня 1774 года.
Симбирск.
Получено в Москве
Сентября 16 дня 1774 г.

II.

«Милостивый государь Сидор Логинович и милостивая государыня сестрица Авдотья Антоновна! Желаю вам много лет здравия купно и с любезным вашим сыном Иваном Сидоровичем.

«Письмо я от вас получил чрез Степана Андреева, за которое много благодарствую, а наипаче тому радуюсь, что вы доехали до Москвы благополучно, а отсюда бог отнес вас от смерти. Я думаю, батюшка, в такой злой час, конечно бы, вы живы не были: что здесь такое смятение было, описать невозможно. Я думаю, с начала века тако не бывало: столько много перевешано и переколото, описать невозможно. Как я вам прежде писал, Тарас Ларионович, Яков Иванович привезены оба скованные, так обоих вместе повесили; также и жен их и маленького сына Тараса Ларионовича. Только у оного мальчика веревка порвалась, он ожил. Обо всем, батюшка, невозможно описать. Пичуга повешен, Федот плешивый, и много их.

«Об вотчине или об нашем жилье вам доношу. Приезжали к нам многие партии. Первая приехала прямо на барский двор; в хоромах и в твоих покоях несколько окончин выбили, и что было на погребу пива, то все выпили. Не столько они, сколько наши крестьяне пили. Также масло и прочее, что было на погребу, то все наши крестьяне растащили, и столько их собралось, что я думаю на святую неделю к обедне столько не собиралось, так смелы, и у этих варваров из рук рвали. В хоромах и в твоих покоях обои со стен, с канапе и стульев, что ни было, и с полу все растащили, изодрали, и наши крестьяне по себе разделили; также столы, стулья, панели, двери, ставни все крестьяне растащили и по себе разделили. Приезжали делить Михайловские, Егорьевские; одним словом сказать, только остались одни стены. Только и стены тем счастливы, что скоро они выехали. А вслед команда пришла, и сказано всем, чтоб были послушны по прежнему господам своим; а то бы и стены разломали и разделили.

«А что вы изволите писать, чтоб старики молодых слушали: в то время, как старые, так и молодые равной голос имели и кричали, кто как умеет. Есть несколько и правых, только немного, а то все один дух имели на дельбу, что у кого было

в семье, то все приходили, и бабы. Обо всем вам донесет Петр Петрович, он от нас поехал от этого страха; да и я, батюшка, коли доживу до зимы, то намерен уехать от страха и ужасти. Мне мужики иные в глаза сказали и в брюхо палкой тыкали, и бранили поматерину: надо де тебя и с Козыревым повесить; моли де он бога Козырев, что уехал. Я и до сих пор боюсь и от страха не могу ходить; только того и жду, как придут и вдавят кругом нас. И нынеча великие мятежи и зверища собираются, ста по четыре и более, вешают и рубят. Иса [1] с протчими селами согласилась, в которую посылана была посылка: многих порубили, а село выжегли. 29-го числа августа и за Сурой то же делается. Однако наши мужики до сего числа в таковых делах не явятся.

«Покорно прошу, милостивый государь, постараться обо мне попросить барина, чтоб он мне приказал отсюда выехать; а я подушные деньги готов платить в Петербурге в доме его высокородия, а мне здесь жить никак невозможно, что я в великой опасности.

«Озимой хлеб посеяли, сказывают, 62 десятины; еще несколько посеют, а подаль ничего не пахана. Сенокос после тебя ничего не кошен, и трава так пропала; только то и сено, которое при себе сметал на Черкасском; которое при тебе скошено, то сметали, а под вышками и у Черкасской мельницы пропало.

«А ваше, что осталось в церкви, то уже как оному вору подыматься от Саранска, то приехали с старыми казаками и с ворами к нам в село, сыскали попа, чтоб он церковь, которому грозили повесить, отпер. Также и бабу Наталью велели сыскать: сказали ей, ежели она не скажет, где прикащиковы пожитки лежат, тож грозили повесить. А прислан был от Антона Терентьевича Яшка суконщик, который сыскал в подполье, надел на себя ваш вапчей сюртук, камзол и шапку, а в лаптях, то поймав меня, говорит в церкви: ежели ты мне сапогов не дашь, то сейчас тебя повесим и всего разорим; то я ему тотчас сапоги дал. Он стал их обувать, а я ему в ноги кланяюсь, чтоб меня помиловал. А посуду и протчее, которое они взяли, а больше свои растащили.

«Изволите писать о тулупах. Оные воры взяли, а шубу вашу мужики в лоскутья изрезали, по себе разделили, что кому досталось. Одеялы иные целы, только мужики по себе разделили. А мы спрашивать у них не смеем, для того что из них еще эта ярость из головы не вышла; сам изволь приехать и собрать. У Борисовны постель цела, а что дали для Петрушки к Терентьевне, то от нея все взяли миром и все разделили; он у нея живет, а в Мочкасы и в Апраксино никто не берет.

[1] Большое Воронцовское, потом Шуваловское село Пензенской губ., Инсарского у.

«А о себе вам, милостивый государь, доношу, что в те злые часы все был дома и хозяйка, и столько страсти видел, что описать не могу, и много у меня растащили; а ежели бы ушел, то бы ничего не покинули. Матушка и хозяйка всем вам нижайше кланяются. Более до вас писать не имею.

Анисий Родионов».

Сентября 1-го дня 1774 г. Овса, гречихи и проса не родилось: мороз побил.

11. Из записок Д. Б. Мертваго о пугачевском бунте.

(Записки Д. Б. Мертваго напечатаны в «Русском Архиве» 1867 г.)

Собравшись на скоро, поехали мы в город Алатырь, отстоящий в сорока верстах от нашей деревни. Перед вечером, приближаясь к городу, встретили мы знакомого, который сказал отцу моему, что Пугачев вступает в Алатырь, и народ с образами, хлебом и солью пошел ему на встречу. Весть эта была громовым для нас ударом; надо было бежать, а куда, бог знает. Усталость лошадей принудила нас своротить в сторону, мы въехали в лесок, не далеко от дороги, где на пчельнике нашли одного только человека; у него в избе провели ночь.

На рассвете отправились мы, сами не зная куда. Приехав в первое селение, увидели множество народа, толпившегося по улице. Окружив наши повозки, крестьяне остановили нас и спросили, куда едем и для чего; грубые их речи и, наконец, строгое требование, чтобы мы тотчас выехали из их селения, были для нас первым знаком народного волнения и грозившей нам опасности.

Выехав из села, поворотили мы в маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близь большого леса; остановившись у знакомого нам Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя нам останавливаться ни в каком селении. Осведомившись о дороге, ведущей в чащу леса, взяв у Мордвина хлеба, сколько у него испечено было, и телеги вместо карет, пустились мы в лес, единственное наше тогда убежище.

Часу в десятом утра приехав к мельнице, находившейся в самой дремучей части леса, остановились мы кормить лошадей. В это время батюшка познакомился с мельником и узнал от него, что в глубине леса есть полянка, близь которой протекает речка, верстах в восьми от мельницы, а от ближайших селений верстах в пятнадцати, что дорога туда так дурна, что не легко доехать до поляны, и что не многие эту дорогу знают. Добрый мельник согласился проводить нас, обещая клятвенно не разглашать о том никому.

Едва к вечеру могли мы доехать до того места, где мельник, простившись с нами, подтвердил свое обещание и сдержал его.

На другой день, рано по утру, батюшка пошел осмотреть окрестности нашего убежища. Найдя в некотором расстоянии другую полянку, приказал перевести туда лошадей; на той же, где сами остались, сделали шалаш. Всем розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться в случае нападения.

Так пробыли мы трое суток, не слыша ничего кроме птичьего крику... На четвертый день нашего пребывания в лесу, стал оказываться у нас недостаток в съестных припасах. Незнание обстоятельств того времени, надежда, что вслед за бунтовщиком идут войска, поражавшие его всегда и везде, а более всего болезнь матушки, причиною которой были душевные и телесные беспокойства, заставили батюшку послать одного из людей наших на ближнее селение для покупки припасов и для разведывания, что там происходит. Человек этот казался нам верным, и, действительно, я думаю, в начале он не имел злого умысла.

Приехав в селение, приискал он купить, что ему было приказано, и вместе с тем разведывал о Пугачеве. Крестьянам это показалось странным; по причине повсеместного тогда волнения никто ничего не покупал, а все брал даром и убивал слабейшего за неисполнение его требования. И потому задержав его, стали расспрашивать, что он за человек и откуда; вероятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человек двести жителей того селения собрались против нас; а он, показывая им дорогу, довел до того места, где мы скрывались.

Приблизившись к нашему убежищу, разделились они на несколько партий, окружили нас, и напали вдруг со всех сторон с большим криком. В эту несчастную минуту батюшка отдыхал в шалаше; люди оробели и побежали; сестра схватив под руки матушку, побежала в лес; злодеи кинулись на батюшку. Он выстрелил из пистолета и хотя никого не убил, но заставил отступить; и, схватив ружье, лежавшее возле него, и трость, в которой была вделана шпага,—не видя никого из своих около себя, побежал в чащу леса, закричав нам: «прощай, жена и дети». Это были последние слова, которые от него слышал.

Д. Б. Мертваго родился в 1760 г. Во время пугачевского бунта он потерял отца — помещика Алатырского уезда Симбирской губернии. В 1775 г. он поступил на государственную службу. С 1787 по 1797 г. он был советником Уфимского наместнического правления. В 1803 г. был Таврическим губернатором. В 1817 г. был назначен сенатором в Москву. Умер в 1824 г.

12. Манифест Пугачева г. Царицыну, казачьим старшинам и всему Донскому войску от 23 августа 1774 года.

(«Русский Архив», кн. I, 1873 г., стр. 0451 — 0452.)

Божиею милостию мы Петр Третий император и самодержец всероссийский и проч. и проч. и проч.

Объявляется города Царицына Донскаго войска казачьим старшинам и всему Донскому войску во всенародное известие.

Вы уже довольно и обстоятельно знаете, что под скипетр и корону нашу почти уже вся Россия добропорядочным образом по прежней своей присяге склонилась. Сверх того несколько Донскаго и Вольскаго войска оказывают к службе нашей, во искоренение противников, разорителей и возмутителей империи, дворян, ревность и усердие и получили себе свободную вольность и нашу монаршую милость и награждением древняго Святых Отец предания, крестом и молитвою, головами и бородами. Того ради, как мы есть всемилостивейший монарх и попечитель обо всех верноподданных рабах, желаем преклонить в единственное верноподданство всех и вас и видеть доказательство к службе вашей ревности от вас. Вы ж ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые, не насытясь Россиею, но и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род. Мы, однако, по власти всевышней десницы, надеемся, что вы, признав оказанныя против нашей монаршей власти и своего государя противности и зверския стремления, которыя вам всегда будут в погибель и повелителям вашим, раскаетесь и приидете в чувство покаяния, за что можете получить монаршее наше прощение и сверх того награждение також, каково получили от нас склонившиеся верноподданные раби. Во свидетельство того мы собственною рукою подписать соизволили. Августа 23 дня 1774 г. Петр.[1]

13. Преследование пугачевцев после победы над ними под Царицыным.

(Мордовцев, «Пугачевщина». «Вестн. Европы», 1866 г., т. I, стр. 360 — 362.)

...Когда Михельсон сделал свое дело и когда уже не с кем было сражаться, к Царицыну и выше Царицына нагрянули генералы с запоздавшими войсками: Мансуров, Муффель, Меллин, Голицын, Суворов. Они уже распоряжались с обезоруженными

---

[1] Дата манифеста вызывает сомнение. 21 августа Пугачев осаждал Царицын и в тот же день отступил от него и пошел в Сарепту, преследуемый войсками. После неудачи под Царицыном донские казаки толпами уходили от Пугачева. Манифест, несомненно, был написан ранее 21 августа.

врагами, вешали изменивших, ловили беглых и все обращались к Цыплетеву — кто за провиантом, кто за лошадьми, кто за боевыми припасами. Все начало стягиваться к Царицыну. Город переполнился народом, войсками, ранеными, больными, ограбленными. Один Михельсон пригнал в Царицын около 9.000 человек и каждому из них нужно было выдавать кормовых 2 коп. в день. Начался голод. «Школьники» играют на улицах разбросанными во время канонады ядрами. Собаки таскают по улицам трупы умерших и засеченных. Каждый день в городе казни, экзекуции, гонка сквозь строй пойманных с оружием или беглых солдат. Всякого проговорившегося в пьяном виде, сболтнувшего, гоняли сквозь строй и вешали. Ни лошадям, ни людям есть нечего. Народ питался жолудями. Боялись возмущения в городе и отобрали у пленных всякое оружие до последнего ножа.

Чтобы можно было хоть приблизительно судить об этом ужасном времени, укажем на некоторые факты, которые представляют нам архивные дела. Мы сказали, что Царицын переполнился народом, преимущественно взятым из толпы Пугачева и добровольно явившимися голодными и измученными. Из Царицына нужно отправлять их в места жительства. Партии по сту и по двести человек связывали канатами, как огромные своры собак и гнали по разным дорогам. Эти партии перемирали за дорогу: мертвых бросали по деревням, по степям, при больших дорогах. Из отправленных на таком канате Цыплетевым из Царицына двух партий, одной в Петровск в 85 человек, другой в Саранск в 106 человек, в Петровск пришло только 3 живых человека, в Саранск — 17. Все остальное перемерло дорогой. С местных начальств и родственников умерших взыскивали путевые и прогонные издержки и не только кормовые, но и «канатные» деньги. Из 119 человек, отправленных Цыплетевым из Царицына в Саратов, дорогой умерло 84 человека. Из отправленных затем до Саратова 311 человек умерло в дороге 232. Вслед за этими гнались на канатах до Петровска три новые партии в 548 душ. Из 58 пензенских дошли до места родины только 19 человек. Партия в 218 человек, отправленная из Саратова в Петровск, на расстоянии 80—90 верст, потеряла 58 человек.

Долго потом еще являлась из побегов голытьба, принося повинную, или говоря, что увлечены были в толпу злодея силою и страхом смерти. На допросах этих повинившихся открывались целые драмы, которых доследовать до конца не было ни времени, ни возможности. Тут уже главную роль играла плеть. Ограбленные или напуганные только, но спасшиеся подъячие, канцеляристы или воеводы мстили и за свой страх и за свои имущества и за убитых родных, знакомых. Чиновники мстили за беспорядки, причиненные мятежниками в канцелярских делах и в архивах: им нужно было заводить новые дела, подшивать растрепанные бумаги, требовать копии.

ГЛАВА VI.

БОРЬБА С ДВИЖЕНИЕМ В ПОВОЛЖЬЕ.

1. Рескрипт имп. Екатерины II графу П. И. Панину 29 июля 1774 г. о назначении его председателем комиссии.

(«Сбор. Руск. Истор. Общ.» Спб. 1871 г., т. VI, стр. 81—83.)

«Нашему Генералу графу Петру Панину.

«Вам известно уже настоящее положение дел в Оренбургской и Казанской губерниях, и степень неустройства, до которого там гражданское наше правление доведено изменою и бунтом появившегося под именем покойного императора Петра третьего самозванца из беглых донских казаков Емельяна Пугачева.

«Чем более интересует общее Империи благо, безопасность да и самую целость оной, скорое и совершенное прекращение сего важного зла до последних его источников, тем надежнее избираем мы вас к тому яко истинного патриота, коего усердие к особе нашей, любовь и верность к отечеству, ревность к нераздельной службе оного и нашей, также отличные качества, способность и дарования, испытаны уже нами во многих случаях. Вследствие сего определяем мы в главную вашу команду все те войска, кои действительно уже противу Пугачева употребляемы были со всеми гарнизонами и другими разными деташементами в тех окрестностях находящимися; но как намерение наше в поручении вам от нас сего государственного дела не в том одном долженствует состоять, чтобы поражать преследовать и истреблять злодеев, оружие противу нас и верховной нашей власти восприявших, но паче в том, чтоб поелику возможно, сокращая пролитие крови заблуждающих, кое для матерняго и человеколюбивого нашего сердца толь оскорбительно, возвращать их на путь исправления, чрез истребление мглы духи их помрачившей, восстановлять везде повиновение, покой и безопас-

ность внутреннего гражданского общежития, и приводить опять все расстроенные части государственного правления в прежний их порядок; то для соединения в одну цель сего сугубого предмета, отдаем мы равно в главную вашу команду губернаторов Казанского, Оренбургского и Нижегородского со всеми их провинциальными и уездными правлениями, яко такие три губернии, в которых уже разврат и неустройство духов явным образом открылось; а сверх всего еще снабжаем вас следующим здесь за подписанием собственной нашей руки отверстым указом, дабы все и каждый без изъятия, кому принадлежит по должности и званию какая-либо часть власти духовного, воинского и гражданского правления нашего, везде неукоснительно и без всякого отлагательства исполняли все ваши до сего сугубого предмета относящиеся требования и приказания. Находившись толь долгое время при исправлении знатнейших должностей воинских и гражданских службы государственной, не можете вы не знать всех оных коренных узаконений, и для того несомненно ожидаем мы от вас, что вы при употреблении вверенной вам от нас сей полной власти предохраните целость их; в прочем же употребление во всяком случае к стати и ко времени действительных мер, предаем мы с полною доверенностию собственной вашей разборчивости и лучшим на месте усмотрениям, удостоверяясь наперед, что патриотический ваш дух не упустит конечно собою никогда ничего такого, что только к скорейшему исполнению возложенного на вас важного государственного дела некоторым образом способствовать может. Мы не хотим да и не можем определить вам теперь места, где бы вам на первый час взять пребывание ваше, ибо сие долженствует зависеть от обстоятельств, следовательно же и от собственного вашего по оным усмотрения.

«При толь обширной комиссии, какова есть поручаемая ныне от нас патриотическому вашему усердию и соединяющая в себе все части политического, военного и гражданского управления в тех местах, где коснулась зараза пугачевского злодейства, или же которых оная приближаться станет, конечно нужны вам будут хорошие и надежные орудия; чего ради и позволяем мы вам брать и употреблять по усмотрению вашему на месте всех тех, как из находящихся при должностях и в действительной службе, так и из отставных всяких чинов обоего звания военного и гражданского, коих вы отменно способными почему-либо находить будете, прилагая их к добровольному себя употреблению в том нужном государственном случае.

«Повторяя на последок, что мы вам с полною и неограниченною доверенностию вверяем, изыскание и употребление всяких средств и мер к прекращению продолжающихся беспокойств, по лучшему вашему усмотрению представляющихся удобностей, уполномачиваем мы вас сверх того делать от себя и собственным

вашим именем всякие письменные и печатные объявления, если вы когда в том нужду признаете для пользы и споспешествования порученного вам дела толикой важности.

«Да будет вам благодать всевышнего спутником и руководителем. Мы же усердно его о том моля, пребываем вам императорскою нашею милостию благосклонны. Дан в Петергофе, июля 29 дня 1774 года.

Екатерина».

2. Из донесения гр. П. И. Панина императрице Екатерине II от 5 августа 1774 г. о слухах, распространенных пугачевцами в связи с приездом графа П. И. Панина, и о голоде в Поволжьи.

(«Сбор. Русск. Истор. Общ.» Спб. 1871 г., стр. 118 — 119.)

Что далее вдаюсь я в сей край, то открывается во всей черни злодеево бунтовщичье возжение и предубеждение предрассуждением о нем более, по которому всякие оказательства подлость превращая к его выгодам, не оставила и такое дерзновение произносить, что я, как брат дядькин его императорского величества, еду встречать с хлебом да солью; такой и дух бунтовщичьей касательности до непорочной души непреткновенной никогда в совершенной верности к вашему императорскому величеству и владеющим мною государям, принудил вострепетать все жилы во мне на изъявление тотчас в здешнем краю жестоких казней начальникам бунтовщичьих действ и замыслов, для показания с каким хлебом и солью я против самозванца и всего его сонмища еду. Если иногда преступлю я в том высочайшие и нежные чувствия вашего императорского величества материнского и человеколюбивого к своим подданным сердца, то заранее всеподданнейше испрашиваю прощения, приемля с радостию пролитие проклятой крови таких государственных злодеев на себя и на чад моих... Ничто столько меня не волнует, как предвозвещение почти неизбежного голода, если к отвращению того отвсюду и всеми пособиями каждый не будет напрягать по должностям общей государственной связи всего всеподданнического усердия к вашему императорскому величеству и к безвредности от бога врученного вам государства; по тем уже очевидным моим примечаниям, что и в здешних местах, где я нахожусь и где самое хлебное изобилие было всегда, теперь при самом вступлении нового хлеба в гумны, неслыханная уже дороговизна, и столь малый оного привоз в торговые дни, какого почти не запомнят. О сем хлебном недостатке предвидя еще покойный Казанский губернатор пред-

ставлял правительствующему сенату, чтоб благоволил он на закупку хлеба в запасные магазины к тамошнему краю ассигновать особливую знатную сумму и принять о том попечение; но вчера полученным мною указом вашего императорского величества из правительствующего сената дано мне знать, что все оное определением его отнесено на обыкновенное течение дел провиантской канцелярии. Сколь бы я один ни напрягал моего рвения и силы на отвращение сего угрожения в трепет приводящего, как от стороны стекающихся по необходимости войск в те самые губернии и провинции, где сущий недород хлеба в нынешнем году, так и от стороны поселян, что за возмущенными своими обращениями и малый урожай худо собирали, из оного бунтовщичьи сонмища похищали, не полагаю я себя, всемилостивейшая государыня, одного быть в состоянии предупредить и отвратить угрожения голода и несчастливейших еще из него следствий, для того приемлю смелость всеподданнейше просить дать высочайший вашего императорского величества указ и в правительствующий сенат, дабы он к предупреждению сего угрожения употребил все свои пособия и распоряжения, как особливыми денежными суммами, так и отправлением надежнейших к тому особливых персон, и не возможно ли всемилостивейшая государыня отправить поспешнее губернатора в Казань, яко от сей губернии больше всех других обозрение и вспомоществование требуется на доставление без недостатка пропитания к своему времени не только в свою, но и в Оренбургскую губернии и по разным местам по Волге. Сверх всего того могу найти себя принужденным за преследованием самого самозванца удалиться совсем и в другой край от вспомоществования и распоряжения появляющимся недостаткам к пропитанию и жителям в том краю, о котором князь Голицын в рапорте своем представляет.

3. Из донесения гр. П. И. Панина императрице Екатерине II от 13 августа 1774 года о брожении в Московской и Воронежской губерниях.

(«Сбор. Русск. Истор. Общ.». Спб. 1871 г., т. VI.)

Здесь приобщить за должность мою нахожу рапорт, полученный вчера мною из переяславской провинциальной канцелярии и копии с приложенных при оном двух копий же, списанных у меня ради весьма худой и нечеткой руки в оных, по содержанию которых дерзаю приметить, что хотя бы и неподлинно, но ужь видно, что разглашениями начинает проявляться и другой самозванец, и что искры ядовитого огня, от настоящего самозванца, и употребляемых от него ко всей черни прельщений,

зачинают пламенем своим пробиваться, не только в тех губерниях, коими сам злодей проходил, и кои ваше императорское величество всемилостивейше поручили моему бдению к восстановлению прежнего в них покоя и повиновения законной власти, но обнимает и здешнюю Московскую и Воронежскую губернии.

4. Собственноручное письмо императрицы Екатерины II графу П. И. Панину. 17 августа 1774 года.

(«Сбор. Русск. Истор. Общ.» 1871 г., т. VI.)

«Граф Петр Иванович. Письма ваши одно от 12, а два от 13 сего месяца, под № 4, 5 и 6, я вчерашний день вдруг получила и со всеми приложениями, не знав имеете ли вы сведения о письме ген.-маиора князя Голицына ко мне. Как оное содержит разные известия, распоряжения и обстоятельства, нужные вам, то в оригинале при сем включаю его письмо и с приложениями, не смотря на то, что быть могут излишними. Вы усмотрите из оного, что его намерение есть идти на Корсун и если арзамаские известия о взволновавшейся черни правильны и до него дойдут, то кажется ему унимать их по дороге. Вашим письмом под № 5 уведомляете меня, что гвардии капитан Галахов к вам приехал и что вы переменяя сходственно с обстоятельствами его маршрут, однако всевозможные меры взяли, чтоб ему доставить способ исполнить порученное, в чем осталось желать только доброго успеха. Присланные вами полученные известия из Переяславля Рязанского хотя и суть нового рода и доказывают диспозицию народную к волнованию в той провинции, но марш полковника Древица чаю переменит мысли сей непослушливой черни, и думать надобно, что злодей сии способы чрез своих подсылателей употребляет дабы сим отвесть войска от главной его кучи и скрыть свои обороты. Нужды нет на сей случай снабдить вас новыми повелениями, ибо в инструкции вашей сказано, что вам вверяется политическое военное и гражданское управление в тех местах, где коснулась зараза пугачевского злодейства или же которых оная приближаться станет. Что же по новейшим известиям злодей бежит к Петровскому и следственно к Медведице и приближается к Донским станицам, сие бы при теперешнем случае желательно было, ибо от донских казаков ему ожидать, кроме поражения, нечего, потому третий день как конной гвардии ротмистр Осипов, который от меня в Черкаск посылан был, оттуда возвратился и привез от сего войска усерднейшее уверение о непоколебимой верности и не дреманном остережении от злодейских покушений; сей разумный офицер нашел, что имя Пугачева в омерзеньи у старшин и казаков и они даже и станицу, где родился сей изверг переводить желают на другое

место. Что же касается до ген.-пор. Суворова, то непременно моя воля есть, чтоб до утушения бунта под вашим начальством свое пребыванье имел, о чем я сама к фельдмаршалу Румянцову писала, но о сем забвеньем военной колегии не дано было знать до вчерашнего дня, и так он в мирном росписании войск в дивизию вписан был. Впрочем остаюсь к вам доброжелательна»

Екатерина.

5. Циркуляр гр. П. И. Панина от 25 августа 1774 г. о наказании пугачевцев.

Дмитриев-Мамонов, «Пугачевщина в Сибири». «Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс.» М. 1898 г., стр. 124—126.)

«1774 года, августа 25 дня, по указу ее императорского величества и по данной мне полной мочи, за собственноручным подписанием, на усмирение производимого ныне в государстве бунта изменником с его сообщниками и самозванцем Пугачевым, в имени покойного императора Петра Третьего, который известно всему государству, двенадцать тому уже лет скончался и пред глазами всего Петербурга похоронен в Невском монастыре, по усмотрению на месте удобнейших средств, не только к пресечению сего бунта, но и к возвращению в прежнее верноподданническое повиновение ее императорскому величеству законновладеющей империей всероссийской императрице, великой Екатерине Второй, всех взбунтовавшихся и заразившихся сим бунтом ее величества подданных, изменников и сообщников его, предполагаю я сим по государственным законам поступать по нижеписанному:

1) «Во всех тех городах и селениях, в которых обыватели поднимали свои руки или способствовали только поимке и предательству в руки изменников на убийство своих воевод, всяких постановленных от ее величества начальников, собственных помещиков, священников и всякого звания верноподданных, и тех, как самых убийц, так и предателей, заводчиков, изготовя наперед по христианскому закону, казнить смертию отрублением сперва руки и ноги, а потом головы и тела класть на колесы у проезжих дорог».

2) «Всех без изъятия последователей за таковыми бунтовщиками сечь жестоко при виселице плетьми».

3) «Ради такой кары, при всех тех селениях, которые бунтовали или хотя ослушными противу законного начальства оказывались, поставить и впредь до указу не велеть снимать по одной виселице, по одному колесу и по одному глаголю, для вешения за ребро».

4) «Если заводчиков убийств учрежденных начальников, собственных помещиков, священников, настоящими обличениями

изыскивать будет уже нельзя, то в таковых селениях, где начальники, священники и всякого звания, верноподданные умерщвлены или преданы их же поселянами, принуждать к выдаче заговорщиков метанием между ними жребия, для повешения третьего, а ежели и сим средством они их не выдадут, то и действительно сотого, между таковыми по жребию повесить, а остальных всех возрастных пересечь жестоко плетьми».

5) «Всех поселян, возвращенных сими средствами в прежнюю подданническую верность к ее императорскому величеству нашей всемилостивейшей государыне и в должное повиновение своих начальников, помещиков, утвердить в том целованием евангелия и креста, объявив, что кто и за сим дерзнет впредь каким-либо образом приобщаться к бунтовщикам или утверждать самозванца Петром Третьим, который двенадцать уже тому лет, всему государству известно, подлинно скончался, или кто сделает малейшее ослушание воеводам, канцеляриям, всяким над собою начальникам и собственным помещикам, а другие таковых заводчиков или подсыльных от государственных бунтовщиков не свяжут и в ближайшую канцелярию или в воинскую команду не представят, за то в самой скорости присланными из войска команды генерала графа Панина все в таковых селениях, без изъятия возрастные мужики, будут казнены мучительнейшими смертями, жены и дети их отданы в рабство, а земли во владение в верности пребывшим всегда к ее императорскому величеству подданным и помещикам».

6) «Если, паче чаяния, чего до сих пор еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобы нашлись по вышеписанному заслужившие наказание смертной казни или телесные наказания, дворяне или имеющие офицерские и высшие чины, также из духовного рукоположения, таковых по изобличении содержать прикованными к стенам на хлебе и воде, а о действительном их наказании представить генералу графу Панину через нарочных».

7) «В тех селениях, в которых собственными обывателями что казенного или помещичьего разграблено, оное принуждать обратно возвращать, с тем угрожением, если у кого что из такого награбленного и собственно собою невозвращенного впредь отыщется, то таковой непременно будет повешен»[1].

---

[1] В ордере гр. Панина казанскому, воронежскому, сибирскому, оренбургскому и нижегородскому губернаторам от 3 октября того же года (см. «Зап. Акад. Наук», Спб. 1875 г., т. XXV; кн. II прил. стр. 103 — 105) внесены существенные изменения в этот циркуляр. От присутственных мест требуется представить списки селений, при которых устанавливаются виселицы, колеса и глаголи. Права местных властей расширяются. Они имеют права в тех селениях, в которых поставлены орудия смертной казни, применять ее не только по отношению к лицам, замешанным в пугачевском движении, но по всякого рода другим делам, заслуживающим смертную казнь, не считаясь с ранее изданными манифестами о замене смертной казни другими наказаниями.

6. Из донесения гр. П. И Панина императрице Екатерине II от 6 сентября 1774 г. из г. Керенска о причинах пугачевского движения и о появлении новых пугачевских отрядов.

(«Сбор. Русск. Истор. Общ.» Спб 1871 г., т. VI, стр. 131—135.)

Сколь дерзновенны здешнего края возмущения, оное изъявляется особливо тем, что и после разбития донесенного мною вашему императорскому величеству венгерскими гусарами большой шайки бунтовщичьей, еще здесь уже разбиты две, одна в сорока верстах от собственного моего здесь пребывания, в городе Наровчате, отрядом отправленным от меня с ревностнейшим к службе вашего императорского величества лейб-гвардии капитаном Луниным, а другая в городе Троицке в осьмидесяти верстах санктпетербургского легиона подполковником Архаровым, самоизвольно же впросившимся в сию экспедицию еще у князя Михайла Никитича; третья верстах во ста разбежалась в леса по приближении подполковника гусарского и кавалера Бедряги; над четвертою делают поиски отряды полковника и кавалера Древица, а все оные бунтовщичьи шайки составляются каждая в несколько тысяч человек, и предводятся под именем самозванца. Во всей здешней черни из всего без изъятия весьма приметно, что дух ее наисильнейшим образом прилеплен к самозванцу изданными от имени его обольщениями на убийство своих градоначальников, дворян, на разграбление казны, соли и на неплатеж десятилетний никаких податей. К пресечению и истреблению сего я особливою должностию поставил употребить, как страх наказания, так и от высочайшего вашего императорского величества имени и милости к ободрению тех, кои при всем том свою всеподданническую верность непреткновенно сохранили, для чего и принужден себя до послезавтра задержать и между тем исполнить сие.

Некоторым убийцам и заводчикам к троекратному нападению на здешний город приказал учинить при себе смертную казнь, а другим телесное наказание сообразно по всей силе с природным милосердием и человеколюбием вашего императорского величества. Прочих же всех утвердить присягою в возвращении к верноподданнической их к вашему императорскому величеству должности целованием креста и евангелия в церкви со всенародным молебствием о здравии законной своей государыни.

На сих же днях получил я неприятное известие, что подобные же разбойничьи шайки новыми своими совокуплениями впереди моей, а взади генерал-майора князя Голицына теперешних позиций, начали возобновлять свои убийства и граби-

тельства, к низложению которых, хотя от обоих наших корпусов посланы отряды, но между тем несчастливый Симбирского города комендант Рычков, выступив из оного для поражения приближающейся шайки потерял свою жизнь в сражении с оною, и бунтовщики приобрели поверхность над его гарнизоном и уланскою командою, бывшею в двух стах человеках с одною пушкою. Теперь все наше тщание, чтоб сих бунтовщиков достойно наказали употребленные к тому от нас полевые отряды; но оное происшествие с точностию утверждает, что дерзновение здешней бунтовщичьей черни распространялось до отчаянной смелости, производить оную так сказать почти в окружении поражающими подобные им шайки полевыми вашего императорского величества войсками и мною, заводчиком наказуемых.

7. Из донесения графа П. И. Панина императрице Екатерине II 10 сентября 1774 г. о поимке нового самозванца и новых волнениях крестьян.

(«Сбор. Русск. Ист. Общ.» Спб. 1871 г., т. XI, стр. 141 — 143.)

При рассматривании моем полученного сейчас экстракта из Тамбовской провинциальной канцелярии, присланного по ордеру их губернатора о колодниках той канцелярии пойманных и сведенных в нынешнее искоренение производимого государственного бунта по касательностям до оного нашел я, что содержится там между ними тамбовского уезда села Кирсанова дворцовый крестьянин Иев Макаров сын Мосягин, объявивший себя уже другим самозванцем в имени покойного же императора Петра III. Я, всеподданническою должностию поставил об оном вышеписанное в точности из представленного ко мне экстрактом его допроса поднести при сем за моим собственным засвидетельствованием к высочайшему вашего императорского величества о нем повелению, кому и куда вам преподать оное благоугодно будет. Между тем предписал я, чтоб оный злодей содержан был в Тамбове до высочайшего вашего повеления прикованным к стене, а сообщников его под крепким караулом под смотрением от утечки и какого-либо истребления тамошнего воеводы, и под ответом в том собственною его жизнию, а сим всеподданнейше испрашиваю вашего императорского величества о том высочайшего указа...

Завтрешний день, отселе я выступя, буду следовать чрез Пензу к Волге размеряя по всей силе и возможности мою во оном поспешность тем, чтобы по высочайшему вашего императорского величества особливому мне предписанию, которого я всеми образами и держусь, места вперед уже не имели угрожения злодейским нашествием столице Московской, и для которого я в здешнем краю задержаться был принужден на разбитие

уже шести разных скопленных гораздо в немалом числе бунтовщичьих шаек, отвращая, чтоб оные по примеру казанскому не были в состоянии совокупясь и умножась возмущенною черныю еще в величайшее число, пойти в заду моем с поиском на оную столицу. Сколь же духи здешнего края черни были к тому дерзновенны, благоволите вывесть заключение из сего, что разбитая и вашему императорскому величеству прежде от меня уже донесенная злодейская более трех тысяч человек шайка гвардии капитаном Луниным, дерзала нападение делать на город Инсару, и сама совокупиться в сорока только верстах от моей главной позиции, где самые строгие смертные казни и наказания пред глазами всех производились первоначальным злодеям и убийцам, сводимым из разных мест, и что вчера по выезде моем оттуда из Керенска верстах на трех только пойманный холоп мне был приведен, который, видя все оные казни и наказания, не ужаснулся однако же на первовстретившегося дворянина напасть с ножем для ограбления его; со всем тем много уже меня теперь ободряет в надежде скорого всему тому низложения, то, что уже от разносимого слуха о моих произведениях из нескольких уже и отдаленных селений зачали приходить с повинными, и представлять собою изловленных заводчиков и возмутителей поставляя по повелениям моим при селениях своих, как соучастных в возмущении виселицы и колесы для казни всех их, если они вперед не будут пребывать в подданническом повиновении, или сопричаствуются опять к бунтовщикам, а прежде разносимой об имени моем слух переменился в то разглашение, что когда брат дядьки цесаревича пошел противу самозванца, карая и наказуя верующих в него, то конечно уже он не император Петр III, а разбойник и изменник Пугачев. Дай бог чтоб сею совершенною истиною наполнилися все духи возмущенной и в колебание приведенной повсеместно здешнего края бесчастной черни, но однако же оставляю я в нем хотя небольшие по разным местам полевые команды, для надзирания и обуздания подлости.

8. Из донесения гр. П. И. Панина императрице Екатерине II от 17 сентября 1774 г. о мерах борьбы против голода, о помощи дворянским семьям и о помиловании жителей.

(«Сбор. Русск. Истор. Общ.» Спб. 1871 г., т. VI.)

...Во вновь всемилостивейше возложенном на меня попечении об отвращении голода, угрожающего обывателей здешнего края, не пощажу я всеконечно всемилостивейшая государыня, употребить всю человеческую силу, разумение и ревность, а о дальнейшем препоручусь и о потребном выше сил моих

способствовании буду молить милосердую вышнюю десницу, споспешествующую всегда во благое всем деяниям вашего императорского величества. Но чтоб не пропустить мне ни малейшего времени во употреблении всех моих сил и разумения к споспешествованию на отвращение оного угрожения, то со сделанного мною предположения о заготовлении потребного пропитания как войскам, так по возможности и неимущим обывателям, разосланного уже ко всем губернаторам и провиантским здешним чинам подношу всеподданнейше у сего под № 4-м копию.

Раздробительными войску частями расположил я позиции, сообразуяся у способнейшей удобности составить по разным местам небольшие магазины, нежели в одних великие, и потому, чтоб с таковых позиций иметь мне лучшую удобность войска обращать, куда они по каким обстоятельствам востребоваться могут; полагая теперь со утвердительною надеждою, что уже оных никогда не востребуется совокупленного большого числа потому что ни враг государства, еслибы где оный оказался, чего однакоже я еще не надеюсь, будет везде пресечен от своего усиления, ни внутреннего возмущения искры не будут уже допущены к важным воспламенениям; я обнадежил себя весьма в скором времени уведомить вас, всемилостивейшая государыня, что и все оных искры совсем потушены по тем успехам, до которых божьим благословением теперь уже я достиг.

В здешнем городе привели меня два обстоятельства в наичувствительнейшее движение, но противные одно другому. При самом въезде пало на землю с горестнейшим воплем и слезами, просящих милосердия вашего, совсем не ожидаемое число дворянских вдов с младенцами и возрастными девушками, осиротевшими злодейским убийством отцев и мужей их, и несколько дворян разграбленных оными почти до последнего куска хлеба, все без изъятия в рубищах извлекающих слезы из самых свирепейших сердец, от коих не могши я воздержаться, с оными обнадежил их, положась на известные щедроты вашего императорского величества монаршим призрением и принял дерзновение, тем из них, которые подлинно по рассмотрению моему их состояния не могли обойтиться без прошения милости на свое первоначальное пропитание и на одежду хотя мало сносную, приказать выдать из милосердия вашего императорского величества по небольшому денежному вспоможению, кое и на всех не дойдет до двух тысяч рублей, предоставив себе, что таковой казенный расход если благоугодно вам, можно будет возвратить со временем в казну небольшим сбором со всего вообще дворянского имения, или с тех селений, сопричастных бунтовщичьему возмущению, в коих не все по строгости законов наказаны, но сообразно с милосердием, без оного помилованием только освобождены, наказав в них единых заводчиков или с жеребья...

9. Из письма императрицы Екатерины II Лифляндскому губернатору от 26 октября 1774 года об отношении Екатерины к пугачевскому движению и о голоде в Поволжье.

(«Осмнадцатый Век», кн. 3; стр. 231—233.)

Господин Лифляндский генерал-губернатор. — Что касается до Пугачевского бунта, то нигде теперь ни малейшей воровской шайки не слышно, а упражняется теперь генерал граф Панин набеги киргизские народы пресечь, да башкирцев привести в совершенное спокойствие, в чем и успех везде его трудам соответствует. Пугачева я (по) читаю теперь на дороге к Москве; он во всем винится и сам себя почитает всякой казни достоин. Он, действительно, Донской казак Зимовейской станицы, и многие Донские казаки его знают, и они никогда сами к нему не приставали, а шалили с ним Яицкие казаки, и Башкирцы, и Татары, и Волжские бурлаки, да беглые, коих на Волге много; прочих же везде из деревень брали и гнали силою и застращая, а инде и мужики, надеясь на свободу и на неплатежа податей, к ним пристали; теперь же везде и все тихо. Чужестранного ни единого человека при Пугачеве никогда не было; он сам ни читать, ни писать не умеет, служил в Прусском походе и в нынешней войне две компании; дворян он везде вешал по злобе. Сей разбойник не устрашим, но не видно в нем лишной остроты, а еще меньше систематический смысл или дух, но урывками действовал, как на ум что пришло, и наипаче прямой его предмет был грабежа, а потом пить, есть хорошо. — Его история сходствует во всем гистории разбойника Стеньки Разина, который завладел Астраханью при царе Алексее Михайловиче, и многими городами, называя себя царем Федором Федоровичем, и посылал послов в Персию, и четыре года его из Астрахани не могли выбить: проказы те же, и в те же места и теми же людьми. Сей край еще в великом невежестве, то есть Оренбургской, Астраханской и низовые земли. — Теперь приступлю к ответу на третье ваше письмо о хлебном торге. Правда, что в Низовые места голод совершенный уже настоит, в некоторых местах хлеб не родился, в других не сеяли, во многих хлеб не снимали с поля, а армии возвращаются в Империю, а магазейны должно пополнять для военных людей, да и жителям должно пропитание доставить, и все делается что можно для сих необходимых нужд, и все губернаторы наставлены, чтоб друг другу всевозможные вспоможения делали. — От сената имею представление, чтоб вывоз хлеба на время остановить, но я на сие не поступила еще, для того что ведаю все неудобности от

того быть могущшие, наипаче вывозить из Риги. Подумаю, что б скорее всего способствовало унять все о невыпуске хлеба из Риги представлении: если бы господа Лифляндцы одни или обще с Эстляндцами так учтивы были и взяли бы на себя прокормление города Питербурха, или отчасти или весь, за деньги: например, еслиб четвертей тысяч до дву сот за умеренную цену в будущем году договорить сюда доставить, дабы тем дополнить недостаток низового каравана, который, чаю, и ожидать не можно и не должно, а сей город хлебом снабден от сентября 1774 и на 15 месяцев; а как я уеду у Москвы, так еще людей убавится. А если сие не сделают, то будем стараться как можно, ибо есть надобно. — Впрочем остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина. Октября 26 числа 1774 года.

Это письмо оказало сильное влияние на лифляндское дворянство. Оно обязалось доставить в Петербург 60 тысяч четвертей (около 500 тысяч пудов) хлеба.

10. Объявление главного начальника над губерниями Нижегородскою, Казанскою и Оренбургскою.

(«Записки Академии Наук». Материалы для истории Пугачевского бунта. Том 25, кн. II, стр. 112—115.)

Всем владельцам, жителям и поселянам оных губерний сим дается знать:

Почти от большей части черни сих губерний, сколь ни велики оказаны были законопреступнические злодеяния, испровержение подданнической верности к ее императорскому величеству и дерзновенное выступление из повиновения законной власти, и сколь правосудие ни обращало монаршее ее сердце на гнев за оное, но ничто не возмогло преодолеть в великой ее душе жалости, человеколюбия и материнского милосердия ко врученному от бога под скипетр ее народу, ибо при усматривании бедствия, ниспосланного на оный от десницы вышней конечно в правосудное же наказание умножившимся в нем злодейским преступлениям, чрез всеобщий в стране сей хлебный недород, угрожающий бедных и самою от голода смертию, ее императорское величество, будучи подвигнута по такому приключению материнским о народе своем соболезнованием, презрев все оказанные от него противу монаршей власти злодейские дерзновения, человеколюбно присовокупила к воссылаемым своим теплым молитвам ко господу богу о удержании праведного его гнева на ее народ, и высочайше соизволила указать мне приложить всеудобь-возможное попечение к преподанию помощи ввергающимся в сущее претерпение голода, заведением по местам здешней страны хлебных казенных магазейнов, всемилостивейше уделя на то денежную сумму из доходов государственных,

крайне ж расхищенных и пресеченных чрез возмущение самого того народа, о котором ее человеколюбивое сердце всегда подвизается милосердием и попечением о его истинном благосостоянии. Я, по всеподданнической должности к непременному исполнению высочайшего мне сего повеления и по всему усердию о способствовании единоплеменному со мною народу, на предохранение оного, сколько возможно, от предстоящего ему бедствия чрез всеобщий неурожай здесь хлеба, хотя и обращаю все мои на то силы и удобные пособия, но никак не буду в состоянии по желанию своему в оном предуспеть, если все без изъятия владельцы и жители страны здешней, изобилующие от прошлых лет остатками и промышляющие хлебом, не восхотят совокупить своего усердия с моим попечением, на равное ж вспомоществование ко отвращению угрожаемого народу сего бедствия. Но как приуготовление пищи при настоянии голода первый способ всеобщему спокойствию, так насупротив производит ужасные следствия; то я в несумненной о том надежде, что никто из российских верных сынов в таком случае не восхощет быть извергом рода человеческого, что б предпочесть ненасытность корысти своей, при гладном бедствии своих соотечественников, пред умеренными и богом благословенными прибытками от своей жатвы и промыслов, соразмерными только трудам своим и вспоможению в голоде собственным своим собратиям; на том основании, по довольном рассуждении в общем со мною заседании гг. губернаторов Нижегородского и Казанского, положили и утвердили, что б с сего времени до нового хлебного урожая недопускать нигде подымать цен на всем правом берегу Волги: аржаной муке выше 2-х рублей 70 копеек, крупе 3-х рублей 50 копеек, овсу 1-го рубля 10 копеек четверть, а на левом берегу оной реки муки аржаной 1-го рубля 80 копеек, крупе... [1] овес 80 копеек четверть, сена повсеместно не выше 6 копеек пуд и чтобы неудобь-возможными средствами от того воздержать, дабы из учреждаемых казенных магазейнов никто отнюдь не дерзал, имеющий собственное пропитание до нового урожая или распродавший свое избыточество, в собственную корысть выманивать выдачу себе из оных магазейнов, под видом своих в хлебе недостатков, на необходимое свое пропитание, или на продажу принятого из тех магазейнов в собственную себе корысть; и об оном преположении сим всем и каждому объявляют, присовокупляя:

1. Да не дерзает никто выше преположенных цен продавать ни в казну, ни в народе, свое хлебное и фуражное избыточество, и да не выпускает никто без дозволения правительства хлебные свои избытки на продажу в другие места, кроме собственных своих губерний, под неупустительным не только безденежным конфискованием всего продаваемого, но и будет

[1] Цена крупы неизвестна, так как в печатном тексте имеется пропуск.

таковой признанием во обществе извержен из верных сынов во враги отечества своего; а если кто из благоусердных сынов России станет продавать в народ и в казенные для снабдения оного магазейны, свои хлебные и фуражные избытки ниже вышепреположенных цен, тот будет признан и пред престолом монаршим, и от всего общества за особливо усердного сына отечеству, верного раба всемилостивейшей монархине и благотворительного собрата своих единоплеменных.

2. Да не дерзает никто быть таким злохищным извергом, чтоб под видом сущого своего голода выманивать из казенных магазейнов выдачу на себя, или на посторонние имена, хлеба для продажи оного в насыщение жадного своего корыстолюбия, или при распродаже своих хлебных избытков чтоб пропитать себя потом тем выманенным из казенных магазейнов хлебом, которых на всех без изъятия сей страны обитателей наполнять, ни казны ни в натуре хлеба достать никак будет невозможно; кто во оном паче чаяния обличится, с тем без всякой пощады поступлено будет не только в наказании, но и в казни как со вредителем империи и народного спокойствия. Издан в Симбирске 1774 года.

11. Указ от 2 декабря 1774 года воронежскому губернатору Шетневу о мерах, принятых к прокормлению тамошних жителей, по случаю неурожая хлеба.

(Напечатано в П. С. З., т. XIX, № 14222. О голоде во время пугачевского бунта см. Аничков, «Панин как усмиритель пугачевского бунта».)

Усмотря из присланного вами в Сенат рапорта, что во вверенной вам губернии, по неурожаю хлеба, многие в народе не имеют нужного себе пропитания, то для доставления нужду терпящим средства к прокормлению и дабы они не рассеялись по другим уездам, дозволяем вам употреблять следующий способ, в уездных городах, состоящих посреди нужду претерпевающих мест, имеете вы зачать делание рвов около тех городов, за умеренную денежную или хлебную из казны плату, всякому полу и возрасту людей, ибо кто не может рыть землю, тот носить оную будет, мало или много, сим способом буде порядочно установите, люди от побега, неистовства и праздности удержаны будут, и доставится им вспоможение в прокормлении, все же таковые работы должны быть добровольны, отнюдь не нарядом и не с такою огласкою, чтобы из изобильных мест к вам работники стекались.

Вероятно, был издан в конце октября или в первых числах ноября 1774 г.

ГЛАВА VII.

СУД НАД ПУГАЧЕВЫМ.

1. Рапорт Маврина П. С. Потемкину от 15 сентября о первых показаниях Е. Пугачева.

(«Записки Академии Наук». Материалы для истории Пугачевского бунта. Т. 25, кн. II, стр. 70—73.)

Вашему превосходительству имею счастие донесть, что злодей Емелька сейчас посланною от меня партиею Яицких казаков под командою сотника Харчева взят из рук его сообщников, тех самых кои его связали, и ко мне представлен. Описать того невозможно сколь злодей бодрого духа, однакож без наименования себя тем имянем, коим до сего часа так дерзко себя называл. Не делая ему, по скорости сего отправления, письменного допроса, а на словах выспрашивая, вначале говорит, что виноват пред богом и пред ее императорским величеством, и заслужил все те муки, кои на меня возложены будут, и снесу де их за мое прегрешение терпеливо; потом продолжает историю свою, ту самую, которая и чрез Яицких казаков Закладнова, Караваева и Шигаева вам известна. Имя государя Петра Третьего принял он на Таловском умете, в доме пехотного солдата Степана Оболяева (он же и Еремина Курица). Из Казани ушел он при помощи бежавшего с ним купца Дружинина: сего купца малолетной сын на данные от Емельки деньги купил лошадь с кибиткою; а как сия была в готовности, то отпросились из-под караула к попу, и побыв тамо, вышли на то место, где стояла лошадь, сели в кибитку Емелька, Дружинин с сыном и два солдата, из коих одному несогласному к побегу зажали рот, чтобы не кричал, и поскакали на Арское поле, где несогласного к побегу солдата, остановясь, били на смерть, и оставя оного на месте, поскакали далее. Приехали в одну деревню, не помнит какую, где Емелька от товарищей своих ушел, и где они находятся, не знает; жил у одного мужика шесть недель, покудова продолжались поиски; потом на имеющиеся при нем деньги (оных было у него более 50-ти рублей собственных,

да собрал в разное время,—в тюрьме будучи, от подаяния не помнит сколько, в отобрании ж не были, а для чего не знает) купил пару лошадей и приехал на Таловской умет к объявленному солдату, называющемуся Еремкина Курица, где и пришло ему в голову принять на себя царское название, ведая притом в Яицком городке несогласия между казаками, и рассудил склонить их на свою сторону, в чем и предуспел; а как сие происходило, точно значится в допросе Дениса Караваева; выговаривает при том смелыми словами, что он не столько виновен как Яицкие казаки, ибо они хотя сперва и были несколько уверены что он государь, но после, уповает, приметили его невежество, а особливо в неумении грамоте; также и в смертных казнях, кои у сего изверга были в употреблении, отводит главную причину на Яицких казаков, как на первых своих друзей, ибо против их представлением противиться он никак не мог, и они до сего великого зла его доводили своими разными доводами. Что ж принадлежит до его предприятиев завладеть всем, в том и сам удивляется, что был сперва очень счастлив, а особливо при начале, как он показался у Яицкого городка, было только согласников у него сто человек, а не схватили; почему и уповает, что сие попущение божеское к несчастию России. Что ж до намерения его итти в Москву и далее, тут других видов не имел как-то: если пройдет в Петербург, там умереть славно, имея всегда в мыслях что царем быть не мог, а когда не удастся того сделать, то умереть на сражении: ведь все де я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту. В Москву и в Петербург шпионов от себя никогда и с никаким намерением не посылал; равным образом и посторонней помощи окроме своего ухищрения ни от кого не имел и получить не чаял, да на что де мне? я и так столько людей имел, сколько для меня потребно, только люд не регулярной. Злодейские пасквили вместо его подписывали по русски писари его, а по-латыни и на других языках бывший в толпе его какой-то офицер, взятой в плен из корпуса генерала-маиора Кара, думать надобно, что Шванович. Завтрашний день представлю его с потребною предосторожностию пред его способников Яицких казаков, кои, уповательно, и по сю пору еще в мыслях об нем очарованы, то-есть те, кои его вязали, как и из приложенного при другом рапорте допроса усмотреть изволите; а прочие все мною давно уже в желаемые мысли доведены, и никак в них не сумневаюсь. В заключение сего злодей уповает и на милосердие ее величества, говоря при том, что он слуга доброй, и заслужить всячески в состоянии. Будьте, ваше превосходительство, уверены, что всякого рода предосторожности от меня в содержании его сохранены будут, а к тому и поступки в обхождении с ним яко с точным злодеем присовокупятся, дабы злую заразу, елико есть возможность, истребить в легковерном здешнем народе.

Подноситель сего послан от меня был на встречу, как везли в город злодея, и малой весьма усердной, коего в протекцию вашу подвергаю.

Гвардии капитан-поручик Маврин.

Сентября 15 дня 1774 года.
Яицкой городок.

2. Ведомость перечневая, сколько каких званий людей злодеями разными образами умерщвлено и сколько каким храмам божиим касались своими неистовствами.

(«Записки Академии Наук». Материалы для истории Пугачевского бунта. Т. 25, кн. II, стр. 141—142.)

	Число людей.
Страдальческими смертьми замучено:	
Дворян	67
Их жен	90
Обоего пола детей	94
Перебито до смерти:	
Дворян	232
Их жен	103
Младенцев	49
Повешено:	
Дворян	335
Их жен	231
Обоего пола детей	99
Застрелено:	
Дворян	76
Их жен	16
Обоего пола детей	29
Потоплено:	
Дворянских младенцев	15
Заколото:	
Дворян	43
Их жен	13
Обоего пола детей	16
Изрублено:	
Дворян	43
Их жен	21
И того дворян, их жен и детей разными смертьми умерщвлено	1.572

Повешено:

Священников	102
Да в ризах и с крестами	4
Их жен	47
Дьяконов	25
Причетников	59
И того священно- и церковнослужителей с их женами истреблено .	237
Унтер-офицеров и прочих нижних чинов	118
Их жен	14
Разночинцев	716
Их жен	105
Обоего пола детей	39
Канцелярских служителей	45
И того унтер-офицеров, разночинцев и приказных служителей с их женами и детьми истреблено	1.037
Всего дворян и прочих чинов истреблено:	2.791

Разными неистовствами осквернено и разорено:

Монастырей	14
Церквей	63

Подлинная подписана тако:

Граф *Петр Панин.*

До отправления сего не подоспели еще требованные о сем же ведомости из 14 городовых канцелярий отдаленных.

Эти сведения собирались по предложению центральной правительственной властью, чтобы показать Пугачевцев, как врагов не только «благородного» дворянства, но и всего человечества.

Списов убитых пугачевцами напечатан в приложениях к истории пугачевского бунта А. С. Пушкина. К сожалению, мы не имеем точных цифр о количестве смертных казней, совершенных гр. Паниным и различными воинскими отрядами, действовавшими до назначения гр. Панина.

3. Из сентенция 1775 года января 10 о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников.

(А. С. Пушкин, т. V Издание Брокгауза и Ефрона СПБ 1911 г., стр. 146—148.)

За все учиненные злодеяния, бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву, в силу прописанных божеских и гражданских законов, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь. [1] Главнейших его сообщников, способствующих в его злодеяниях:

1. Яицкого казака Афанасья Перфильева, [2] яко главнейшего любимца и содейственника во всех злых намерениях, предприятии и деле изверга и самозванца Пугачева, паче всех злостью и предательством своим достойного лютейшие казни,

---

[1] Из писем ген.-прокурора кн. А. А. Вяземского (к сожалению, до сих пор полностью не опубликованные) видно, какая сильная борьба шла на судебном заседании в Москве между приверженцами П. И. Панина и сторонниками Екатерины вокруг вопроса о том, как казнить Пугачева. Панин требовал, чтобы Пугачева колесовали живым. Он и его группа «сказались» больными и не явились на заседание где, по настоянию Екатерины, суд должен был вынести постановление о четвертовании Е. Пугачева.

Пугачева четвертовали 10 января 1775 года в Москве на Болоте, но несколько необычным образом. Вместо того чтобы отрубить сначала ноги и руки, а затем голову, палач отрубил, прежде всего голову. Современников, присутствовавших на казни, это обстоятельство очень поразило и они винили в этом палача. Так, между прочим, думает известный мемуарист XVIII в. А. Т. Болотов, оставивший яркое описание казни Пугачева. Письма А. А. Вяземского дают более сложное объяснение этого факта, указывая на Екатерину II, как на виновницу этого дела. Если это действительно так, то получится еще новый факт борьбы Екатерины II с «верховниками».

[2] Есаул, потом сотник, Аф. Перфильев играл видную роль среди «войсковой» стороны яицких казаков и принимал горячее участие в казацком волнении в 1772 г. После взятия Фрейманом Яицкого городка скрывался от преследований и был выбран казаками депутатом в Петербург, чтобы хлопотать о сложении штрафа в размере 37 000 руб. наложенного ген.-губернатором Рейнсдорпом на казаков за убытки казны и частных лиц во время последнего волнения. Из Петербурга был отправлен гр. Орловым на Яик под видом черкеса, чтобы уговорить казаков отстать от Пугачева и выдать его, но, приехав в лагерь Пугачева, Перфильев перешел на его сторону. При выборах яицкими казаками нового правления, был избран старшиною. При освобождении весною 1774 г. Яицкого городка правительственными войсками от осады Перфильев бежал к Пугачеву и присоединился к нему в Магнитной крепости. Участвовал во всех походах Пугачева и был пожалован им под Сарептой чином генерал-аншефа. В выдаче Пугачева участия не принимал и вообще не хотел сдаваться.

В заключении следственной комисси по делу пугачевцев ему дана такая характеристика, «не дурак, свойства самого злейшего, несколько раз бывал в Петербурге».

и которого дела во ужас каждого сердце привести могут, что сей злодей, будучи в Петербурге в то самое время, когда изверг и самозванец обнаружился под Оренбургом, сам добровольно предъявил себя начальству с таковым предложением, яко бы он, будучи побуждаем верностию общей пользе и спокойствию, желал уговорить главнейших сообщников злодейских, яицких казаков, к покорению законной власти, и привести злодея обще с ними с повинною. По сему точно удостоверению и клятве отправлен он был к Оренбургу; но сожженная совесть сего злодея под покровом благонамерения алкала злобою: он, приехав в сонм злодеев, представился к главному бунтовщику и самозванцу, в Берде тогда бывшему, и не только удержался от исполнения той услуги, которою исполнить он обещал и заклинался, но, чтоб уверить самозванца в верности, объявил ему откровенно все намерение свое, и соединясь предательскою совестию своею с мерзкою душею самого изверга, пребыл с того времени до самого конца непоколебим в усердии ко врагу отечества, был главнейшим соучастником зверских дел его, производил все мучительнейшие казни над теми несчастными людьми, которых бедственный жребий осуждал попасться в кровожаждущие руки злодеев, и наконец, когда злодейское скопище разрушено в последние под Черным Яром и самые любимцы изверга Пугачева кинулись на Яицкую степь и, искав спасения, разбились на разные шайки, то казак Пустобаев увещевал товарищей своих явиться в Яицком городке с повинною, на что другие и согласились; но сей ненавистный предатель сказал, что он лучше желает живым быть зарыту в землю, нежели отдаться в руки ее императорского величества определенным начальствам; однако же высланною командою пойман; в чем сам он предатель Перфильев пред судом обличен и винился—четвертовать в Москве.

2. Яицкому казаку Ивану Чике,[1] он же и Зарубин, самоназвавшемуся графом Чернышевым, присному любимцу злодея

---

[1] Зарубин (Чика), И. Н. — яицкий казак «войсковой» стороны. До восстания он считался казаками подозрительным человеком и слыл среди них, как «вор» или «причинный» человек. Не веря в царское происхождение Пугачева, Чика тем не менее принял энергичное участие в том, чтобы склонить казаков на сторону Пугачева, называя его — Петром III. Чика один из главных организаторов восстания. Участвовал в военных операциях Пугачева то командуя особым отрядом, то наблюдая за исправным изготовлением военных снарядов на горных заводах Урала. Был назначен главным командующим военными силами Пугачева, действовавшими под Уфою, а затем ему была подчинена вся Башкирия и заводы в окрестностях Уфы. Описывая деятельность Зарубина, под Уфой Дубровин называет его «вторым Пугачевым, но более умным самостоятельным и энергичным» Под Уфою Зарубин создал почти самостоятельную «республику», окружив себя советниками, назначая атаманов, издавая указы, творя суд и расправу. В конце марта 1774 г Зарубин, разбитый Михельсоном под Уфою, бежал и был захвачен в плен. В заключении следственной комисси он назван «великим плутом» и «любимцем Пугачева».

Пугачева, и который при самом начале бунта злодея паче всех в самозванстве утвердил, многим другим соблазнительный пример подал и с крайним рачением укрыл его от поимки, когда за самозванцем выслана была из города сыскная команда, и потом, по обнаружении злодея и самозванца Пугачева, был из главнейших его содейственников, начальствовал отдельною толпою, осаждал город Уфу, который храбро и достохвально едиными гражданами, усердствующими прямо в верности ее императорскому величеству, защищался; разорял многие в той провинции заводы и селения, похищал всякого рода имущества и чинил многие смертоубийства верным рабам ее императорского величества. За нарушение данной пред всемогущим богом клятвы в верности ее императорскому величеству, за прилепление к бунтовщику и самозванцу, за исполнение мерзких дел его, за разорения, похищения и убийства — отсечь голову и воткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь со эшафотом купно. И сию казнь совершить в Уфе, яко в главном из тех мест, где все его богомерзкие дела производимы были.

3. Яицкого казака Максима Шигаева,[1] оренбургского казачьего сотника Падурова[2] и оренбургского неслужащего казака Василья Торнова, из которых первого, Шигаева, за то, что он, по слуху о самозванце, добровольно ездил к нему на умет или постоялый двор, к Степану Оболяеву, отстоящему неподалеку от Яицкого города, совещевал в пользу обнаруже-

---

[1] Максим Шигаев—один из наиболее влиятельных казаков «войсковой» стороны. Во время волнений Яицкого войска в 1772 г. спас жизнь капитана Дурнова, старшины Бородина и других. Был избран уполномоченным от войска в Петербург со всеподданнейшим прошением, в котором казаки объясняли подробности убийства генерала Траунберга и просили о передаче их из ведения военной коллегии «под дирекцию» гр. Орловых. При появлении Пугачева на Яики был одним из первых «депутатов» яицких казаков, признавших Пугачава за Петра III. Был членом военной коллегии, занимая там должность судьи, и являясь в тоже время главным интендантом пугачевской армии под Оренбургом. Во время отъезда Пугачева замещал его. В апреле 1774 года, был захвачен в плен. В заключении следственной комиссии он назван «весьма не глупым, твердым».

[2] Падуров, Тимофей—казацкий сотник, зажиточный хуторянин. Был депутатом в комиссии по составлению нового уложения. Во время осады Пугачевым Татищевой крепости перешел с казаками на сторону Пугачева. Он автор писем к оренбургскому атаману В. Могутову и яицкому старшине М. Бородину, которые находились в осажденном Оренбурге. Командовал под Оренбургом полком казаков. Попал в плен к правительственным войскам после неудач пугачевцев весною 1774 г. В заключении следственной комиссии по делу пугачевцев назван «весьма не глупым и довольно разумеющим. По своему депутатскому званию должен был освобожден от какого-либо телесного наказания, не говоря уже о смертной казни, но члены суда заявили, что по силе обряда о выборе депутатов освобождаются от наказания и смертной казни те, кои действительно при них трудились и их имена находятся в подписке в какой ни есть части проекта, а он (Падуров) по депутатству ни в чем не упражнялся».

ния злодея и самозванца Пугачева, разглашал об нем в городе, и поелику смысл его привлекал вероятие простых людей, то произвел тем во многих к бунтовщику и самозванцу привязанность; а потом, когда уже злодей, явно похитив имя покойного государя Петра III, приступил к Яицкому городу, то был он при нем из первых содейственников его. При обложении ж Оренбурга, во всякое время, когда сам главный злодей оттуда отлучался к Яицкому городу, оставлял его начальником бунтовщичьей толпы своей. А в сие ненавистное начальство производил он Шигаев многие злости: повесил посланного в Оренбург от генерал-майора и кавалера князя Голицына лейб-гвардии конного полку рейтара с известием о его приближении, единственно за сохраненную сказанным рейтаром истинную верность к ее императорскому величеству, законной своей государыне. — Второго, Подурова, яко сущего изменника, который не только предался сам злодею и самозванцу, но писал многие развратительные в народе письма, увещевал верных ее императорскому величеству яицких казаков предаться к злодею и бунтовщику, называя его и уверяя других, яко бы он был истинный государь, и наконец писал угрозительные письма к оренбургскому губернатору, генерал-поручику и кавалеру Рейнсдорпу, к оренбургскому атаману Могутову и к верному старшине яицкого войска Мартемьяну Бородину, которыми письмами сей изменник убежден и признался. — Третьего, Торнова, яко сущего злодея и губителя душ человеческих, разорившего Нагайбацкую крепость и некоторые жительства и потом вторично прилепившегося к самозванцу: повесить в Москве всех их троих.

4. Яицких казаков: Василья Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, мещерякского сотника Канзафара Усаева [1] а и ржевского купца Долгополова, за то, что оные злодейские сообщники Плотников и Караваев, при самом начале злодейского умысла, приезжали к пахатному солдату Оболяезу,

---

[1] Усаев Канзафар — «Мещерятский главный полковник» — командуя вместе с Салават Юлаевым башкирами, занял Красноуфимск. До назначения Зарубиным — И. Кузнецова «главным российского и азиатского войска предводителем» Урала действовал с Юлаевым самостоятельно, назначая атаманов, забирая села и заводы. Усаев получил полномочия для организации восстания среди башкир непосредственно от Пугачева, но между им и Кузнецовым не было достигнуто единства действий. В результате происходили раздоры, закончившиеся арестом К. Усаева. После поражения пугачевцев под Кунгуром, был отправлен в кандалах в Чесновку к Зарубину, но дорогой бежал и добровольно отдался правительственным войскам. Впоследствии вновь перешел к пугачевцам и в июле 1774 г. получил за подписью И. Творогова и А. Дубровского указ о наборе войск с правом «жаловать от себя в сотники и эсаулы», но с условием верноподанным никаких напрасно обид не чинить». В заключении следственной комиссии по делу пугачевцев указывается, что «имя его весьма славно было между бунтующими башкирами» и он «не глуп, но легкомыслен».

где самозванец тогда находился, и условясь с ним о возмущении яицких казаков, делали первые разглашения в народ, и Караваев рассказывал, яко бы видели на злодее царские знаки, так называя пятна, оставшиеся на теле злодея после болезни его под Бендерами. Приводя таким образом в соблазн простых людей, оные Караваев и Плотников, по слуху о самозванце, будучи взяты под караул, о нем не объявили. Закладнов был подобно первым из начальных разглашателей о злодее и самый первый, пред кем злодей дерзнул назвать себя государем; Канзафар Усаев был двоекратно в толпе злодейской, в разные ездил места, для возмущения бакширцев, и находился при злодеях Белобородове и Чике, разные тиранства производивших. Он в первый раз захвачен верными войсками под предводительством полковника Михельсона, при разбитии злодейской шайки под городом Уфою, и отпущен с билетом на прежнее жительство; но не чувствуя оказанного ему милосердия, опять обратился к самозванцу и привез к нему купца Долгополова. Ржевский же купец Долгополов разными лжесоставленными вымыслами приводил простых и легкомысленных людей в вящшее ослепление, так что и Канзафар Усаев, утвердясь больше на его уверениях, прилепился вторично к злодею. Всех пятерых высечь кнутом, поставить знаки и, вырвав ноздри, сослать на каторгу, и из них Долгополова, сверх того; содержать в оковах.

5. Яицкого казака Ивана Почиталина, [1] илецкого Максима Горшкова и яицкого же Илью Ульянова, за то что Почиталин и Горшков были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя государевыми манифестами и указами, чрез то умножая разврат в простых людях, были виною их несчастия и пагубы. Ульянова, яко бывшего с ними всегда в злодейских шайках и производившего, равно как и они, убийства: всех троих высечь кнутом и, вырвав ноздри, сослать на каторгу.

6. Яицких казаков: Тимофея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Харчева, Тимофея Скачкова, Петра Горшенина, Панкрата Ягунова, пахатного солдата Степана Оболяева и ссыльного крестьянина Афанасья Чулкова, яко бывших при самозванце и способствовавших ему в лживых разглашениях и в составлении злодейских шаек, высечь кнутом и, вырвав ноздри, послать на поселение. [2]

7. Отставного гвардии фурьера Михайла Голева, саратовского купца Федора Кобякова и раскольника Пахомия, первых

---

[1] Иван очиталин — сын богатого яицкого казака. Первый секретарь Пугачева. Автор нескольких манифестов и указов. Был членом военной коллегии Пугачева, занимая там должность дьяка. Захвачен в плен правительственными войсками в начале апреля 1774 года. В заключении следственной комиссии по делу пугачевцев имянуется одним словом «дурак».

[2] Отправлены в ссылку в г. Колу Архангельской губернии.

за прилепление к злодею и происходимые соблазны от их разглашений, а последнего за ложные показания, высечь кнутом. Голева и Пахомия в Москве, а Кобякова в Саратове; да саратовского же купца Протопопова, за несохранение в нужном случае должной верности, высечь плетьми.

8. Подпоручика Михайла Швановича, за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу. — Инвалидной команды прапорщика Ивана Юматова, за гнусную по чину офицерскому робость при разорении города Петровска, хотя строжайшего достоин он наказания, но за старостию лет уменьшая оное, лишить его чинов. — Астраханского конного полку сотника и депутата Василия Горского, за легкомысленное прилепление к толпе злодейской, лишить депутатского достоинства и названия.

9. Илецкого казака Ивана Творогова,[1] да яицких Федора Чумакова, Василья Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федулова, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова, в силу высочайшего ее императорского величества милостивого манифеста, от всякого наказания освободить; первых пять человек потому, что вняв гласу и угрызению совести и возчувствуя тяжесть беззаконий своих, не только пришли сами с повинною, но и виновника пагубы их, Пугачева, связав, предали себя и самого злодея и самозванца законной власти и правосудию; Пустобаева за то, что он отделившуюся шайку от самого злодея Пугачева склонил придти с повиновением, равномерно и Кочурова, еще прежде того времени явившегося с повинною; а последних двух за оказанные ими знаки верности, когда они были захвачены в толпу злодейскую и были подсылаемы от злодеев в Яицкий город, но они, приходя туда, хотя отставать от толпы опасались, однако возвещали всегда о злодейских обстоятельствах и о приближении к крепости верных войск, и потом когда разрушена была злодейская толпа под Яицким городом, то сами они к военачальнику явились. И о сем высочайшем милосердии ее императорского величества и помиловании сделать им особое объявление чрез отряженного

---

[1] Иван Творогов — имел один из лучших домов в Илецком городке. Под Оренбургом командовал полком илецким казаков. Хорошо грамотен. Был членом военной коллегии, занимая там должность судьи. После поражения Пугачева весною 1774 г., вместе с Пугачевым бежал с Яика на Урал и затем все время был одним из его ближайших помощников. После разгрома при Царицыне Пугачев пожаловал его чином генералпоручика. Творогов подписывал манифесты и указы Пугачева и выдавал подорожные билеты и охранительные листы. Вместе с Чумаковым, Творогов принял участие в выдаче Пугачева. На суде он отнесен к 5 категории подсудимости, но от наказания освобожден.

из собрания члена сего января 11-го дня, при всенародном зрелище пред Грановитою Палатою, где и снять с них оковы.

10. Отставного подпоручика Гринева, царицынского купца Василья Качалова, да брянского купца Кожевникова, малороссиянина Осипа Коровку, донских казаков Лукьяна Худякова, Андрея Кузнецова, яицкого казака Ивана Пономарева, он же и Самодуров, раскольников Василья Щолокова, Ивана Сецухина, крестьянина Василья Попова и Семена Филипова, которые находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными, для чего их и освободить, и сверх того о награждении крестьянина Филипова, яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева, представить на рассмотрение правительствующего сената. А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая Софья, дочь донского казака Дмитрия Никифорова, вторая Устинья, дочь яицкого казака Петра Кузнецова, и малолетные от первой жены сын и две дочери, то без наказания отдалить их, куда благоволит правительствующий сенат; равномерно же предоставляется к тому же рассмотрению назначение места и содержания осужденных на каторгу и на поселение.

11. Как же не безъизвестно вышеозначенному собранию, что по определению святейшего синода не токмо бунтовщик и самозванец Емелька Пугачев, но и все его злодейские сообщники преданы вечному проклятию; то дабы осужденным сею сентенциею на смертную казнь, которые за клятвопреступление, ужасное варварство и злые дела свои подверглись душевне осужденному в тартаре мучению, не лишились при последнем конце своем законного покаяния во всех содеянных ими злодеяниях, предоставить преосвященному Самуилу, епископу крутицкому, поступить в том по данному на сей случай наставлению от святейшего синода.

12. Определенную злодеям смертную казнь в Москве учинить на Болоте, сего января 10-го дня. К чему привесть и злодея Чику, назначенного на казнь в городе Уфе, и после здешней экзекуции того же часа отправить на казнь в назначенное ему место. И для того, как о публиковании сей сентенции, так и о оказуемом милосердии прощаемым и о надлежащих к тому приуготовлениях и нарядах послать из сената, куда надлежит, указы. Заключена января 9-го дня 1775 года.

Учрежденному Собранию Святейшего Синода члены письменно объявили, что, слушав в собрании следствие злодейских дел Емельки Пугачева и его сообщников и видя собственное их во всем признание, согласуемся, что Пугачев с своими злодейскими сообщниками достойны жесточайшей казни, а, следовательно, какая заключена будет сентенция, от оной не отрицаемся, но поелику мы духовного чина то к подписании сентенции приступить не можем.

*

ГЛАВА VIII.

ИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

1. Из инструкции сотскому с товарищи от 19 декабря 1774 года.

(ПСЗ. XIX т., № 14231.)

Во исполнение губернаторского и воеводского наказа, и состоявшихся в пополнении оного Правительствующего Сената указов, ты сотской с пятидесятскими и десятскими выбраны и удостоены и в верности к присяге приведены и к оной подписались, а что вам по той своей присяжной должности исполнять, и как состоящих в ведомстве вашем селах и деревнях найкрепчайшее вам смотрение иметь и наблюдать, о том в нижеписанных пунктах показано именно:

1. Наблюдать тебе сотскому с товарищи, и в селении сотни своей жительствующим помещикам и управителям и прикащикам и старостам, и выборным подтверждать, чтоб они, такož и дворовые люди и крестьяне в воскресные и в великие праздники и во дни высочайших торжеств ее императорского величества и их императорских высочеств ходили б в церковь к слушанию всенощного бдения и божественной литургии и благодарных молебств, и от полевых работ в вышеписанные дни крестьяне имели б воздержание, також великой пост повсягодно по церковно чиноположению, ходили б в церковь к отцам духовным, как мужеск, так и женск пол на исповедь по точной силе указов 722 июля 16 и 730 годов марта 17 чисел.

2. Во всех ведомства твоего селениях тебе сотскому с товарищи своими наикрепчайше смотрение иметь и разведывать, и в каждом селении имеющимся управителям, старостам, выборным, почасту приказывать, чтоб они предосторожность и неослабное смотрение имели и наблюдали, дабы не только в селениях, где жительство имеется, но и близь тех селений, кроющихся воров и разбойников, шпионов и злоумышленных злоразгласителей и ко всякому

воровству подговорщиков, и беглых драгун, солдат, матросов и рекрут и пристанодержателей и укрывателей отнюдь бы не было, и чрез найкрепчайшее твое сотского с товарищи, також и имеющихся в селениях управителей, старост и выборных, смотрения, все злодейские к воровству начинания и разглашения ко вреду общего покоя, могли б пресечены быть; а буде паче чаяния таковые злодеи появятся, которые произносить станут продерзские и непристойные речи ко вреду общего ж покоя, или разглашать будут о воровских их сочиняемых письменных каких манифестах, и от подданнической должности в селениях жителей отвращать, и где в селениях ведомства вашего такие злодеи появятся, того ж часа тебе сотскому с товарищи, обще тех селений с управителями, старостами и выборными со крестьяны поимав, и под крепким караулом объявить при рапорте в канцелярию, а в селениях жителям всем подтверждать накрепко, чтоб они по силе губернаторского и воеводского наказа 15 и 17 пунктов, и указов 715 апреля 7, 728 сентября 4 (14), 731 июня 7, 758 генваря 15 (13), октября 8 (16), 759 октября 22, 762 октября 14 (2), 763 годов сентября 12 чисел, никаким разгласительным воровским их письменным сочинениям и манифестам, кроме печатных и письменных, каковы по силе высочайших ее императорского величества указов в народ будут публикованные и насланные из учрежденных по указам ее императорского величества правительств, отнюдь бы другим не верили, и были б все крестьяне у своих помещиков и уприставленных над ними начальников в послушании, и из селениев, где кто жительство имеет, отнюдь бы никуда побегов не чинили, и беглых людей и крестьян, никаких подозрительных, никто, в селения свои в силу 715 апреля 7 и 733 годов октября 31 чисел указов, не принимали и не держали; о чем в селениях управителям, старостам и выборным и всем крестьянам тебе сотскому с товарищи подтверждать: а где таковые беглые, всякого звания люди присмотрены будут, оных ловить и приводить в канцелярию; а если кто таких беглых и подозрительных людей, имев особ поймать, а не поймает и даст пройти чрез свое селение, то с таковыми по изоблечении поступлено будет в силу вышеписанных губернаторского и воеводского наказа 15 пункта, и по указу 763 года сентября 12 числа; потому ж где и воры или разбойники и смертные убийцы появятся, о том тебе сотскому с товарищи, разведав же именно и немедленно, по силе 766 года июня месяца указа в канцелярию рапортовать, а между тем не упуская ни малейшего к поимке таковых удобного времени в силу вышеписанных 728 июня 21, 762 годов октября 23 чисел указов, объявя в селениях управителям, старостам и выборным, а где имеют жительство помещики, то и самим им объявить, и истребовав надлежащее вспоможение, чинить поимки; а если где помещиков нет,

то в помощь брать в селениях сотни своей прикащиков, старост и рядовых крестьян и других по близости, хотя и не вашей сотни состоят давая и им о том знать, чтобы они в таком случае помогали, и обще с вами, как наивозможно, воров и разбойников и смертных убийц ловили, и под крепким караулом приводили в канцелярию, чрез чтоб все воровство и разбои и смертные убийства, и обывателям разорении и укрывательства прекращены быть могли; а ежели ты сотской и товарищи твои, в селениях сотни твоей жительствующие управители и старосты и выборные чрез что-нибудь о ворах и разбойниках и смертноубийцах и о пристанослужителях уведав, ловить и в надлежащее место за крепким караулом приводить не будут, или хотя одного из оных вора и разбойника и смертноубийцу, по слышании узнав утаит, и в канцелярии не объявит, и чрез то куда выдет, и в том от кого изобличены будут: то с таковыми поступлено будет по указу без упущения, и в предосторожность и незабвенное управителям, старостам и выборным памятствование, чтоб о вышепредписанных злодеях тайно и явно наикрепчайше и неослабно разведывали ж; и буде за подлинно таковых в селениях у них не будет, в обыкновенных в подаваемых в канцелярию рапортах по точной силе губернаторского и воеводского наказа 15 пункта и указа 728 года октября 14 числа объявлять именно; о чем тебе сотскому с товарищи о том в селениях ведомства твоего управителям, старостам и выборным подтверждать.

13. В сходственность 728 года ноября 20 числа указа, тебе соцкому с товарищи смотреть и сотни своей в селениях подтверждать, чтоб в селениях их таких бродяг, кои дворовых людей и крестьян мужеска и женска полов склоняют и подговаривают к побегам за Польский рубеж и в другие места, не имелось, и если где таковые подговорщики окажутся, оных ловить и за караулом приводить в канцелярию, а дворовых людей и крестьян, по силе 73 июня 7 и 758 годов генваря 13 чисел указов, всевозможным способом от побегов удерживать и всячески стараться от того отвращать пристойными увещеваниями, ежели ж не послушают, и приметят непременное их к побегам намерение, таковых за караулом приводить в канцелярию.

14. В противность губернаторского и воеводского наказа 24 пункта, сверх положенных состоявшимися указами с крестьян сборов, никаких бы вновь собираемо ни от подушного сбору и во время рекрутских наборов взятков и деньгами и съестными припасами и напитками ни под каким видом брано ни кем не было, о чем в селениях сотни твоей управителям, прикащикам, старостам и выборным объявить и под видом присылки якобы от присутственного какого-либо места с облыжно иногда инструкциею или указом, того тебе соцкому с товарищи смотреть и наблюдать, и сотни твоей в селениях управителям,

старостам и выборным подтверждать таковых брать под караул и объявлять в канцелярии; а есть-ли для собрания таких излишних и неуказанных сборов какой-либо присланной откуда кроме особливых посылаемых от канцелярий и от дворцовых конюшенных и экономических команд за неуказными сборами окажется не с надлежащею и не за руками присутствующих инструкциею, а сторонний какой обманщик, то у оного отобрав, с каким письменным видом будет, взяв под караул, и тот у него письменный вид или инструкции потому с тем при рапорте объявит в канцелярию, а о всяких от подушного сбору и во время рекрутских наборов взятках, от кого то происходить будет, о том доносить, где по указам надлежит, без всякого опасения, не умалчивал о том и незакрывая в том никого, о чем тебе соцкому и товарищам твоим сотни своей в селениях жителям объявить; тако ж, если для постою какой-либо воинской команде или полку на долгое время назначутся квартиры, на оные не прежде расположиться допустить, как от канцелярии прислан будет билет, что должен по очереди, в котором селении постой расположен будет, дабы в каждом селении крестьянство одни пред другими отягощены не были; ибо и состоявшеюся в 756 году ноября 26 (19) числа сыщиковою инструкциею 3 пунктом повелено: когда в губернию или провинцию кому с командою вступить надлежит, то наперед о себе дать знать гражданскому правлению и истребовать определения, где стать или расположиться, по чему и не должен никто без росписки самовольно собою стать; а ежели кто усильством станет и по квартирам расположиться, то не делав в том сопротивления, тотчас рапортовать в канцелярию, а что во время стояния по квартирам, по силе указа 725 года марта 31 числа, также плаката 1 пункта и подтвердительных указов 731 апреля 7, августа 17 чисел и камер-коллегии регламента 6 пункта, от постояльцов уездным жителям никаковых обид чинено не было, того тебе соцкому с товарищи обще с управителями тех селений наблюдать и смотреть; в противном же случае буде от кого что, напротив, вышепредписанного произойдет, имянно о том со всяким обстоятельством рапортовать в канцелярию: чего ради всякому из вас, сделав ныне же списки, подать в канцелярию, назнача в них, коликое число в сотни твоей селениев состоит, и какие званием, и чего владения, и сколько в каждом дворов, и по которой оные дороге или в стороне, и в каком расстоянии от больших дорог, и если в тех селениях помещичьи дворы и в которых точно, також смотрение иметь и наблюдать, дабы уездным подвод без подорожной, по силе 742 года февраля 17 числа указа, никому давано не было, а хотя и по подорожной, по силе 725 года мая 31 числа указа, никто без платежа указных прогонных денег не брал, и тем бы крестьянству отягощения не чинили, а хотя кем оные требованы и будут по подорожной и за указные прогонные деньги, то оные наряжать без замедле-

ния по очереди, дабы одному селению перед другим отягощения отнюдь не было, и то самое число, что в подорожной подводе давать написано, а излишних отнюдь не давать; а если для проезду кого знатных особ потребны будут на назначенные станции подводы, оные с селения наряжаемы будут по билетам от канцелярии чрез нарочно посланных офицеров, и тот билет будет за рукою присутствующего и за канцелярскою печатью, а без такового билета, и без надписания камер-коллегии отнюдь не наряжать, дабы потому ж никакого отягощения крестьянству не последовало, и прогонные деньги брали б сами те подводчики, а не управители и не прикащики и старосты их.

2. Из жалованной грамоты дворянству 1785 г.

О личных преимуществах дворян.

1-е. Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное.

2-е. Не токмо империи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо; и для того исстари, ныне, да и пребудет навеки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются, и следственно:

3-е. Дворянин сообщает дворянское достоинство жене своей.

4-е. Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно.

5-е. Да не лишится дворянин или дворянка дворянского достоинства, буде сами себя не лишили оного преступлением, по основаниям дворянского достоинства противным.

6-е. Преступления, основания дворянского достоинства разрушающие и противные, суть следующие: 1. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякого рода. 5. Лживые поступки. 6. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7. Буде доказано будет, и что других уговаривал, или научал подобные преступления учинить.

7-е. Но понеже дворянское достоинство не отъемлется, окромя преступления; брак же есть честен и законом божиим установлен, и для того благородная дворянка, вышедши замуж за недворянина, да не лишится своего состояния; но мужу и детям не сообщает она дворянства.

8-е. Без суда да не лишится благородный дворянского достоинства.

9-е. Без суда да не лишится благородный чести.

10-е. Без суда да не лишится благородный жизни.

11-е. Без суда да не лишится благородный имения.

12-е. Да не судится благородный, окроме своими равными.

13-е. Дело благородного, впавшего в уголовное преступление и по законам достойного лишения дворянского достоинства, или чести, или жизни, да не вершится без внесения в сенат и конфирмации императорского величества.

14-е. Всякого рода преступления (благородного), коим десять лет прошло, и чрез таковое долгое время они не сделались гласны, и по оным производства не было: все таковые дела повелеваем отныне предать, есть ли где об них взыскатели, истцы, или доносители явятся, вечному забвению.

15-е. Телесное наказание да не коснется до благородного.

16-е. С дворянами, служащими в нижних чинах наших войск, поступать во всех штрафах так, как по нашим военным правилам поступается с обер-офицерскими чинами.

17-е. Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды российскому дворянству вольность и свободу.

18 е. Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам.

19-е. Подтверждаем благородным дозволение вступать в службы прочих европейских нам союзных держав, и выезжать в чужие края.

20-е. Но как благородное дворянское название и достоинство исстари, ныне, да и впредь приобретается службою и трудами империи и престолу полезными, и существенное состояние российского дворянства зависимо есть от безопасности отечества и престола; и для того во всякое таковое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородный дворянин обязан по первому позыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной.

21-е. Благородный имеет право по прозвании своем писаться, как помещиком его поместий, так и вотчинником родовых, наследственных и жалованных его вотчин.

22-е. Благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем какого имения, благоприобретенное им имение дарить, или завещать, или в приданые или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагорассудит. Наследственным же имением да не распоряжает инако, как законами предписано.

23-е. Благородного наследственное имение, в случае осуждения и по важнейшему преступлению, да отдастся законному его наследнику, или наследникам.

24-е. Понеже желание и хотение наше было, есть и впредь с помощию божиею непременно будет, чтоб империя всероссий-

ская управляема была издаваемыми от самодержавной нашей власти узаконениями и постановлениями, для утверждения правосудия, правды и безопасности имения и имущества каждого, находим справедливо снова запретить и строго подтвердить древние о том запрещения: да не дерзнет никто без суда и приговора в силу законов тех судебных мест, коим суды поручены, самовольно отобрать у благородного имение, или оное разорять.

25-е. Правосудие и возмездие за преступление вверены в каждом наместничестве единственно судебным на то установленным местам; они выслушивают жалобы истца и оправдания ответчика и чинят решения по законам, которым всяк, какого бы рода и поколения ни был, повиноватися обязан: и для того, буде благородный имеет законное требование, или кто на благородного, то оное разобрать надлежит в установленных и на то власть имеющих судебных местах предписанным порядком; ибо несправедливо и с общим порядком несходственно бы было, когда бы всяк в собственном своем деле вздумал сделаться судьею.

26-е. Благородным подтверждается право покупать деревни.

27-е. Благородным подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится, или рукоделием производится.

28-е. Благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням.

29-е. Благородным дозволяется в вотчинах их заводить местечки и в них торги и ярмонки, согласно с государственными узаконениями, с ведома генерал-губернаторов и губернских правлений, и с наблюдением, чтоб сроки ярмонок в местечках их соображены были со сроками в других окрестных местах.

30-е. Благородным подтверждается право иметь, или строить, или покупать домы в городах, и в оных иметь рукоделие.

31-е. Буде кто благородный желает пользоваться городовым правом, да повинуется оному.

32-е. Благородным дозволяется оптом продавать, или из указных гаваней за моря отпускать товар, какой у кого родится, или на основании законов выделан будет, ибо им не запрещается иметь, или заводить фабрики, рукоделия и всякие заводы.

33-е. Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28-го июня 1782 года, не только на поверхности земли, каждому из них принадлежащей, но и в недрах той земли и в водах, ему принадлежащих, на все сокровенные минералы и произрастения, и на все из того делаемые металлы в полной силе и разуме, как в том указе изъяснено.

34-е. Подтверждается благородным право собственности в лесах, растущих в их дачах, и свободного их употребления

в полной силе и разуме, как в милостивом указе 22 сентября 1782 года изображено.

35-е. По деревням помещичий дом имеет быть свободен от постоя.

36-е. Благородный самолично изъемлется от личных податей.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕКАБРИСТЫ.

ГЛАВА I.

СОЮЗ СПАСЕНИЯ И СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ.

1. Из донесения следственной комиссии о Союзе Спасения.[1]

(«Государственные преступления в России в XIX веке», т. I. 1903. стр. 26—29.)

В 1816 году, несколько молодых людей, возвратясь из-за границы после кампаний 1813, 1814 и 1815 года и знав о бывших тогда в Германии тайных обществах с политическою целью, вздумали завести в России нечто подобное. Первые, сообщившие друг другу мысль сию, были Александр Муравьев, ныне отставной полковник, который сначала полагал сие тайное общество вместить в состав какой-нибудь масонской ложи, Никита Муравьев (капитан), и полковник князь Трубецкой. Побуждением их была, как говорит Александр Муравьев, ложно понимаемая любовь к отечеству, служившая для них самих покровом беспокойного честолюбия; они не чувствовали, что чрез предполагаемые ими средства никакая истинно полезная цель не могла быть достигнута; что существование такого сообщества было беззаконно и противно нравственности; что следствием оного, рано или поздно, и может быть даже без участия многих членов, долженствовали быть преступления, их собственная гибель и вред для государства.

На сих первых совещаниях о заведении Общества, были, сверх именованных, офицеры прежнего Семеновского полка:

---

[1] Союз Спасения был основан в 1815 г. офицерами Семеновского полка. Об организации Союза см. в общих трудах о декабристах В. И. Семевского, М. И. Покровского, а также в статье Семевского о М. А Фонвизине в кн.: «Общественные движения в России в начале XIX в.». Спб. 1905 г. Донесение следственной комиссии было составлено для Николая I чиновником министерства иностр. дел Блудовым. Следует отметить, что изложение отдельных фактов в «донесении» не всегда соответствует действительности, и «донесение» неоднократно подвергалось резкой критике декабристов (М. С. Лунина и др.).

Якушкин, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Они тогда не приступали к исполнению планов своих, и только в феврале следующего (1817) года, когда капитан Никита Муравьев, познакомясь с полковником Пестелем, сблизил его (как он говорит) с Александром Муравьевым, уже имевшим тесную связь с князем Сергеем Трубецким, учредилось их первое тайное общество, под названием Союза спасения, или истинных и верных сынов отечества. Устав оного был сочинен Пестелем. Общество разделялось на три степени: братий, мужей и бояр. [1] Из сей третьей высшей степени, избирались ежемесячно старейшины: председатель, блюститель и секретарь; для принятия назначались торжественные обряды; желающий вступить в общество давал клятву сохранять в тайне все, что ему откроют, если оно будет и несогласно с его мнением; по вступлении давал он другую; сверх того каждая степень и даже старейшины имели свою особенную присягу. Обещались стремиться к цели общества и покоряться решению верховного собора бояр, хотя сие наименование боярина долженствовало быть тайною для членов нижних степеней. Боярами называли членов коренных, то есть основателей общества, но возводили или принимали прямо в сие звание и некоторых новых. В то время составляли общество: вышепоименованные Александр, Никита, Сергей и Матвей Муравьевы, Павел Пестель, князь Сергей Трубецкой, князь Федор Шаховской, Федор Глинка, Новиков (бывший правителем канцелярии Малороссийского генерал-губернатора и потом умерший в отставке), Михайло Лунин, и еще три члена, кои потом в разные времена удалились от Общества, прекратили всякие сношения с упорнейшими из бывших товарищей своих и тем заслужили, при милостивом прощении вашего императорского величества, совершенное забвение кратковременного заблуждения, извиняемого и отменною их молодостью. Целью составления их общества было, с самого начала, изменение государственных установлений в России, но по чувству слабости своей и дерзости предприятия, они больше говорили о обязанности подвизаться для пользы отечества, способствовать всему полезному, если не содействием то хотя изъявлением одобрения, стараться пресекать злоупотребления, оглашая предосудительные поступки недостойных общей доверенности чиновников, особенно же стараться усиливать общество приобретением новых надежных членов, разведав прежде о их способностях и нравственных свойствах, или даже подвергнув их некоторому испытанию. Они тогда же предложили присоединиться к ним Якушкину, не задолго пред тем уехавшему из Петербурга, и генерал-маиору Михаилу

[1] По некоторым показаниям, был еще четвертый род членов в сем обществе, не принятых в оное, даже иногда и не знавших его существования, но считаемых почему либо в единомыслии с прочими; их называли друзьями. — Прим. составителя «Донесения».

Орлову, который в сие время думал с графом Мамоновым и действительным статским советником Николаем Тургеневым, завести другое общество под названием Русских Рыцарей. На совещаниях между им и Александром Муравьевым, они взаимно приглашали друг друга в свое общество и не могли согласиться в правилах для соединения. Генерал-маиор Орлов сначала, как он сам объявляет, хотел составить общество только для наблюдения за лихоимством и другими беспорядками внутреннего управления, и полагал испросить на то высочайшего одобрения; потом, веря дошедшим до него слухам, будто покойный император намерен восстановить Польшу в прежнем виде и, приписывая сие влиянию польских тайных обществ, имел мысль, посредством своего сообщества, противодействовать оным. План его не исполнился, и общество им предполагаемое не составилось.

Но и то, которое уже было установлено, не могло хвалиться успехами. Некоторые члены (в том числе Пестель) уехали из Петербурга; иные находили неопределительность в цели, неудобства в исполнении предписаний устава; другие, особенно из тех, коим было только предложено вступить в союз, между прочими Михайло Муравьев (брат Александра), Бурцов, Петр Колошин, Якушкин, Фон-Визин, не иначе соглашались как с тем, чтобы общество ограничилось медленным действием на мнения; чтобы устав оного, основанный на клятвах, правиле слепого повиновения и проповедывавший насилие, употребление страшных средств, кинжала, яда, был отменен и вместо оного принят другой, коего главные положения заимствованы из напечатанного в журнале Freywillige Blätter устава, коим будто бы управлялся Tugend-Bund. Коренные члены Союза, бывшие тогда в Москве с отрядом гвардии, долго не уступали сему желанию, и замечательно, что во время сих прений на одном собрании, родилась, или, по крайней мере, объявлена в первый раз ужасная мысль о цареубийстве. Одного члена, Александра Муравьева, князь Трубецкой уведомлял из Петербурга, «что государь намерен возвратить Польше все завоеванные нами области и, будто предвидя неудовольствие, даже сопротивление русских, он думает удалиться в Варшаву со всем двором и предать отечество в жертву неустройств и смятений». Сие известие, столь нелепое, как потом признали сами члены тогдашнего тайного общества, произвело на них действие едва вероятное. Они вскричали, что покушение на жизнь императора есть необходимость; один (князь Федор Шаховской) полагал только дождаться дня, когда будет в карауле полк, в коем он служил; хотели бросить жребий, и, наконец, Якушкин, который в мучениях несчастной любви давно ненавидел жизнь, распаленный в сию минуту волнением и словами товарищей, предложил себя в убийцы. Он, и в исступлении страстей, как кажется, чувствовал, на что решался.

«Рок избрал меня в жертвы,—говорил он,—сделавшись злодеем, я не должен, не могу жить: совершу удар и застрелюсь». Все прочие, хотя и поздно, устрашились или образумились и остановили его; генерал-маиор Фон-Визин доказывал, что известие, их смутившее, есть без сомнения не основательное, с чем после и сам князь Трубецкой, призванный ими в Москву для объяснений, принужден был согласиться. Сергей Муравьев-Апостол, сверх того в письменном мнении, которое прислал обществу в следующий день, представлял, что предположенное злодейство будет бесплодно; ибо тайное общество их не имеет еще средств оным воспользоваться. Якушкин повиновался; но обвиняя сочленов своих в том, что они его побудили к преступному, ими самими осуждаемому, намерению, он на время разорвал связь с ними и обществом, которое вскоре изменило свое образование, приняв новое имя Союз Благоденствия и предложенный новый устав, сочиненный Александром, Михайлом Муравьевыми, князем Сергеем Трубецким и Петром Колошиным.

2. Из записок декабриста И. Д. Якушкина.

(«Записки И. Д. Якушкина». М., 1905, стр. 3—7, 14—18.)

... В 1814-м году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед. В 1815-м году, когда Наполеон бежал с острова Эльбы и вторгся во Францию, гвардии был объявлен поход, и мы ему обрадовались, как неожиданному счастью. Поход этот от Петербурга до Вильны и обратно был для гвардии прогулкой. В том же году мы возвратились в Петербург. В Семеновском полку устроилась артель: человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанностям службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, — такое времяпрепровождение было решительно нововведение. В 1811-м году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходившись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг-друга, или пили и кутили напропалую. Полковой командир Семеновского полка генерал Потемкин покровительствовал нашу артель

и иногда обедал с нами; но через несколько месяцев император Александр приказал Потемкину прекратить артель в Семеновском полку, сказав, что такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся. Императора однакоже все еще любили, помня, как он был прекрасен в 1813-м и 1814-м годах, и потому ожидали его в 1815-м с нетерпением. Наконец, появился флаг на Зимнем дворце и в тот же день велено всем гвардейским офицерам быть на выходе. Всех удивило, что при этом не было артиллерийских офицеров; они приезжали, но их не пустили во дворец. Полковник Таубе донес государю, что офицеры его бригады в сношении с ним позволили себе дерзость. Таубе был ненавидим и офицерами и солдатами; но вследствие его доноса два князя Горчакова (главнокомандующий на Дунае и бывший генерал-губернатор Западной Сибири) и еще пять отличных офицеров были высланы в армию. Происшествие это произвело неприятное впечатление на всю армию. До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским. Так, напр., при смотре при Вертю, во Франции, на похвалы Веллингтона устройству русских войск, император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат. Генерал-адъютант гр. Ожеровский, родственник Сергея и Матвея Муравьевых, возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря об русских вообще, сказал, что каждый из них или плут, или дурак и т. д.

По возвращении императора в 1815 году, он просил у министров на месяц отдыха; потом передал почти все управление государством графу Аракчееву. Душа его была в Европе; в России же более всего он заботился об увеличении числа войск. Царь был всякий день у развода; во всех полках начались учения, и шагистика вошла в полную свою силу.

Служба в гвардии стала для меня несносна. В 1816-м году говорили о возможности войны с турками, и я подал просьбу о переводе меня в 37-й егерский полк, которым командовал полковник Фонвизин, знакомый мне еще в 1913-м году и известный в армии за отличного офицера. В это время Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем. Никита Муравьев также часто видался с нами. В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместно лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще. То, что называлось высшим образованным обществом, большею частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, нас занимавших, показалось бы ужасным престу-

плением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего.

Один раз Трубецкой и я — мы были у Муравьевых, Матвея и Сергея; к ним приехали Александр и Никита Муравьевы с предложением составить тайное общество, цель которого, по словам Александра, должна была состоять в противодействии немцам, находящимся в русской службе. Я знал, что Александр и его братья были враги всякой немчизне, и сказал ему, что никак не согласен вступить в заговор против немцев; но что если бы составилось тайное общество, членам которого поставлялось бы в обязанность всеми силами трудиться для блага России, то я охотно вступил бы в такое общество. Матвей и Сергей Муравьевы на предложение Александра отвечали почти то же, что и я. После некоторых прений Александр признался, что предложение составить общество против немцев было только пробное предложение, что сам он, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цель которого была в обширном смысле благо России. Таким образом положено основание тайному обществу, которое существовало, может быть, не совсем бесплодно для России.

... В конце 17-го года вся царская фамилия была уже в Москве, и скоро ожидали прибытия императора. Однажды Александр Муравьев, заехав в один дом, где я обедал и в котором он не был знаком, велел меня вызвать и сказал с каким-то таинственным видом, чтобы я приезжал к нему вечером. Я явился в назначенный час. Совещание это было не многолюдно. Александр Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах; во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно; на Польшу, которой он только что дал конституцию и которую почитал несравненнно образованнее России, он смотрел, как на часть Европы; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 1815-го года; в третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву. Это могло показаться невероятным, но после всего невероятного, совершаемого русским царем в России, можно было поверить и последнему известию, особенно при нашем в эту минуту раздраженном воображении. Александр Муравьев перечитал вслух еще раз письмо Трубецкого, потом начались толки и сокрушения о бедственном положении, в котором находится Россия под управлением императора Александра. Меня проникла дрожь; я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора; все стали меня уверять, что то и другое несомненно.

В таком случае,—сказал я,—тайному обществу тут нечего делать и теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и по собственному убеждению. На минуту все замолчали. Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра, и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанесть удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести. Затем наступило опять молчание. Фонвизин подошел ко мне и просил меня успокоиться, уверяя, что я в лихорадочном состоянии и не должен в таком расположении духа брать на себя обет, который завтра же покажется мне безрассудным. С своей стороны я уверял Фонвизина, что я совершенно спокоен, в доказательство чего предложил ему сыграть в шахматы и обыграл его. Совещание прекратилось, и я с Фонвизиным уехал домой. Почти целую ночь он не дал мне спать, беспрестанно уговаривая меня отложить безрассудное мое предприятие, и со слезами на глазах говорил мне, что он не может представить без ужаса ту минуту, когда меня выведут на эшафот. Я уверял, что не доставлю такого ужасного зрелища. Я решился по прибытии императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и когда царь пойдет во дворец — из одного пистолета выстрелить в него и из другого в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих.

На другой день Фонвизин, видя, что все его убеждения тщетны, отправился в Хамовники и известил живущих там членов, что я никак не хочу отложить намереваемого мной предприятия. Вечером собрались у Фонвизина те же лица, которые вчера были у Александра Муравьева, начались толки, но совершенно в противном смысле вчерашним толкам. Уверяли меня, что все сказанное в письме Трубецкого, может быть, и неправда, что смерть Александра в настоящую минуту не может быть ни на какую пользу для государства и что, наконец, своим упорством я гублю не только всех их, но и тайное общество при самом его начале и которое современем могло бы принести столько пользы для России. Все эти толки и переговоры длились почти целый вечер; наконец, я дал им обещание не приступать к исполнению моего намерения и сказал им, что если все, чему они так решительно верили вчера — не более как вздор, то вчера они своим легкомыслием увлекли было меня к совершению самого великого преступления, и в заключение объявил, что я более не принадлежу к их тайному обществу.

Потом Фонвизин, Никита Муравьев и другие очень уговаривали меня не покидать общества, но я решительно сказал им, что не буду ни на одном из их совещаний... Они свободно гово-

рили при мне о делах своих, и я знал все, что у них делается.[1] Устав Союза Благоденствия, известный под названием Зеленой Книги, я читал при самом его появлении. Главными редакторами были Михайло и Никита Муравьевы; в самом начале изложения его было сказано, что члены тайного общества соединились с целью противодействовать злонамеренным людям и вместе с тем споспешествовать благим намерениям правительства. В этих словах была уже наполовину ложь, потому что никто из нас не верил в благие намерения правительства. В это время число членов тайного общества значительно увеличилось, и многие из них стали при всех случаях греметь против диких учреждений, каковы палка, крепостное состояние и проч. Теперь покажется невероятным, чтобы вопросы, давно уже порешенные между образованными людьми, 38 лет тому назад, были вопросами совершенно новыми даже для людей, почитаемых тогда образованными, т.-е. для людей, которые говорили по-французски и были несколько знакомы с французскою словесностью. В этом деле мы решительно были застрельщиками, или, как говорят французы, пропалыми ребятами (enfants perdus); на каждом шагу встречались Скалозубы не только в армии, но и в гвардии, для которых было непонятно, чтобы из русского человека возможно выправить годного солдата, не изломав на его спине несколько возов палок. Все почти помещики смотрели на крестьян своих, как на собственность, вполне им принадлежащую, и на крепостное состояние, как на священную старину, до которой нельзя было коснуться без потрясений самой основы государства. По их мнению, Россия держалась одним только благородным сословием, а с уничтожением крепостного состояния уничтожалось и самое дворянство. По мнению тех же староверов, ничего не могло быть пагубнее, как приступить к образованию народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всех, но эта молодежь везде высказывала смело слово истины.

3. Из законоположения Союза Благоденствия.[2]

(А. Н. Пыпин, Общественное движение при Александре I. Изд. 4. Спб. 1908, стр. 547 — 553.)

Часть первая.

Вступление.

§ 1. Все физические существа в природе управляются явными законами и сии законы определяют все взаимные оных действия. Наблюдение показывает, что они постоянны

[1] Не порывая своих сношений с членами тайного общества, И. Д. Якушкин исполнял и некоторые их поручения. а в 1818 г. снова вступил в общество. См. «Записки». М., 1905 г., стр. 23 — 24.

[2] В 1817 г. Союз Спасения, был распущен и участники его основали новый Союз Благоденствия. Если первый Союз напоминал заговор-

и что все, кажущееся нарушением порядка, есть, относительно природы, необходимое только оных следствие. Творцу случайность неприлична, а посему создание имеет цель, к коей клонятся и все законы природы; первая же нам видимая есть: общее сохранение существ.

§ 2. Сей же цели подчинены и нравственные существа, ибо как каждый человек стремится к собственному сохранению и благу, так и при совокуплении людей в общество, первой естественной закон есть: соблюдение блага общего.

§ 3. Итак, первая видимая для нас цель творца при создании существ как физических, так и нравственных есть: общее сохранение и благо; поелику же в природе есть непременная общая цель, то должна быть и непременная справедливость, которая знаменуется согласием частной ее цели с целью творца, и как сверх того в природе не может быть ничего отвлеченного от оной, то и никакая частная цель не может быть справедлива, ежели несогласна с целью блага общего.

§ 4. Физические существа, не имея собственной воли, не могут нарушить предначертанных творцом законов, от чего все действия оных справедливы. Нравственные же, соединясь в общество и имея в своих поступках волю, при непрестанном стремлении к собственному благу, часто нарушают благо других, почему и необходимы для них как законы, т.-е. условия, направляющие все их взаимные между собою действия к сохранению общего и частного блага, так и правительство, наблюдающее за исполнением и улучшением сих законов.

§ 5. Правительства сии и законы бывают многоразличны, но всякое вообще, какое бы оно ни было, имеет или должно иметь целью (ежели оно справедливо) благо управляемых. Св. апостол Павел о сем предмете говорит следующим образом: «Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым. Хощеши же ли не боятися власти, благое твори и имети будеши похвалу от него: божий бо слуга есть тебе во благое; аще ли злое твориши, бойся: не бо без ума мечь носит: божий бо слуга есть отмститель в гнев злое творящему» и пр. (Посл. к римл., гл. XIII). Как же скоро правительство имеет целию благо управляемых, то все законы, клонящиеся к цели правительства, суть справедливы, и исполнение оных называется справедливостью.

§ 6. Взаимные, однакож, действия людей столь многообразны, что никакие законы не могут определить всех их

ческую организацию карбонариев, то второй Союз взял в качестве образца немецкий союз Добродетели — Tugendbund. В 1821 г. Союз был объявлен закрытым. Из этого Союза выросло Северное и Южное Общество. О Союзе Благоденствия см. А. Н. Пыпин, Общественное движение при Александре I. Спб., 1908 г., и С. Чернов, Несколько справок о Союзе Благоденствия перед московским съездом 1821 г. («Ученые Записки» Гос. Саратов. Ун-та. 1924 г., т. II.)

между собою отношений, и потому во всяком обществе много еще предоставляется собственной воли каждого; обращение сей воли к цели правительства, пользе общей, называется добродетелию.

§ 7. Ежели подробно рассмотреть все отрасли правления, то легко убедиться можно, что добродетель должна входить в состав каждой: что даже самая справедливость, которая, как выше было сказано, есть исполнение законов по невозможности правительству всегда за оным блюсти, обязана единой токмо добродетели своим существованием. Добродетель, т.-е. добрые нравы народов, всегда были и будут опорою государств: не станет добродетели, и никакое правительство, никакие благие законы не удержат его от падения, разврат всюду водворится, поселит вражду между всеми состояниями, заставит забыть и даже гнушаться пользою общею; предпочтение личных выгод всем другим, невежество, лихоимство, подлость, суеверие и безбожие, презрение к отечеству и равнодушие к несчастию ближнего займут место любви к пользе общей, просвещения, праводушия, чести, истинной веры и искренней к ближнему привязанности. Тщетно малое число благомыслящих людей будут терзаться сим зрелищем и возлагать вину всего на правительство: ропот и укоризны их будут совершенно несправедливы; причиною толикого зла всегда управляемые. Правительство есть многосложное целое, коего различные части устремлены к одной цели: пользе общей; могут ли они стремиться и достигнуть предположенной цели, когда мы сами, составляющие оные, предпочитаем наши личные выгоды всем прочим, тщимся исполнять ни гражданских, ни семейных обязанностей, и служим отечеству для получения только званий в обществе, а часто для постыдного насчет ближнего обогащения!—Но горестно излагать пороки, нас обуявшие, когда зло очевидно и усиление оного ощутительно; тогда жалобные восклицания бесплодны и удел слабых, тогда деятельное злу противоборствие есть необходимая для каждого гражданина обязанность.

§ 8. Сия то превыше всего священная обязанность и убеждение, что господствующему злу противоборствовать можно не иначе как отстранением личных выгод и совокуплением общих сил добродетели против порока, влечет нас к составлению Союза Благоденствия, к коему, без сомнения, с удовольствием приступят все благомыслящие сограждане.

Книга 1-я.

Цель Союза Благоденствия.

§ 1. Убедясь, что добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной и что при всех об оном заботах правительство едва ли достигнет оной своей цели, ежели

управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях содействовать не станут, Союз Благоденствия в святую себе вменяет обязанность, распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения, споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена.

§ 2. Имея целию благо отечества, Союз не скрывает оной от благомыслящих сограждан, но для избежания нареканий, злобы и зависти, действия оного должны производиться в тайне.

§ 3. Союз, стараясь во всех своих действиях соблюдать в полной строгости правила справедливости и добродетели, отнюдь не обнаруживает тех ран, к исцелению коих немедленно приступить не может, ибо не тщеславие или иное какое побуждение, но стремление к общему благоденствию им руководствует.

§ 4. Союз надеется на доброжелательство правительства, основываясь особенно на следующих изречениях Наказа в бозе почивающей государыни императрицы Екатерины вторые: «Если умы их недовольно приуготовлены к ним (к законам), то возьмите на себя труд их приуготовить, и вы тем уже много сделаете». И в другом месте: «Весьма дурная политика та, которая исправляет законами то, что должно исправить нравами».

§ 5. В цель Союза входят следующие четыре главные отрасли: 1-е человеколюбие, 2-е образование, 3-е правосудие, 4-е общественное хозяйство.

Первая отрасль.

Человеколюбие.

§ 6. Под надзором Союза состоят все человеколюбивые заведения в государстве, как то: больницы, сиротские дома и т. п., также и места, где страждет человечество, как то: темницы, остроги и проч. Он с приличным благотворной цели его усердием старается обозревать, по возможности улучшать и учреждать новые подобные помянутым заведения. Доводит до сведения правительства все недостатки и злоупотребления в сих заведениях усмотренные. Ибо в совершенном убеждении, что оно истинно о сем соболезнует и готово простреть руку помощи всем страждущим. Союз также особенно печется о помещении инвалидов к приличным местам.

Вторая отрасль.

Отд. I. Распространение правил нравственности.

§ 7. Союз тщательно занимается распространением, во всех сословиях народа, истинных правил добродетели, напоминает и объясняет всем их обязанности относительно веры, ближнего,

отечества и существующих властей. Он показует неразрывную связь добродетели, т.-е. доброй нравственности народа с его благоденствием и употребляет все усилия к искоренению пороков, в сердца наши вкравшихся, особенно: предпочтения личных выгод общественным, подлости, удовлетворения гнусных страстей, лицемерия, лихоимства и жестокости с подвластными. Словом, просвещая всех насчет их обязанностей, старается примирить и согласить все сословия, чины и племена в государстве, и побуждает их стремиться единодушно к цели правительства: благу общему, дабы из общего народного мнения создать истинное нравственное судилище, которое благодетельным своим влиянием довершило бы образование добрых нравов и тем положило прочную и непоколебимую основу благоденствия и доблести российского народа.

Союз достигает до сего изданием повременных сочинений, сообразных степени просвещения каждого сословия, сочинением и переводом книг, касающихся особенно до обязанностей человека. Личный пример и слова должны тому содействовать. Преимущественно духовные особы, в Союзе находящиеся, обязаны просвещать прихожан своих насчет их обязанностей, не исключая из сего никакого сословия. Должно стараться побуждать к сему и тех духовных особ, кои даже и не находятся в Союзе.

Отд. 2. Воспитание юношества.

§ 8. Воспитание юношества входит также в непременную цель Союза Благоденствия. Под его надзором должны находиться все без исключения народные учебные заведения. Он обязан их обозревать, улучшать и учреждать новые. Вообще в воспитании юношества особенное прилагает старание к возбуждению в нем любви ко всему добродетельному, полезному и изящному, и призрение ко всему порочному и низкому; дабы сильное влечение страстей всегда было остановляемо строгими, но справедливыми напоминаниями образованного рассудка и совести.

Касательно частного воспитания, Союз нечувствительным образом стараться должен побуждать родителей ко внушению детям своим правил добродетели, всех достойных воспитателей поддерживать; а тех, кои под таковым видом вкрадываются в дома для поселения раздоров и разврата, старается не только изгонять из оных, но как растлевающих нравственность юношества лишать всякой возможности находить в сем ремесле дневное свое пропитание. В сем наблюдает он особенно за иностранцами, кои, сверх поселения в домах раздоров и разврата, внушают детям презрение к отечественному и привязанность к чужеземному. Союз старается также отвращать родителей от воспитания детей в чужих краях. Образование

женского пола, как источник нравственности в частном воспитании, входит также в предмет Союза.

Средства, для сего Союзом употребляемые, суть собственный пример, слово и повременные издания, в коих излагаемы должны быть, между прочим, способы воспитания, имена доказанных хороших воспитателей и полезных для сего книг.

Отд. 3. Распространение познаний.

§ 9. Союз всеми силами попирает невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию отечества, старается водворить истинное просвещение. Для сего занимается он сочинениями и переводом книг как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук. Старается также распространять изучение грамоты в простом народе. Употребляет посмеяние для отвращения от книг, не токмо противных цели Союза, но и никакого влияния не имеющих. В словесности допускается только истинно изящное и отвергается все худое и посредственное.

Третья отрасль.

Правосудие.

§ 10. Правосудие, следствие доброй нравственности, есть, без сомнения, одна из главных отраслей народного благоденствия, и посему входит в цель Союза. Он наблюдает за исполнением государственных постановлений, побуждает чиновников как светских, так и духовных, к исполнению обязанностей; осведомляется о всех решаемых делах и старается клонить все на сторону справедливости; чиновников честных и исполняющих свой долг, но бедных состоянием, поддерживает; вознаграждает убытки, за правду понесенные; людей истинно достойных возводит; бесчестных же и порочных старается обратить на путь должного; в случае неудачи лишает, по крайней мере, возможности делать зло. Союз старается также укрощать и искоренять властолюбие и презрение прав человеческих, вместе с воспитанием в нас вкрадывающиеся, и убедить всякого в истине, что: *общее благо народа требует непременно частного, и что каждый человек, какого бы он сословия ни был, вправе оным пользоваться.*

Четвертая отрасль.

Общественное хозяйство.

§ 11. Общественное хозяйство, как основание народного богатства, связывая посредством торговли и промышленности не токмо все сословия, но и все огромные части государства:

переводом же из рук в руки богатств уравнивая состояние и тем подавая каждому надежду трудолюбием своим пользоваться тою частицею благоденствия, коей он завидовал в другом, — должно необходимо войти в цель Союза. Он особенное обращает внимание на хлебопашество и на всякого рода возделывание земель для разведения полезных произрастений; покровительствует всяческой полезной в государстве промышленности; имеет надзор над внутреннею и внешнею торговлею, стараясь оную распространить и оживить ею совершенно мертвые части отечества; отличившихся купцов в трудах для пользы общей, также и всякого рода полезных заводчиков, поддерживает и представляет на вид правительству для награждения; — честных купцов отличает, бесчестных же старается обратить к обязанностям, и вообще печется о введении большей честности в торговле. В предмет Союза входит также составление общественной казны...

Книга 2-я.

Глава I. Качества принимаемых.

§ 1. Союз Благоденствия, имея целью *общее благо*, приглашает к себе всех, кои честною своею жизнью удостоились в обществе доброго имени, и кои, чувствуя все величие цели Союза, готовы перенести все трудности, с стремлением к оной сопряженные.

§ 2. Союз не взирает на различие состояний и сословий: все те из российских граждан, дворяне, духовные, купцы, мещане и вольные люди, кои соответствуют вышеозначенному, исповедуют христианскую веру и имеют не менее 18-ти лет от роду, приемлются в Союз Благоденствия.

§ 3. Женской пол в Союз не принимается. Должно, однакож, стараться нечувствительным образом склонять его к составлению человеколюбивых и вообще частных обществ, соответствующих цели Союза...

ГЛАВА II.

СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ДЕКАБРИСТОВ.

1. Из проекта конституции Н. М. Муравьева.

(В. Е. Якушкин. Государствен. власть и проекты государствен. реформы в России. Спб., 1906 г., приложение, стр. 131—160.)

Глава I. О народе русском и правлении.

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

Глава II. О гражданах.

3. Гражданство есть право, в определенном в сем Уставе порядке участвовать в общественном управлении: посредственно, т.-е. выбором чиновников или избирателей, непосредственно, т.-е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной власти.

4. Граждане суть те жители Российской Империи, которые пользуются правами выше определенными.

5. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

1) Не менее 21 года возраста. 2) Известное и постоянное жительство. 3) Здравие ума. 4) Личная независимость. 5) Исправность платежа общественных повинностей. 6) Непорочность перед лицом закона...

8. Через 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи, никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан гражданином.

9. Права гражданства теряются —

На время:

1) Судебным объявлением о расслаблении ума. 2) Нахождением под судом. 3) Судебным определением о временном лишении прав. 4) Объявленным банкротством. 5) Общественною недоимкою. 6) Нахождением в услужении при ком-либо. 7) Неизвестностью местопребывания, занятий и средств к пропитанию...

Глава III. О состоянии, личных правах и обязанностях русских.

10. Все русские равны перед законом.

11. Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям отечества и явиться на защиту родины, когда потребует того закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно вере, по которой все люди братья, все рождены благо по воле божьей, все рождены для блага, и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан перед судом и подлежат присяжным.

15. Существующие ныне гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 р. с.), поступает на суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа под ответственностью тех, которые его задержали, должно ему объявить письменно о причине его задержания, — в противном случае он немедленно освобождается...

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнародованного до преступления и правильно, законным образом, приведенного в исполнение...

23. Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью, со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим.

25. Крестьяне экономические и удельные будут называться общими владельцами, равно как и ныне называющиеся вольными хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, предоставляется им в общественное владение и признается их собственностью. Удельное правление уничтожается.

26. Последующие законы определят, каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждого из поселян, и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих владельцев...

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушил законов природы и нравственности.

Глава IV. О России.

43. В законодательном и исполнительном отношениях вся Россия делится на 13 держав, 2 области и 568 уездов или поветов.

Все население полагается в 22.630.000 жителей мужского пола, и по сему предположению разочтено представительство оной...

Державы делятся на уезды, уезды на волости от 500 до 1500 жителей мужского пола.

В судебном отношении державы делятся на округи, равные нынешним губерниям.

Глава V. О внутреннем устройстве волостном и уездном или поветовом.

44. В каждом уезде граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 рублей серебром или движимой на 1.000 рублей серебром, собираются в уездном городе и выбирают тысяцкого на один год.

1) Те, которые пользуются землями в общественном владении, не суть владельцы и, следовательно, сюда не принадлежат.

45. Общие владельцы не имеют права каждый лично участвовать в выборе тысяцкого, народных представителей и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить одного избирателя с каждых 500 жителей мужского пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса, наравне с прочими гражданами, как уполномоченные целым обществом, лишь только они предъявят поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старейшинами. Впрочем, каждый из общих владельцев, имеющий капитал, означенный выше, участвует в выборах непосредственно и не лишается прав избирательства качеством общего владельца. За то он не участвует в избрании уполномочивающего общества.

46. Чтобы быть тысяцким, должно иметь, по крайней мере, 21 год от рождения, непорочного поведения и недвижимого имения в собственном своем владении ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра (30.000 рублей серебром) или движимого не менее 3.000 фунтов чистого серебра (60.000). Если избранный в сие звание не владеет таковым имением, то он не должен принимать сего звания. В противном случае он лишается места и вносит пеню 100 фунтов чистого серебра (2.000 рублей).

47. Должность тысяцкого состоит в следующем:

1) Он созывает граждан для выборов представителей, выборных членов дум, держав и пр. и председательствует в их собраниях. 2) Исполняет определения судей, посылает вызовы к суду, объявляет определения правителей держав, составляет список присяжных. 3) Собирает доходы общественные. 4) Наблюдает за общественными темницами и исполнением уголовных наказаний. 5) Охраняет судей во время отправления ими их должности, представляет требования уезда, говорит всегда от его имени, берет под стражу нарушителей порядка: в сем случае каждый обязан ему повиноваться и вспомоществовать при востребовании. 6) Составляет два списка тех из граждан уезда: кои владеют недвижимым имением ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра или движимым ценою не менее 3.000 фунтов чистого серебра; 2-й тем, кои владеют недвижимым имением не менее 250 фунтов или движимым не менее 500 фунтов чистого серебра. Граждане первого списка могут быть (если притом отвечают прочим условиям) избраны в члены Верховной Думы, Правители Держав, Наместники Державных Правителей, тысяцкие и члены Державных Дум и члены Державных судов.

Граждане второго списка могут быть присяжными и избирателями.

Граждане первого списка пользуются правами и второго списка.

Граждане, коих имена не внесены в сии списки, не лишены тем прав остальных граждан.

49. В уездах, в которых вовсе не находилось людей, владеющих имением в 1.500 фунтов чистого серебра или в которых находилось бы менее 20, должно выбирать на те места, в которые требуется сие условие, из определенного большинством голосов избирателей числа владельцев и капиталистов, которые приближаются своим имуществом к требуемому состоянию, включая в число сие и тех немногих или того, кто бы пользовался означенным имуществом. Сей дополнительный список печатается вместе с первым списком...

51. Тысяцкий должен иметь жительство в уезде. Он может быть выбран несколько раз сряду...

54. Каждый тысяцкий, помощник и старейшина получают вознаграждение по окончании года: тысяцкий в 1.500 р. серебром, помощник 500, старшина в 100 рублей серебром...

56. В выборе волостном участвуют все граждане без изъятия и различия.

57. Обыватели каждой волости избирают на год или более Волостного старейшину. Обязанности его есть, кроме управления волостного, отбирать показания обывателей, имеющих недвижимую или движимую собственность, разделить их на вышеозначенные статьи и представить тысяцкому.

58. Волостные старейшины находятся под особенным начальством тысяцкого, который поверяет доставленные ими сведения, принимает обвинение жителей и показания их. Убедясь гласною расправою, тысяцкий имеет право внести пропущенных в списки или вычеркнуть имена тех, которые не должны в них находиться. Тысяцкий, получая сообщение приговора к позорному наказанию, или уведомляясь о банкротстве или общественной недоимке, объявляет о том в уезде или повете, исключает те лица из списков.

Глава VI. О Народном Вече.

59. Народное Вече, состоящее из Верховной Думы и Палаты народных представителей, облечено всей законодательной властью.

Глава VII. О Палате Представителей, о числе и выборе Представителей.

60. Палата представителей составлена из членов, выбранных на два года гражданами Держав.

61. Во время своего избрания представитель должен жительствовать в избравшей его Державе.

62. Лица, принявшие на себя подряды и поставки на общественные требы, не могут до совершенного окончания оных быть представителями.

64. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом:

Каждые 50.000 обывателей мужеского пола посылают в палату представителей одного представителя. В числе сих 50.000 должно только полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

72. Палата представителей сама избирает своего председателя, она одна пользуется правом предавать суду сановников Империи.

Глава VIII. О Думе Верховной.

73. Верховная Дума состоит из трех граждан каждой Державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего — 42 члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями Держав и областей, т.-е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными Думами.

74. Немедленно по прибытии в столицу членов Верховной Думы они разделяются на три разряда, по возможности, равных. Члены первого разряда выходят из Думы по истечении 2-х лет. Члены второго разряда — по истечении 4, члены третьего разряда — по истечении 6 лет, так что треть всей Думы возобновляется каждые два года новым избранием. Если же в продолжение двух годов между выходами откроются места, смертью членов, или увольнением оных, то исполнительная власть сих Держав сделает временное назначение (если это случилось в такое время, когда правительное собрание Держав распущено), пока правительное собрание не заменит оного.

75. Условия, необходимые, чтобы быть членом Верховной Думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1.500 фунтов чистого серебра или движимого на 3.000 фунтов чистого серебра.

76. Дума избирает сама своего председателя, наместника председателя и прочих своих чиновников. Председатель наблюдает за порядком рассуждений, но не имеет права голоса. Наместник занимает его место, когда он в отсутствии.

77. Верховной Думе принадлежит суд над министрами, верховными судьями и всеми прочими сановниками Империи, обвиненными народными представителями. Никто не может быть объявлен виновным, как только 2/3-ми голосов всех присутствующих членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только объявить подсудимого винов-

ным и лишить его занимаемого им места и звания. Дальнейшее суждение над виновным продолжается в присутственных местах обыкновенным порядком судебным с присяжными, по письменному обвинению Верховного Блюстителя (генерал-прокурора, который лично ответствует суду, когда обвинение докажется несправедливым). Изобличенный судом государственный сановник подвергается казни, определенной законами.

Дума участвует вместе с императором в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и Верховного Блюстителя. Для сего потребно большинство 2/3 членов Думы.

Глава IX. О власти, преимуществах Народного Веча и составлении законов.

...83. Члены Верховной Думы и представители получают из общественной казны вознаграждение за свое служение, за каждый день, в котором они присутствовали на заседаниях, равное 21 золотнику чистого серебра (5 рублей серебром).

За каждые сто верст, которые им нужно проезжать от своего местопребывания до столицы и обратно к себе, получают они также вознаграждения, равные 43 золотникам чистого серебра (10 рублей серебром).

Ни в каком случае, кроме измены, преступления и нарушения общественного порядка, нельзя брать под стражу членов Народного Веча ни во время заседаний, ни на пути их в столицу, ни во время возвращения их.

85. Нигде нельзя их тревожить за то, что они говорили каждый в своей Палате, и никто не вправе требовать от них объяснения речей их, там произнесенных. Член Палаты, уличенный в преступлении, до приговора судебного исключается Палатою своею.

Никакой должностной человек, в службе общественной находящийся, не может быть членом ни той, ни другой Палаты, пока он будет сохранять свою должность.

86. Никакой член Думы, ни представитель в продолжении всего того времени, на которое он избран в сие звание, не может быть назначен ни в какую гражданскую должность, которая была бы учреждена, или которой бы выгоды были в то время увеличены или умножены.

87. О всяком предложении налогов или набора ратников должно быть наперед разсуждаемо в Палате представителей, но Дума может делать оным изменения, как и во всяком предложении. Изменения сии в предложении о налогах тогда только становятся действительными, когда Палата представителей оные допустит.

*

88. Всякий проект закона прочитается три раза в каждой палате. Между всяким чтением должно пройти 3 дня, по крайней мере; после каждого чтения происходят рассуждения. После первого чтения проект закона печатается и раздается всем присутствующим членам.

89. Всякое предложение, получившее согласие Думы и Палаты представителей должно еще быть представлено императору, чтобы получить силу закона. Если император одобряет предложение, то подписывает оное, ежели не одобряет, то отсылает с своими замечаниями в ту Палату, в которую оно сначала поступило. Палата записывает в свой журнал все замечания императора против сего предложения и вновь открывает об этом рассуждения. Если после сего вторичного суждения о предложении $^{2}/_{3}$ членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями императора в другую Палату, которая начнет также разбирать оное вновь, и там, если таковых большинство одобряет оное, оно становится уже от того законом. В подобных сему случаях члены Палаты должны подавать свои голоса через одно выражение да или нет, и в журнале каждой Палаты записываются имена всех членов, подававших голоса в пользу или против сего предложения.

90. Ежели император по прошествии 10 дней (исключая воскресного) не возвратит представленного ему проекта, то оный получает силу закона. Если же Народное Вече отсрочит между тем свои заседания, то предложение не становится законом. Всякое приказание, решение, или прокламация и манифест, требующие содействия обеих Палат (исключая рассуждения об отсрочке заседаний), должно быть представлено императору и утверждено им, чтобы быть приведенным в исполнение. Если же он отвергнет оное, то оно должно быть снова принято $^{2}/_{3}$ обеих Палат, сходно с правилами, выше означенными.

91. Проект, отвергнутый одной из Палат, может быть вновь представлен только в следующий съезд Народного Веча.

92. Народное Вече имеет власть постановлять и отменять законы судные и исполнительные, то есть:

1) Издать для России Уложение Гражданское, Уголовное, Торговое и Военное, уставить Учреждения по благочинию и правила судопроизводства и внутреннего управления присутственных мест. 2) Объявлять законом в случае нашествия или возмущения, что такая область находится на военном положении и под военными законами. 3) Обнародовать закон о Всепрощении. 4) Распускать правительственные собрания Держав в случае, если бы оные преступали пределы своей власти, и повелеть избирателям приступить к новым выборам. 5) Объявлять войну. 6) Устройство, содержание, управление расположение и движение войск сухопутных и морских, система укрепления пределов, берегов, пристаней, набор, пополнение войск

и внутренняя стража зависит от узаконений Народного Веча. 7) Налоги, займы, поверки расходов, пенсии, жалования, все сборы и издержки, одним словом, все финансовые меры. Но оно не может утвердить никакой бюджет более, нежели на два года. 8) Все меры Правительства о промышленности, о богатстве народном, учреждения ямов, почт, содержание сообщений сухопутных и водяных, заведение новых, учреждение банков. 9) Покровительствует наукам и полезным искусствам, дает сочинителям и изобретателям исключительное право пользоваться определенное число лет их сочинениями и изобретениями. Имеет право предлагать Держ. Прав. собраниям повсеместное преподавание закона божия, языка российского, общественного устава и военных наук, но отнюдь не может ограничивать в сем смысле свободы оных и частного преподавания. 10) Постановления правил награждения для гражданских чиновников, устройство порядка службы во всех отраслях управления и статистические отчеты всех частей правительства. 11) Получа донесение министра, в случае болезни телесной или нравственной императора, кончины или отречения, объявляет регентство или провозглашает наследника императором. 12) Избирает Правителей Держав.

93. Народное Вече не имеет власти учреждать новых конституционных законов, ни отменять существующих, одним словом, не имеет права издавать постановлений ни о каком предмете, не помещенном в сем исчислении прав его.

94. Н а р о д н о е В е ч е, составленное из мужей избранных народа русского и представляя его собою, приемлет наименование его величества.

95. Народное Вече определяет общие налоги и издержки, предоставляя частные распоряжением правительственных собраний Держав. Существующие долги признаются Народным Вечем, которое ручается в платеже оных.

96. До будущих установлений Народного Вече, подати остаются те же, за исключением только того, — 1) что люди, известные ныне под названием мещан, освобождаются от платежа излишней против экономических и других пошлин подушной подати и сравниваются в платеже с ними; 2) что невзрослые до 17 лет и достигшие 60-ти летнего возраста равно освобождаются от подушного оклада; 3) что подать сия распространяется на всех остальных граждан, поелику все равны перед законом и обязаны нести одни и те же повинности.

97. Народное Вече от времени до времени издает в общенародное сведение подробный отчет всякого общественного прихода и расхода. Казначейство Российское не отпускает никакой суммы, как вследствии утвержденного Народным Вечем закона.

1) Право изменить устав или избрать другое поколение на царство принадлежит Народному и Державным Соборам, а не Народному Вечу.

98. Народное Вече не имеет власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо вероисповедание или раскол. Вера, совесть и мнения граждан, пока оные не обнаруживаются противузаконными действиями, не подлежат власти Народного Веча. Но раскол, основанный на разврате или на действиях противуестественных, преследуется присутственными местами на основании общих постановлений. Народное Вече не имеет власти нарушать свободы речей и книгопечатания.

99. Народное Вече не рассуждает во присутствии императора и в то же время не собирают голосов. На речь императора Председатели обеих Палат должны отвечать, что Народное Вече займется предлагаемыми ему предметами.

100. Народное Вече имеет право взять частную собственность в общественное употребление за справедливое вознаграждение, но для сего должен быть предварительно выдан закон обыкновенным порядком, т.-е. оный должен пройти через обе Палаты и быть утвержден императором. В сем законе должны быть изъяснены подробно:

1) Количество и настоящая цена имения (у частного лица или частных лиц), которого приобретение необходимо для общественного употребления. 2) Условия или суммы, предлагаемые частным лицам в вознаграждение за принужденную продажу. К тому же должны быть приложены достоверные свидетельства, что показанная цена имения есть настоящая.

Глава X. О верховной исполнительной власти.

101. Император есть: верховный чиновник Российского правительства. Его права и преимущества суть:

1) Власть его наследственная по прямой линии от отца к сыну, но от тестя она не переходит к зятю. 2) Он соединяет в особе своей всю исполнительную власть. 3) Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждать ее ко вторичному рассмотрению закона. 4) Он верховный начальник сухопутной и морской силы. 5) Он верховный начальник всякого отделения земских войск, поступающего в действительную службу Империи. 6) Он может требовать письменного мнения главного чиновника каждого исполнительного департамента о всяком предмете, с его обязанностью сопряженном. 7) Ведет переговоры с иностранными державами и заключает мирные трактаты с совета и с согласия Верховной Думы, лишь только две трети присутствующих Думы на то согласились. Трактат, таковым образом заключенный, поступает в число верховных законов. 8) Он назначает посланников, министров и консулов и представляет Россию во всех ее отношениях с иностранными державами. Он назначает всех чиновников, о которых не говорено в сем уставе. 9) Не может, однако же,

помещать в трактатах статей, нарушающих права и состояние граждан внутри отечества. Равным образом не может включать в оные без согласия Веча Народного условий напасть на какую-либо землю, не может уступить никакого участка земель, принадлежащих России. 10) Назначает судей верховных судебных мест с совета и согласия Верховной Думы. 11) Он наполняет все места, сделавшиеся свободными, когда Народное Вече распущено, и дает от себя постановленным временным чиновникам грамоты на сии места, которые имеют силу до окончания первого съезда Думы. 12) Он означает и постановляет по каждой отрасли дел или в каждом Приказе главу, как то: а) Главу казначейского Приказа (М. Фин.). б) Главу Приказа сухопутных сил (Мин. Воен.). в) Главу Приказа морских сил (Морск. М.). г) Главу Приказа внешних сношений. 13) Он обязан при каждом съезде обеих Палат доставлять Народному Вечу сведения о состоянии России и представлять его суждению принятие мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными. 14) Он имеет право созывать обе Палаты и Верховную Думу в случае переговоров или суда. 15) Не может употреблять войска во внутренности России в случае возмущения, не сделав о том предложения Народному Вечу, которое немедленно обязано удостовериться посредством следствия в необходимости военного положения. 16) По востребованию его обе Палаты разбирают его предложение в тайном совещании, ежели сие покажется ему нужным. 17) Если бы Палаты не согласились между собой на время отсрочки их заседаний, то он может отсрочить оные, но не более, как на три месяца. 18) Он принимает послов и уполномоченных иностранных правительств. 19) Наблюдает за строгим исполнением общественных законов. 20) Дает грамоты назначения всем чиновникам Империи. 21) Ему дается титул его императорского величества, — никакой другой не допускается. Выражения: имянное повеление, высочайшее соизволение, соизволение быть по сему и т. п. уничтожаются, яко неприличные и не имеющие никакого значения в земле благоустроенной. 22) Народное Вече определяет, с каким обрядом новый император принимает сие звание. 23) Император при вступлении своем в правление произносит следующую присягу посреди Народного Веча:

«Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности императора Российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного Устава России».

102. ...Император получает на содержание свое и своего семейства ежегодно из общественного казначейства сумму, равную цене 102.000 фунтов чистого серебра (2.000.000 рублям серебряным), в которых он никому не обязан давать отчета...

109. Член Думы или народный представитель, занимающий место Правителя России, во все время получает вознаграждение, ежегодно, равное ценности 2.000 фунтов чистого серебра

(40.000 рублей серебряных). Временный Правитель пользуется всеми правами, предоставленными сим Уставом императору...

111. Женщины не наследуют императорской власти и не доставляют никому на оную права посредством брака: — общество людей свободных не есть отчина и не может служить...[1] Императорское звание учреждено наследственным для удобства, а не потому, чтобы оно было в самом деле семейственным достоянием. Итак, по пресечении мужского поколения, народ учредит вид правления или приступит к избранию другого семейства...

113. Все гражданские чиновники, главы приказов, правитель временный и пр. могут быть лишены своих должностей, если вследствие обвинения Палатою представителей уличены будут Думою в измене, расхищении общественной казны, или сделали еще какие-либо преступления и, наконец, ежели окажутся неспособными.

114. Всякий чиновник исполнительной власти отвечает за каждое свое действие; никто не может оправдаться полученным приказанием, ибо в гражданском быту слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противузаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление. Император не подлежит суждению, если же сам император лично учинит какое-либо преступление, за которое никто другой не подлежит ответственности, то сие приписывается нравственному недугу Народным Вечем, которым, в таком случае, учреждается регентство, посредством особого закона.

Глава XI. О внутренних властях и о правительствах Держав.

115. Правительство каждой Державы состоит из трех отдельных независимых друг от друга властей, но содействующих к одной цели, а именно: правительствующей, исполнительной и судной.

Глава XII. О правительствующей власти держав.

...118. Раздел второй. — О Державной Думе.

...2) Члены Думы должны отвечать следующим условиям: иметь, по крайней мере, 30 лет возраста, иметь жительство в Державе, которая их избирает на то время, и пользоваться уже 9-тилетним гражданством в России, если они не родились русскими, быть непорочными в поведении, иметь недвижимого имения, коего цена равнялась 750 фунтов чистого серебра или движимого на 1.500 фунтов чистого серебра (от 15.000 до 30.000 серебр. рублей).

[1] Пропуск в подлиннике.

4) Дума по собрании своем немедленно разделяется на четыре части по возможности равные, из коих одна ежегодно по жребию выходит и заменяется новыми выборными, так что в продолжении 4-х лет вся Дума возобновляется.

119. Раздел третий. — О внутреннем устройстве и власти правительствующих собраний.

1) Каждый год правительствующее собрание съезжается в столичном городе Державы в последний вторник ноября месяца. Второй съезд оного в сентябре следующего года. Продолжение съезда зависит от большего или меньшего занятия правительствующего собрания.

2) Каждая Палата избирает сама своего председателя и делает постановление для внутреннего своего управления... За каждый день заседания члены Палаты получают вознаграждение, равное 8 золотникам чистого серебра (два рубля серебром).

3) В обеих Палатах выбывшие члены могут быть снова избраны...

5) Заседания обеих Палат происходят при открытых дверях; по предложению Правителя, Палаты должны совещаться тайно, равным образом, когда в Палате выборных или в Думе 1/3 наличных членов того востребует... Ни которая из Палат не может без согласия другой отсрочить своих заседаний более, нежели на 3 дня, нн перенести оных в другое место, кроме того, в котором заседают обе Палаты...

6) Ни в каком случае, кроме измены, преступления или нарушения общественного порядка, нельзя брать под стражу членов Правительствующего собрания ни во время заседаний, ни на пути их в державный город, ни во время возвращения из оного. Члены не отвечают за обнаруженное ими мнение в Палате.

9) Правительное собрание каждой Державы имеет право:

1) Делать постановления, касающиеся до внутреннего управления Держав. 2) Делать новое разделения края, более сообразное с нуждами и средствами жителей... 5) Учреждать налоги для собственного управления Держав и составлять казну. Частные налоги для собственного управления каждой Державы и потребностей оной, как-то: дорог, каналов, строений, издержек на правительственное собрание, оплату чиновников исполнительной власти, на судебную часть и прочее, зависят от власти правительственного собрания каждой Державы. Общие налоги для содержания войска сухопутного и морского, крепостей, почт, связей с иностранными государствами, вознаграждение членов Народного Веча, платы верховных чиновников, проложение сообщений, превозмогающих местные средства, одним словом, для всех нужд и потребностей всей общины Российской, назначаются Народным Вечем. 6) Делать всякого рода общественные заведения, учебные учреждения, школы и прочее. 7) Содержать и приводить в порядок сообщения. 8) Правительствующее собра-

ние имеет право просить Народное Вече о созыве Народного собрания для изменения конституционного Устава. 10... Никакая конституционная, законодательная, судебная, ни исполнительная власть не может существовать в краю, занятом неприятелем.

Глава XIII. О исполнительной власти Держав.

120. Исполнительная власть каждой Державы поручена Державному Правителю, его наместнику и Совету. Условия, чтобы быть правителем, суть следующие.

1) 30 лет возраста, для иностранца, получившего права гражданства, девятилетнее пользование оным, жительство в той Державе, недвижимое имение, равное цене 1.500 фунтов чистого серебра, или движимое равное цене 3.000 фунтов чистого серебра (30.000 или 60.000 серебр. рублей).

121. Через каждые три года Народное Вече избирает правителей из списков кандидатов на сие звание, доставленных в оное Правительствующими собраниями. Сей выбор производится обеими соединенными вместе Палатами Народного Веча и утверждается императором.

122. Права и занятия Правителя суть следующие: Правители Держав имеют надзор за находящимися в Державе чиновниками министерств.

1) Подтверждать законы, предполагаемые Правительствующим собранием, или принуждать оное ко вторичному рассуждению об оных, имеет право предлагать законы на рассмотрение обеих Палат. 2) Отсрочивать заседания обеих Палат на то время, на которое они того желают; в случае же, если бы они не были в том между собою согласны, он имеет право, чтобы согласить их, отсрочить заседания до того времени, которое ему покажется приличным. 3) Не может, однако же, хотя бы и в несколько приемов, отсрочить заседания Правительствующего собрания более, нежели на 90 дней сряду... 6) В случае заразительной болезни или какой-нибудь другой опасности, угрожающей жизни Членов Правительствующего собрания, он может созвать оное в другом каком-либо городе или месте той Державы. 5) Он начальствует над земским войском своей Державы, не может однако же без согласия Правительствующего собрания высылать оное из пределов Державы. Не может, однако же, даже в случае возмущения велеть земскому войску действовать против жителей, пока Правительствующее собрание не издаст закона о военном положении Державы. 7) Назначает по представлению своего совета Державного Блюстителя законов, Судей Державных и других чиновников из числа особ, нанесенных на первом списке. 8) Получает ежегодно вознаграждение, равное цене 500 фунтов чистого серебра (10.000 рублей серебром).

123. Правитель по окончании своего служения может быть назначен на то же место вторично только по прошествии

четырех лет. Сие правило относится также до наместника его и советников...

131. Члены Совета выбывают по третям ежегодно...

134. Правитель, Наместник, Блюститель, Дьяк, Казначей и все гражданские чиновники могут быть лишены своих званий, если вследствие обвинения Палатою выборных будут уличены Думою и осуждены за измену, расхищение общественных денег, другие какие-либо преступления или порочное поведение.

После официального закрытия Союза Благоденствия в 1821 г. связь между Северным и Южным его отделами в значительной мере ослабла. Это ослабление отразилось и на тех проектах будущего государственного строя России, которые получили наиболее широкое распространение. Южное Общество, находившееся под преобладающим влиянием Пестеля, остановилось на «Русской Правде» с ее республиканской формой, тогда как в Северном обсуждалась конституция Никиты М. Муравьева, проектировавшая монархическое устройство. Не должно забывать при этом, что ни тот, ни другой проект не имели для членов Общества силы обязательной догмы и вызывали иногда очень серьезные возражения, особенно проект Муравьева.

Списки конституции Н. М. Муравьева дошли до нас в двух редакциях, которые были составлены в разное время и обнаруживают различие в некоторых положениях. Первая редакция, найденная в бумагах С. П. Трубецкого и переписанная его рукою, относится к 1821 г. и носит заглавие: «Предположение дела начертания устава положительного образования, кою его имп. в-ву благоугодно будет с помощью всевышнего учредить славяно-русскую империю» (заглавие принадлежит С. П. Трубецкому); тексту предшествует «вступление» — рассуждение о гибельности власти самодержавной и предпочтительности для России «федерального или союзного правления». (Напеч. у Довнар-Запольского, Мемуары декабристов, Киев, 1906, стр. 96—118). Здесь печатается вторая редакция (после 1822 года), как более поздняя и более полная (копия ее переписана К. Ф. Рылеевым); наиболее существенное отличие ее заключается в том, что именно во второй редакции больше «проглядывает аристократический принцип ценза: пользование политическими правами обусловливается имущественным цензом, довольно значительным для избираемых в должности». Более подробно отличия двух редакций отмечены В. И. Семевским в кн. общественные и политические идеи декабристов, стр. 447 сл. и М. В. Довнаром-Запольским в кн. Мемуары декабристов. Киев, 1906, XXVII — XXVIII.

Из тех влияний, какие отразились на конституции Н. М. Муравьева, В. И. Семевский отмечает испанскую и английскую конституции, декларацию прав человека и гражданина, а в предисловии к «Обозрению проявлений политической жизни в России» декабриста М. А. Фонвизина он же указывает на знакомство Н. М. Муравьева с аристократическими проектами реформ известного деятеля XVIII в., Н. И. Панина.

Проект Муравьева неоднократно обсуждался членами Общества и вызвал много возражений, прежде всего, со стороны П. И. Пестеля. Посылая последнему часть своего проекта, Н. М. Муравьев говорил ему, что монархический характер конституции введен для того, чтобы не испугать новых членов. По словам Рылеева, однако, такое заявление Муравьева было вызвано опасением за «отторжение Южного Общества», где всеми принята республика, сам же Муравьев всегда держался мнения о необходимости императорской

власти. Главные возражения Пестеля были направлены против отмеченной выше «ужасной аристократии богатств». Под влиянием Рылеева Н. М. Муравьев согласился наделить помещичьих крестьян землей в размере двух десятин на двор. О возражениях других членов см. у В. И. Семевского, общественные и политические идеи декабристов», стр. 472 — 480; из них особенно интересна записка Торсона а также Покровского Очерки революционного движения и России XIX и XX в.

Никита Мих. Муравьев (1796 — 1843 г.) возглавлял правую, монархическую часть Северного общества, которой были близки интересы крупной буржуазии и помещиков.

Кроме проекта конституции, Н. М. Муравьеву принадлежит еще незаконченное произведение «Любопытный разговор», называвшийся также «Катехизисом вольного человека». Произведение это, написанное в форме вопросов и ответов, предназначалось для пропаганды в народе и было передано автором С. И. Муравьеву-Апостолу и оказало, вероятно, влияние на «Православный катехизис» последнего.

2. Проект манифеста, найденный в бумагах князя С. П. Трубецкого.

(М. В. Довнар-Запольский, Мемуары декабристов. Киев. 1906 г., стр. 94 — 95.)

В манифесте Сената объявляется:

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное отправление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющееся на людей.

6. Равенство всех сословий пред законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Объявление права всякому гражданину заниматься чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин — все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу, и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом пред судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и проч., и потому учреждение свободного вино-

курения и добывание соли, с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, но определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, о порядке выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские. Учреждается правление из двух или трех лиц, которому подчинит все части высшего управления, то есть все министерства, Совет, Комитет министров, армии, флот. Словом всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не судную. Для сей последней остается министерство, подчиненное временному правлению, но для суждения не решенных в нижних инстанциях остается департамент Сената уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно, и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

В целях объединения действий декабристами был избран диктатор в лице князя С. П. Трубецкого, который поручил Рылееву составить проект манифеста от имени Сената. Диктатор, как известно, на площадь не явился. Он сознавал бессилие Северного Общества захватить власть и не вышел на площадь, где в это время собирались солдаты и офицеры, сочувственно встреченные окружающей площадь толпой. «Что, господа, ведь пехота-то стрелять не будет, а артиллерия-то палить будет»,—говорил С. П. Трубецкой на совещании офицеров накануне 14 декабря. «И,—добавляет Трубецкой в своем показании, — с этой минуты я решил не принимать участия в движении». «Восстание декабристов» изд. Центр. Архива. См. статью М. Н. Покровского в »Записках Свердловского Университета», т. I, и его же, «Очерки революционного движения в России в XIX и XX в.».

3. Из письма кн. С. П. Трубецкого в следственную комиссию.[1]

(Восстание декабристов. Материалы, т. I, Центрархив. М. — Л. 1925 г., стр. 100—102.)

К несчастию моему я вижу что бессмысление мое и непонятность, вовлекают только меня в бо́льшие бедствия, и затрудняют течение дел Комитета. — В бывших мне допросных пунктах 27-го прошлого Апреля месяца, спрашивалось у меня между прочимъ «был ли я убежден в необходимости установления республики в России?» Слово убежден ввело меня в заблуждение из которого меня вывел вчера сделанный мне допрос. Смею надеяться что Ваше Высокопревосходительство не откажет принять благосклонно желание мое исправить мою новую вину, откровенным признанием.

Я не был в душе моей убежден в необходимости установления республиканского Правления в России. Я точно всегда думал что оно несвойственно народу Рускому, и что еслиб и введено было, то удержатся неможет. Но также противно бы было сознание собственной моей совести, сказать что сия уверенность моя никогда неколебалась; особенно в последнее время пребывания моего в Киеве, когда я увидел что здешнее общество имеет ту же мысль, я остался в совершенном не сей счет сомнении, из которого вывел меня здесь уже Батенков; и рассуждения его укрепили во мне прежнюю мою уверенность, что кроме Монархического правления, в России существовать не может. Я откровенно признаюсь что когда я колебался и сомневался то я действовал двояко: иногда представляя Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, что в России народ не поймет республики, что нет человека который бы мог быть главою оной; что сие может сделать возмущения и беспокойства внутри Государства; а иногда, соглашаясь с ними, что особенно было в последнее время. Мне ненравился план действия их, но я о том неговорил им, и напротив оказал согласие действовать по оному, имея в мысли что он может быть переменен, тем более что Муравьев и Бестужев боялись властолюбия Пестеля и личных его видов; ненравилась мне Конституция Пестелева, и ее я совершенно оспаривал. Здесь я желал найти общество или в силе действовать, в тоже время когда будет действовать Южное общество, и воспротивиться ему во введении Пестелевой Конституции; или найти его в совершенном бессилии действовать, и тем заставить Южное общество отсрочить исполнение своих намерений, — к сему последнему я часто был побуждаем страхом, который

[1] Писано собственноручно Трубецким. На верху документа другой рукой поставлена дата: «5 Маия 1826».

чувствовал при мысли о начатии такого действия, которого последствия могут быть нетаковы как их предполагаешь, и я страшился, что если оные будут несчастны для отечества моего, то ответственность будет лежать на мне, (как и на других, а может быть и более) и что тогда я обременю совесть мою ужасным угрызением. Гнушался и также мыслию Цареубийства и пролития крови, и думал что когда я могу оным воспрепятствовать и сего не сделаю, то должен буду признавать себя участником в оных; и потому я очень обрадовался когда узнал от Рылеева, что время исполнения намерения Якубовича еще неопределено. Я желал воспрепятствовать исполнению оного без вреда обществу. Но я должен также чистосердечно признаться, что я имел преступную слабость скрывать, что покушение на жизнь покойного Государя устрашает мою совесть, и имел слабость сию даже до того, что нетолько неоспаривал мысли сей в том кем она мне казалось понятною, но даже иногда изъявлял что я одного мнения, стараясь только избегать сего. Причину сей слабости я нахожу в неограниченном желании, которое я имел пользоваться доверенностию всех, с кем я был в коротких сношениях; и мысль сия меня столь ужасает со времяни несчастного происшествия, которого может быть я был главным виновником, что я не могу без содрогания подумать о том, до чего может быть могла б довести меня слабость моего характера; и сей страх не раз заставлял меня благодарить бога, что он своим всевидящим промыслом остановил меня чрез несчастие мое и оным не допустил меня сделатся может быть ужаснейшим в мире преступником.

Я здесь открыл пред вашим Высокопревосходительством душу мою, как она есть пред создателемъ моим. В тех различных чувствах, которые ею обладали, Вы найдете полное истолкование всех моих поступков.

Здесь в С.-Петербурге, когда уже положено было, чтоб воспользоваться обстоятельствами, то я уже в мыслях моих решительно положил, что должно быть Правление Монархическое. Рылеев тому не противуречил, но я еще не будучи уверен, что он совершенно искренно на оное соглашается, думал что вернее будет сказать ему, что разрешение сего обстоятельства будет зависить от произвола собрания Депутатов; как я то и написал в известной Записке.—Неизвестность, в которой я был до самого последнего дня, о количестве силы с которою начнется предполагаемое действие, препятствовала мне сделать окончательное и определительное распоряжение, каким образом должно будет действовать когда полки подымутся; а 13-го числа вечером я слишком увидел слабость нашу, чтоб ожидать успешного действия, если оное будет, и уже потому не хотел делать распоряжения.

4. Из записок декабриста Ив. Дм. Якушкина.

(Записки И. Д. Якушкина, Москва, 1905 г., стр. 26—27, 28—32.)

В 1819 году, поехав из Москвы повидаться с своими, я заехал в смоленское свое имение. Крестьяне, собравшись, стали просить меня, что так как я не служу и ничего не делаю, то мне бы приехать пожить с ними, и уверяли, что я буду им уже тем полезен, что при мне будут менее притеснять их. Я убедился, что в словах их много правды, и переехал на житье в деревню. Соседи тотчас прислали поздравить с приездом, обещая каждый скоро посетить меня; но я через посланных их просил перед ними извинения, что теперь никого из них не могу принять. Меня оставили в покое, но, разумеется, смотрели на меня, как на чудака. Первым моим распоряжением было уменьшить на половину господскую запашку. Имение было на барщине, и крестьяне были далеко не в удовлетворительном положении; многие поборы, отяготительные для них и приносившие мало пользы помещику, были отменены...

Чтобы сблизиться сколько возможно с моими крестьянами, я всех их и во всякий час допускал до себя и по возможности удовлетворял их требования; скоро отучил я их кланяться мне в ноги и стоять передо мной без шапки, когда я сам был в шляпе. За проступки они не иначе наказывались, как по приговору всех домохозяев. Почва вообще в Смоленской губернии неплодотворна; при недостатке скота мои крестьяне не могли достаточно удобрять своих полей. Обыкновенные урожаи бывали очень скудны, так что собираемого хлеба едва доставало крестьянам на продовольствие и посев. Единственные их промыслы были зимою: извоз и добывание извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. С этими средствами они, конечно, не ходили по миру, но и нельзя было надеяться этими средствами улучшить их состояние, тем более, что, привыкнув терпеть нужду и не имея надежды когда-нибудь с нею расстаться, они говорили, что всей работы никогда не переробишь, и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая сил своих. Надо было придумать способ возбудить в них деятельность и поставить их в необходимость прилежно трудиться. Способ этот по тогдашним моим понятиям состоял в том, чтобы прежде всего поставить их в совершенно независимое положение от помещика, и я написал прошение к министру внутренних дел Козодавлеву, в котором изъявил желание освободить своих крестьян и изложил условия, на которых желаю освободить их. Я предоставлял в совершенное и полное владение моим крестьянам их дома, скот, лошадей и все их имущество. Усадьбы и выгоны в том самом виде, как они находились тогда, оставались принадлежностью тех же деревень. За все за это я не требовал от крестьян моих никакого возмездия. Остальную же всю землю я оставлял

за собой, предполагая половину обработывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать в наем своим крестьянам. Молодое же поколение, мне казалось, необходимо было прежде всего сколько-нибудь осмыслить и потом доставить им более верные средства добывать пропитание, нежели какие до сих пор имели отцы их. Для этого я на первый раз взял к себе 12 мальчиков и сам стал учить их грамоте с тем, чтобы после раздать их в Москве в учение разным мастерствам. Но набор мальчиков совершился не совсем с добровольного согласия крестьян; они сперва были уверены, что я беру их детей к себе в дворовые, и тем более это могло им казаться вероятным, что вся моя дворня состояла из одного человека, который был со мной в походе, и наемного отставного унтер-офицера. Скоро, однакож, отцы и матери успокоились за своих детей, видя, что они учатся грамоте, всегда веселы и ходят в синих рубашках. В это время заехал ко мне мой сосед Лимохин, чтобы переговорить об устройстве мельницы на реке, разделяющей наши владения. Не видя у меня никакой прислуги и заметя стоявших вдали мальчиков, он спросил: «Что они тут делают?» Я отвечал, что они учатся у меня грамоте. «И прекрасно,— возразил он,—поучите их петь и музыке, и вы, продавши их, выручите хорошие деньги». Такие понятия моего соседа, сами по себе отвратительные, между тогдашними помещиками были не диковинка. В нашем семействе был тогда пример. Покойный дядя мой, после которого досталось мне Жуково, был моим опекуном; при небольшом состоянии были у него разные полубарские затеи, и в том числе музыка и певчие. В то время, когда я был за границей, сблизившись в Орле с графом Каменским, сыном фельдмаршала, он ему продал 20 музыкантов из своего оркестра за 40.000; в числе этих музыкантов были два человека, принадлежавшие мне. Когда я был в 1814 году в Орле и в первый раз увиделся с Каменским, граф очень любезно сказал мне, что он мой должник, что он заплатит мне 4.000 за моих людей, и просил без замедления совершить на них купчую. Я отвечал его сиятельству, что он мне ничего не должен, потому что людей моих ни за что и никому не продам. На другой день оба они получили от меня отпускную.

Мальчики мои понемногу начали читать и писать, что очень забавляло их родителей. Желая привести в совершенную известность всю мою дачу, я каждый день с моими учениками ходил на съемку: они таскали за мной все нужные для этого принадлежности; скоро научились они таскать цепь и ставить колья по прямому направлению. Я показывал им, как наводить диоптр и насекать углы на планшете; все это их очень забавляло, и они с каждым днем становились смышленней.

Наконец, вяземский дворянский предводитель получил предписание из министерства внутренних дел потребовать от меня показание, на каких условиях я хочу сделать своих крестьян

вольными хлебопашцами, и означить, сколько передаю я земли каждому из них; потом допросить крестьян моих, согласны ли они поступить в вольные хлебопашцы на предлагаемых мною условиях; словом, поступить совершенно по учреждению для крестьян, поступающих в вольные хлебопашцы, обнародованному в 1803 году, февраля 20.[1] Из этого было очевидно, что в министерстве не обратили ни малейшего внимания на смысл моей просьбы. Оставалось только мне ехать самому в Петербург и изустно объясниться с министром, но прежде мне хотелось знать, оценят ли мои крестьяне выгоду для себя условий, на которых я предполагал освободить их. Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: «Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?» Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня.— «Ну так, батюшка, оставайся все по старому; мы ваши, а земля наша». Напрасно я старался им объяснить всю выгоду независимости, которую им доставит освобождение. Русский крестьянин не допускает возможности, чтоб у него не было хоть клока земли, которую он пахал бы для себя собственно. Надеясь, что мои крестьяне современем примирятся с условиями, на которых я предположил освободить их, в начале 1820 года, я отправился в Петербург.[2]

Иван Дмитриевич Якушкин (1793—1857) принадлежал к числу наиболее видных декабристов типа Никиты Муравьева. Он сделал любопытную попытку организовать свое помещичье хозяйство на новых буржуазных началах. Он, по его словам, «всего более занимался отысканием способа уничтожить крепостное состояние в России». Есть предположение, что мысли Якушкина об освобождени крестьян повлияли и на Никиту Муравьева. Верховный Уголовный Суд отнес его к преступникам первого разряда и приговорил к смертной казни отсечением головы; казнь была заменена 20-летней каторгой.

---

[1] Закон 20 февраля 1803 г. разрешал землевладельцам отпускать своих крепостных на волю в одиночку или целыми селениями, но не иначе, как с земельными наделами, без которых отпуск воспрещался. Условия, на которых совершался отпуск, устанавливались особым договором между крестьянами и помещиком; договор этот представлялся затем на утверждение государя. Освобожденные таким путем крестьяне получали наименование «свободных хлебопашцев».

[2] Впоследствии И. Д. Якушкин изменил свой взгляд на то, как должно происходить освобождение крестьян. «Я убедился, — пишет он,— что освобождать крестьян, не предоставив в их владение достаточного количества земли, было бы только в половину обеспечить их независимость... Благомыслящие люди или, как называли их, либералы того времени более всего желали уничтожения крепостного состояния и, при европейском своем воззрении на этот предмет, были уверены, что человек, никому не принадлежащий, уже свободен, хотя и не имеет никакой собственности. Ужасное положение пролетариев в Европе тогда еще не развилось в таком огромном размере, как теперь, и потому возникшие вопросы не тревожили даже самых образованных и благонамеренных людей». - Записки И. Д. Якушкина, М., 1905 г., стр. 36 — 37.

Крестьянский вопрос, об отношении к которому говорится в приводимой выдержке, был одним из кардинальных вопросов, занимавших декабристов. Сводка их взглядов и попытки разрешить его см. в статье В. И. Семевского в сборнике «Крестьянский строй». Спб., 1905, стр. 209 сл. — Крестьянский вопрос в обществе декабристов, и в работах М. Н. Покровского. — О самом И. Д. Якушкине см. интересные работы С. Н. Чернова: Из отчета о командировке осенью 1922 г. Саратов, 1924, и несколько справок о «Союзе Благоденствия». Саратов, 1924.

5. Из письма А. А. Бестужева Николаю I из Петропавловской крепости.

(«Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, стр. 33—44.)

... Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредит, войска служили без труда, ученые учились, чему хотели; все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастию обстоятельства до того не допустили, и надежды состарелись без исполнения. Неудачная война 1807 г. и другие многостоящие расстроили финансы; но того еще не замечали в приготовлениях к войне Отечественной. Наконец, Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова: «свобода, освобождение!» Само рассевало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона, и клик русского монарха огласил берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь,—говорили они,—а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа». Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас? Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый. Луч надежды, что государь император даст конституцию, как он то упомянул, при открытии сейма в Варшаве, и попытка некоторых генералов освободить рабов своих, еще ласкал многих. Но с 1817 г. все переменилось. Люди, видевшие худое или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячало умы. Тогда то стали говорить военные:

«Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ее цепи на себя? Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?» Уничтожение нормальных школ и гонение на просвещение заставило думать, в безнадежности, о важнейших мерах. А как ропот народа, от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей происшедший, грозил кровавою революциею, то общества вознамерились отвратить меньшим злом большее и начать свои действия при первом удобном случае. Теперь я опишу положение, в каком видели мы Россию.

Войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали, и правительство медлительными мерами или скудным пособием дало им вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другие края. Устройство непрочных дорог занимало руки трети России, а хлеб гнил на корню. Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам,[1] а угнетение дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей.[2] Запрещенье винокурения отняло во многих губерниях все средства к сбыту семян, а размножение питейных домов испортило нравственность и разорило крестьянский быт. Поселения парализировали не только умы и все промыслы тех мест, где устроились, и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки — одним словом все, они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего до того, что пустой слух, будто даются места на Аму-Дарье, влек тысячи жителей Украины, куда? — не знали сами. Целые селения снимались и бродили наугад, и многочисленные возмущения барщин ознаменовали три последние года царствования Александра.

Мещане, класс почтенный и значительный во всех других государствах, у нас ничтожен, беден, обременен повинностями, лишен средств к пропитанию. В других нациях они населяют

---

[1] О притеснениях земских чиновников можно написать книгу. Малейший распорядок свыше дает им повод к тысяче насилий и взяток. То сберут крестьян в сенокос или жатву и месяц ничего не делают. То дадут сделать и потом ломают, говоря, что это не по форме. Назначают на работу ближних в даль и наоборот, чтобы взять за увольнение несколько рублей с брата. Да и кроме того сбирают прибавочные налоги, без всякого вида, так что с души сходит втрое противу указанных податей, и проч. — Прим. Бестужева.

[2] Поведение русских дворян в этом отношении ужасно. Негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян. Продавать в розницу семьи, похитить невинность, развратить жен крестьянских — считается ни во что и делается явно. Не говорю уже о барщине и оброках, но есть изверги, которые раздают борзых щенков для выкормления грудью крестьянок! К счастью человечества такие примеры не часты, но к стыду оного они существуют. — Прим. Бестужева.

города, у нас же, как города существуют только на карте,[1] и вольность ремесл стесняют в них цехи, то кочуют как цыгане, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадок торговли отразился на них сильнее по их бедности; ибо они зависят от купцов, как мелкие торгаши, или как работники на фабриках.

Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон с 1812 г. Многие колоссальные фортуны погибли, другие расстроились. Дела с казною разорили множество купцов и подрядчиков, а с ними их клиентов и верителей, затяжкою в уплате, учетами и неправыми прижимками в приеме. Лихоимство проникло всюду. Разврат мнения дал силу потачкі вексельному уставу.[2] Злостные банкроты умножились и доверие упало. Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов и испугала других и вывела правительство наше из веры, равно у своих, как и чужеземных негоциантов. Следствием сего был еще больший упадок нашего курса (т.-е. внешнего кредита), от государственных долгов происшедший, и всеобщая жалоба, что нет наличных. Запретительная система, обогащая контрабандистов, не поднимала цены на наши изделия, и, следуя моде, все платили втридорога за так называемые конфискованные товары. Наконец, указ, чтобы мещане и мелкие торговцы или записывались в полиции, или платили бы налог, нанес бы решительный удар торговле, и удержание исполнения не удержало их от ропота. Впрочем и без того упадок торговли был столь велик, что на главных ярмонках и в портах мена и отпуск за границу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцев, особенно англичан, которые вопреки уставу[3] имеют по селам своих агентов и, скупая в первые руки сырые произведения для вывоза за границу, лишают тем мелких торговцев промысла, а государство — обращения капиталов.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбыт своих произведений, дороговизну предметов роскоши и долготою судопроизводства. Оно разделяется на три разряда: на просвещенных, из которых большая часть составляет знать; на грамотных, которые или мучат других, как судьи, или сами таскаются по тяжбам, и, наконец, на невежд, которые живут по деревням, служат церковными старостами, или уже в отставке, послужив бог знает как в полевых. Из них то мелкопоместные соста-

---

[1] Отчего города наши пустеют, решить нетрудно. Нижние инстанции не имеют решительного голоса, а тяжущиеся едут в столицу. По сей же причине лучшее дворянство уклоняется от неуваженных должностей и за крестами спешит ничего не делать в какой-нибудь министерской канцелярии. На кого же там работать ремесленнику? да и кому? Ибо дворянство наше держит доморощенных мастеровых.—Прим. Бестужева.

[2] Устраняя прежнее право на личность банкрота (contrainte par corps). — Прим. Бестужева.

[3] Им позволено только заниматься оптовою куплею, не вступаясь в мелкие сделки. — Прим. Бестужева.

вляют язву России; всегда виноватые и всегда ропщущие и желая жить не по достатку, а по претензиям своим, мучат бедных крестьян своих нещадно. Прочие разоряются на охоту, на капеллы, на столичную жизнь или от тяжб. Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяют хозяйство наемникам, которые обирают крестьян, обманывают господ и таким образом $^9/_{10}$ имений в России расстроено и в закладе. Духовенство сельское в жалком состоянии. Не имея никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьян и оттого, принужденное угождать им, впадало само в пороки, для удаления коих учреждено. Между тем, как сельское нищенствовало в неуважении, указ об одеждах жен священнических, привел в волнение и неудовольствие богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры—на скудность жалованья и непомерную строгость; матросы на черную работу, удвоенную по злоупотреблению,[1] морские офицеры на бездействие. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности; ученые на то, что им не дают учить, молодежь на препятствия в ученьи. Словом, во всех углах виделись недовольные лица; на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили, к чему это приведет? все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над вулканом, одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованной землей. Лихоимство их взошло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице под глазами блюстителей производился явный торг правосудием. Хорошо еще платить бы за дело, а то брали, водили и ничего не делали. Вашему императорскому величеству, вероятно, известны теперь сии злоупотребления, но их скрыли от покойного императора. Прибыльные места продавались по таксе и были обложены оброком. Центральность судебных мест, привлекая каждую безделицу кверху, способствовала апеляциям, справкам, пересудам, и десятки лет происходили прежде решения, т.-е. разорения обеих сторон. Одним словом в казне, в судах, в комисариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал. Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

[1] Например, в Петербургском и Кронштадтском адмиралтействах положено, в 1-м—90 лошадей для таскания бревен, во 2-м не знаю числа. Но дело в том, что ни одна лошадь не работает, а возит по гостям разных чиновников. Вместо же их запрягают несчастных матросов. Брат мой Николай, и К. Л. Торсон могут дать подробнейшее сведение о многом множестве злоупотреблений по флоту. — Прим. Бестужева.

Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797—1837)— сын отставного артиллерийского офицера, был принят в Северное Общество К. Ф. Рылеевым и сблизился с последним благодаря совместному изданию альманаха «Полярная Звезда» (с 1823 г.), в котором печатались произведения нового литературного направления романтизма. А. А. Бестужев принадлежал к правому монархическому крылу Северного Общества. Его взгляды, ярко проявившиеся в этом письме, образец полубуржуазных — полудворянских идей членов Северного Общества. Ср. Воспоминания братьев Бестужевых. Петр., 1917, и работы, посвященные А. А. Бестужеву; В. Богучарский, Из прошлого русского общества, Спб., 1904 (Семейство Бестужевых); Н. А. Котляревский, Декабристы, Спб., 1907; и, конечно, общие труды Покровского, Семевского и Довнара-Запольского.

6. Из письма П. Г. Каховского члену следственной комиссии ген.-ад. Левашеву от 24 февраля 1826 года.

(«Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, стр. 3—18.)

...Недоимки казны с каждым годом увеличиваются; причина тому ясно видима: налоги умножаются, способы же народу для приобретения умалились. Без внешней торговли скоро придем в такое положение, что ничего не в силах будем платить в казну. Денег в обороте мало; многие губернии уже несколько лет втрое более от себя выплачивают денег, чем принимают к себе,— баланс потерян.

Государство наше не мануфактурное, мы не довольствуемся одними своими изделиями; внутренней торговли у нас нет; будучи земледельческим государством и не сбывая произведения земли нашей, мы совершенно обнищали и не можем нести тяжелых повинностей. Если до сих пор уплачивали их, то какими изнурительными средствами! Сколько дворянских имений заложено в казне, верно более половины всех их. Казна, сделавшись всему откупщиком (даже самых театров!), еще более сжала возможность к приобретению способов частным лицам уплачивать повинности государства. Справедлив ли налог винный? Он не есть налог косвенный, он налог прямой, падающий на всех лиц и все состояния. За что отнято у дворян право курения вина для собственного обихода? Справедливо ли: дворянин, на своем собственном заводе, из собственного хлеба выгнав вино, должен его продать в казну по два рубля за ведро; в иных губерниях и менее, но нигде не более трех рублей. И для своего употребления должен им проданное вино покупать в казне по осьми рублей ведро. Не то ли же самое, что если бы хлеб, собранный с наших полей, превращенный в муку и нами спеченный, не позволяли нам есть, а по назначенной цене мы должны бы были продать его в казну и, уже купя у нее в четыре раза дороже той цены, за которую ей продали, тогда бы только

получали позволение им утолять наш голод? На вино делаются подряды, но господа вице-губернаторы так исправно торгуются, что подрядчикам остается одна выгода, оборот в деньгах, и употребя на завод большие суммы, невозможно его доставить, не разорясь...

Выгоды казны совершенно несогласны с выгодами народа. Для казны может быть полезна запретительная система, но для народа убийственна; ею он лишен столь необходимой ему внешней торговли. Все откупы прибыльны казне и очень видимо вредны народу. Все налоги, возлагаемые казной, ей прибыльны и иссушают источник богатства народного. Займы, казной сделанные в иностранных государствах, для нее выгодны, она не несет тягости долга; но для народа, уплачивающего оные, тяготительны. Скуп казной в портах наших звонкой иностранной монеты для нее выгоден, но отнюдь не народу. Наконец, все тарифы, таможни, гильдии, цехи полезны казне и обременительны народу. Казна все отымает у граждан, не оставляя им ничего, кроме тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, все выгоды присваивает себе и ничем не хочет поделиться. Может ли таким образом существовать правительство и могут ли под его тяжким бременем народы благоденствовать? Правительство, удерживающее власть свою страхом, а не любовью подвластных ему народов, не может быть ни сильно, ни счастливо.

Народы постигли святую истину, что не они существуют для правительства, но правительства для них должны быть устроены. И вот причина борений во всех странах: народы, почувствовав сладость просвещения и свободы, стремятся к ним; правительства же, огражденные миллионами штыков, силятся оттолкнуть народы в тьму невежества. Но тщетны их все усилия; впечатления, раз полученные, никогда не изглаживаются. Свобода, сей светоч ума, теплотвор жизни! — была всегда и везде достоянием народов, вышедших из грубого невежества. И мы не можем жить подобно предкам нашим, ни варварами, ни рабами.

Но и предки наши, менее нас просвещенные, пользовались большею свободой гражданственности. При царе Алексее Михайловиче еще существовали в важных делах государственных великие соборы, в которых участвовали различные сословия государства. В царствование его их было пять. Петром I-м, убившим в отечестве все национальное, убита и слабая свобода наша. Она сокрылась наружно и жила внутри сердец граждан добрых; медленны были успехи ее в государстве нашем. Мудрая Екатерина II-я несколько ее распространила. Ее величеством уже был задан вопрос Петербургскому Вольному Экономическому Обществу: о пользе и следствиях свободы крестьян в России. Великая благодетельная мысль обитала в сердце любимой народом государыни. И кто из русских без умиления прочтет наказ, ею данный; он один собою искупает все недостатки того времени, и веку тому свойственные.

Император Александр многое обещал нам; он, можно сказать, исполински двинул умы народа к священным правам, принадлежащим человечеству. Впоследствии он переменил свои правила и намерения; народы ужаснулись, но уже семена проросли и глубоко пустили корни. Последняя половина прошлого столетия и события нашего века столь богаты различными переворотами в правлениях, что мы не имеем нужды ссылаться в века отдаленные. Мы свидетели великих происшествий...

Вот случаи, в которых образовались умы и познали, что с царями народам делать договоров невозможно. Противно рассудку винить нации пред правительством. Правительство, не согласное с желанием народа, всегда виновно; ибо в здравом смысле закон есть воля народная. Цари не признают сей воли, считают ее буйством, народы своей вотчиной стараются разорвать самые священные связи природы. Давно ли мы, русские, не смели написать и произнести слово «отечество»; в царствование императора Павла I-го оно было запрещено, слово «государство» заменяло его, и полковник Тарасов, не ведая запрещения, упомянув в одном письме к императору, — отечество, сидел за то в крепости. Я не думаю, чтобы и самые цари во глубине сердца своего не сознавали себя виновными! От кого же зависит примириться им с народами? пусть дадут свободу законную, чтобы народы не стремились буйно к ней; кровь братий драгоценна для граждан добрых, цари могут удержать поток ее, и народы благословят их...

Во внутренних губерниях государства имения, принадлежащие богатым помещикам, пользуются довольною свободою, хотя и зависят совершенно от владельцев своих, но образованное дворянство не гнетет себе подобных, и земледельцы управляются мирскими сходками. Я был на многих из сих совещаний маленьких республик! Сердце цвело во мне, видя ум и простое убедительное красноречие доброго народа русского. О, как хорошо они понимают и обсуживают нужды свои! На сих сходках я в первый раз слышал изречение из Наказа великой Екатерины. Пусть обуянные своекорыстием враги родной страны, враги добра смеются с неправильного выговора или с неловких оборотов в обращении наших добрых землепашцев; но я без пристрастия говорю, зная народ Франции и народ России, отдаю преимущество и во нравах и в образовании нашим. Пусть кто поспорит со мной, я уличу и готов доказать правду слов на самом опыте. Не лепечут наши красноречивого вздору; но в рассуждениях ум русской ясен, гибок и тверд...

Народ, не имеющий никакой собственности, ни прав, не имеет, что терять, алчет приобретения и всегда готов к возмущению. Сия истина основана на вековых опытах и в нашем государстве бессмысленный казак Пугачев, что произвести мог?..

Петр Григорьевич Каховский (1797—1826) происходил из бедной дворянской семьи Смоленской губ.; образование он получил

в Московском университетском пансионе и затем поступил в л.-гв. Егерский полк, откуда за какую-то дерзость был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ. За отличия по службе Каховский был произведен в офицеры и в 1821 году вышел в отставку.

Каховский вместе с Рылеевым принадлежал к левой, республиканской, группе Северного Общества. По постановлению Верховного Уголовного Суда он попал в число пяти преступников, по тяжести вины, поставленных вне разряда «Умышляя на цареубийство и истребление всей императорской фамилии и быв предназначен посягнуть на жизнь ныне царствующего государя императора, не отрекся от сего избрания и даже изъявил на то согласие, хотя уверяет, что впоследствии поколебался; участвовал в распространении бунта привлечением многих членов; лично действовал в мятеже; возбуждал нижних чинов и сам нанес смертельный удар графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранил свитского офицера» — так исчислил вины Каховского Верховный Уголовный Суд. — Яркую характеристику Каховского см. в кн. П. Е. Щеголева, И. Г. Каховский. Госизд., 1921 г. — Полностью письмо Каховского к генадъют. Левашеву, равно как и его письмо Николаю I напечатаны в кн. А. Бороздина, Из писем и показаний декабристов, стр. 1—32.

7. Из записок Дм. И. Завалишина.

(«Записки декабриста» Д. И. Завалишина. Спб., 1906, стр. 86 – 87, 90.)

... Граф Мордвинов, пораженный, как он сам выразился, необычным моим знанием дела и дальновидною предусмотрительностью относительно колоний, посоветовал Российско-Американской Компании, которой он был одним из попечителей, не только воспользоваться моими идеями для устройства и развития колоний, но постарался убедить меня принять на себя и исполнение этого в качестве главного правителя колоний. Я тогда еще выразил свое убеждение, что если мы не займем Калифорнии, не сумеем развить свои силы на устье Амура и на Татарском берегу, то, так или иначе, а непременно не удержим и колонии...

Я посетил главное управление Российско-Американской Компании. Бывшие тогда директоры Прокофьев, Кусов и Северин были, как говорили они, до того поражены и восхищены точным знанием моим всех дел и нужд компании и ясным указанием истинной пользы ее, что просили меня, чтобы я смотрел на себя, как на четвертого директора, и чтобы заседал в присутствии управления, принимая участие в обсуждении всех дел. Моя главная точка зрения была та, чтобы они сумели согласить свои выгоды с общею пользою государства, и в этом отношении и начались переговоры между директорами и мною, какая часть из моих проектов и предложений могла быть осуществлена средствами компании к обоюдной выгоде, как ее, так и государства. Решено было развить земледелие в Калифорнии посредством свободной колонизации русских коренных хлебопашцев и преобразовать управление колоний. Вслед затем директоры,

получив убеждение, что успех приведения всех этих планов в исполнение вполне зависит от того, чтобы исполнителем был именно тот человек, которому принадлежат и идеи и планы, который сумел, как сказано было в докладе их, и выяснить потребности колоний, и указать на органические средства удовлетворить их в непосредственной связи их с пользою общею, обратились ко мне с просьбою, чтобы я принял на себя и исполнение всего этого предприятия, посвятив себя, по меньшей мере, на семь лет на службу в колониях: два года на устройство земледельческих колоний в Калифорнии, и потом пять лет, как главного правителя колоний. В этом смысле главное управление Российско-Американской Компании и вошло с докладом к государю через морского министра...

... Надо сказать, что проект мой, кроме занятия Калифорнии, заключал в себе занятие Амура и острова Сахалина, а если бы обстоятельства дозволили, то и Сандвичевых островов, что отчасти и было уже достигнуто правителем колоний Барановым, устроившим было и заведение на этих островах, где русские не могли удержаться только по неспособности начальника. Только в таком случае можно было надеяться на сохранение и развитие колоний и на прочное утверждение морской силы России. Известно до какой степени последующие события оправдали все, предусмотренное мною.

Отрывок из записок декабриста Д. И. Завалишина (1804—1892), флотского офицера, проделавшего кругосветное путешествие в 1823—1824 г.г., приводится с целью дать указания на те «империалистические» стремления, которые не чужды были некоторым декабристам: сравним хотя бы П. И. Пестеля и В. И. Штейнгеля. Не даром Пестель в своей «Русской Правде», основываясь на принципе «благоудобства», допускал, что сильное государство, опирающееся на народ великий, имеет неоспоримое право «присоединять к себе по благоудобству племена, не могущие пользоваться действительною народностью». Исходя из этого принципа, Пестель, при определении границ Российского государства, указывал будущему верховному временному правлению на необходимость присоединить «на вечные времена» «часть Монголии так, чтобы все течение Амура, начиная от озера Далая, принадлежало России», так как эти места «для Китая бесполезны», а для России «большие бы доставили выгоды и преимущества для ее торговли, а равно и для устроения флота на Восточном океане». «Далее же отнюдь пределов не распространять» («Русская Правда», Спб., 1906, стр. 13—18). Как видно, однако, мечты Завалишина шли гораздо дальше указанных пределов.

Д. И. Завалишин в 1824 г. представил свой проект для преобразования русско-американских колоний Александру I, который передал его на рассмотрение особого комитета, образованного под председательством Аракчеева из Шишкова, гр. Мордвинова и графа Нессельроде. К сожалению, проект не издан и детали его неизвестны, и для характеристики этого интересного момента в идеологии декабристов приходится пользоваться записками Завалишина, несмотря на их слишком специфический тон. Кроме того материалами могут служить как «Амурские» статьи Завалишина, благодаря которым он был после амнистии в 1856 г., по распоряжению гене-

рал-губернатора, выслан из Сибири (перечень этих статей см. в «Сибирской библиографии», составленной В. И. Межовым. Спб., 1891 г.), так и другие его статьи: «Воспоминания о Калифорнии» («Рус. Вестн.», 1856, кн. 11); «По поводу статей об Амуре» («Морск. Сборник», 1856, кн. 11; 1859, кн. 5—7). «Дело о колонии Росс» («Рус. Вестн.», 1866, кн. 3); «Амурское дело и влияние его на Вост. Сибирь» («Рус. Стар.», 1881, кн. 7 — 9). См. также статьи бар. Вл. И. Штейнгеля: «Заметки старика» («Северн. Пчела», 1860, № 289); «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана» («Сев. Пчела», 1861 г., № 71—72). — О самом Д. И. Завалишине, кроме его «Записок» (Спб., 1906), к которым следует относиться с большою осторожностью, см. статью Д. Языкова в его «Обзоре жизни и трудов русских писателей» в. XII (Спб., 1912), стр. 71 и сл., где приведена также и библиография; о В. И. Штейнгеле см. статью П. Щеголева в кн. «Обществ. движения в России в перв. пол. XIX в.», т. I, Спб., 1905.

8. Из показаний К. Ф. Рылеева.

(«Из писем и показаний декабристов». Ред. А. К. Бороздина. Спб., 1906, стр. 192—194.)

... В решительном совещании никогда не полагали истребить императорскую фамилию и провозгласить республику, равно и того, что если на нашей стороне будет только перевес, то чтоб послать депутацию к государю цесаревичу с просьбой царствовать с некоторыми ограничениями. Положено же было захватить императорскую фамилию и задержать оную до съезда Великого Собора, который долженствовал решить, кому царствовать и на каких условиях. Вследствие чего Трубецкой и поручал мне написать к народу от имени Сената манифест, в котором должно было изложить, что государь цесаревич и ныне царствующий государь император отказались от престола, что, после такого поступка их, Сенат почел необходимым задержать императорскую фамилию и созвать на Великий Собор народных представителей из всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства. К сему следовало присовокупить увещание, чтобы народ остался в покое, что имущества, как государственные, так и частные, остаются неприкосновенными; что для сохранения общественного устройства Сенат передал исполнительную власть Временному Правлению, в которое назначал адмирала Мордвинова и тайного советника Сперанского и проч. Сего содержания манифест был написан бароном Штейнгелем, которому я передал сие поручение, почитая его способнейшим себя для написания акта подобного рода.

13 декабря к вечеру, я действительно предлагал Каховскому убить ныне царствующего государя и говорил, что это можно исполнить на площади, но кто при том был, не помню. По утру того дня, долго обдумывая план нашего предприятия, я находил множество неудобств к счастливому окончанию оного.

Более всего спрашивал я, если ныне царствующий государь император не будет схвачен нами, думая, что в таком случае непременно последует междоусобная война. Тут пришло мне на ум, что, для избежания междоусобия, должно его принести на жертву, и эта мысль была причиною моего злодейского предложения.

Кроме вышеприведенных мнений разных членов, Якубович говорил, что надобно разбить кабаки, позволить солдатам и черни грабеж, потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу. Все это говорено им было в самых сильных выражениях и с чрезвычайным жаром, но сие предложение единодушно было отвергнуто. Других особенных мнений не помню. Повторяю, что об истреблении всей императорской фамилии и об оглашении республики я никогда не говорил. Дворец занять брался Якубович с Арбузовым, на что и изъявил свое согласие Трубецкой. Занятие же крепости и других мест должно было последовать по плану Трубецкого после задержания императорской фамилии. Других военных распоряжений я не знаю. На одном из совещаний Трубецкой назначил к себе в начальники штаба Оболенского; может быть, сей последний получил от него какие-либо поручения. Еще известно мне, что в случае неудачи положено было ретироваться на поселения. Кто это предложил, не знаю точно. О манифесте, написанном бароном Штейнгелем, я упомянул выше. О другом же, приготовленном Н. Бестужевым, я никогда не слыхал, и сколько мне известно, ему того и не поручали...

... В заключение, дабы совершенно успокоить себя, я должен сознаться, что после того, как я узнал о намерениях Якубовича и Каховского, мне самому часто приходило на ум, что для прочного введения нового порядка вещей необходимо истребление всей царствующей фамилии. Я полагал, что убиение одного императора не только не произведет никакой пользы, но, напротив, может быть пагубно для самой цели общества; что оно разделит умы, составит партии, взволнует приверженцев августейшей фамилии, и что все это совокупно неминуемо породит междоусобие и все ужасы народной революции. С истреблением же всей императорской фамилии я думал, что поневоле все партии должны будут соединиться, или, по крайней мере, их можно будет успокоить. Но сего преступного мнения, сколько могу припомнить, я никому не открывал, да и сам, наконец, обратился к прежней мысли своей, что участь царствующего дома, а равно и то, какой образ правления ввести в России, вправе только решить Великий Собор, что постоянно и старался внушать всем известным мне членам...

Кондратий Федорович Рылеев был одним из влиятельнейших членов Северного Общества, являясь главою республиканской группы этого общества. Этим влиянием он обязан своему пламенному энтузиазму и поэтическим произведениям романтического направления. Внимание членов Северного Общества Рылеев привлек к себе

стихотворением «К временщику», направленным против Аракчеева, бывшего в зените своего влияния и силы.

Из показаний Рылеева пока издана только небольшая часть, которая не дает, к сожалению, более или менее целостного материала для характеристики идеологии этого крупнейшего декабриста.

9. «Любопытный разговор» Никиты М. Муравьева.

(П. Е. Щеголев, Исторические этюды. Спб. 1913, стр. 324—327).

«Любопытный разговор» Никиты М. Муравьева, «Катехизис» Серг. Ив. Муравьева-Апостола и «Песня» К. Ф. Рылеева — единственные агитационные произведения декабристов, как известно, мало заботившихся о распространении своих идей в массах. Вместе с прокламациями, связанными с восстанием Семеновского полка (1820) они, в то же время, являются родоначальниками политической агитационной литературы, если не считать «Прелестных листов» и «Манифестов» Ст. Разина и Ем. Пугачева.

О создании агитационной литературы говорилось еще в 1823 г. на собраниях членов Северного О-ва (Пущин и Митьков). Е. П. Оболенский написал листок «об обязанностях гражданина», но, не получив одобрения, разорвал его. Несколько раньше — в 1822 г. был написан и неоконченный набросок «Любопытный разговор». «Я начал писать катехизис в вопросах и ответах, — показал Н. М. Муравьев, — который... был брошен по той причине, что я занялся единственно окончанием моего проекта конституции». «Любопытный разговор» был одобрен Рылеевым, который хотел его даже окончить, превратив в «катехизис вольного человека». «Напрасно вы не кончили, — сказал он Муравьеву, — таким сочинением удобнее всего действовать на умы народа».

Вопрос. Что есть свобода?

Ответ. Жизнь по воле.

Вопрос. Откуда проистекает свобода?

Ответ. Всякое благо от бога. Создав человека по подобию своему и определив добрым делам вечные награды, а злым — вечные муки, он даровал человеку свободу! Иначе несправедливо было бы награждать за доброе, по принуждению сделанное, или наказывать за невольное зло.

Вопрос. Все ли я свободен делать?

Ответ. Ты свободен делать все то, что не вредно другому. Это твое право.

Вопрос. А если кто будет притеснять?

Ответ. Это будет тебе насилие, противу коего ты имеешь право сопротивляться.

Вопрос. Стало быть все люди должны быть свободными?

Ответ. Без сомнения.

Вопрос. А все ли люди свободны?

Ответ. Нет. Малое число поработило большее.

Вопрос. Почему же малое число поработило большее?

Ответ. Одним пришла несправедливая мысль господствовать, а другим — подлая мысль отказаться от природных прав человеческих, дарованных самим богом.

Вопрос. Надо ли добывать свободу?

Ответ. Надобно.

Вопрос. Каким образом?

Ответ. Надлежит утверждать постоянные правила или законы, как бывало в старину на Руси.

Вопрос. Как же бывало в старину?

Ответ. Не было самодержавных государей.

Вопрос. Что значит государь самодержавный?

Ответ. Государь самодержавный или самовластный тот, который сам по себе держит землю, не признает власти рассудка, законов божеских и человеческих; сам от себя, т.-е. без причины, по прихоти своей властвует.

Вопрос. Кто же установил государей самовластных?

Ответ. Никто. Отцы наши говорили: «поищем себе князя, который бы рядил по праву, а не самовластно, своевольству и прихотям». Но государи мало-по-малу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому.

Вопрос. Не сам ли бог учредил самодержавие?

Ответ. Бог во благости своей никогда не учреждал зла.

Вопрос. Отчего же говорят: «несть бо власть, аще не от бога»?

Ответ. Злая власть не может быть от бога. «Всякое древо доброе добры плоды творит... всякое же древо, не приносящее плодов добрых, будет посечено и ввергнуто в огнь». Хищным волкам в одеждах овечьих, пророчествующим во имя господне, мы напомним слова Спасителя: «Николи же зная вас: отыдите от меня делающие беззакония».

Вопрос. Есть ли государи самодержавные в других землях?

Ответ. Нет. Везде самодержавие считают безумием, беззаконием; везде поставлены непременные правила или закон.

Вопрос. Не могут ли быть постоянные законы при самодержавии?

Ответ. Самодержавие или самовластие их не терпит; для него нужен беспорядок и всегдашние перемены.

Вопрос. Почему же самовластие не терпит законов?

Ответ. Потому что государь властен делать все, что захочет. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей ему дела мало, оттого пословица: «близ царя — близ смерти».

Вопрос. Какое было на Руси управление без самодержавия?

Ответ. Всегда были народные вечи.

Вопрос. Что значит вечи?

Ответ. Собрание народа. В каждом городе, при звуке вечевого колокола, собирался народ или выборные; они совещались об общих всем делах, предлагали требования, постано-

вляли законы, назначали, сколько где брать ратников, установляли сами с общего согласия налоги, передавали на суд свой наместников, когда сии грабили или притесняли жителей. Таковые вечи были в Киеве на Подоле, в Новгороде, во Пскове, Владимире, Суздале и Москве.

Вопрос. Почему же сии вечи прекратились и когда?

Ответ. Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покровительствовать тиранной их власти.

Вопрос. Что было причиною побед и торжества татар?

Ответ. Размножение князей дому Рюрикова, их честолюбие и распри, пагубные для отечества.

Вопрос. Почему же зло сие не кончилось с владычеством татар?

Ответ. Предания рабства и понятия восточные послужили их оружию и причинили еще более зла России. Народ, сносивший терпеливо иго Батыя, сносил таким же образом и власть князей, подражавших во всем тиранам.

10. Песня К. Ф. Рылеева.

(«Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, Спб. 1906 г., стр. 195—196.)

Время составления произведения — «песни» К. Ф. Рылеева неизвестно, но едва ли она не была самой распространенной из всех произведений декабристов. «В самый тот день, — пишет Н. А. Бестужев, — когда исполнена была над нами сентенция и нас. морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева». (Воспоминания бр. Бестужевых, П., 1917 г., стр. 29). Рылееву, как и Пушкину, приписывалось большое количество стихотворений, имевших политический характер, но Рылеев признал за свою только одну песню «Ах, тошно мне». Любопытно сравнить ее с приведенными выше письмами А. А. Бестужева и П. Г. Каховского.

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Все в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать?
Долго ль русской народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут;
И свобода
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом,
Их карманом
Стала наша мошна.
Баре земским судом
И с приходским попом
Нас морочат,
И волочат,
По дорогам да судам.
А уж правды нигде,
Не ищи мужик в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!
Там же каждая душа,
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель,
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорили нас в конец.
А под царским орлом
Ядом потчуют с вином,
И народу,
Лишь за воду,
Велят вчетверо платить.
Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой.
А до бога высоко,
Да царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

ГЛАВА III.

ЮЖНОЕ ОБЩЕСТВО ДЕКАБРИСТОВ И ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН.

1. Из показаний П. И. Пестеля.

(Н. Павлов-Сильванский, Декабрист Пестель пред Верховным Уголовным Судом. П., 1906 г., стр. 27—30.)

Я никакого лица не могу назвать, кому бы я мог именно приписать внушение мне первых вольнодумных и либеральных мыслей, и точного времени мне определить нельзя, когда они начали во мне возникать; ибо сие не вдруг сделалось, а мало-по-малу и с начала самым для самого себя неприметным образом. Но следующим образом честь имею Комитету о том доложить самою чистосердечнейшею и полнейшею откровенностью.— Когда я получил довольно основательные понятия о политических науках, тогда я пристрастился к ним. Я имел пламенное рвение и добра желал от всей души. Я видел, что благоденствие и злополучие царств и народов зависит по большей части от правительств, и сия уверенность придала мне еще более склонности к тем наукам, которые о сих предметах рассуждают и путь к оным показывают. Но я с начала занимался как сими науками, так и вообще чтением политических книг со всею кротостью и без всякого вольнодумства, с одним желанием быть когда-нибудь в свое время и в своем месте полезным слугою государю и отечеству. Продолжая таким образом заниматься, начал я потом уже рассуждать о том: соблюдены ли в устройстве российского правления правила политических наук, не касаясь, однако же, еще верховной власти, но размышляя о министерствах, местных правительствах, частных начальствах и тому подобных предметах. Я при сем находил тогда много несообразностей по моим понятиям с правилами политических наук и начал разные предметы обдумывать: какими постановлениями они могли бы быть заменены, пополнены или усовершенствованы. Обратил также мысли и внимание на положение народа, причем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества аристократии, которую я считал, так сказать, стеною, между монархом и народом стоящею и от монарха ради собственных выгод скрывающею истинное

положение народа. К сему стали в мыслях моих в протечении времени присоединяться разные другие предметы и толки, как то: преимущества разных присоединенных областей, слышанное о военных поселениях, упадок торговли, промышленности и общего богатства, несправедливость и подкупливость судов и других начальств, тягость военной службы для солдат и многие другие, тому подобные статьи, долженствовавшие по моим понятиям составлять предмет частных неудовольствий, и чрез коих всех совокупление воедино представлялось моему уму и воображению целая картина народного неблагоденствия. Тогда начал во мне возникать внутренний ропот против правительства. — Возвращение бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революциею, были при ресторации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений. Тогда начали сии причины присовокупляться к выше уже приведенным и начали во мне рождаться, почти совокупно, как конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные были очень слабы и темны. Мало-по-малу стали первые определительнее и яснее, а вторые сильнее. Чтение политических книг подкрепляло и развивало во мне все сии мнения, мысли и понятия. Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных, и сие то произвело во мне впоследствии мысль, о Временном Правлении и о его необходимости, и всегдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия. — От монархического конституционного образа мыслей был я переведен к республиканской главнейше следующими предметами и соображениями: — Сочинение Дестю де-Траси [1]

---

[1] Destut de Tracy (1754 — 1836), французский философ и экономист; по направлению сенсуалист в духе Кондильяка. Его труды: Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu, где де-Траси является сторонником либеральных идей и американской конституции, и Eléments d'idéologie (две последние части — Le traité de la volonté et de ses effets — изложение политической экономии). Декабристам больше всего был известен первый, особенно читавшийся в Южном Обществе; о знакомстве с Eléments d'idéologie есть указания, кажется, только у Н. И. Тургенева. В области политико-экономических идей Дестю де-Траси высказывал мысль, что все вещи, составляющие богатство, представляют собою труд, их создавший.

на французском языке очень сильно подействовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей сан наследствен, неминуемо кончится деспотизмом. — Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления.— Новиков [1] говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической, а потом стал его суждения себе припоминать и с ними соглашаться. — Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей. Я находил, что во Франции и Англии конституции суть одни только покрывала, никак не воспрещающие министерству в Англии и королю во Франции делать все, что они пожелают; и в сем отношении я предпочитал самодержавие таковой конституции, ибо в самодержавном правительстве, рассуждал я, неограниченность власти открыто всем видна, между тем как в конституционных монархических тоже существует неограниченность, хотя и медлительнее действует, но зато и не может так скоро худое исправить. Что же касается до обеих палат, то они существуют для одного только покрывала. — Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными. Я судил, что сии аристократии сделаются, наконец, сильнее самого монарха, как то в Англии, и что они суть главная препона государственному благоденствию и притом могут быть устранены одним республиканским образованием государства. — Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей.

Из сего изволит Комитет усмотреть, что я в сем образе мыслей укреплен был как чтением книг, так и толками о разных событиях, а также и разделением со мною сего образа мыслей

---

[1] Новиков, Мих. Ник., правитель канцелярии малорос. губернатора, родственник Н. Ив. Новикова, род. в 1777 г., член Союза Спасения, масон. Ум. ок. 1822 г.

многими сочленами общества. Все сие произвело, что я сделался в душе республиканцем и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то представляя себе живую картину всего счастия, коим бы Россия, по нашим понятиям, тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и, сказать можно, восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей, обращая при том же большое внимание на устранение и предупреждение всякого безначалия, беспорядка и междоусобия, коих я всегда показывал себя самым ревностнейшим врагом. — Объявив таким образом в самом откровенном и признательном изложении весь ход либеральных и вольнодумных моих мыслей, справедливым будет прибавить к сему, что в течение всего 1825 года стал сей образ мыслей во мне уже ослабевать, и я предметы начал видеть несколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь.

Павел Иванович Пестель (1797 — 1826) родился в семье сибирского генерал-губернатора; до 12 лет он воспитывался дома, а затем был отправлен за границу, в Дрезден. По возвращении оттуда П. И. поступил в Пажеский корпус, окончил его с отличием и был занесен на мраморную доску, которая была разбита после событий 14 декабря. С 1811 года начинается военная служба Пестеля, доставившая ему многие отличия и продолжавшаяся до самого ареста, 13 декабря 1825 года, по доносу капитана Майбороды. Пестель был арестован. С 1818 г., его служба и деятельность протекают на юге, в Тульчине. В начале 20-х годов П. И. Пестель был пожалован 3.000 десятинами земли на правом берегу Волги, но отвод земли в количестве 2.000 дес. был произведен уже после его казни его братьям.

Имя Пестеля проходит через всю историю тайных обществ этого периода: он — автор устава «Союза Спасения», он — член «Союза Благоденствия», он — глава «Южного Общества» и автор «Русской Правды». Первое место Пестелю отводят и его сотоварищи по обществу и его политические враги и лица, случайно с ним встречавшиеся. Одной из самых ярких характеристик этого замечательного человека является приводимый ниже отрывок из показаний К. Ф. Рылеева. Пестель «всех более был уважаем на счет ума и познаний политических», — показывает о нем другой декабрист, член «Южного Общества» А. П. Барятинский; «он безусловно господствовал над своими членами — пишет Боровков — обворожал их обширными, разносторонними познаниями и увлекал силою слова к преступным намерениям».

Эту силу и значение Пестеля учел и Верховный Уголовный Суд: несмотря на то, что Пестель не принимал непосредственного участия в мятеже, Суд поставил его первым среди пяти преступников вне разряда. Милость Николая I заменила четвертование повешением.

Приводимые выдержки из показаний Пестеля являются ответом на вопрос Следственной комиссии: «с которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, т.-е. от внушения других или от чтения книг и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренялись?». Видя из вопросов, что секреты тайного общества в значительной степени известны следователям, Пестель решил оставить свою первоначальную систему отрицания и уклончивых показаний и ответил признанием.

2. Из показаний К. Ф. Рылеева.

(«Из писем и показаний декабристов». Ред. А. К. Бороздина. Спб., 1906 г., стр. 177 — 178.)

При свидании с Пестелем, я имел с ним долгий разговор, продолжавшийся около двух часов. Всех предметов, о коих шла речь, я не могу припомнить. Помню только, что Пестель, вероятно желая выведать меня, в два упомянутые часа был и гражданином Северо-Американской республики, и наполеонистом, и террористом, то защитником английской конституции, то поборником испанской. Например: он соглашался со мною, что образ правления Соединенных Штатов есть самый приличный и удобный для России. Когда же я заметил, что Россия к сему образу правления еще не готова, то-есть к чисто республиканскому, Пестель стал выхвалять государственный устав Англии, приписывая оному настоящее богатство, славу и могущество сего государства. Спустя несколько времени, он согласился со мною, что устав Англии уже устарел, что теперешнее просвещение народов требует бо́льшей свободы и совершенства в управлении, что английская конституция имеет множество пороков и обольщает только слепую чернь. «Лордов, купцов, да близоруких англоманов, — подхватил Пестель, — вы совершенно правы». Потом много говорил он в похвалу испанского государственного устава, а, наконец, зашла речь и о Наполеоне. Пестель воскликнул: «Вот истинно великий человек! По моему мнению, если уж иметь над собой деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых фортун! Он отличал не знатность, а дарования!» и проч. Поняв, куда это все клонится, я сказал: «Сохрани нас бог от Наполеона! Да, впрочем, этого и опасаться нечего. В наше время даже и честолюбец, если он только благоразумен, пожелает лучше быть Вашингтоном, нежели Наполеоном». — «Разумеется, — отвечал Пестель, — я только хотел сказать что не должно опасаться честолюбивых замыслов, что если бы кто и воспользовался нашим переворотом, то ему должно быть вторым Наполеоном; и в таком случае мы все останемся не в проигрыше». После сего он спросил меня: «Скажите же, какое вы предпочитаете правление для России в теперешнее время?» Я отвечал, что мне удобнейшим для России кажется областное правление Северо-Американской республики при императоре, которого

власть не должна много превосходить власти президента Штатов. Пестель задумался и сказал: «Это счастливая мысль! Об этом надо хорошенько подумать». Причем я прибавил, что я хотя и убежден в совершенстве предлагаемого мною образа правления, но покорюсь большинству голосов членов Общества, с тем однако же, чтобы и тот устав, который будет принят обоими обществами, был представлен великому Народному Собору, как проект и чтоб его отнюдь не вводить насильно. Пестель возражал на это, что ему, напротив, кажется и справедливым и необходимым поддержать одобренный Обществом устав всеми возможными мерами, а иначе значило бы остановиться на половине дороги; что, по крайней мере, надобно стараться, дабы как можно более попало в число народных представителей членов Общества. «Это совсем другое дело! — сказал я, — безразсудно б было о том не хлопотать, ибо этим, некоторым образом, сохранится законность и свобода принятия государственного устава». После этого говорили о разделении земель. Пестель полагал, что все вообще земли, как помещичьи, так экономические и удельные, должно разделить в каждом селе и деревне на две половины, из коих одну половину разделить поровну крестьянам (с правом даже и продажи) в вечное и потомственное владение. Другую же половину земель помещичьих оставить помещикам; удельных же и экономических крестьян навсегда приписать к деревням и селам их с тем, чтобы участками из оных каждогодно наделять крестьян, смотря по требованию каждого, начиная с тех, кто требует менее. Сим последним средством предполагал он уничтожить в России нищих.[1]

3. Из „Русской Правды" П. И. Пестеля.

(П. И. Пестель, Русская правда. Наказ Временному Верховному Правлению. Спб., 1906.)

Введение.

Основные понятия.

§ 1. Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для достижения оной. — Всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели называется обществом. Побуждением к сему соединению или целью оного бывает удовлетворение общим нуждам, которые, происходя от общих и одинаковых свойств природы человека, бывают для всех людей одинаковы. Из сего следует, что члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели. Но когда они обратятся к действию или к средствам, коими цель должна быть достигнута, тогда должны возродиться между

[1] Более подробно о плане аграрных реформ Пестеля см ниже в извлечениях из его «Русской Правды».

ними сильные споры и бесконечные несогласия, потому что избрание средств не столько зависит от общих свойств природы человеческой, сколько от особенного нрава и личных качеств каждого человека в особенности.

. . . .

§ 3. Разделение государства на правительство и народ. Все здесь сказанное об обществах вообще относится равным образом и до гражданских обществ, которые будучи устроены и в порядок приведены, получают название государства. Гражданское общество, как и всякое другое, имеет свою цель и должно избирать средства для достижения оной. Цель состоит в благоденствии всего общества вообще и каждого из членов оного в особенности. В сей цели все согласны. Для достижения оной нужны средства или действия. Действия сии разделяются на общие и частные. Общим действием называется то, которое касается всего общества, а следовательно и производится от лица всего общества. Частным то, которое составляет занятие и упражнение каждого члена в особенности. Избрание средств для достижения сказанной цели и действие, сообразное с сим избранием, ведет к разделению членов гражданского общества на повелевающих и повинующихся. Действие от лица всего общества составляет обязанность первых; действие от лица частных членов предоставляется вторым. Когда гражданское общество получает название государства, тогда повелевающие получают название правительства, а повинующиеся название народа. Из сего явствует, что главные или первоначальные составные части каждого государства суть: правительство и народ.

§ 4. Взаимные отношения правительства и народа. Правительство имеет обязанность распоряжать общим действием и избирать лучшие средства для доставления в государстве благоденствия всем и каждому. А посему имеет оно право требовать от народа, чтобы оный ему повиновался. Народ-же имеет обязанность правительству повиноваться; но за то имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общественному и частному благоденствию и только бы то повелевало, что истинно к сей цели ведет, и без чего не могла бы оная быть достигнута.

. . . .

§ 9. Разделение государственного благоденствия на безопасность и благосостояние. Государственное благоденствие состоит из двух главных предметов: из безопасности и благосостояния. Отличительное и главное качество безопасности есть охранение, а благосостояния — есть приобретение. Безопасность должна быть первою целью правительства, потому что может быть достигнута посредством общего только действия соединенных сил

и волей, каковое соединение в правительстве именно и представляется, и что она ответствует первоначальной обязанности человека, состоящей в сохранении своего бытия. — Сверх того не может быть благосостояния, если не существует безопасности, а потому и служит она основанием сооружению государственного здания. Благосостояние должно быть второю целью правительства, ибо понятия об оном до такой степени различны, что приобретение его должно быть предоставлено каждому члену гражданского общества особенно, и что участие правительства в сем отношении должно быть ограничено дарованием защиты и удалением тех препятствий, которые бы могли превышать силы и способы частных людей тем более, что частные люди собственными трудами могут доставить себе благосостояние, но не могут одними частными своими силами утвердить безопасность.

§ 10. Необходимость Россию преобразовать и новые законы издать. Таковы коренные, начальные понятия, на которых основаны быть должны существование, жизнь и образование всякого благоустроенного государства: дабы оное находилось под властью и управлением законов общественных, а не прихотей личных властителей и доставляло бы возможное благоденствие всем и каждому, а не зловластвовало над всеми для выгоды единого или нескольких. — Все, что от сих правил удаляется, а тем паче оным противоречит, есть зловластие, исопровержение прав и уничижение, нарекание наносящее и гибель совершающее. Применяя сии неизменные и непреложные коренные правила к России, ясно видеть можно, что самые сии коренные правила непременно требуют изменения существующего ныне государственного порядка в России и введения на место его такого устройства, которое было бы основано на одних только точных и справедливых законах и постановлениях, не предоставляло бы ничего личному самовластию и в совершенной точности удостоверяло бы народ российский в том, что он составляет устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не может чьей либо собственностью или принадлежностью. Из сего явствуют две главные для России необходимости: первая состоит в совершенном преобразовании государственного порядка и устройства, а вторая — в издании полного нового уложения или свода законов, сохраняя при том все полезное и уничтожая все вредное.

§ 11. О необходимости Русской Правды и временного верховного правления. Сия двойная цель не может иначе с успехом быть достигнута, как посредством временного верховного правления и обнародования Русской Правды ко всеобщему сведению. Причины тому суть следующие: предполагаемый новый порядок, по обширности государства и многочисленности статей и предметов, преобразованию подле-

жащих, не может быть введен вдруг одним разом. Для сего нужно множество мер приуготовительных или переводных, которые должны постепенно в ход и действие быть приводимы, дабы государство не подверглось беспорядкам, волнениям и превращениям, которые вместо улучшения могли бы только ввергнуть оное в гибель. Все происшествия в Европе, в последнем полустолетии случившиеся, доказывают, что народы, возмечтавшие о возможности внезапных действий и отвергнувшие постепенность в ходе государственного преобразования, впали в ужаснейшие бедствия и вновь покорены игу самовластия и беззакония. Сие доказывает необходимость приступить к преобразованию государства постепенными мероприятиями. Кому может быть поручено исполнение сего важного дела, как не временному верховному правлению: прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебные свои чувства против народа русского, а представительный собор не может быть созван, ибо начала представительного верховного порядка в России еще не существуют. Но поелику Россия должна иметь залог в том, что временное верховное правление точно будет действовать для одного только блага России и для всевозможного усовершенствования положения и состояния ее по всем предметам и статьям, то необходимым оказывается издание Русской Правды в виде наказа Верховному Правлению. . .

. . . .

Глава первая.

О земельном пространстве государства.

§ 1. Право народности и право благоудобства. Определение границ государству, столь пространному и великому, какова Россия, есть дело важное. Многочисленно количество племен различных от Востока до Запада, от Юга до Севера, великому народу российскому подвластных и к его государству присоединенных. Не число их нужно умножать, не о распространении пределов помышлять, но единственно стараться о водворении благоденствия в сих обширных владениях. Не менее того, поелику от хороших границ много зависит безопасность государства, а следовательно и благоденствие оного, то и надлежит пределы обстоятельно рассмотреть и с точностью постановить. . .

. . . Для правильного и положительного установления границ надлежит непременно руководствоваться тем соображением, что право народности должно брать верх для тех народов, которые могут самостоятельною политическою независимостью пользоваться; а что право благоудобства должно брать верх над теми народами, которые сею самостоятельною политическою неза-

висимостью пользоваться не могут и непременно должны состоять под властью какого-либо сильнейшего государства...

. . . .

§ 4. Россия есть государство единое и неразделимое. Государства бывают или неразделимые или федеративные. Неразделимыми называются те, в коих все части их или области, государства составляющие, одну общую верховную власть, один образ правления, одни законы имеют и признают и в коих ни одна область не имеет права частно для себя издавать законы и постановления.

Федеративными же называются те государства, в которых области, их составляющие, хотя и признают общую над собой верховную власть и обязываются совокупно действовать во всех сношениях внешних, но при всем том право свое сохраняют законы делать и постановления издавать для собственного своего внутреннего гражданского и политического образования и устраивать свое правление по частному своему усмотрению...

Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют; жители оных различное происхождение имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому, ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытает все бедствия и весь неизъяснимый вред, нанесенный древней России удельною системою, которая так же не что иное была, как род федеративного устройства государства; и потому, если какое-нибудь другое государство может еще сомневаться во вреде федеративного устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может: она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании. А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к такому устройству государства вести бы могло.

Вследствие всего здесь сказанного объявляется Российское государство в пределах, выше обозначенных, единым и неразделимым, отвергающим при том совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства.

. . . .

Глава вторая.

О племенах, Россию населяющих.

§ 2. Законы должны быть одинаковы на целом пространстве государства. Государство должно в политическом отношении целое составлять и может таковым признано быть только тогда, когда все различные его части и члены совершенно крепкую и истинно тесную связь между собой имеют...

. . . .

§ 16. Все племена должны слиты быть в один народ. Из всего содержания главы сей явствует, что при всех мероприятиях временного верховного правления в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слиты так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские. К сей цели ведут многоразличные способы, могущие на два рода быть разделены: на средства общие и средства частные. – Средства общие состоят главнейше в том, чтобы, во-первых, на целом пространстве российского государства господствовал один только язык российский; все сношения тем самым чрезвычайно облегчатся; понятия и образ мыслей сделаются однороднее; люди, объясняющиеся на одном и том же языке, теснейшую связь между собою возымеют и однообразнее составлять будут один и тот же народ. Во-вторых, так как ныне существующее различие в названиях народов и племен, Россию населяющих, всегда составлять будет из жителей Российского государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимого совершенного в России единородства, то чтобы все сии различные имена были уничтожены и везде в общее название русских воедино слиты. — В-третьих, чтобы одни и те же законы, один и тот же образ управления по всем частям России существовали, и тем самым в политическом и гражданском отношениях вся Россия, на целом своем пространстве, являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия. — Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и законы, под коими они

живут. — Вот главные средства общие... Соединяя общие средства с частными, можно будет с полною уверенностью ожидать, что цель будет достигнута и что все различные племена, в России обретающиеся, к общей пользе совершенно обрусеют и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень благоденствия, величия и могущества.

Глава третья.

О сословиях, в России обретающихся.

§ 2. Сословия постепенности в государственных делах не образуют... Истинную постепенность в государстве образует чиноначальство, состоящее из тех чиновников, которые в службе находятся, разные должности исполняют и разными званиями друг от друга отличаются. Сие чиноначальство, будучи распределено по разным степеням общего и частного государственного правления, дает всем делам законное течение и доводит оные от их начала до совершения, а ежели нужно, то и до самой верховной власти. Кратко сказать: постепенность в государстве необходима и находится не в народных сословиях, но в государственном чиноначальстве, которое всегда может состоять совершенно от сословий независимым, ибо в чиновнике нужны способности, знания и добродетели, могущие быть найдены во всех сословиях и не составляющие принадлежности которого либо из них в особенности. Изложенное здесь понятие весьма важно и должно во всех случаях руководствовать соображениями всякого благомыслящего правительства.

§ 3. Аристократия богатств. Распределение народа на сословия, занимающиеся исключительно земледелием, изделиями или торговлею, совершенно отвергнуто политическою экономиею, доказавшею неоспоримым образом, что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли, лишь бы честен был и к законам исполнителен. Правительство должно, конечно, способствовать всеми мерами к усовершенствованию народного богатства, но споспешествование сие должно состоять в разных законодательных и вспомогательных мероприятиях относительно промышленности, а не в распределении народа по отраслям промышленности, которое, напротив того, мешает повсеместному преуспеянию народного богатства. Сверх того, надлежит еще при сем заметить, что все сословия, составляющиеся через распределение частных лиц по отраслям промышленности, самые суть безрассудные и зловредные, потому что, имея основанием своего бытия богатство, они все желания и помышления обращают единственно

на деньги; другого отличия между людьми не знают, как одни деньги; богатство ставят первейшим достоинством, превышающим все прочие, и, соделывая народ ужасно падким к корыстолюбию, производят неминуемую порчу в нравах. Известно, что исключительная любовь к деньгам граничит к скупости, а сей порок более всякого другого соделывает человека жестокосердным, почему и по всей справедливости сказать можно, что таковые сословия суть самые бесчеловечные, до чрезвычайности умножают число бедных и нищих и основывают свое влияние на народ не на общем мнении, но на золоте и серебре, посредством коих подавляют общее мнение, как хотят, и приводят народ в совершенную от себя зависимость. Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократиею, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудия для своих видов, противу коих общее мнение совершенно бессильно, и посредством коих оно приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только таковового распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать, дабы таковые сословия отдельным от массы народной составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязано их уничтожить, ежели они где либо существуют.

§ 4. Все должны быть перед законом равны. ...Гражданские общества, а следовательно и государства, составлены для возможно бо́льшего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устроением. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны, и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным. Сверх того, нарушают сии различия добрую между гражданами связь, разделяя их на несколько отделений, имеющих совсем различные виды и выгоды, а следовательно и образ мыслей. Сколь же добрая связь между гражданами важна для благоденствия государства, ясно доказано было в предыдущей главе, и точно также нарушается различием сословий, как и разнородством племен. Сословия тем еще пагубнее, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы, что для пресыщения

корысти нескольких людей жестокую оказывают несправедливость против наибольшей части народа, и что противны цели государственного существования, состоящей не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно большем благоденствии многочисленнейшего числа людей в государстве. А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны...

. . . .

§ 6. Дворянство есть то отдельное от массы народной сословие, которое свои особенные имеет преимущества, состоящие в следующих пяти предметах: 1) дворянство обладает другими людьми, как собственностью своею, называя их своими крепостными, и право имеет составлять майораты с разрешения правительства; 2) дворянство никакой подати не платит и никаких вкладов в пользу общую не вносит; 3) дворянство не подлежит телесным по суду наказаниям подобно прочим россиянам, ниже за самые ужаснейшие преступления; 4) дворянство не подлежит рекрутскому набору и всякие звания и должностные места в государстве замещает за исключением прочих россиян, и 5) дворянство называется сословием благородным, имеет гербы и присоединяет к сему различные титла. Сии пять преимуществ составляют дворянство, в отношении к коему употреблено здесь слово преимущество, а не слово право потому, что упомянутые выгоды, коими пользуется дворянство, ни на какой предшествующей обязанности не основаны, ниже для исполнения какой-либо обязанности нужными не бывают, почему и не могут правами быть признаны; тем более, что сии выгоды не только не основаны на предшествующих обязанностях, но даже напротив того от обязанностей избавляют и потому должны быть признаны преимуществами, а не правами...

Первое. Обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти, есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное, наконец, заповедной воле всевышнего, гласящего в священном писании, что люди перед ним все равны, и что одни деяния их и добродетели разницу между ими поставляют. И потому не может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся хотя один

злосовестный дворянин, чтобы не содействовал всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния в России. Но ежели бы паче всякого чаяния нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то временное верховное правление обязывается всякого такового злодея безъизъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на временное верховное правление, яко священнейшая и непременнейшая его обязанность. Позывается оно к престолу всевышнего на вечное посрамление, если не устремится всеми силами на исполнение сего веления в скорейшем времени, решительнейшими и действительнейшими мероприятиями...

. . . .

...Все пять родов преимуществ, коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство ничто иное есть, как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и само звание дворянства должно быть уничтожено: члены оного, поступая в общий состав российского гражданства, на основании общих правил, ниже сего изложенных, и долженствуя подобно всем прочим россиянам по волостям быть расписаны. Хотя, может быть, некоторые люди и будут полагать, что при уничтожении первых четырех родов дворянских преимуществ, пятый род может быть сохранен в предположении, что льстя одному только пустому самолюбию, не будет оный производить существенного вреда. Но мысль сия совершенно несправедлива: ибо всякое существование отдельного от общей массы народной сословия есть вещь пагубная по той причине, что таковое сословие не долго будет удовлетворяться одним наслаждением самолюбия. Оно верно будет скоро искать существеннейших выгод и, отделившись раз от общей массы народной, будет всегда жертвовать благом общим для пресыщения своей корысти и для овладения существеннейших преимуществ, нарушающих равенство всех перед законом, — сие первейшее, главнейшее и прочнейшее основание государственного благоденствия. Чего не делали древние козни дворянские?

А посему временное верховное правление обязывается все вышеобъясненные мероприятия привести в непременное, полное и совершенное исполнение, имея всегда в виду и во внимании, что сии мероприятия принадлежат к числу самых важнейших и необходимейших действий для утверждения благоденствия России: ибо не существует без оных равенства перед законом, а следовательно и не существует главнейшего основания правильного государственного установления. — Законы без сих мероприятий всегда пребудут орудием одного только зловластия некоторых человек над массою народною для общей пагубы целого

государства.—Довольно долго существовала возможность для некоторых угнетать всех прочих; пора теперь положить решительный конец сему гнусному и неистовому распорядку вещей.— Добрые дворяне, истинные сыны отечества, с удовольствием и радостью примут сие постановление в том убеждении, что не нужно им вышеупомянутых отдельных преимуществ, дабы общею пользоваться любовию и доверенностью, дабы посредством оных занимать разные государственные должностные места, участвовать в разных частях и отраслях правления, продолжать иметь случай и возможность оказывать отечеству услуги, личными достоинствами приобретать признательность и уважение соотчичей и, наконец, самим пользоваться всеми гражданскими выгодами и частными благами, приобретаемыми средствами праведными и никому не обидными. Они будут чувствовать, что выгоды, доставляемые дворянству наравне с прочими россиянами новым государственным порядком, сею «Русской Правдою» определяемым, несравненно обширнее и значительнее тех преимуществ, коих дворянство сим лишается, и что они, следовательно, меняют малое на большое, не говоря уже о том, что теряют постыдное, а приобретают похвальное и достойное. Что же касается дворян, закосневших в своих враждебных противу массы народной предразсудках и мыслящих, что вся Россия для них одних существует, то крепкую питать можно надежду, что таковых дворян окажется весьма мало. Однако же, ежели паче чаяния найдутся таковые недостойные сыны отечества, то противу них надлежит принять меры решительные, дабы в полной мере укротить свирепый их нрав и поставить в невозможность отечеству вредить, хотя бы к тому и нужными были действия скорой и непреклонной строгости.

§ 7. Купечество. В нынешних постановлениях о купечестве, считающемся отдельным сословием, обретаются большие несправедливости, противоречия и злоупотребления, многоразличными препонами и затруднениями гибель торговле наносящие. — Известно, что лучший способ для доставления народному богатству возможности процветать состоит в даровании свободы, обращая внимание правительства на промышленность народную с тою только целью, чтобы распространять познания и сведения, необходимые для промышленности, и вообще просвещения, и чтобы устранять препятствия, частные способы превышающие. — Из сего явствует, что свобода есть главная необходимость для народной промышленности.

Свобода же сия состоит в трех главных предметах: 1) чтобы каждый гражданин имел право и позволение заниматься тою или теми отраслями промышленности, которые он заблагорассудит избрать, лишь бы честен был и к законам исполнителен, 2) чтобы каждому дозволено было любой заниматься промышленностью не только в одних городах и назначенных местах, но равным образом и в селениях всякого рода и вообще везде,

где только пожелает, и 3) чтобы сама промышленность была освобождена елико возможно более от всяких затруднений и препятствий, производимых иногда не только худо обдуманными постановлениями, но и посторонними действиями и причинами, так, чтобы она находила в распоряжениях правительства не препоны своему преуспеванию, но напротив того защиту и содействие. Для окончательного соображения надлежит еще присоединить ко всему здесь сказанному содержание третьего параграфа сей главы, в коем объяснен весь вред, произойти долженствующий от составления особых сословий по отраслям промышленности.

Вследствие сего обязывается временное верховное правление в отношении к купечеству: 1) объявить, что купечество не будет более считаться отдельным сословием народа, а посему уничтожить гильдии и распределить всех членов сего сословия по волостям, дабы они поступили в общий состав российского гражданства; 2) так как земледелие, изделия и торговля столь многоразличные имеют связь и соотношения, что точное отделение одной отрасли промышленности от другой, образуя для каждой особенное сословие, столь же вредно, сколь и невозможно, то и распространить на всех россиян без изъятия одинаковым образом все права торговли, дозволяя во всяком месте торг и лавки заводить; 3) все старания приложить к устранению тех многочисленных препятствий и неудобств, которые ныне столь сильно торговлю затрудняют и торговцев угнетают; а вместе с тем и перебрать все тарифы, дабы они как можно более торговлю облегчили, к лучшему ее ходу способствовали и притом остальным отраслям промышленности не вредили и 4) устранить взимание податей с торгующих на общих правилах государственной финансовой системы, оставляя однако же по необходимости нынешней порядок до введения нового, о котором надлежит без промедления времени озаботиться. Соображения подробностей и приведение всего сего в надлежащий ход и действие предоставляется усмотрению и распоряжению временного верховного правления . . .

. . . .

§ —[1] Дворянские крестьяне. Весьма различно положение, в котором находятся различные дворянские крестьяне. У самых добрых господ они совершенным благоденствием пользуются; у самых злых — они в совершенном злополучии обретаются. Между сими двумя крайностями существует многочисленное количество разнообразных степеней злополучия и благосостояния. Различие сие происходит от того, что участь крепостных людей в полной мере зависит единственно от мысли

---

[1] Параграфы не отмечены, так как конец этой главы сохранился лишь в черновых набросках.

и воли их господ, и что никакого не существует определительного постановления, взаимные их отношения, обязанности и права устанавливающего и положение крестьянского состояния ясно определяющего. Сие доказывает необходимость такового постановления, дабы дурные помещики принуждены были следовать примеру добрых помещиков, и дабы положение крестьян, елико возможно, было улучшено и на твердых началах и правилах положительным образом основано.

Для составления такового постановления имеет верховное правление возложить на вышеупомянутые грамотные дворянские собрания обязанность представить ему проекты об оном и потом из всех сих проектов выбор сделать, целое составить и оный в ход и действие привести. Все же предварительные меры, нужные для составления и введения сказанного постановления, обязывается верховное правление, по своему усмотрению, неукоснительно и решительно принять, не останавливаясь никакими побочными соображениями.

Успехи общего просвещения, повсюду более и более распространяющиеся, лучшие понятия о взаимных отношениях всех членов и частей государства, дух времени, стремящийся к свободе, на законах основанной — все сие заставляет желать, чтобы рабство было совершенно в России уничтожено и чтобы полезное сословие крестьян не было забыто, особливо в то время, когда Россия стремится к установлению прочного законного порядка и всем прочим сословиям и частям улучшение положения и состояния их приобретает.

Сверх того, надобно также и о том в совести своей помышлять, что право обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей, употреблять их по своему произволу, без предварительного с ними соглашения и единственно для своей прибыли, выгоды и прихоти есть дело постыдное, противное человечеству, законам естественным, святой вере христианской и заповедной воли всевышнего творца, гласящего в священном писании, что все люди перед ним равны, и что одни деяния их и добродетели разницу полагают. Поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую произведет в государстве перемену, то не может оное иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно верховное правление потребовать проекты от грамотных дворянских собраний и по оным мероприятиям распорядить, руководствуясь следующими тремя главными правилами: 1) освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается верховное правление беспощадную строгость употреблять против всякие нарушителей спокойствия; 3) освобождение сие должно крестья-

нам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать.

. . . .

§ — Заводские крестьяне суть или дворянские или казенные. Дворянские суть люди крепостные, и потому суждение об улучшении их состояния и о постепенном даровании им вольности принадлежит к статье о дворянских крестьянах, где действие свое иметь будут грамотные дворянские собрания с окончательным решением и утверждением верховного правления. Касательно же казенных заводских крестьян, обязывается верховное правление следующие мероприятия распорядить, соображая по своему усмотрению все частные случаи и местные обстоятельства: 1) всех крестьян, на заводах работающих, заменить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разного рода, распределяя их по соображению важности преступления и тягости работы; 2) всех заводских крестьян обратить в первобытное земледельческое состояние, устраивая для сего, в случае надобности переселения и составляя из них волости на тех же основаниях, как выше сказано в статье о казенных крестьянах, к коим и их причислить. — Из политической экономии известно, что те только изделия полезны, которые заводимы быть могут без всяких насильственных или принудительных мероприятий и которые, следовательно, собственным своим избытком себя поддерживать могут. По сей причине одни вольнонаемные работники должны бы при всяких заводах быть употребляемы. Но поелику в числе заводов находятся такие, которые необходимы для блага государства, а другие, кои безрассудно бы было бросить после всех издержек, для них сделанных, то и дозволяется преступников на заводах употреблять тем более, что никакого не может быть лучшего дано предназначения людям, преступлениями потерявшим право на свободу, как занятия, к пользе государственной служащие.

. . . .

Глава четвертая.

О народе в политическом отношении.

§ 9. Разделение земельного пространства государства на части бывает двоякого рода: политическое и гражданское. Первое необходимо для лучшего устройства правления; второе образует частные собственности. — Первое остается в непременном положении, всегда одно и то же; второе подвергается частным изменениям по случаю права обладания. Для введения первого было объяснено предположение о разделении России на области, уделы, округа, уезды и волости и сказано, что

волости составляют единицы сего разделения. Теперь приступаем к рассмотрению гражданского разделения земель, которое там начинается, где политическое оканчивается, т.-е. от волостей.

О сем гражданском разделении земель много было рассуждаемо, при чем все сии рассуждения разделялись на два главные мнения. Первое мнение объясняется таким образом: человек находится на земле, только на земле может он жить, только от земли может он пропитание получать. Всевышний сотворил человеческий род на земле и землю отдал ему в достояние, дабы она его питала. Природа производит все то сама, что к пище человека служить может. Следовательно, земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц и посему не может она быть разделена между несколькими только людьми, за исключением прочих. Коль скоро существует хоть один человек, который никаким обладанием земли не пользуется, то воля всевышнего и закон природы совершенно нарушены и права естественные человека устранены насилием и зловластием. На сем соображении был основан известный поземельный закон римский, который устанавливал частое разделение земель между всеми гражданами. Второе мнение, напротив того, объясняет, что труды и работы суть источники собственности и что тот, который землю удобрял и оную способной сделал к произведению разных произрастаний, исключительное должен на ту землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то соображение, что дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые тот только сделать соглашается, который в полной своей собственности землю иметь будет; что неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию. Посему и должна вся земля быть собственностью нескольких людей, хотя бы сим правилом и было большинство людей от обладания землею исключено. Сии два мнения совершенно друг другу противоречат, между тем как каждое из них много истинного и справедливого содержит. Сие происходит от того, что оба сии мнения заключения свои до крайности доводят. А дабы ясно усмотреть можно было, в каком отношении каждое из сих мнений справедливо и в каком каждое ложно, надлежит следующими правилами руководствоваться: 1) человек может только на земле жить и только от земли пропитание получать, следовательно земля есть собственность всего рода человеческого, и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен; 2) с учреждением гражданских обществ сделались сношения между людьми многообразнее и возникло понятие о собственности. Охранение сего права собственности есть главная цель гражданского быта и священная обязанность правительства; 3) законы политические должны утверждать и обеспечивать законы духовные и естественные,

а не нарушать оных. Сии последние законы должны всегда иметь перевес перед первыми, ибо они поставлены от бога и природы и суть неизменны, между тем как политические поставлены от людей и часто переменяются; 4) наперед надобно помышлять о доставлении всем людям необходимого для жития, а потом уже о приобретении изобилия. На первое каждый человек имеет неоспоримое право, потому что он человек; на второе имеет право только тот, который сам оное приобрести успеет; 5) установив возможность для каждого человека пользоваться необходимым для его жития, не подвергая его, для приобретения оного, зависимости от других, надлежит только дать обеспечение и совершенную свободу приобретению и сохранению изобилия. Соображая сии коренные правила с вышеизъясненными двумя мнениями, можно легко приступить к изысканию средств для соглашения обоюдных их выгод и преимуществ и устранения обоюдных несправедливостей.

§ 10. Сии средства состоят в разделении земель каждой волости на две половины по угодьям. Одна половина получит наименование земли общественной, другая—земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия. Земля общественная будет удовлетворять справедливым заключениям первого общественного мнения, а земли частные — второго мнения. Сим средством будут оба мнения совершенно соглашены, все пять коренных вышеписанных правил в полной мере соблюдены, каждый в необходимом обеспечен и полная свобода к приобретению изобилия дана тем, которые в состоянии найдутся оным пользоваться. Ежели при первом взгляде покажется введение такового порядка сопряженным с большими трудностями, то надлежит только вспомнить, 1) что сие постановление может большие затруднения встретить во всяком другом государстве, но не в России, где понятия народные весьма к оному склонны и где с давних времен уже приобыкли к подобному разделению земли на две части; 2) что в предыдущей главе в статье о казенных крестьянах объяснено, каким образом сие постановление имеет быть введено не вдруг, но постепенно, в продолжении 15-летнего срока, в течение какового времени все подробности и частности с удобностью и полною основательностью усмотрены и устроены быть могут и 3) что цель сего постановления, состоя в даровании государ-

ству тех основных начал государственного и гражданского бытия, которые одни ему доставить могут утверждение истинного благоденствия всех и каждого, должна быть выполнена непременно, сколько бы то ни стоило трудов и занятий.

§ 11. Главные начала, могущие основанием служить для постановлений касательно общественных земель, суть следующие: общественная земля должна в каждой волости разделяема быть на участки. Каждый участок должен так быть велик, чтобы необходимое для житья одного тягла доставлять мог. Тяглом разумеется муж с женою и тремя детьми. Земские сии участки должны раздаваться членам волостного общества. Они участки сии получают не в полную собственность, но для того, чтобы их обрабатывать и пользоваться их произрастениями. Каждый участок отдается в обработку на один год, по истечении коего переходит оный в другие руки или опять за тем же хозяином утверждается. Земледельческий год не с 1 января по 1 января, но с окончания жатвы до окончания оной в следующем году.

Волость имеет список своим участкам и ежегодно назначает особое время для раздачи оных... Каждый член волостного общества имеет право столько требовать участков, сколько пожелает; принужден же к тому никто быть не может. Сие право распространяется равным образом на граждан, имеющих собственные свои частные земли, и на неимеющих таковых, ибо они суть все члены волостного общества. Когда требуется менее участков, нежели сколько их имеется, тогда получает каждый требователь желаемое число, а остальные участки могут отдаваться в откуп посторонним лицам. - Когда требуется более участков, нежели их имеется, тогда остаются без удовлетворения требования тех граждан, которые наибольшее число участков требуют, так что в сем случае всегда большие требования сравниваются с меньшими. При невозможности удовлетворить равным требованиям предпочитаются неимеющие частных земель в своей собственности тем, которые таковыми землями обладают; пропитывающиеся от одного земледелия — тем, которые занимаются еще и другой какой-нибудь промышленностью — одним словом предпочитается тот, который беднее. — Участки переходят из рук в руки в трех только случаях: 1) когда сам кто не пожелает далее держать участка или оный переменить захочет на свободный участок—с о б с т в е н н а я в о л я; 2) когда не может продолжать числом участков пользоваться, которое доныне имел, по причине умножившихся требований—у м н о ж е н и е т р е б о в а н и й и 3) когда приговором суда за преступление или приговором волости за гласный и доказанный разврат сего права лишен будет — с о б с т в е н н а я в и н а...

В каждой волости должен быть волостной банк учрежден, из коего бы каждый гражданин той волости мог вспомоществование получить, и к сему банку полезно присоединить страховое учреждение. Из сего банка получать будут граждане нужное

число денег на первоначальное обзаведение своего хозяйства, когда в земледельческое состояние поступать будут...

. . . .

§ 13. Когда государства так еще были малы, что все граждане на одном месте или небольшом поле собираться могли для общих совещаний о важнейших государственных делах, тогда каждый гражданин имел голос на вече и участвовал во всех совещаниях народных. Демократия существовала тогда. Сей порядок должен был измениться с увеличением государства, когда уже нельзя было всем гражданам собираться на одном месте... Демократия тогда была уничтожена...

Представительное правление решило великую задачу государственного управления и согласило невозможность собираться всем гражданам на одно место с неоспоримым правом каждого участвовать в государственных делах. – Неудивительно посему, что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению представительного порядка и к избавлению себя от нетерпимого ига аристократов и богатых. – Действие народов в сем случае есть действие оборонительное, ибо они не налагают ига на аристократов и богатых, но только себя от их ига избавить хотят. Таким образом решено, что представительный порядок непременно существовать должен и что народные представители, образуя особое правительствующее место, в состав верховной власти входить должны.

§ 14. Сей вопрос, будучи решен, возник новый вопрос, каким образом должны народные представители быть выбираемы и назначаемы? Народ не мог собираться весь на одно место для непосредственного участия в государственных делах, а следовательно точно также не может он собираться весь на одно место и для выбора своих представителей. Надобно разделить его на частные общества или на собрания избирательные, дабы каждое избирательное собрание, одного, двух или более представителей народных назначало, смотря на количество своих сочленов. Ежели разделить большое государство, какова напр. Россия, на столько избирательных собраний, сколько бы нужно было, дабы все граждане без изъятия в собрании представителей участвовали, то надобно разделить государство на такое количество избирательных собраний, что когда каждое из сих собраний своего или своих представителей назначит, то число всех народных представителей, от всех избирательных собраний назначенных, так будет велико, что не будет возможности им всем собраться на одном месте, а тем еще менее заниматься совещанием о государственных делах; из чего и выведено весьма справедливое заключение, что все граждане без изъятия не могут участвовать в избрании и назначении народных представителей; оказывается следовательно здесь то же самое затруднение в отношении к непосредственному назначению представителей всеми гражданами, каковое в предыдущих

параграфах описано в отношении к непосредственному участию всех граждан в самых совещаниях о делах государственных. Весьма бы естественно было одинаковые затруднения одинаковыми средствами отвращать, и как одно отвращено посредством представительного порядка, так точно и другое, посредством того же представительного порядка отвратить; но не так то было.

Порабощающая сила аристократов и богатых вмешалась в сие дело и превратно представила толкование, вследствие коего во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатейшим людям за исключением большинства граждан. Таким образом заменяет в тех государствах аристократия богатства аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых. Все не могут быть богатыми; малейшая часть граждан изобилием пользоваться может, а с тем вместе при таковом устройстве представительства народится в государстве отдельное от массы народной сословие богатых, о котором в сей же главе доказано, что оно есть самое пагубное и зловредное. Богатые всегда будут существовать и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества за исключением бедных. А почему и возлагается непременная обязанность на верховное правление, описанное в сем параграфе, затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословия, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам.

§ 15. Вследствие сего должны народные собрания на два рода быть разделены, из коих одним именоваться земскими, а другим наместными. Земским народным собраниям быть по одному в каждой волости, состоять из всех граждан, к той волости по гражданскому списку приписанных, и заниматься единственно выбором граждан в члены наместных народных собраний, руководствуясь одним их доверием к избираемым лицам. Наместным же народным собраниям заниматься всеми делами, народному соучастию представленными, и состоять из трех степеней таким образом, чтобы каждая волость имела свое наместное волостное собрание, каждый уезд имел бы свое наместное уездное собрание, а каждый округ или губерния — свое наместное окружное или губернское собрание. Члены каждого наместного волостного собрания должны назначаться от земского собрания своей волости; члены каждого наместного

уездного собрания должны назначаться от всех земских собраний, учрежденных в волостях того уезда. — Точно также члены каждого наместного окружного или губернского собрания должны назначаться от всех земских собраний, учрежденных в волостях того округа или губернии. Таким образом, будет каждое земское собрание назначать всех членов в свое наместное волостное собрание и по нескольку членов в свое наместное уездное и в свое наместное окружное или губернское собрание. Само собою разумеется, что каждое земское собрание будет менее членов назначать в свое окружное или губернское наместное собрание, нежели в свое наместное уездное собрание. — Особенный закон определит пропорцию числа членов от каждой волости в уездное и окружное наместные собрания, долженствующие быть назначенными. Волостные же наместные собрания имеют состоять от 100 до 200 членов. Из сего явствует, что все наместные собрания как волостные, так и уездные и окружные или губернские будут состоять из членов, назначенных в оные прямо и непосредственно от земских собраний, чем самым и будут все члены всех наместных собраний во всей точности и в полной мере самим народом избираемы.

. . . .

Глава пятая. О народе в гражданском отношении.

... § 7. Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества. В сем духе определяются следующие два правила: 1) ежели кто собственности своей лишен быть должен для блага общего, то надлежит к тому приступить не иначе как, когда полномерное существует убеждение в том, что благо общее неминуемо того требует и не может иначе быть достигнуто; но и в сем случае должно всегда последовать наперед предварительное полное возмездие; 2) конфискация имуществ в пользу казны никогда существовать не должна...

. . . .

§ 10. Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия. Вследствие сего постановляются следующие неизменные правила: 1) Никто из граждан не должен свободы быть лишен и под стражу посажен иначе, как законным образом и законным порядком. Всякое действие, сему противное, наводит строжай-

шую ответственность на нарушителей. 2) Одно только полицейское ведомство имеет право граждан брать под стражу. Все же прочие ведомства, равно как и частные граждане, должны обращаться к полиции с требованиями своими и объявлениями причин. Если же крайность случая их заставит не ожидать прибытия полиции, то должны немедленно взятого под стражу полиции представить и ей вручить под опасением строжайшей ответственности. 3) Военная сила может полиции содействовать, когда будет то от полиции требовано, но ежели сама кого под стражу возьмет, в отсутствии полиции, то немедленно того в ней представить обязана. Что же касается до военно-служащих, то само собою разумеется, что за воинские преступления подлежат они военному суду и от военного начальства зависят. 4) Полиция имеет право всякого гражданина взять под стражу, хоть он частный человек, хоть он гражданский чиновник, хоть военный, с тем только, чтобы сие было законным образом исполнено. 5) В дом гражданина никто войти не может без его согласия; в случае же обязанности взять его под стражу должна полиция предъявить ему письменное предписание от волостного правления или вышнего местного начальства об отводе его под стражу с объявлением причин. 6) На улице и вообще вне частного дома может каждый гражданин под стражу быть взят и без письменного предписания, но о причинах сего с ним поступка должно быть ему письменно во всяком случае объявлено, прежде истечения 24 часов; в противном случае должен он быть немедленно освобожден. 7) Никто не должен быть содержим под стражею в иных местах, как в стражных домах, от правительства назначенных и всем гражданам таковыми известных, и не иначе быть в оных с ним поступаемо, как законным образом, под опасением строжайшей ответственности. 8) Содержащийся под стражею может всегда на поруки быть отдан, разве вышнее начальство иначе прикажет; но в сем случае должна быть ему засвидетельствованная копия с сего предписания выдана. 9) Содержащийся под стражею может принимать посещения от кого пожелает, и происходить может сие или без полицейского свидетеля или при таковом, смотря на предписание начальства, которое в самых важнейших только случаях в таковых посещениях вовсе отказать может, с письменным объявлением о причинах. 10) Никто не может быть судим иным порядком, как обыкновенным законным судебным, и в том именно месте, которое законом определено и назначено. Посему никогда не должны никакие чрезвычайные судебные комиссии или чрезвычайные суды быть учреждаемы, ниже в каком бы то ни было случае законный судебный порядок быть для каких бы то ни было причин нарушаем. 11) Никто не может быть судим иначе, как по точным словам закона и притом по законам, существовавшим прежде преступления, в коем он обвиняется, и не иначе быть

обвинен, как когда его преступление совершенно доказано. 12) Волостное правление и наместное собрание имеют право заступаться за членов своих волостей, ежели где-нибудь сии правила в отношении к ним были нарушены, и представлять о том вышнему начальству, обязанному непременно таковое ходатайство рассмотреть и по содержанию оного полное следствие произвести и удовлетворение сделать. Устроение всех подробностей сего распорядка представляется усмотрению верховного правления, обязанного оный таким образом учредить, чтобы всякое самоволие решительно было устранено.

Работа над «Русской Правдой» была начата П. И. Пестелем задолго до событий 1825 года. Уже в 1822 году основные начала были доложены автором членам Управы и после довольно продолжительных обсуждений, через год, были приняты. Многолетний труд все же не был доведен до конца, чему помешала, вероятно, обширность поставленной автором задачи: «Русская Правда», по определению Пестеля, должна была явиться, как верховная всероссийская грамота, определяющая все перемены, в государстве последовать имеющие, все предметы и статьи, уничтожению и ниспровержению подлежащие, и, наконец, коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка и составлении нового государственного уложения.

... «Русская Правда» есть наказ или наставление временному верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может».

По мысли П. И. Пестеля «Русская Правда» должна была заключать в себе всего десять глав: первая — о границах государства и разделении его на области; вторая — о жителях и средствах, «коими можно слить все различные оттенки в один общий состав»; третья — о сословиях и мерах, при помощи которых можно слить все сословия «в одно общее сословие гражданское»; четвертая — «о политическом или общественном состоянии народа»; пятая — «о гражданском или частном состоянии народа»; шестая — о «верховной власти»; седьмая — «об образовании правительственных мест и начальств в волостях, уездах, округах и областях» и об учреждении министров; восьмая — «о частях правления, устраивающих государственную безопасность»; девятая — «о частях правления, заведывающих общественным благосостоянием»; десятая — «о наказе для составления общего государственного свода законов или уложения». Из этих десяти глав дошедшая до нас редакция дает только пять в более или менее готовом виде; остальные сохранились лишь в набросках.

Самая рукопись едва не погибла: зарытая в земле товарищами Пестеля по Обществу, она была затем выкопана по указанию одного из арестованных и доставлена в Петербург.

Подробно о «Русской Правде», кроме названных выше общих сочинений, см. также статью Б. Сыромятникова — «Политическая доктрина «Наказа» П. И. Пестеля» (Сборник статей в честь В. О. Ключевского, стр. 679—718); указанные выше работы Н. П. Павлова-Сильванского и предисловие П. Е. Щеголева к его изданию «Русской Правды» (Пет., 1906).

4. Из записок И. И. Горбачевского.

(Записки декабриста И. И. Горбачевского, М., 1916, стр. 17—21, 34 — 36, 52 — 55.)

...Общество (Соединенных славян) имело главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений. Вникая в основания благоденствия частного человека, мы убеждаемся, что они бывают физические, нравственные и умственные; посему гражданское общество, как целое, составленное из единиц, необходимо зиждется на тех же началах и для достижения возможного благосостояния требует промышленности, отвращающей бедность и нищету, нравственности, исправляющей бурные наклонности, смягчающей страсти и внушающей человеколюбие, и, наконец, — просвещения, вернейшего сподвижника в борьбе противу зол, неразлучных с существованием, которое делает умнее и искуснее во всех предприятиях. Развертывать, распространять сии три основные начала общественного блага поставлялось в первую и неизменную обязанность «славянина». Он должен был, по возможности, истреблять предразсудки и порочные наклонности, изглаживать различие сословий и искоренять нетерпимость верований, собственным примером побуждать к воздержанию и трудолюбию, стремиться к умственному и нравственному усовершенствованию и поощрять к сему делу других, всеми способами помогать бедным, но не быть расточительным; не делать людей богатыми, но научать их, каким образом, посредством труда и бережливости, без вреда для себя и других, пользоваться оными. Убеждение в сих правилах заставляло «славян» выводить следующие заключения: никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации: посему прежде всего должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным. Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются. «Славяне», убежденные в том, что надежды их не могут так скоро исполниться, как они того желали, не хотели терять времени в пустых и невоз-

можных усилиях, но вознамерились делать все, что зависит от них и ведет, хотя медленно, к предпринятой цели. В исполнение сего намерения они положили определить некоторую часть общественной суммы на выкуп крепостных людей, стараться заводить или споспешествовать заведению небольших сельских и деревенских училищ; внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и таким образом — возбудить в них желание изменить унизительное состояние рабства и пр.

Не взирая однакож на сии постепенные и кроткие меры, Славянский Союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия «славяне» ожидали исполнения своих желаний; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далее», долженствовали служить руководством их будущего поведения.

Сей слабый очерк достаточно показывает, что дух Славянского Общества во многом отличался от духа Южного Общества и что даже, в некоторых отношениях, они были друг другу совершенно противоположны. Но к соединению двух обществ не столько содействовало сходство их характеров, сколько нетерпение и желание скорейшего достижения цели. Мы обязаны сказать, не упрекая никого, что большинство «славян» еще худо понимало правила и средства своего союза и порывом своим увлекло тех немногих, которые были вполне проникнуты оными. Сии последние видели невозможность бороться с представителями сильного русского общества, обещавшего немедленно освобождение России, и с прискорбием приняли на себя труд оного. Боязнь повредить благу отечества, показать себя малодушными или себялюбивыми заставила их утешаться надеждою, что после переворота мысль Славянского Союза воспрянет и с новою силою заставит трудиться для освобождения всех славянских народов.

. . . .

Бестужев-Рюмин [1]. . . . в своей речи доказывал пользу соединения двух обществ, сильно говорил о необходимости переворота в России и красноречиво убеждал в несомненном успехе оного. По окончании чтения он объявил собранию о полученном им от (Петра Ив.) Борисова бумагах, которые он взялся доставить Верховной Думе, восхищался намерением и целью Славянского Общества, но постепенное стремление и отдален-

[1] На совещаниях в м. Лещино.

ность цели ему не нравились. Сделать народ участником переворота казалось ему весьма опасным.

«Наша революция, — сказал он, — будет подобна революции испанской (1823); она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа; Москва и Петербург с нетерпением ожидают восстания войск. Наша конституция утвердит навсегда свободу и благоденствие народа. Будущего 1826 г. в августе месяце император будет смотреть 3-й корпус, и в это время решится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиран падет под нашими ударами; мы поднимем знамя свободы и пойдем в Москву, провозглашая конституцию».

— «Но какие меры приняты Верховною Думою для введения предположенной конституции, — спросил его (Петр Ив.) Борисов, — кто и каким образом будет управлять Россией до совершенного образования нового конституционного правления? Вы еще ничего не сказали об этом».

— «До тех пор, пока конституция не примет надлежащей силы, — отвечал Бестужев, — временное правление будет заниматься внешними и внутренними делами государства, а это может продолжаться десять лет».

— «По вашим словам, — возразил (П. И.) Борисов, — для избежания кровопролития и удержания порядка, народ будет вовсе устранен от участия в перевороте; революция будет совершенно военная, одни военные люди произведут и утвердят ее. Кто же назначит членов временного правления? Ужели одни военные люди примут в этом участие? По какому праву, с чьего согласия и одобрения будет оно управлять 10 лет целою Россиею? Что составит его силу, и какие ограждения представите в том, что один из членов вашего правления, избранный воинством и поддерживаемый штыками, не похитит самовластия?»

Вопросы Борисова произвели страшное действие на Бестужева-Рюмина; негодование изобразилось во всех чертах его лица.

— «Как можете вы меня об этом спрашивать? — вскричал он с сверкающими глазами. — Мы, которые убьем некоторым образом законного государя, потерпим ли власть похитителей? Никогда! Никогда!»

— «Это правда, — сказал Борисов с притворным хладнокровием и с улыбкою сомнения; — но Юлий Цезарь был убит среди Рима, пораженного его величием и славою, а над убийцами, над пламенными патриотами восторжествовал малодушный Октавий, юноша 18 лет».

. . . .

Постараемся теперь означить, сколько возможно, отличительные черты каждого из обществ: сие сближение яснее покажет составные части и характер оных.

Члены Южного Общества действовали, большею частью, в кругу высшего сословия людей: богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием

для вступления в общество; они думали произвести переворот одною военною силою, без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом и обещаниями, а последних — или теми же средствами, или деньгами и угрозами. Сверх того, так как члены Южного Общества были, большею частью, люди зрелого возраста, занимавшие довольно значущие места, имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе, и тем более препятствовала иметь доверенность в сношениях по обществу с лицами, стоящими ниже их в гражданской иерархии. «Славяне», напротив, в действиях своих руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали от своего сочлена, ни мало не взирая на светские его отношения, старания стремиться к собственному усовершенствованию, презрения к предразсудкам и твердого и обдуманного желания полного во всем преобразования. Они были проникнуты обширностью своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание — ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире. Славяне, все без исключения, люди молодые, пылкие, доверчивые и решительные, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностью их души, жаждущей овладеть желаемым. Равенство и даже подчиненность в стремлении к общему делу не могли устрашить тех, которые еще не вкусили яда власти. Однако, несмотря на разномыслие в средствах и образе действий, сии люди соединились и поклялись, жертвуя всем, достигнуть цели. Сближение сие, конечно, изменило несколько характер Васильковской Управы, но не могло вполне пробудить ее от бездействия. «Славяне» же, укрепленные новыми силами, начали еще с бо́льшим рвением действовать на своих подчиненных. Плодом их действия было восстание Черниговского полка. Сила обстоятельств заставила, может быть, начать его ранее нежели следовало, и надолго удалила Россию от того благоденствия, которое ей обещало сие благородное усилие людей истинно благомыслящих...

5. Правило Соединенных Славян. («Катехизис»).

(М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов. М., 1906 г., стр. 142—144.)

1. Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего оружия. Друзья тебе помогут, оружие тебя защитит.

2. Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь.

3. Каждый почтет тебя великим, когда гордости и избытку ты искать не будешь.

4. Простота, трезвость и скромность, сии блюстительницы, сохранят твое спокойствие.

5. Не желай более того, что имеешь, и будешь независимым.

6. Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим, и удовольствия с любовью водворятся в доме твоем.

7. Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма и будешь иметь истинное уважение от друзей твоих.

8. Невежество с детьми своими гордостью, суетностью и фанатизмом да будет твоим злым духом Вельзевулом.

9. Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи других народов, пользоваться же только истинно хорошими обязан.

10. Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся, и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека.

11. Будешь добродетельным и добродетель целой жизни соплетет венец спокойствия для твоей совести.

12. Употребишь даже свое оружие, если того нужда будет требовать на защиту невинности, и от несправедливости и мщения не погибнешь, ибо друзья твои защищать тебя будут.

13. Будешь помогать своим разсудком и своим оружием друзьям твоим, ибо и они также помогать тебе будут.

14. Будешь таким, и гордость тирании своею суетностью падет перед тобою на колена.

15. Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота — Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в средине оных воздвигнешь город и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь; оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги тобою начертанной совращаться не будет.

16. В портах твоих, славянин, будут цвести торговля и морская сила, а в городе посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет.

17. Желаешь иметь сия, соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя. Желаешь все то иметь, будешь жертвовать 10 частью твоих доходов годовых и будешь обитать в сердцах друзей твоих.

6. Клятвенное обещание.

(М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов, М., 1906 г., стр. 145—146.)

Вступая в число Соединенных Славян для избавления себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь, что для меня есть божеством, и от чего я ожидаю исполнения всех моих желаний. Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели и соблюдать глубочайшее молчание. Самый ад со всеми своими ужасами не вынудит меня указать моим тиранам моих друзей и их намерения. Клянусь, что уста мои тогда только откроют название сего союза пред человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оного. Клянусь до последней капли крови, до последнего вздоха вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты. Особенная деятельность будет первою моею добродетелью, а взаимная любовь и пособие — святым моим долгом. Клянусь, что ничто в мире тронуть меня не будет в состоянии. С мечом в руках достигну цели, нами назначенной. Пройдя тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян. Если же нарушу сию клятву, то пусть угрызение совести будет первою местью гнусного клятвопреступления; пусть сие оружие обратится острием в сердце мое и наполнит оное адскими мучениями; пусть минута жизни моей вредная — для друзей — будет последнею; пусть от сей гибельной минуты, когда я забуду свои обещания, существование мое превратится в цепь неслыханных бед; пусть увижу все, любезное моему сердцу, издыхающим от сего оружия в ужасных мучениях и оружие сие, достигая меня преступного, пусть покроет меня руками и, собрав на главу мое целое бремя физического и морального зла, выдавит на челе печать юродливого сына всей природы.

Общество Соединенных Славян, наиболее демократическое из трех главных декабристских обществ, было основано в 1823 г. братьями Борисовыми, Юл. Люблинским и И. И. Горбачевским с целью объединения славянских племен в «федеративный союз, подобно греческому, но гораздо его совершеннее». Оба Борисовы, Андрей Иванович (1798 — 30 сент. 1854 г.) и Петр Иванович (1800 — 30 сент. 1854 г.), как и большинство членов этого общества (список их приведен в книге Довнар-Запольского, «Тайное Общество декабристов», стр. 141) происходили из мелкопоместного дворянства: отец Борисовых—отставной майор, мелкопоместный или совершенно безземельный дворянин, добывавший средства к жизни архитекторской работой у богатых помещиков; Юл. Каз. Люблинский — бедный шляхтич; И. И. Горбачевский — сын мелкого чиновника.

В противоположность членам Северного и Южного Общества, занимавшим видные места в военном и гражданском управлении, «славяне» были, по большей части, скромными прапорщиками или подпоручиками. К сожалению, показания «славян» до сих пор не изданы. Наиболее подробную историю их дает Довнар-Запольский («Тайное Общество декабристов». М., 1906); к нему следует присоединить довольно поверхностную статью Н. Коробко в «Современнике» 1911, № 5 (Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян) и несколько страниц в известной книге В. И. Семевского. Кроме показаний участников, главным источником для характеристики идеологии Общества являются записки И. И. Горбачевского (М., 1916), из которых и приведены помещенные здесь отрывки. Следует только заметить, что воспоминания Горбачевского, написанные в ссылке, несколько идеализируют общество.

Из показаний Андр. Ив. Борисова видно, что первоначально Общество было образовано 13 мая 1817 г. «Видя разные несправедливости и угнетения в империи, — рассказывает он, — и имея воспаленное воображение насчет любви к отечеству, я вознамерился составить тайное общество, с той целью, чтобы требовать по усилению оного от государя положительных законов, коим бы он сам был подвластен. Первое общество составил я под названием «Друзей Природы», объявив целью оного усовершенствование нравственности и очищения религии от предразсудков». Петр Ив. Борисов, однако, выгораживая своего старшего брата, год основания первоначального общества отнес к 1818 г., когда Андр. Ив. был в отсутствии. «Целью сего общества, — говорит он, — сначала были одни правила Пифагоровой секты: усовершенствование себя в науках, художествах и добродетели, любовь и дружба... Оно было названо — Общество «Первого согласия». Потом мы присоединили к прежней цели усовершенствование нравственности в очищении религии от предразсудков; наконец, я убедил Волкова и моего брата присоединить к этой цели основание известной республики философа Плотина и согласил их принять имя «Друзей Природы», написал большую часть правил, клятвенное обещание и устав сего общества». Новый элемент — идея панславизма — был внесен Юл. Каз. Люблинским (род. окт. 1795 — 26 августа 1873 г.), с которым Борисовы познакомились в 1820 г. Познакомившись с идеями общества, Люблинский отнесся к ним с некоторою насмешкою и указал, «что лучше будет искоренить ненависть... через соединение отраслей славянских посредством катехизиса или правил». Наконец, со вступлением в общество И. И. Горбачевского (1800 — 1869), человека трезвого, с рационалистическим образом мысли, первоначальный фантастический элемент программы теряется, и она приобретает устойчивый конкретный политический характер, каковой мы и находим в его записках. От прежнего остались следы масонства, форма присяги на оружии и т. п. внешности. Катехизис, составленный Борисовым и «клятвенное обещание» приводятся ниже.

Самостоятельно общество соединенных славян просуществовало недолго. «Открытое» М. П. Бестужевым-Рюминым и С. И. Муравьевым-Апостолом, при посредстве первого, не без сопротивления со стороны Борисова, после совещаний в м. Лещино, оно присоединилось в сентябре 1825 г. к Южному Обществу, о чем подробно рассказывается в указанных книгах Горбачевского и Довнара-Запольского. О дальнейшей судьбе «славян» и в частности о трагической кончине Борисовых — см. в статье Коробко.

7. Катехизис и воззвание С. И. Муравьева-Апостола.

(«Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина. Спб., 1906 г., стр. 85—88.)

Православный катехизис.

Во имя отца, и сына, и святого духа.

Вопрос. Для чего бог создал человека?

Ответ. Для того, чтобы он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос. Что значит веровать в бога?

Ответ. Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое Евангелие. Веровать в бога значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

Вопрос. Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ. Без свободы нет счастия. Святый апостол Павел говорит: «ценою крови куплены есте, не будете рабы человеком».

Вопрос. Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ. От того, что цари похитили у них свободу.

Вопрос. Стало быть, цари поступают вопреки воли божией?

Ответ. Да, конечно. Бог наш рек: «болий в вас да будет вам слуга», а цари тиранят только народ.

Вопрос. Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воли божией?

Ответ. Нет! Христос сказал: «не можете богу работати и мамоне»; от того-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос. Что ж святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: «да будет всем един царь на небеси и на земли — Иисус Христос».

Вопрос. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ. Ничто! Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос. Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ. Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: «блажени алчущие

и жаждущие правды, яко те насытятся», и, низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

Вопрос. Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос. Стало быть, бог не любит царей?

Ответ. Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий узнать суд божий о царях, книги царств главу 8-ю: «собрашася мужи израилевы и придоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны»; и бысть лукав глагол сей пред очима Самуиловыма, и помолися Самуил ко господу и рече господь к Самуилу: «послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко не тебе уничижиша, но мене уничижиша, яже не царствовати ми над ними, но возвестиши им правду цареву». И рече Самуил сия словеса господня к людям просящим от него царя, и глагола им: «сие будет правда царева, сыны ваша возмет, дщери ваша возмет и земли ваша одесятствует, и вы будете ему рабы и возопиете в день он от лица царя вашего, его же избрасте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя»... и так избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

Вопрос. Стало, и присяга царям богопротивна?

Ответ. Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его: «не призывая всуе имени господня». Господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: «аз же глаголю вам, не клянитеся всяко», и так всякая присяга человеку противна богу, яко надлежащая ему единому.

Вопрос. От чего упоминают о царях в церквах?

Ответ. От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: «молящие не меньше глаголят, якоже язычники».

Вопрос. Что же, наконец, подобает делать христолюбивому российскому воинству?

Ответ. Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

А кто отстанет, тот, яко Иуда предатель, будет анафема проклят. Аминь.

Воззвание.

Бог умилосердился над Россиею, послав смерть тирану нашему. Христос рек: «не будьте рабами человеков, яко искуплены кровью моею». Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страданья наши тронули всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасенье. Братья! раскаемся в долгом раболепствии нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли Иисус Христос!

Все бедствия русского народа проистекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертию тирана бог ознаменовывает волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна. Но как истинные сыны церкви, не покусимся ни на какие злодеяния и, без распрей междуусобных, установим правление народное, основанное на законе божием, гласящем: «да первый из вас послужит вам».

Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет. — И так, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умоляет всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего. Служители алтарей, доныне оставленные в нищете и презрении злочестивым тираном нашим, молят бога о нас, восстановляющих во всем блеске храмы господни.

Серг. Ив. Муравьев-Апостол (1796 — 1826) — видный участник Союза Спасения, Союза Благоденствия и, впоследствии, Южного Общ-ва. Переведенный после восстания Семеновского полка (1820) в Черниговский пехотный полк, он, вместе с М. П. Бестужевым-Рюминым, 31 декабря 1825 г. встал во главе восстания на Юге. По словам А-дра М. Муравьева, начатый его братом Никитою, «Любопытный разговор» был окончен С. И. Муравьевым-Апостолом. Известие это верно лишь в том смысле, что рукопись «разговора» в марте 1822 г. была ему доставлена, но написан «православный катехизис» был самостоятельно, вместе с М. П. Бестужевым-Рюминым. Закончен «катехизис» был, вероятно, в ночь с 30 по 31 декабря 1825 г., в ночь, предшествовавшую восстанию, и тогда же был переписан в 14 — 15 экз. 31 декабря, в торжественной обстановке, перед выступлением в поход восставших «катехизис» был прочтен солдатам в Василькове священником Д. Кейзером; несколько же экземпляров его были посланы в Киев с солдатами для распространения.

РОССИЯ В XVI ВЕКЕ
ЗЕМЛИ ОПРИЧНИНЫ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СМУТНОЕ ВРЕМЯ
(1611 ÷ 1612 г.г.)

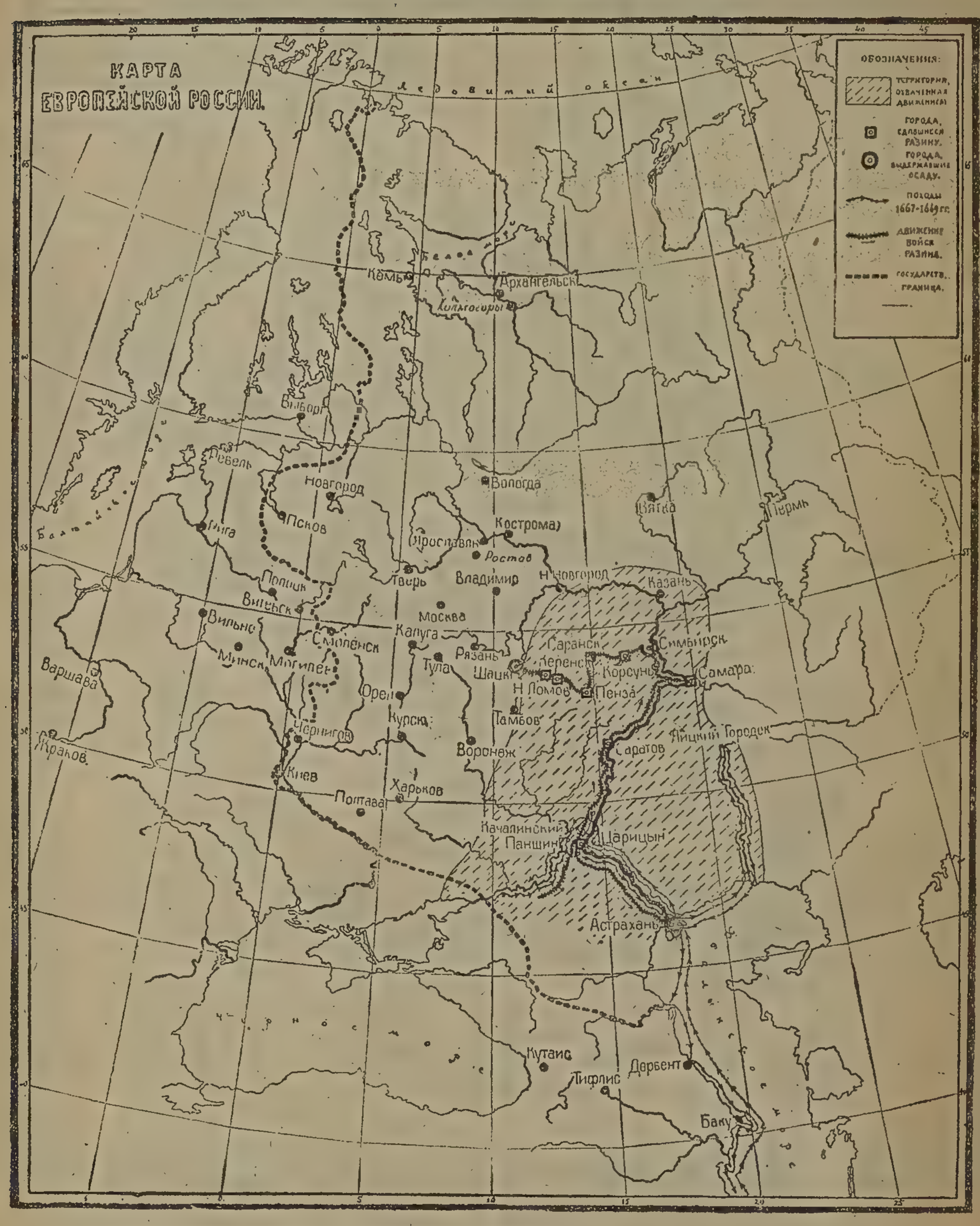
Платонов. Кризис Смутного времени.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЦЕНТРЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII ВЕКЕ.

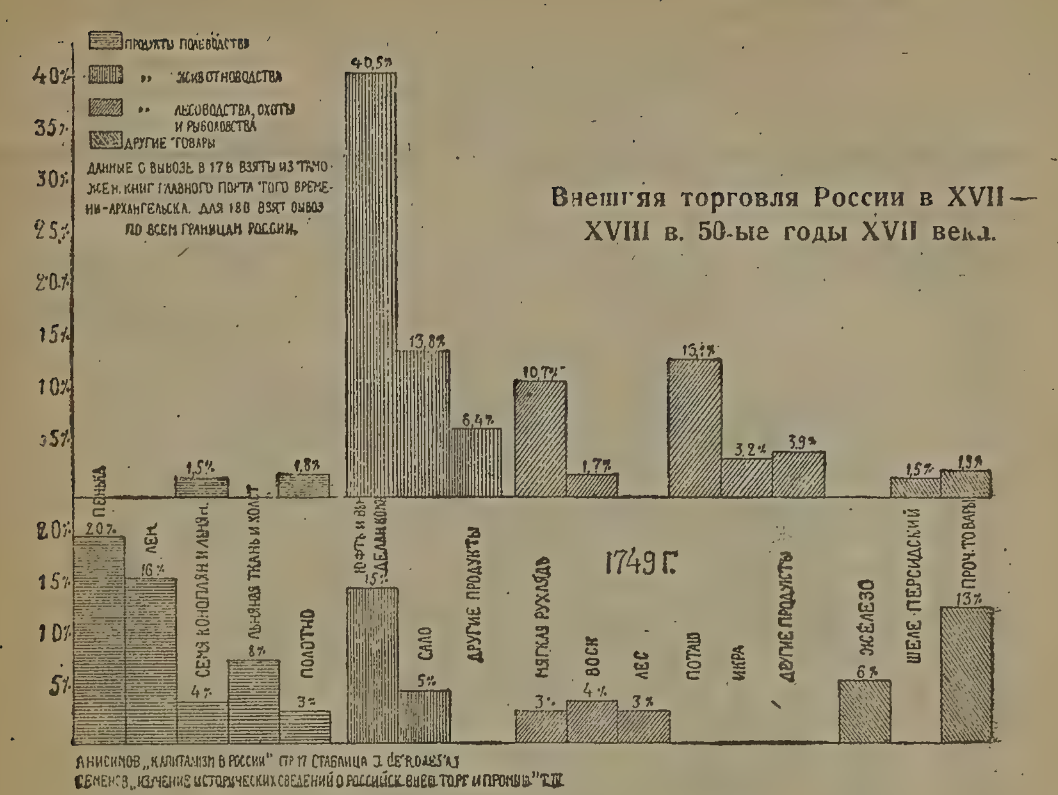
Сташевский, Пятины Московского государства.

РАЗИНОВЩИНА.

По материалам Попова и работам Тхоржевского и Фирсова.

Приложение V.

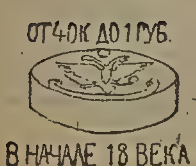

Приложение VI.

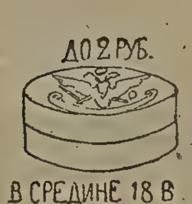
ОБРОК В XVIII И XIX В.В.

(НА ОДНУ РЕВИЗСКУЮ ДУШУ)

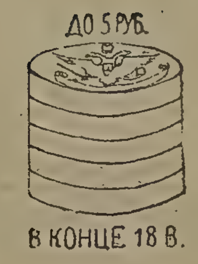
АНИСИМОВ В. П. „КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ" СТР. 139.

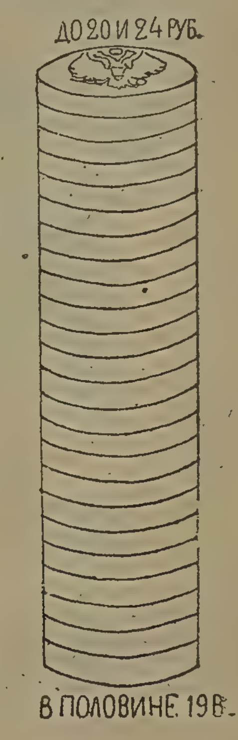
В НАЧАЛЕ 18 ВЕКА

В СРЕДИНЕ 18 В.

В КОНЦЕ 18 В.

В ПОЛОВИНЕ 19 В.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

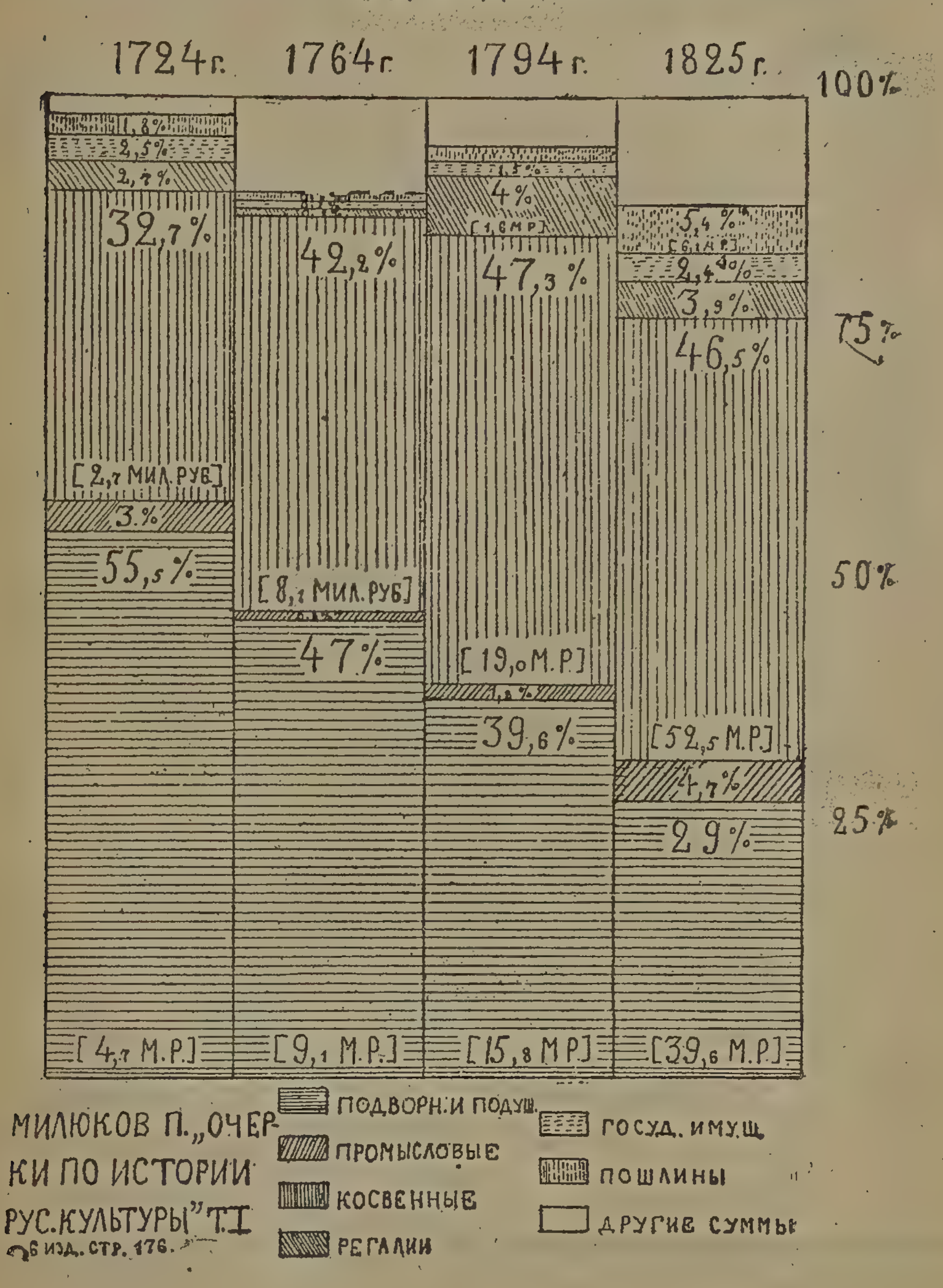
БАРЩИНЫ и ОБРОКА

в конце XVIII в.

Большаков и Рожков, Хрестоматия по истории хозяйства России.

ГЛАВНЫЕ СТАТЬИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ И ДОХОДОВ.

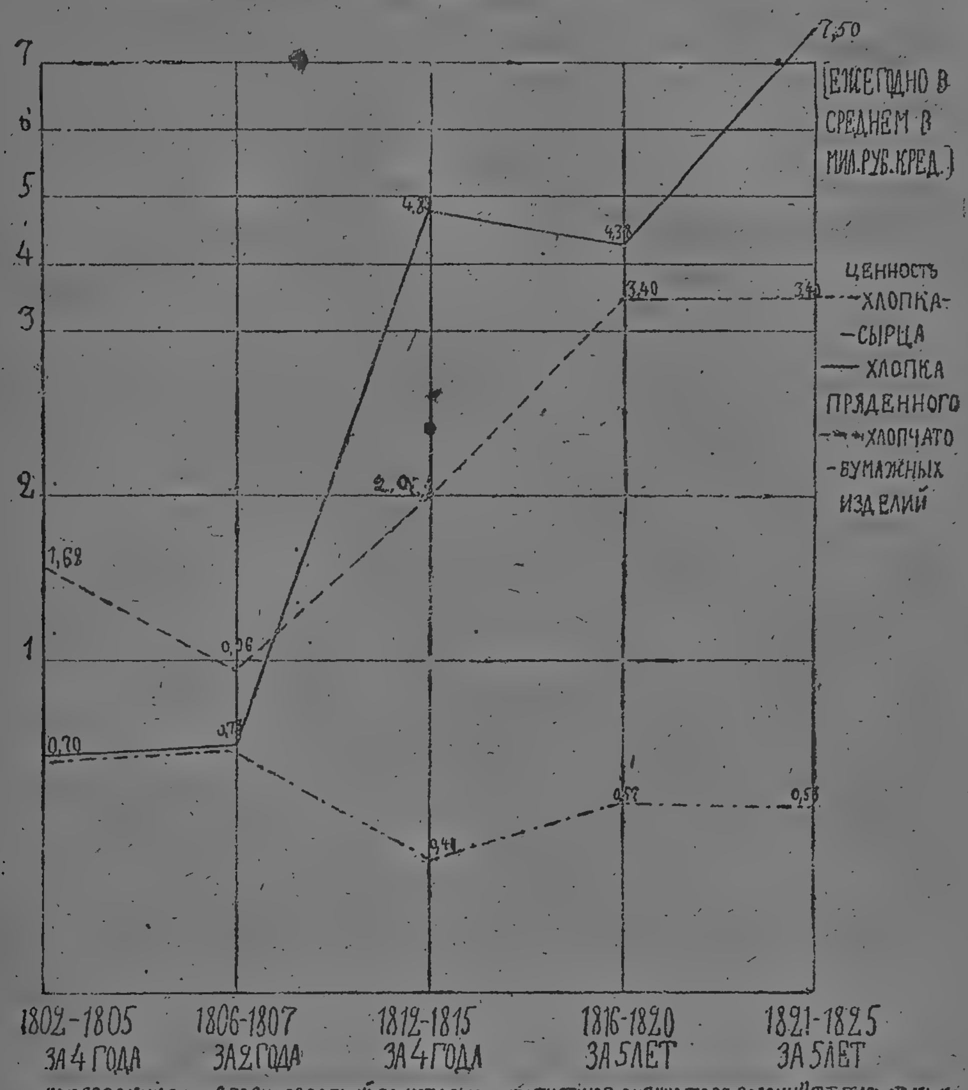

ПУГАЧЕВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

По данным Дубровина и Пушкина.

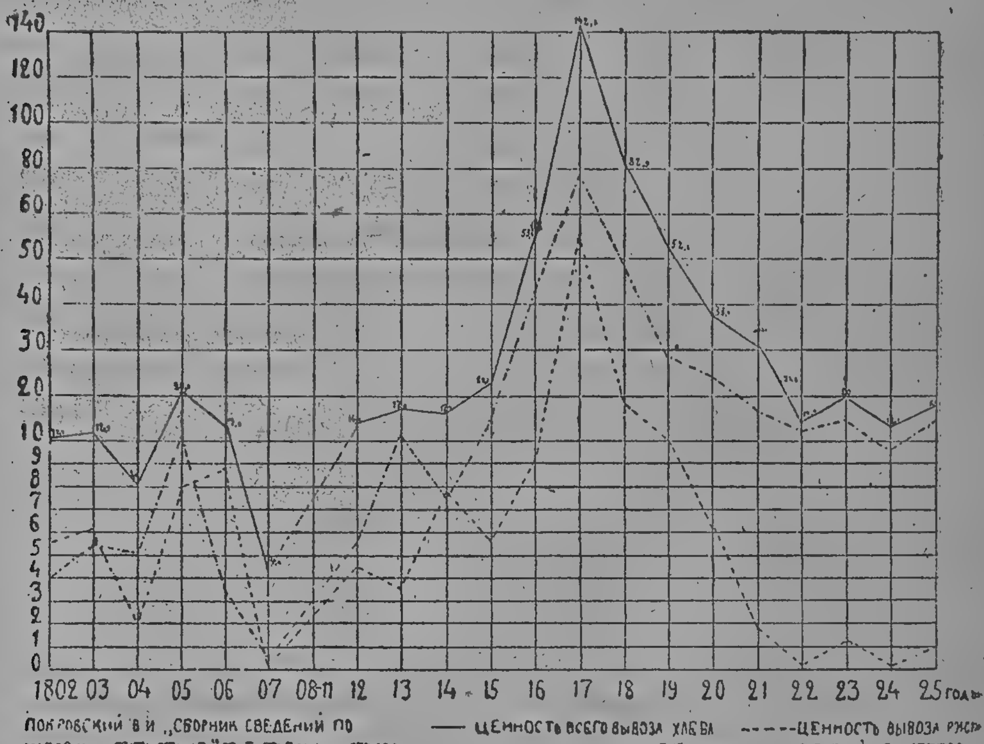
ВВОЗ ХЛОПКА И ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫХ ИЗДЕЛИЙ.

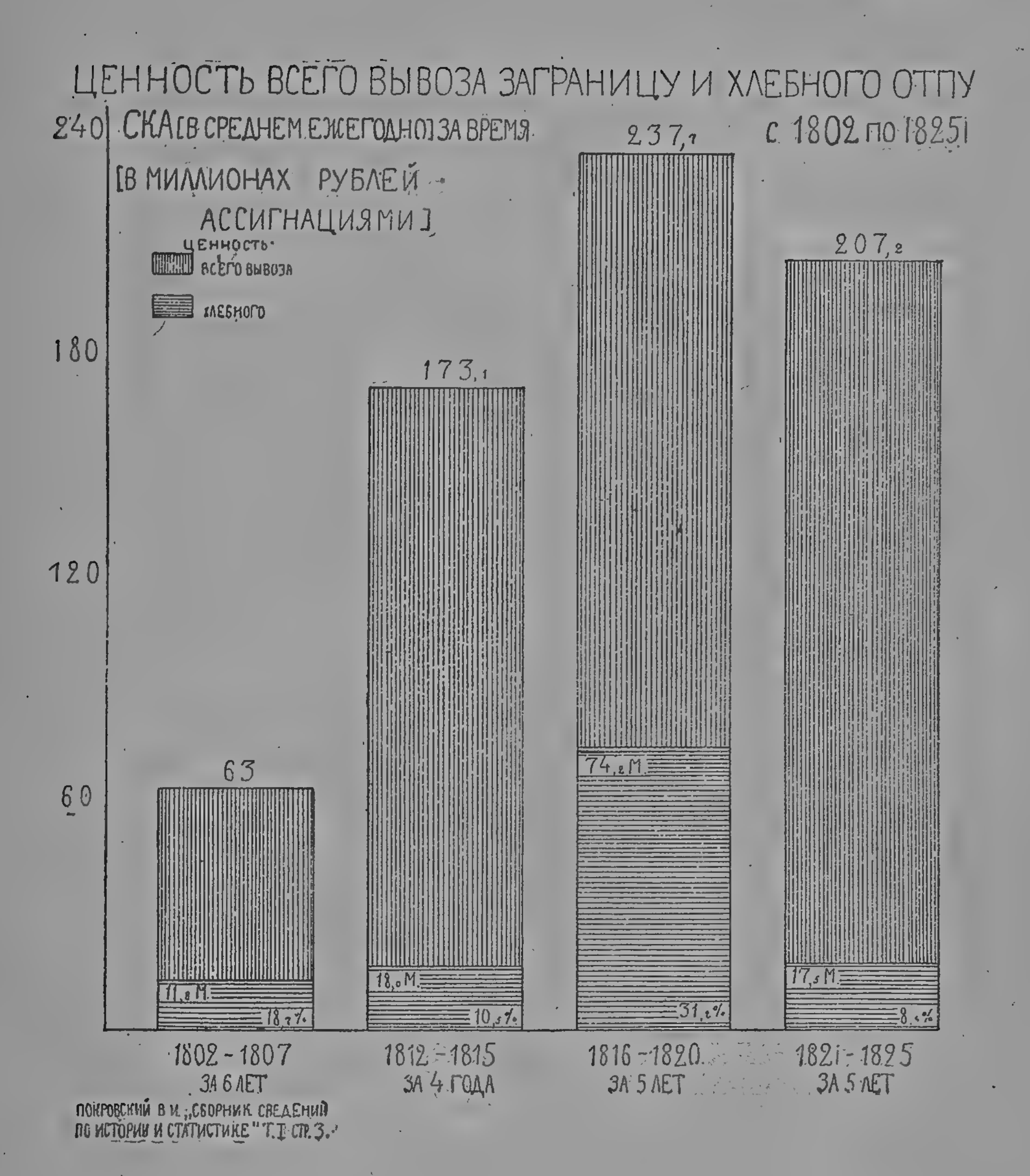

ПОКРОВСКИЙ В.И. „СБОРН. СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ И СТАТИСТИКЕ ВНЕШН. ТОРГ. РОССИИ" Т. I. ТАБЛ. СТР. 134-136.

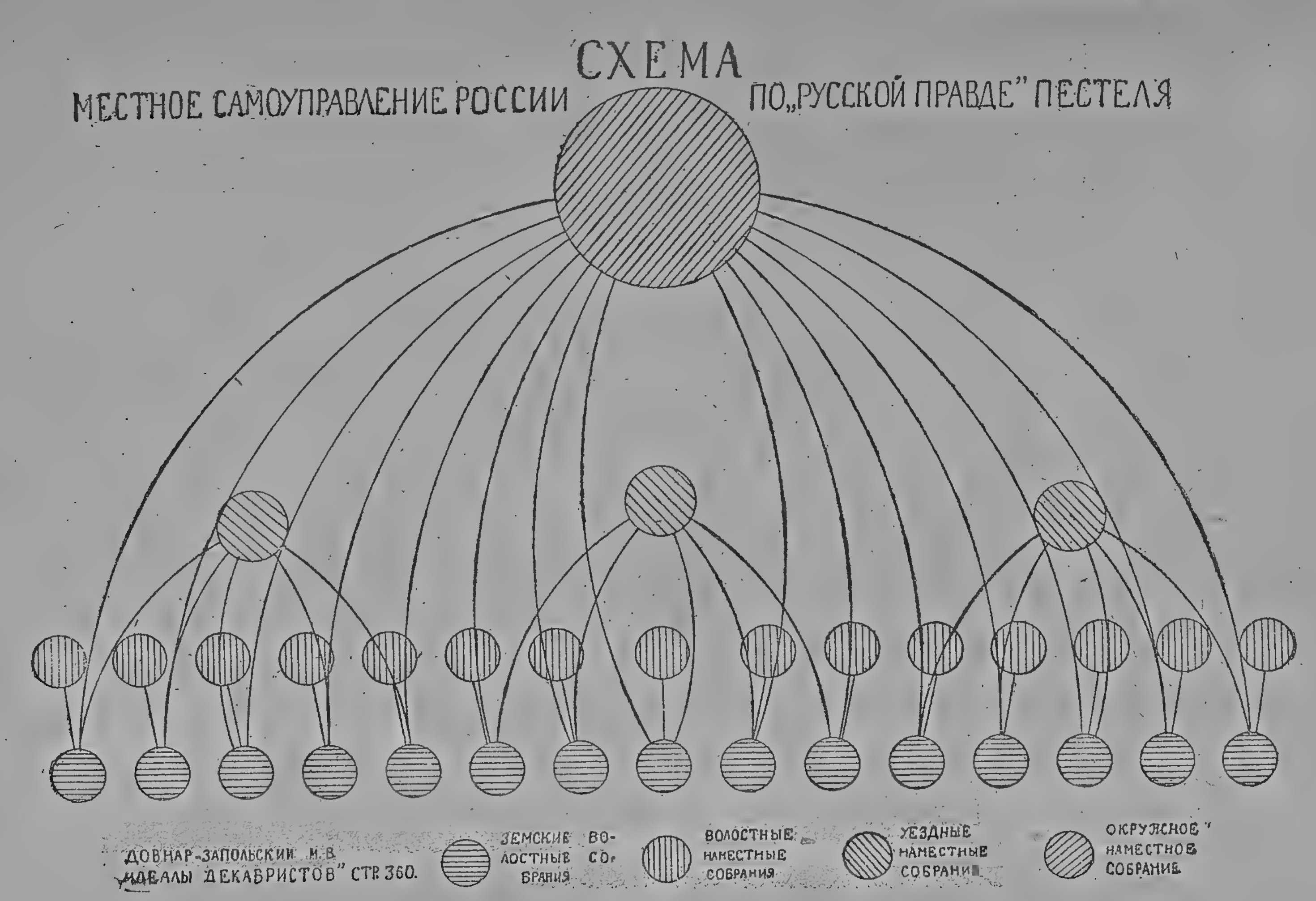
ВЫВОЗ ХЛЕБА ЗАГРАНИЦУ С 1802 ПО 1825 Г.

[В МИЛЛИОНАХ РУБЛЕЙ АССИГНАЦИЯМИ]

ЦЕННОСТЬ ВСЕГО ВЫВОЗА ЗАГРАНИЦУ И ХЛЕБНОГО ОТПУСКА [В СРЕДНЕМ ЕЖЕГОДНО] ЗА ВРЕМЯ С 1802 ПО 1825 г.
[В МИЛЛИОНАХ РУБЛЕЙ АССИГНАЦИЯМИ]
ЦЕННОСТЬ ВСЕГО ВЫВОЗА
ХЛЕБНОГО
240
180
120
60
63
11,8 М.
18,7%
173,1
18,0 М.
10,5%
237,7
74,2 М.
31,2%
207,2
17,5 М.
8,4%
1802 - 1807 ЗА 6 ЛЕТ
1812 - 1815 ЗА 4 ГОДА
1816 - 1820 ЗА 5 ЛЕТ
1821 - 1825 ЗА 5 ЛЕТ
ПОКРОВСКИЙ В. Н. „СБОРНИК СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ И СТАТИСТИКЕ" Т. I СТР. 3.

Приложение XIII.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

*

Стран.

ЧАСТЬ II.

Новый феодализм.

Стран.

Стран.

Стран.

ЧАСТЬ III.

Пугачевщина.

Стран.

Стран.

ЧАСТЬ IV.

Буржуазно-дворянский радикализм начала XIX века.

(«Декабристы»).

Стран.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Диаграммы:

